ISSN 1609–9672

И З В Е С Т И Я

Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины

№ 2 (155)

Социально-экономические и общественные науки

2026

Гомельский государственный университет
имени Ф. Скорины
ИЗВЕСТИЯ

Журнал зарегистрирован в Министерстве
информации Республики Беларусь
(свидетельство о регистрации
№ 546 от 06.07.2009 года)

Журнал включен ВАК Республики Беларусь
в перечень научных изданий Республики Беларусь,
в которых публикуются результаты
диссертационных исследований
(приказы № 207 от 13.12.2005, № 9 от 15.01.2010,
№ 57 от 16.05.2013)

Журнал включен в библиографические базы данных
ВИНИТИ, Научную электронную библиотеку
eLIBRARY.RU и банк данных Национального
центра правовой информации
Республики Беларусь

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор С.А. ХАХОМОВ,
д-р физ.-мат. наук, доцент
Зам. главн. редактора Д.Л. КОВАЛЕНКО,
канд. физ.-мат. наук, доцент
Зам. главн. редактора А.Р. МИРОТИН,
д-р физ.-мат. наук, профессор
Зам. главн. редактора Г.Г. ГОНЧАРЕНКО,
д-р биол. наук, профессор, член-корр. НАН Беларуси

Члены редакционной коллегии:

Ф.В. Кадол, д-р пед. наук, проф.
В.Н. Калмыков, д-р филос. наук, проф.
В.И. Коваль, д-р филол. наук, проф.
И.В. Семченко, д-р физ.-мат. наук, проф.,
член-корр. НАН Беларуси
В.С. Смородин, д-р тех. наук, проф.
В.М. Хомич, д-р юрид. наук, проф.
О.Г. Шляхтова, ответственный секретарь

Члены редакционной коллегии по социально-экономическим и общественным наукам:

С.Н. Лебедева, д-р экон. наук, проф.
Г.И. Нарскин, д-р пед. наук, проф.
Р.М. Нижегородцев (Россия), д-р экон. наук, проф.
В.Г. Никитушкин (Россия), д-р пед. наук, проф.
В.Г. Ротань (Россия), д-р юрид. наук, проф.
М. Шеневуа (Франция), д-р наук, проф. права

АДРЕС РЕДАКЦИИ:
246028, Беларусь, Гомель, ул. Советская, 104,
Телефоны: +375 (232) 51-03-21
E-mail: vesti@gsu.by
Интернет-адрес: http://vesti.gsu.by

Francisk Skorina Gomel State University
PROCEEDINGS

The Journal is registered in the Ministry of Information of
Republic of Belarus
(registration certificate
number 546 dated 06.07.2009)

The Journal is included in the Republic of Belarus Higher Attestation Commission list of scientific publications of the Republic of Belarus, which publish the main results for the degree of Doctor (Candidate) of Sciences (Order number 207 dated 13.12.2005, number 9 dated 15.01.2010, number 57 dated 16.05.2013)

The journal is included in the bibliographic Databases of the All-Russia Institute of Scientific and Technical Information (VINITI), Scientific Electronic Library eLIBRARY.RU and Database of the National Center of Legal Information of the Republic of Belarus

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief S.A. KHAKHOMOV,
Sc. D., Docent of Physics
Deputy editor-in-chief D.L. KOVALENKO,
PhD, Associate Professor
Deputy editor-in-chief A.R. MIROTIN,
Sc. D., Professor
Deputy editor-in-chief G.G. GONCHARENKO,
Sc. D., Professor, Corresponding Member NASB

Members of editorial board:

F. V. Kadol, Sc. D., Professor
V.N. Kalmykov, Sc. D., Professor
V.I. Koval, Sc. D., Professor
I.V. Semchenko, Sc. D., Professor,
Corresponding Member NASB
V.S. Smorodin, Sc. D., Professor
V.M. Homich, Sc. D., Professor
O.G. Shlyahtova, executive secretary

**Members of editorial board
for the socio-economic and social sciences**

S.N. Lebedeva, Sc. D., Professor
G.I. Narskin, Sc. D., Professor
R.M. Nizhegorodtsev (Russia), Sc. D., Professor
V.G. Nikitushkin (Russia), Sc. D., Professor
V.G. Rotan (Russia), Sc. D., Professor
M. Shenevua (France), Sc. D., Professor

EDITORIAL OFFICE ADDRESS:
246028, Belarus, Gomel, Sovetskaya Str., 104,
Tel: +375 (232) 51-03-21
E-mail: vesti@gsu.by
Site: http://vesti.gsu.by

© Учреждение образования «Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины», 2026
© Educational Establishment «Francisk Skorina Gomel State University», 2026

Учреждение образования
«Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины»

ИЗВЕСТИЯ

Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины

НАУЧНЫЙ И ПРОИЗВОДСТВЕННО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Издается с 1999 г.
Выходит 6 раз в год

• 2026, № 2 (155) •
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ:
ПЕДАГОГИКА • ПРАВО • ЭКОНОМИКА

СОДЕРЖАНИЕ

Педагогика

Акулич Ю.Е. *Использование грамматико-переводного метода при обучении коммуникативной грамматике* 5
Бейзеров В.А. *Интернационализация образования: от конкуренции к сотрудничеству* .. 10
Бейзеров В.А., Ху Шуньчэнь. *Современные подходы к преподаванию иностранных языков в учреждениях высшего образования КНР* 15
Бут-Гусаим Н.А., Завалей И.В. *Комплексная оценка потенциала молодых легкоатлетов: современные методы и возможности их применения на этапе первичного отбора* 19
Гапанович-Кайдалов Н.В., Гапанович-Кайдалова Е.В. *Самооценка развития soft skills студентами и слушателями переподготовки социономического профиля* 24
Ковалевич М.С., Леонюк Н.А. *Игровая деятельность в детских садах Брестчины* 31
Самойлова В.А. *Педагогические условия цифрового сопровождения студентов с расстройствами аутистического спектра в системе высшего образования Республики Беларусь* 36
Севдалев С.В. *Структура процесса индивидуализации спортивной подготовки квалифицированных спортсменок в современном пятиборье* 42
Старченко В.Н., Молчанова П.В. *Средства формирования основ двигательного мышления у учащихся I ступени общего среднего образования для подготовительной части урока физической культуры и здоровья* 48
Шатюк Т.Г., Слесарева А.С. *Психолого-педагогические основы развития самоответственности и проактивности в сфере здоровья у студентов* 55
Шепёлкина Е.П. *Когнитивный и материальный аспекты содержания обучения студентов-лингвистов компьютерно-опосредованному письменному общению* 61

Право

Бань А.А. *Административная ответственность в области охраны окружающей среды в Республике Казахстан, Российской Федерации и Республике Беларусь: сравнительный аспект* 68
Белякова А.В. *Проблемы и направления развития уголовно-правового контроля за преступлениями, связанными с домашним насилием* 74
Борисёнок О.С. *Становление и развитие института государственной регистрации недвижимого имущества, прав на него и сделок с ним* 80

Дмитриева А.Д. *Малозначительность как основание освобождения от административной ответственности* 87
Климашин А.Г. *Скриншоты и другие электронные файлы как средство доказывания*. 93
Ковальчук К.Ю. *Концептуализация понятия и видов незаконной миграции* 97
Кузьменкова Т.Н. *Информационная безопасность личности в системе национальной безопасности государства: теоретико-правовой аспект* 103
Набатова А.Э., Дроздов А.С. *«Цифровой рейтинг»: настоящее или будущее цифрового следа белоруса* 109
Петлицкий С.В. *Актуальные вопросы организационно-правового обеспечения криминалистической регистрации в оперативно-розыскной деятельности* 114
Шевко Н.М. *Правовая основа партнерства между Республикой Беларусь и Китайской Народной Республикой в транспортной сфере: состояние и перспективы*..... 119

ЭКОНОМИКА

Балабанович О.А. *Структурная динамика и макроэкономическая устойчивость экономики Республики Беларусь* 125
Баранов А.М., Сюй Бэнь. *Шеринг-экономика как новая парадигма распределения ресурсов: модель развития и этапы эволюции в Китае* 132
Гиткович Л.А. *Система корпоративного управления в акционерных формах хозяйствования: концептуальные аспекты* 139
Киреенко Н.В., Балабанович О.А. *Эволюция теорий экономического роста и их применение к анализу белорусской экономики* 144
Крицкая Н.В. *Параметры человеческого капитала и рынка труда как индикаторы смены фаз экономического цикла* 151
Орлова А.В. *Тенденции в поддержке интернационализации женского предпринимательства* 157
Соколов А.В., Гораева Т.Ю. *Высокие технологии в современном мире: значение и актуальные тенденции развития* 164
Соркин С.В. *Оценка конкурентоспособности молочной продукции Республики Беларусь на внешних рынках* 170

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

Чжан Янь, Кошман Е.Е. *Образовательная интеграция культуры Хуэйчжоу в области искусства и дизайна: модель соединения традиций и инноваций*..... 176

Francisk Skorina Gomel State University

PROCEEDINGS

of Francisk Skorina Gomel State University

SCIENTIFIC, PRODUCTION AND PRACTICAL JOURNAL

Published since 1999
Released bimonthly

• 2026, № 2 (155) •
SOCIO-ECONOMIC AND SOCIAL SCIENCES:
PEDAGOGICS • LAW •ECONOMICS

CONTENTS

PEDAGOGICS

Akulich Yu.E. *Using the grammar-translation method in teaching communicative grammar*... 5
Beizerov V.A. *Internationalization of education: from competition to cooperation*..... 10
Beizerov V.A., Hu Shuncheng. *Modern approaches to teaching foreign languages in higher education institutions of the PRC* 15
But-Husaim N.A., Zavaley I.V. *Comprehensive assessment of the potential of young track and field athletes: modern methods and application possibilities at the stage of primary selection*..... 19
Gapanovich-Kaidalov N.V., Gapanovich-Kaidalova E.V. *Self-assessment of soft skills development by students and retraining participants of socionomic profile*..... 24
Kovalevich M.S., Leoniuk N.A. *Play activities in kindergartens of the Brest region* 31
Samoilova V.A. *Pedagogical conditions for digital support for students with autism spectrum disorders in the higher education system of the Republic of Belarus* 36
Sevdalev S.V. *The structure of the process of individualization of sports training for qualified female athletes in modern pentathlon* 42
Starchanka U.M., Malchanava P.V. *The means of forming the foundations of motor thinking among students of the first stage of general secondary education for the preparatory part of the physical culture and health lesson* 48
Shatiuk T.G., Slesareva A.S. *Psychological and pedagogical foundations for developing self-responsibility and proactivity in the health domain among university students* 55
Shepelkina E.P. *Cognitive and material aspects of the content of teaching computer-mediated written communication to linguistics students*..... 61

LAW

Ban A.A. *Administrative responsibility in the field of environmental protection in the Republic of Kazakhstan, the Russian Federation and the Republic of Belarus: a comparative aspect*..... 68
Belyakova A.V. *Problems and directions for the development of criminal-legal control over crimes related to domestic violence* 74
Borisenok O.S. *The formation and development of the institution of state registration of real estate rights to it and transactions with it*..... 80
Dmitrieva A.D. *Insignificance as a basis for exemption from administrative liability*..... 87
Klimashin A.G. *Screenshots and other electronic files as evidence*..... 93
Kovalchuk K.Yu. *Conceptualization of the concept and types of illegal migration* 97
Kuzmenkova T.N. *Personal information security in the national security system: theoretical and legal aspects*..... 103

Nabatova A.E., Drozdov A.S. *«Digital rating»: the present or future of a Belarusian's digital footprint* 109
Petlitsky S.V. *Current issues of organizational and legal support for forensic registration in operational investigative activities* 114
Shevko N.M. *Legal framework of the partnership between the Republic of Belarus and the People's Republic of China in the transport sector: status and prospects* 119

ECONOMICS

Balabanovich O.A. *Structural dynamics and macroeconomic stability of the economy of the Republic of Belarus* 125
Baranov A.M., Xui Ben. *The sharing economy as a new resource allocation paradigm: development model and evolutionary stages in China* 132
Gitkovich L.A. *Corporate governance system in joint-stock companies: conceptual aspects*. 139
Kireyenka N.V., Balabanovich O.A. *The evolution of economic growth theories and their application to the analysis of the Belarusian economy* 144
Kritskaya N.V. *Parameters of human capital and the labor market as indicators of changes in the phases of the economic cycle* 151
Orlova A.V. *Trends in supporting the internationalization of women's entrepreneurship* 157
Sokolov A.V., Goraeva T.Yu. *High technologies in the modern world: importance and current development trends* 164
Sorkin S.V. *Assessment of the competitiveness of dairy products of the Republic of Belarus in foreign markets* 170

ABSTRACTS

Zhang Yan, Koshman E.E. *Educational integration of Huizhou culture in arts and design: a model of connecting tradition and innovation* 176

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 2 (155), 2026

Педагогика

УДК 378.147:811’25’36’243 EDN: AIOCOX

Использование грамматико-переводного метода при обучении коммуникативной грамматике

Ю.Е. Акулич

В статье раскрываются вопросы использования традиционного грамматико-переводного метода при обучении коммуникативной грамматике в рамках формирования и совершенствования навыков употребления грамматических явлений английского языка, которые необходимы для правильного перевода иноязычного текста. Использование метода грамматического перевода в образовательном процессе должно чередоваться с современными методами при объяснении грамматических парадигм. При использовании грамматико-переводного метода вместе с методом коммуникативного подхода обучение грамматике будет эффективным, поскольку данный метод способствует не только овладению грамматическими явлениями, но и дает возможность обучаемым практиковать навыки перевода, чтения иноязычных аутентичных текстов, необходимые для будущей профессиональной деятельности. Анализируются преимущества и недостатки использования метода грамматического перевода, а также демонстрируются примеры заданий для совершенствования конкретных грамматических конструкций: времен активного и пассивного залога, косвенной речи, модальных глаголов, инфинитивных и причастных конструкций. В данной статье рассматривается концепция грамматико-переводного метода и представлены критерии для его применения при обучении коммуникативной грамматике.
Ключевые слова: коммуникативная грамматика, контекст, грамматические навыки, грамматико-переводной метод, аутентичный текст.

The article reveals the issues of using the traditional grammar-translation method in teaching communicative grammar as part of the formation and improvement of skills in using grammatical phenomena of the English language, which are necessary for the correct translation of a foreign language text. The use of the grammar-translation method in the educational process should alternate with modern methods in explaining grammatical paradigms. The grammar-translation method, together with the method of a communicative approach, is effective for teaching grammar, since it does not only help students master grammatical phenomena, but also enables students to practise translation skills, reading authentic foreign texts, which is necessary for future professional activity. The advantages and disadvantages of using the grammar-translation method are analyzed, and the examples of the tasks for improving specific grammatical constructions are demonstrated: tenses of active and passive voices, indirect speech, modal verbs, infinitive and participle constructions. This article examines the concept of the grammar-translation method and provide criteria for its usage in teaching communicative grammar.
Keywords: communicative grammar, context, grammatical skills, grammar-translation method, authentic text.

Изучение иностранных языков, а также методов, используемых для развития и совершенствования навыков чтения, письма, подготовленной и неподготовленной устной речи, грамматических навыков употребления структур, неоспоримо важно для формирования компетентности в различных сферах трудовой деятельности. Изучение иностранного языка, межкультурных аспектов общения, различных форм коммуникации, а тем более обучение языку будущих специалистов изменяется в связи с появлением и разработкой новых современных теорий и методик преподавания языка. В современном педагогическом сообществе применяются как традиционные, так и новые современные методы обучения языку, такие как грамматико-переводной, аудиолингвальный метод, метод погружения в языковую среду и коммуникативный подход. Метод грамматического перевода и коммуникативный подход в преподавании являются наиболее используемыми методами при обучении иностранному языку, которые играют важную роль в обучении студентов-лингвистов.

Изучение такой дисциплины, как коммуникативная грамматика подразумевает непосредственное использование коммуникативного подхода в обучении, так как изучение отдельных грамматических конструкций и структур вне контекста невозможно без моделирования коммуникативной среды, в которой студенты сначала знакомятся с текстом, изучают и определяют правильное значение грамматических конструкций, а затем применяют полученные знания на следующем этапе использования языка уже в реальном обсуждении проблемных ситуаций общения. Но также не стоит пренебрегать и традиционными методами. При обучении новому иностранному языку, который пытаются выучить студенты, следует использовать только целевой язык. Основной аспект направлен не только на улучшение устной коммуникации, но прежде всего на ознакомление с грамматическими конструкциями, запоминание их функционального и семантического значения посредством устного представления преподавателем, активизацию в упражнениях и дальнейшее повторения.

Целью работы является изучение возможностей применения метода перевода, уделяя внимание использованию грамматических явлений и конструкций, значению синтаксических структур, используемых при обучении коммуникативной грамматике английского языка.

Научная новизна определяется необходимостью сочетания как традиционного грамматико-переводного, так и современных методов в процессе преподавания коммуникативной грамматики. Это необходимо для формирования в языковом сознании студентов понимания структурных и функциональных грамматических соответствий языковых моделей английского и русского языков, что является основой для осуществления адекватного перевода аутентичных текстов, а также принятия переводческого решения в тех или иных ситуативных реалиях.

Метод грамматического перевода заключается в практике перевода или перефразирования предложений исходного языка (например, английского) в язык перевода (например, русский) и/или наоборот с использованием и трактовкой знаний грамматических явлений и структур. На занятиях по изучению коммуникативной грамматики данный метод преследует цель языкового перевода контекстных ситуаций, сосредотачиваясь на грамматических правилах, синтаксических структурах, запоминании словарного запаса.

Первоначально традиционный метод грамматического перевода был рассчитан на тотальную зубрежку грамматических конструкций, но в контексте применения его при обучении коммуникативной грамматике можно рассмотреть новую модель (для контекстуального использования грамматических конструкций), направленную на перевод реальных жизненных ситуаций, симуляций и аутентичных материалов, показывающую как грамматические правила работают на уровне предложения, текста и подтекста.

Рассматривая грамматико-переводной метод как один из методов обучения коммуникативной грамматике, можно отметить его преимущества.

Во-первых, данный метод направлен на глубокое изучение грамматических явлений, что немаловажно при изучении иностранного языка для совершения успешного межкультурного общения. Основываясь на правилах грамматики, данный метод помогает студентам структурировать свои знания. Поскольку при обучении иностранному языку методом грамматического перевода также используется родной язык, обучаемым проще осваивать грамматические концепции, преподносимые преподавателем. В рамках изучения дисциплины «коммуникативная грамматика» предпочтительнее, конечно, использовать иностранный язык для восприятия инструкций преподавателя [1].

Во-вторых, метод грамматического перевода неотъемлемо связан с прочными знаниями лексических единиц. С помощью целевого перевода студентам предоставляется возможность самим определить семантическое значение слова, исходя из контекстной ситуации. Например, при изучении структурных и функциональных особенностей модальных глаголов *must, have to, be supposed to, need, be allowed to, be to, be obliged to* при переводе текста Hilverstone Fox Watch студенты определяют не только семантическое значение модальных глаголов, но и слов *vermin, subsist, scraps*: *… but also to provide some protection for the urban foxes here, who are obliged to subsist on household scraps in some cases. For one thing, we are not supposed to encourage vermin under local by-laws but also, we should not be allowed to try to reintroduce these foxes to their natural habitat* [2, p. 187].

В-третьих, перевод аутентичного текста способствует пониманию прочитанного, так как в дальнейшем студенты-переводчики будут также работать с письменным контентом. Полученные знания и сформированные умения помогут будущим специалистам изучать язык на более продвинутом уровне.

В-четвертых, этот метод может приглянуться некоторым студентам, которым больше по душе запоминание и зубрежка. Практика показывает, что студенты, у которых больше развита зрительная память, усваивают материал не хуже других учащихся.

Пятым немаловажным положительным аспектом является использование для перевода аутентичных текстов. С помощью аутентичных текстов студенты усваивают социальный опыт, знакомятся с культурными реалиями, познают различные формы культурного поведения, интерпретирую большой объем информации, связанный с различными областями профессиональной деятельности. Кроме того, такие тексты включают подлинные языковые конструкции, которые позволяют раскрыть особенности употребления тех или иных грамматических структур и явлений.

Следует отметить, что при изучении дисциплины «коммуникативная грамматика» грамматико-переводной метод может быть неэффективным по некоторым причинам:

– чрезмерное внимание к переводу текстов, тем самым сокращается время на тренировку реального иноязычного общения;

– упор на тренировку и совершенствование одного вида речевой деятельности (чтения или письма), тем самым игнорируется необходимость вести беседу или осуществлять монологическое высказывание, а также совершенствовать слухо-произносительные навыки;

– фокусировка на традиционном методе объяснения правил грамматики, направленным на запоминание и соблюдение точности грамматического перевода;

– запоминание лексических единиц, грамматических парадигм и правильного использования их эквивалентов при переводе;

– отсутствие интереса к пониманию литературного языка;

– время, затраченное для выполнения адекватного перевода;

– объяснение грамматических явлений на родном языке лишает студентов возможности усвоения концепций на иностранном языке;

– высокий уровень владения языком (словарным запасом, правилами построения предложений и текста, функциональными особенностями тех или иных грамматических парадигм);

– специфика дисциплины «коммуникативная грамматика», подразумевающая внедрение грамматических структур не только на уровне предложения, но и контекста [3].

Существуют определенные требования, которые определяют уровень пригодности грамматико-переводного метода в рамках изучения дисциплины «коммуникативная грамматика». Первый критерий – контекстуализация, которая заключается во включении грамматических объяснений в различные ситуационные реалии, аутентичные тексты, профессиональные сценарии. Тексты способствуют раскрытию грамматических значений, культурных особенностей употребления и их целевого предназначения. Другая возможность – использовать образовательные технологии (он-лайн квизлеты, интерактивные грамматические игры, совместные переводческие задания), создающие условия для перехода от пассивного обучения к активному. Еще одним условием является не только ориентир на результат, когда студенты гонятся за высокими баллами в тесте, а осознание успеха или провала в процессе обучения. Помимо контекста и ситуативной направленности текстов для перевода можно использовать измененный перевод или творческий подход (например, перевод песен, классических поэм, создание диалогов из фильма).

На основе вышеперечисленных требований можно привести следующую классификацию коммуникативных заданий, используемых для тренировки как грамматических навыков, так и навыков перевода.

1. *Перевод отрывка.* Задание по тексту «*A true story about Treasure Ireland*» [2, p. 61] ориентировано на тренировку употребления всех аспектов настоящего и прошлого времен действительного залога. Перед прочтением текста следует объяснить студентам разницу употребления значений простого прошедшего и совершенного настоящего времен со словами-индикаторами

for many years, since, in 1850. Предложенный для перевода отрывок помогает раскрыть специфику употребления временного указателя *always* для простого настоящего, совершенного настоящего или прошедшего времен. Кроме того, у задания есть воспитательный потенциал, так как текст знакомит студентов с историей создания приключенческого романа Р. Стивенсона «*Остров сокровищ*», его автором и личной семейной трагедией. Актуальная тема творчества дает возможность осуществлять коммуникативную деятельность на занятии посредством речевых заданий. В качестве закрепления употребления времен можно сориентировать студентов на обсуждение следующих вопросов по теме: *Do you think all the stories come from reality? Do you agree that such stories are only for kids? What do we need to keep interest in reading?*

2. *Логический вывод.* Данное задание направлено на прочтение аутентичного текста с дальнейшим предоставлением основной идеи текста своими словами. Основная задача задания – умение студента передать мысль автора текста, соблюдая правило употребления изучаемого грамматического явления. Например, задание по тексту «*Worries about Internet use*» предлагает студентам прочитать текст о волнении, которое связано с использованием интернета, грамматическая тема которого – косвенная речь, согласование времен, глаголы, вводящие косвенную речь. Студенты сопоставляют предложенные конструкции в тексте с основными значениями, которые подходят в данном контексте. Для совершенствования навыков употребления глаголов с инфинитивом, причастным оборотом можно предложить задание на нахождение положительных аспектов применения интернета. Тема обсуждения является актуальной для студентов-лингвистов, поскольку совершенствование навыков говорения на иностранном языке, включая аспекты чтения и грамматики, важно для реализации будущих планов профессиональной деятельности [2, p. 119].

3. *Заполнение пробелов.* Данный вид задания затрагивает тренировку нескольких видов речевой деятельности, а именно активизацию новых лексических единиц одновременно с тренировкой употребления инфинитива и причастия с дальнейшим обсуждением затронутой в тексте проблемы для поиска решения коммуникативной задачи. Примером может послужить текст «*Death in the air*» [2, p. 146]. Студентам предлагается перевести текст, в котором обсуждается важная для путешественников тема – «*comfort travelling*». Предложенный текст позволяет не только отработать такое грамматическое явление, как инфинитив и герундий, но и разобрать значение слов *allegedly, blood clot, cramped seats, long-haul flight* и др.

4. *Обсуждение названия текста.* Одно из упражнений, в котором преподаватель просит студентов самостоятельно определить содержание на основе заголовка. С помощью данного задания можно тренировать и совершенствовать любое грамматическое явление. Примером может послужить текст «*The Earth after humans*», грамматическое содержание которого – условные предложения [4, p. 53]. Если студентам сложно определить тематику содержания, преподаватель может раскрыть заранее представленную ситуацию, в данном случае речь пойдет о глобальных экологических проблемах и их возможных последствиях. Текст для перевода насыщен условными предложениями первого, второго и третьего типов. Основная задача студентов – правильно сделать перевод, исходя из реальных или гипотетических предположений автора текста.

5. *Сочинение по теме.* Данное задание является творческим и направлено на раскрытие потенциала студентов. После прочтения текста преподаватель предлагает студентам написать мини-сочинение. В данном упражнении можно совершенствовать навыки употребления степеней сравнения прилагательных и наречий. Предложенный текст «*Street design*» предлагает для обсуждения насущную тему уличного дизайна и красоты района в целом. Студенты должны представить свое понимание удобства в месте проживания, используя в своем высказывании конструкции: *extremely, totally, fairly, nowhere near as, as much as, as far as something is concerned* [4, p. 131].

6. *Вопросы на понимание.* Задание направлено на развитие умений отвечать на вопросы после прочтения текста, умение предоставлять логические умозаключения, аргументы, используя грамматический материал. Так, например, можно использовать текст «*Memory*» для совершенствования навыков употребления необычных сравнительных конструкций прилагательных *every bit as, nowhere near as, by far, as large as life* [4, p. 135].

Следует отметить, что использование грамматико-переводного метода на занятиях по изучению любого иностранного языка помогает студентам не только изучить язык и его структуру, но и совершенствовать навыки чтения и понимания содержания аутентичных текстов и других ситуационных реалий, изучая лексику, эффективно развивая навыки перевода на родной язык и наоборот. Вместе с современными методами метод грамматического перевода не требует от преподавателя особых усилий, так как позволяет варьировать употребление на занятии родного и иностранного языка. Данный традиционный метод важен для обеспечения структурированного введения грамматических конструкций, а аутентичные тексты предоставляют обучаемым возможность совершенствовать грамматические навыки в аутентичных контекстах.

Литература

1. Richards, J. C. Approaches and methods in language teaching / J. C. Richards. – 7nd ed. – New York : Cambridge University Press, 2001. – 171 p.

2. Foley, M. Advanced learners' grammar. A self-study reference and practice book with answers / M. Foley. – 7nd ed. – China : Pearson Education limited, 2001. – 385 p.

3. Larsen-Freeman, D. Techniques and principles in language teaching / D. Larsen-Freeman. – Oxford : Oxford University Press, 2000. – 189 p.

4. Vince, M. Macmillan English grammar in context. Advanced / M. Vince. – Macmillan publishers limited, 2008. – 240 p.

Гомельский государственный
университет имени Франциска Скорины

Поступила в редакцию 23.05.2025

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 2 (155), 2026

УДК 37.01:37.09 EDN: AZRJXA

Интернационализация образования: от конкуренции к сотрудничеству

В.А. Бейзеров

В условиях глобализации и усиления взаимосвязей между странами интернационализация образования становится важным фактором развития национальных образовательных систем. В статье рассматриваются ключевые тенденции и вызовы, связанные с интеграцией образовательных процессов на международном уровне. Особое внимание уделяется переходу от модели конкуренции за студентов, преподавателей и финансовые ресурсы к модели сотрудничества, основанной на принципах взаимного обогащения, культурного диалога и совместного решения глобальных проблем. Анализируются примеры успешных международных образовательных программ, партнёрских сетей и межуниверситетских альянсов, демонстрирующих эффективность кооперации в сфере высшего и послевузовского образования. Автор приходит к выводу, что будущее образования связано не столько с национальными интересами и гонкой рейтингов, сколько с созданием устойчивых и инклюзивных международных образовательных экосистем.
Ключевые слова: интернационализация образования, глобальное образование, международное сотрудничество, культурный диалог, образовательные партнёрства, глобализация, конкурентоспособность, совместные образовательные программы.

In the context of globalization and strengthening of interrelations between countries, internationalization of education is becoming an important factor in the development of national educational systems. The article examines key trends and challenges associated with the integration of educational processes at the international level. Particular attention is paid to the transition from a model of competition for students, teachers and financial resources to a model of cooperation based on the principles of mutual enrichment, cultural dialogue and joint solution of global problems. Examples of successful international educational programs, partnership networks and inter-university alliances are analyzed, demonstrating the effectiveness of cooperation in the field of higher and postgraduate education. The author comes to the conclusion that the future of education is associated with the creation of sustainable and inclusive international educational ecosystems rather than with national interests and the ranking race.
Keywords: internationalization of education, global education, international cooperation, cultural dialogue, educational partnerships, globalization, competitiveness, joint educational programs.

Интернационализация как концепция и стратегия образования развивалась в течение последних четырех десятилетий. В настоящее время разгорается дискуссия о том, принимает ли интернационализация более характерные формы в разных частях мира, которые лучше отражают местные потребности и приоритеты. Рассмотрим несколько важных моментов в развитии интернационального измерения образования за последние сто лет, которые отражают многоаспектное и поступательное развитие интернационализации: от изолированного к процессному подходу. Также появилась необходимость переосмыслить интернационализацию на рубеже веков. Пандемия Covid-19 выдвинула на первый план дальнейшее переосмысление интернационализации образования для общества и виртуализации образования. Интернационализация продолжает как отражать, так и усугублять неравенство в глобальных обществах. Переход нашего понимания интернационализации от западной конкурентной парадигмы к глобальной стратегии сотрудничества является императивом на ближайшие годы.

В настоящее время усиливается дискуссия о том, принимает ли интернационализация все более отчетливые формы в разных частях мира, которые лучше отражают местные потребности и приоритеты, и есть некоторые свидетельства того, что это происходит. Эти дебаты побуждают к более широкому рассмотрению влияния на политику и практику точек зрения тех, чей голос был более ограниченным в дискурсе. В настоящее время растет осознание того, что интернационализацию больше не следует рассматривать с точки зрения прозападной, в основном англосаксонской и преимущественно англоязычной парадигмы. Новое поколение ученых бросает вызов неолиберальному взгляду на интернационализацию как на источник дохода, в котором доминируют англо-западные взгляды и формы знания. Ценность более широкого спектра эпистемологий, в том числе из глобального Юга и коренных сообществ, не только позволяет интернациона-

лизации быть более инклюзивной, но и поощряет инновации в методологиях исследования и тематических конструкциях самой интернационализации [1]. Кроме того, необходимо проанализировать взаимосвязь между интернационализацией и другими важными проблемами.

Качество, разнообразие и инклюзивность, социальная справедливость, деколонизация, глобальные отношения сил и геополитика, права человека, антирасизм, гендерная идентичность и равенство, этика, мультикультурализм и устойчивость – это лишь некоторые из связанных элементов, которые все играют свою роль в расширении нашего понимания интернационализации. Дополнительным импульсом к изменениям стал один из результатов сбоев, вызванных пандемией COVID-19. Традиционные подходы к мобильности и набору иностранных обучающихся были сужены, что привело к более широкому использованию альтернативных инструментов для интернационализации образования, таких как совместное международное онлайн-обучение [2]. В то же время растущая обеспокоенность климатическим кризисом ясно показывает, что некоторые прежние подходы к интернационализации неустойчивы в долгосрочной перспективе. Утверждается, что интернационализация в образовании - это многогранное и развивающееся явление. Оно затрагивает широкий круг вопросов и может быть определено множеством способов. Х. Де Вит, Х. Хантер и др. отмечают, что концепция интернационализации продолжает уточняться и пересматриваться, а теории и определения скорректированы для того, чтобы соответствовать новому и развивающемуся пониманию. Эти критические размышления об интернационализации являются важным вкладом в более длительную дискуссию о переосмыслении интернационализации в связи с ее преобладающим вниманием к мобильности, получению доходов и мягкой силе [3].

Рассмотрим несколько важных моментов в развитии международных аспектов высшего образования за последние сто лет, которые отражают это многомерное и прогрессивное развитие интернационализации. После Первой мировой войны и снова ненадолго после Второй мировой войны международное образование было обусловлено прежде всего оптимистичными политическими соображениями о мире и взаимопонимании. И хотя они продолжали использоваться в качестве оправдания международного сотрудничества и обмена, реальность сместилась в 1950-х годах в сторону национальной безопасности и внешней политики, и так было и в период холодной войны. В 1970-х и 1980-х гг. развились два разных подхода к интернационализации. В англоязычных странах, в частности в Австралии и Соединенном Королевстве, международное образование переключилось с сотрудничества в целях развития на получение доходов. Между тем, под влиянием европейских программ, в частности ERASMUS, приоритетом в континентальной Европе стало международное сотрудничество и обмен. В 1990-е гг. как в Северной Америке, так и в Европе, следуя примеру Австралии и Соединенного Королевства, конкурентоспособность как популярный аргумент в пользу международного образования была добавлена к прежним принципам внешней политики и национальной политики безопасности. Определение интернационализации образования, данное Д. Найт как «процесс интеграции международного, межкультурного или глобального аспекта в цель, функции и предоставление послесреднего образования», было широко принято в качестве рабочего определения и основывается на более раннем определении интернационализации как процесса, более ориентированного на институты. Это отодвинуло сектор образования от того, что раньше было довольно статичным, ситуативным и фрагментарным подходом, основанным на деятельности и связанных с ними административных процедурах часто связанных с правительственной бюрократией. Вместо этого в определении подчеркивался процессный подход с привлечением широкого круга внутренних (преподавателей, студентов, администраторов) и внешних (национальные и местные органы власти, частный сектор, международные организации) заинтересованных сторон [4].

Определение интернационализации как процесса было важным шагом вперед, но оно выдвинуло на передний план новые проблемы, поскольку этот процесс включал в себя несколько неправильных представлений и непреднамеренных последствий и оставлял достаточно места для различных подходов к пониманию интернационализации, включая более конкурентоспособные формы. В последние два десятилетия в интернационализации попрежнему преобладали конкурентные, неолиберальные и западные подходы. Согласно ре-

зультатам глобального исследования интернационализации высшего образования, проведенного Международной ассоциацией университетов (IAU) (по данным 2018 г.), более 90 % УВО и учреждений дополнительного образования упоминают интернационализацию в своей миссии или стратегическом плане. Х. Де Вит (2019) отмечает, что существует сильный разрыв между учреждениями, которые рассматривают интернационализацию как очень важный компонент своей деятельности, и теми учреждениями, которые несерьезно относятся к данному феномену. Другими словами, некоторые учреждения образования действительно ставят процесс интернационализации на первый план, тогда как для других он все еще остается скорее маргинальным и ситуативным. Однако даже для тех относительно немногих учреждений, которые придают большое значение интернационализации, она не всегда четко определена и на практике в большей степени представлена мобильностью и конкуренцией, чем более широкими подходами, включающими интернационализацию для всех [5].

Исследователями отмечаются обоснования, основанные на ценностях и прагматизме, они указали, что «по мере того, как институты приобретают более сложную модель интернационализации, интернационализация образовательной программы может рассматриваться как ключевая работа, без которой другие действия обречены оставаться периферийными, а трансформация нереализованной. Необходимо отметить необходимость критического осмысления интернационализации, поскольку, как представляется, растет расхождение между интернационализацией, воспринимаемой как «последняя позиция для гуманистические идеи» и «мир чистых экономических благ, якобы представленный термином глобализация».

По мнению Д. Найт, интернационализация также связана с разнообразием культур, существующих в странах, сообществах и учреждениях, в то время как Джонс и Киллик (2007) утверждали, что «эффективное реагирование на разнообразие иностранных студентов и разнообразие отечественных студентов на самом деле не два раздельных процесса, а один» [4].

В ответ на этот широкий спектр проблем было бы своевременно обновить определение, данное Д. Найт еще в 2003 г., прояснив, что процесс должен быть преднамеренным, с четкой направленностью и направлением [4]. Соответственно, Х. Де Вит и соавт. (2015) разработали пересмотренное определение, в котором интернационализация теперь рассматривается как преднамеренный процесс интеграции международного, межкультурного или глобального измерения в цель, функции и предоставление послесреднего образования с целью повышения качества образования и исследований для всех, а также внести значимый вклад в жизнь общества [3].

Еще до вынужденных изменений в образовании, вызванных глобальной пандемией COVID-19 в 2020 г., исследователи подчеркивали «виртуализацию интернационализации», также описываемую как виртуальная мобильность, виртуальный обмен или дальнейшее развитие совместного международного онлайн-обучения. Подобные изменения в образовании и педагогике, наряду с другими быстрыми корректировками и эволюцией интернационализации высшего образования, продолжали расширяться и усложняться в ответ на пандемию. Безусловно, мир сталкивается с серьезными угрозами основополагающим ценностям, основанным на ценностях интернационализации и достижении Целей устойчивого развития (ЦУР) Организации Объединенных Наций [6]. Популизм, национализм, ксенофобия и местническая политика усиливаются во всем мире, создавая проблемы для тех, кто рассматривает интернационализацию как нечто большее, чем просто неолиберальную или рыночную проблему, и кто призывает к более инклюзивному, детализированному и всеобъемлющему подходу.

По-прежнему сохраняется тенденция к гомогенизации деятельности, подходов, политики и стратегий. Стратегии интернационализации стран с низким и средним уровнем дохода в значительной степени копируют западную парадигму, уделяя особое внимание мобильности, репутации и брендингу, а также отношениям Юг-Север. Это в значительной степени обусловлено экономическими причинами, повышением конкурентоспособности и доминированием западной модели университета. Таким образом, недостаточно внимания уделяется инновационным идеям интернационализации, встроенным в местный и институциональный контексты. Ряд исследователей утверждают, что «Глобальный Юг» использует стратегический подход к международному высшему образованию по причине его критической важности для продвижения обществ, основанных на знаниях, и для устойчивого национального развития, но они так-

же отмечают, что, несмотря на это осознание, очень немногие страны осуществляют подобную политику. Многие страны по-прежнему подходят к интернационализации разрозненно, несогласованно и ситуативно. Вопросы колониальной истории, экономические проблемы, политические беспорядки, гражданские беспорядки и другие локальные проблемы и вызовы приводят к сопротивлению мнимой «международной» иностранной перспективе, которая усиливает напряженность между коренным населением и глобализацией.

В то же время Х. Де Вит и соавт. (2022) в сравнительном исследовании международной студенческой мобильности и рекрутинга абитуриентов в неанглоязычных странах пришли к выводу, что, несмотря на более серьезные проблемы и менее выгодное стартовое положение по сравнению с их англоязычными конкурентами, многие неанглоязычные страны зарекомендовали себя как успешные в данного рода деятельности и нашли свою нишу на мировом рынке высшего образования. Они выступают за то, чтобы комплексный подход к интернационализации не был в первую очередь обусловлен соображениями получения доходов, мягкой силы и повышения рейтинга. Интернационализация продолжает как отражать, так и усугублять неравенство в глобальных обществах. Послесреднее образование по-прежнему доступно лишь небольшой части населения мира, а поездки на учебу в другую страну на короткие или длительные периоды времени всегда будут прерогативой относительно богатой элиты и среднего класса [3].

Преобладающим результатом стратегий институциональной интернационализации, которые преимущественно сосредоточены на мобильности, будет неравенство доступа, возможностей и результатов. К сожалению, этот фокус продолжает оставаться доминирующей парадигмой для многих институциональных лидеров. При таком ограниченном количестве участников мобильность не может удовлетворить растущие потребности работодателей в выпускниках, способных работать в разных страновых и культурных аспектах. ЦУР предлагают новую основу, в рамках которой могут развиваться социальная роль и ответственность интернационализации высшего образования. Учреждения образования сотрудничают для наращивания потенциала партнерских учреждений по многим дисциплинам, они интернационализируют свои учебные программы с целью привить выпускникам глобальное сознание, они также сосредоточились на разработке результатов обучения, связанных с глобальным гражданством; проводят исследования устойчивого образа жизни и альтернативных экономических моделей, разрабатывают новую политику и практику в области здравоохранения и т. д. [6].

Тематические примеры роли интернационализации высшего образования в обществе в целом включают его вклад в отношении беженцев и миграции, а также усиление социальной интеграции. Его также необходимо рассматривать в контексте всех уровней образования, чтобы охватить как можно более широкую группу населения. И ему необходимо изменить то, как мы понимаем и используем международное партнерство. Они должны быть в большей степени ориентированы на социальную ответственность, а также должны развиваться и поддерживаться на равных условиях.

Некоторые из вопросов, которые следует принимать во внимание в этих возникающих контекстах, включают потенциальную напряженность, возникающую из-за прошлых колониальных влияний различного рода; местные особенности, культуры и языки; институциональные ценности, в том числе локальная социальная роль высшего образования; глобальная операционная среда с растущей конкуренцией; нахождение правильного институционального баланса между местными, национальными, региональными и глобальными целями.

Для смягчения потенциально вредных последствий интернационализации необходимо сбалансированное взаимодействие вопросов глобализации, регионализации и национализации. Обсуждение вопросов деколонизации, дерадикализации и деимпериализации необходимо для здоровой международной взаимозависимости и взаимного уважение суверенных наций. К примеру, африканизацию следует рассматривать не как противоположность интернационализации, а как две стороны одной медали. Исключительное внимание к африканизации будет означать изоляцию, в то время как исключительная интернационализация будет означать постоянную зависимость и копирование западных подходов к интернационализации, не встроенных в локальный или местный контекст.

Таким образом, применение социально-ответственного подхода требует значительных государственных и частных ресурсов, но он более социально инклюзивен и в долгосрочной перспективе приведет к созданию сектора высшего образования более высокого качества. Такой подход предполагает большее внимание интернационализации учебных программ в национальных учреждениях образования. Переход нашего понимания интернационализации от западной конкурентной парадигмы к глобальной стратегии сотрудничества является императивом на ближайшие годы.

Литература

1. Montgomery, C. Surfacing «southern» perspectives on student engagement with Internationalization / C. Montgomery // Journal of Studies in International Education. – 2019. – № 23 (1). – P. 123–138.

2. Rubin, J. Nautical musings on local and global innovation and change / J. Rubin // The Disruptive Pedagogy of Coil. – 2016. – P. 75–79.

3. De Wit, H. Internationalisation of higher education / H. De Wit, G. Merkx, F. Hunter. – Brussels : European Parliament, Directorate-General for International Policies, 2015. – 319 p.

4. Knight, J. Internationalization remodeled : Definition, approaches, and rationales / J. Knight // Journal of Studies in International Education. – 2004. – № 8 (1). – P. 5–31.

5. De Wit, H. Internationalization in higher education : A western paradigm or a global, intentional and inclusive concept? / H. De Wit // International Journal of African Higher Education. – 2020. – № 7 (2). – P. 31–37.

6. Sustainable development goals / United Nations. – N. York, 2015. – 33 p.

Гомельский государственный
университет имени Франциска Скорины

Поступила в редакцию 21.10.2025

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 2 (155), 2026

УДК 378.147:811 EDN: CUTOKE

Современные подходы к преподаванию иностранных языков в учреждениях высшего образования КНР

В.А. Бейзеров, Ху Шуньчэнь

В данном исследовании рассматриваются ключевые тенденции, определяющие эволюцию подходов к преподаванию иностранных языков в учреждениях высшего образования Китая, включая интеграцию идеолого-политического образования, широкое внедрение смешанных и мобильных моделей обучения, переход к методологиям, ориентированным на учащихся и результат, а также растущий акцент на межкультурную коммуникацию. В статье выделяются проблемы, связанные с этим переходом, такие как баланс между знанием языка и политическим образованием, цифровой разрыв и необходимость постоянного повышения квалификации преподавателей.
Ключевые слова: преподавание иностранных языков, китайское высшее образование, современные технологии, смешанное обучение, межкультурная коммуникативная компетентность, реформа учебных программ, идеологически-политическое образование, образовательная политика КНР.

This study examines key trends shaping the evolution of approaches to foreign language teaching in Chinese higher education institutions, including the integration of ideological and political education, the widespread adoption of blended and mobile learning models, the shift toward learner- and outcome-oriented methodologies, and a growing emphasis on intercultural communication. The article highlights challenges associated with this transition, such as the balance between language proficiency and political education, the digital divide, and the need for continuous professional development for teachers.
Keywords: foreign language teaching, Chinese higher education, modern technologies, blended learning, intercultural communicative competence, curriculum reform, ideological and political education, Chinese educational policy.

Система преподавания иностранных языков в Китайской Народной Республике претерпевает глубокие преобразования, обусловленные национальными стратегическими инициативами и требованиями глобализации. Выходя за рамки традиционного метода перевода грамматики, китайские учреждения высшего образования быстро внедряют современные педагогические подходы, цифровые технологии и уделяют особое внимание практической коммуникативной компетенции.

Обучение иностранным языкам, особенно английскому, уже давно играет ключевую роль в проекте модернизации Китайской Народной Республики. Со времени проведения политики «реформ и открытости» владение иностранными языками рассматривалось как важнейший инструмент доступа к глобальным знаниям, содействия международной торговле и усиления мягкой силы Китая [1].

В последние годы этот акцент усилился в рамках национальных стратегий, таких как инициатива «Один пояс, один путь», которые требуют рабочей силы, обладающей глубокими лингвистическими и межкультурными навыками. Традиционная модель обучения в Китае, в значительной степени основанная на механическом запоминании, грамматической точности и стандартизированном тестировании (например, CET-4 и CET-6), оказалась недостаточной для развития подлинных коммуникативных способностей. В ответ университеты по всему КНР активно реформируют свои педагогические системы. Отличительной чертой современной китайской системы дополнительного образования является обязательная интеграция «Идеологии и политики в учебной программе». Эта политика, разработанная Министерством образования, требует, чтобы все курсы, включая изучение иностранных языков, включали элементы основных социалистических ценностей, патриотизма и уверенности в китайской культуре [2].

На практике это означает подбор контента (использование текстов и материалов, демонстрирующих достижения Китая в области развития, культурное наследие и

позитивный вклад в глобальное управление; критический подход, побуждающий студентов анализировать зарубежные культурные продукты и средства массовой информации с «китайской точки зрения», способствуя культурной проницательности и национальной гордости. Применяется смешанное и мобильное обучение. Повсеместно внедряется технология изучения языков с использованием современных технологий. Пандемия COVID-19 ускорила эту тенденцию, превратив смешанное обучение в новую норму. Модели смешанного обучения: курсы в настоящее время обычно сочетают очное обучение с онлайн-компонентами на таких платформах, как Chaoxing, Rain Classroom и мини-программы на базе WeChat. Эта модель «перевернутого класса» позволяет учащимся приобретать знания (например, словарный запас, грамматику) онлайн, оставляя время на занятиях для интерактивных, коммуникативных занятий. Искусственный интеллект все чаще используется для персонализированного обучения, автоматической оценки письменной речи и распознавания речи для отработки произношения. Эти инструменты обеспечивают мгновенную обратную связь, основанную на данных, и дополняют рекомендации преподавателя. Виртуальная реальность (VR) и дополненная реальность (AR) опробуются в передовых учебных заведениях для создания имитируемых иммерсивных сред для практики владения языком в контекстуализированных сценариях, от деловых переговоров до туристических экскурсий [3].

Доминирующий педагогический подход переходит от пассивной модели к более интерактивным методикам, ориентированным на учащихся. Учебные классы все чаще организуются вокруг значимых задач (например, разработки маркетинговой кампании для китайского продукта) и долгосрочных проектов. Это подчеркивает функциональное использование языка и совместное решение проблем. Обсуждения на занятиях, презентации и дебаты становятся стандартной практикой для развития беглости и уверенности в себе.

Современные учебные программы интегрируют изучение языка и культуры. Целью является уже не просто лингвистическая точность, но и межкультурная коммуникативная компетентность – способность эффективно и адекватно взаимодействовать с представителями других культур. Студентов учат сравнивать китайскую культуру и культуру изучаемого языка, анализируя различия в ценностях, стилях общения и социальных нормах. В рамках инициативы «Один пояс, один путь» растет спрос на языки стран-партнеров (например, арабский, русский, тайский), и их учебные программы разрабатываются с нуля с особым вниманием к культурным и профессиональным особенностям этих регионов. Эти тенденции проявились в конкретных изменениях в разработке учебных программ и их оценке. Многие университеты в настоящее время предлагают предметные курсы (например, инженерное дело, бизнес, юриспруденция), которые частично или полностью преподаются на английском языке. Этот подход, известный как EMI (английский как средство обучения), позволяет студентам одновременно приобретать академические знания и языковые навыки. Индивидуальные направления: учебные программы становятся все более разнообразными, предлагая специализированные направления, такие как «Деловой английский», «Юридический английский» или «Английский для науки и техники», что позволяет более точно адаптировать навыки выпускников к потребностям рынка. Аутентичная оценка: хотя стандартизированные тесты по-прежнему играют важную роль, оценка становится все более разнообразной и включает в себя портфолио, групповые проекты, устные презентации и участие в онлайн-форумах, что обеспечивает более целостную оценку способностей учащихся [4].

Несмотря на значительный прогресс, процесс реформирования сталкивается с рядом трудностей: Балансирование: плавная интеграция «идеологического и политического образования» без ущерба для аутентичности изучения языка или критического мышления остается сложной задачей. Переход на современные методики требует масштабной переподготовки существующих преподавателей, многие из которых обучались традиционным методом. Зависимость от передовых технологий может усугубить образовательный разрыв между элитными городскими университетами и университетами в менее развитых регионах. Будущие направления, вероятно, будут включать более глубокую

интеграцию искусственного интеллекта для персонализированного обучения, больший упор на критическое мышление и креативность в рамках определенных идеологических рамок, а также дальнейшее распространение менее изучаемых языков для поддержки глобальной геополитической стратегии Китая.

Система преподавания иностранных языков в китайских университетах находится в состоянии динамичной и целенаправленной эволюции. Система стратегически переходит от жесткой модели, ориентированной на экзамены, к более гибкой, коммуникативной и технологичной экосистеме. Эта трансформация носит не только педагогический характер, но и тесно связана с национальными целями по воспитанию глобально компетентных граждан, которые могут четко представлять Китай на мировой арене. Несмотря на то, что проблемы, связанные с внедрением, подготовкой преподавателей и идеологической интеграцией, сохраняются, общая тенденция очевидна: современный выпускник китайского университета становится способным не просто понимать мир, но и взаимодействовать с ним уверенно и на своих собственных условиях. Дальнейшее совершенствование этой системы станет решающим фактором в формировании будущего глобального участия Китая.

Политика Китая в области преподавания иностранных языков в сфере высшего образования проводится по принципу «сверху вниз» и под руководством Министерства образования интегрирована в национальные стратегии. Реформа «Новых гуманитарных наук» 2019 г. разрушает дисциплинарные барьеры, способствуя междисциплинарной интеграции иностранных языков с такими областями, как наука и медицина.

Реформы учебных программ предусматривают преподавание английского языка на среднем уровне в отдельных программах для усиления интернационализации, хотя между глобальными устремлениями и идеологическим соответствием возникает напряженность. Китайские стандарты английского языка, введенные в 2018 г., обеспечивают локализованную систему владения английским языком. Недавние обновления, в том числе Национальный план в области образования на 2025 г., расширяют набор специалистов и цифровую интеграцию, что способствует увеличению числа учащихся в ведущих университетах. Эта политика отражает гибридный подход, сочетающий внешнюю глобализацию с образованием, основанным на внутренних ценностях.

Современные подходы к китайскому высшему образованию делают упор на ориентированную на студентов педагогику, основанную на технологиях. Ключевые тенденции включают в себя переход от грамматического перевода к коммуникативному обучению языку в сочетании с традиционными для Китая методами развития всех языковых навыков. Межкультурные компоненты объединяют культурные дискуссии и симуляции для формирования глобального гражданства.

В цифровую эпоху появились такие инструменты, как чат-боты с искусственным интеллектом, VR/AR для погружения и платформы, такие как Zoom и Kahoot для интерактивного обучения. Учащиеся метафорически рассматривают генеративный ИИ как «инструмент» или «мозг», который улучшает персонализированную обратную связь. Всплеск исследований в области онлайн-обучения после окончания пандемии COVID-19 свидетельствует об адаптивных технологиях [5].

Совместное обучение на основе проектов (PBCL) направлено на регулирование эмоций и мотивацию, а исследования показывают, что самоэффективность способствует вовлеченности.

Эти подходы соответствуют мировым тенденциям, но адаптированы к китайским условиям, подчеркивая интеграцию иностранного языка с технологиями.

Языковые препятствия для изучающих китайский язык, такие как фонетические различия и интерференция носителей языка, затрудняют усвоение английского языка. Методологические проблемы включают фрагментарное преподавание и чрезмерную зависимость от тестов, что приводит к неестественной речи. Эмоциональные факторы, такие как тревожность и «инволюция» (гиперконкуренция), различаются в зависимости от региона и пола. Неравенство усугубляется цифровым неравенством, этическими проблемами ИИ и нехваткой педагогов по языкам меньшинств [6].

Возможности открываются благодаря международному сотрудничеству, такому как обмены между зарубежными странами и Китаем, совместному использованию интегрированных методов обучения и т. д. Всячески поощряются многоязычные программы, а системы повышения грамотности в области искусственного интеллекта предполагают равный доступ. Реформы открывают перспективы для сбалансированного, ориентированного на компетентность образования.

Будущие траектории развития предполагают углубление интеграции ИИ с приоритетами в области систем повышения грамотности, адаптивной обратной связи и составления карт равенства. Важно укреплять глобальное сотрудничество, поскольку Китай занимает второе место по публикациям с высокой степенью значимости. Методологические достижения, такие как исследования с использованием смешанных методов и практики открытой науки, позволят устранить существующие пробелы.

Литература

1. Li, Q. Review and reflection on traditional methods of teaching foreign languages / Q. Li // Heilongjiang Science and Technology Information. – 2010. – № 27. – P. 219.

2. Wang, L. Song hailing. Ideology and path of training compound business English talents under the guidance of the new humanities / L. Wang // Foreign Language World. – 2021. – № 05. – P. 33–40.

3. Hu, J. China's foreign language education in the ChatGPT era : Seeking change and adaptation / J. Hu, Y. Qi // Computer-Assisted Foreign Language Education. – 2023. – № 01. – P. 3–6.

4. Wang, L. Interpretation of professional core literacy of business English teachers under the guidance of «national standards»/ L. Wang // Computer-Assisted Foreign Language Education. – 2019. – № 04. – P. 61–66.

5. Shi, Q. The innovation of university teaching paradigm in the era of data intelligence : The integration of virtual and reality / Q. Shi, C. Zhang // Higher Education Management. – 2022. – № 16. – P. 24–31.

6. Yang, Xi. Application of computer-assisted foreign language teaching mode under informatization. Background-Evaluation of «new exploration of contemporary English teaching based on network multimedia»/ Xi Yang // China's Higher Education of Sciences. – 2022. – № 9. – P. 108.

Гомельский государственный
университет имени Франциска Скорины

Поступила в редакцию 21.10.2025

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 2 (155), 2026

УДК 37.091.3:796.015.84-053.67:796.42 EDN: GBJVYO

Comprehensive assessment of the potential of young track and field athletes: modern methods and application possibilities at the stage of primary selection

N.A. But-Husaim, I.V. Zavaley

The article discusses modern methods for assessing the potential of young track and field athletes based on a comprehensive analysis of their physical fitness and motivation. Approaches to the use of such methods at the stage of primary sports selection are proposed, which allows for more accurate prediction of children's future successes and optimization of coaches' work. The results of the study contribute to the development of effective systems for the selection and development of young athletes.
Keywords: athletics, assessment of prospects, sports selection, motivation, physical qualification.

В статье рассматриваются современные методы оценки перспективности юных легкоатлетов, основанные на комплексном анализе их физической подготовленности и мотивации. Предложены подходы к использованию таких методов на этапе первичного спортивного отбора, что позволяет более точно прогнозировать будущие успехи детей и оптимизировать работу тренеров. Результаты исследования способствуют развитию эффективных систем отбора и развития молодых спортсменов.
Ключевые слова: легкая атлетика, оценка перспективности, спортивный отбор, мотивация, физическая подготовленность.

Introduction. The selection and orientation of athletes are key stages of training in any sport, especially in athletics, where success depends on a combination of physical, technical and psychological qualities. In the modern world, characterized by the rapid development of technology and the growing influence of virtual reality, the problem of attracting and retaining young athletes in sports sections is increasing. The research shows that modern children increasingly prefer digital entertainment, which negatively affects their physical activity and motivation for sports [1].

In connections with it is important to develop effective methods for primary selection of talented children, capable to become high-class athletes in future. In recent years, the issues of assessing the potential of young athletes for the purpose of selecting children for sports have been actively discussed in the scientific literature. So, V.P. Guba, A.V. Solodnikov [2] in their works emphasized the importance of complex ratings potential, including physical, psychological and technical parameters. Similar ideas are found in the research of Issurina [3], where offered models block periodization and ratings sports potential.

In developing athlete selection systems, special attention is paid to the creation of comprehensive indicators that make it possible for a high degree of reliability to predict a child’s future athletic achievements [4]. This article examines the experience of using such an indicator at the stage of primary selection of young track and field athletes, and also proposes its expanded concept taking into account modern scientific approaches.

Selection and orientation are key elements of training in any sport. In the modern world, coaches are increasingly faced with the problem of high-quality selection of children for sports sections. The rapidly developing world of virtual reality increasingly absorbs children, which hinders the correct and comprehensive development, formation of their motor culture and motivation for sports. As a means of increasing the effectiveness of the primary selection of children for athletics, the public association «Belarusian Athletics Federation» together with the Ministry of Education of the Republic of Belarus and the Ministry of Sports and Tourism of the Republic of Belarus in 2015 proposed the project «300 talents for the Queen» [4]. The main goal of the project is the selection and attraction of children to athletics. It is based on monitoring the level of general physical fitness of students of grades 2–4 of general secondary education institutions of the Republic of Belarus. The best of them are selected based on the results demonstrated in the performance of motor tests within the framework of the training program – 30 m run, standing long jump, 4 × 9 m shuttle run, ball throw, 800 m (500 m) run. In the final part of the project, the young athletes selected in this

way take part in face-to-face competitions in events close to specialization in individual track and field disciplines, using special lightweight sports equipment – hurdles, standing long jump, medicine ball throw, relay race. During the preparation for the final, all the participants take part in a training camp, where they work with track and field coaches and activate their procedural motives during physical exercises: students satisfy the need for physical activity, enjoy the process of the activity itself (the factor of competition, risk, excitement, the sweetness of victory, etc.), thereby increasing the level of motivation for sports [5].

The level of achievements in modern sports is so high that in order to surpass it, an athlete must have rare morphofunctional data, a unique combination of a complex of physical and mental inclinations and abilities that are at an extremely high level of development. Such a combination is very rare.

In theoretical terms, it is possible to identify factors that can be taken into account when developing an integral indicator of the prospects of a young athlete [6], [7]. They include:

1. Physical data and abilities of the athlete: it is important to take into account the physical fitness and anthropometric indicators of the athlete, such as height, weight, muscle mass, speed-strength indicators, etc.

2. Psychological characteristics: it is important to consider motivation, determination, perseverance, self-control, stress resistance and other personal qualities that can affect success in sports.

3. Technical skill: It is important to consider the technical execution of movements in the chosen athletics discipline, such as running, throwing, jumping and others.

4. Tactical skills: It is important to consider the ability to make strategic decisions during competitions, adapt to the situation and act in accordance with the tasks set.

5. Medical data: It is important to consider the overall health of the athlete, the presence of injuries and possible health risks associated with playing the sport.

The aim of the study was to develop and test an integrated indicator of the prospects of a young athlete, taking into account the level of their general physical fitness and motivation.

Research objectives:

1. To present diagnostic tools for determining the level of motivation of a young athlete at the initial selection stage.

2. To present a method for determining the weighted intra-group rank of a young athlete based on the results of general physical training competitions.

3. To develop an integrated indicator of a young athlete's potential, taking into account their level of general physical training and motivation.

4. Based on the results of the competition within the framework of the project «300 talents for the Queen», to determine the potential of each participant and make a forecast for the future.

Material and methods. In developing an integral indicator of the prospects of a young athlete at the initial selection stage, we tried to take into account only some of the above-mentioned factors. Namely, the pedagogical criterion (the level of general physical fitness of the young athlete) and the level of their motivation to engage in athletics. As for technical and tactical skills, at the initial selection stage they cannot yet be formed to a sufficient degree to be taken into account. The health condition of the finalists of the project allows them to take part in athletics competitions.

The level of motivation of the young athlete was determined using a special test, which was conducted with the project participants before and after the final competitions. The test was a questionnaire of five simple questions, for each of which it was necessary to choose one of the proposed answer options: I don't know; I want (I like); I really want (I really like); I don't want (I don't like). The first two questions of the questionnaire were aimed at determining the attitude to athletics. The third, fourth and fifth questions were aimed at determining the attitude to specific types of athletics disciplines and determining the supposed specialization (figure 1).

The test results were calculated as follows: the points for the answers to questions 1 and 2 were summed up (f_{max} = 5 points). The points for the answers to questions 3, 4, 5 were calculated separately (f_{max} = 3 points each).

The point (the highest) for the answer to one of questions 3, 4, 5 was added to the sum of the points for answers to questions 1 and 2.

Questionnaire

Dear friend, please read the questionnaire carefully, think and answer the questions honestly. Note: underline the correct answer.

1. **Do you enjoy participating in athletics competitions as a participant or a spectator?**
   I don't know; I like it; I like it very much; I don't like it.
2. **Do you want to do athletics?**
   I don't know; I want; I really want; I don't want.
3. **Do you want to do running athletics?**
   I don't know; I want; I really want; I don't want.
4. **Do you want to do jumping events in track and field?**
   I don't know; I want; I really want; I don't want.
5. **Do you want to do track and field throwing?**
   I don't know; I want; I really want; I don't want.

Last name First name _____ Year of birth
_____ Thank you for your honest answers.

Figure 1 – Form of the questionnaire for determining the level of motivation of a young athlete

In this way, the motivation levels of the survey participants before and after the competitions were determined. By calculating the median of these levels, the generalized motivation level of each young athlete was determined, which is a dimensionless value that takes values from 0 to 8.

For example. A young athlete scored 5 points for questions 1 and 2 (2 + 3) in the questionnaire before the competition. He scored 2 points for question 3, 0,5 points for question 4, and 3 points for question 5. His result before the competition was: 5 + 3 = 8 points. After the competition, this athlete also scored 8 points in the questionnaire. The median of the test results was 8 points, which is interpreted as a very high level of motivation for athletics.

The obtained results were interpreted using table 1.

The level of general physical training of young athletes was determined based on the results they showed in the disciplines of the project finals: hurdles, standing long jump, ball throw. The athlete's intra-group rank (place) was determined in each of the named disciplines. The sum of the ranks taken by the athlete in the three disciplines was ranked, which determined the intra-group rank of the young athlete.

Table 1 – Interpretation of the survey results

Points	Interpretation
0–1	Lack of motivation
2–3	Low level of motivation
3–4	Average level of motivation
5–6	High level of motivation
7–8	Very high level of motivation

The weighted intra-group rank R of young athletes based on the results of the general physical training competitions was determined using the following formula:

$$R = 1 – (Rreal-Rbest) / (Rlast-Rbest),$$

where Rreal is the athlete's real rank in the group, Rbest is the highest rank in the group, Rlast is the last rank in the group. The R indicator takes values from 0 to 1.

It should be borne in mind that calculating the weighted intra-group rank of a young athlete has practical meaning when the group size is at least 30 people.

For example. A young athlete took 27th place in hurdles, 24th place in long jump and 2nd place in ball throw among 40 competitors. The sum of his ranks (places) is 53, which corresponds to 14th rank (place) among all the participants of his group.

Calculating the weighted within-group rank for this athlete yields the following result:

$$R = 1 – (14-1) / (40-1) = 0,67.$$

The integral indicator P of the prospects of a young athlete, taking into account his level of general physical training and motivation for athletics, is calculated using the formula: $P = M \cdot R$, or in expanded form:

$$P = M \cdot \left(1 - \frac{R_{real} - R_{best}}{R_{last} - R_{best}}\right),$$

where M is the level of motivation for athletics, P is the indicator of the young athlete's potential (a dimensionless value that takes values from 0 to 8).

The interpretation of the values of the integral indicator of the prospects of a young athlete is shown in table 2.

Table 2 – Interpretation of P-values

P-value	Interpretation
6,0–8,0	The prognosis is excellent
4,0–5,99	The prognosis is good
2,0–3,99	The prognosis is satisfactory
0,0–1,99	The prognosis is unsatisfactory

Example. A young athlete has a median motivation level M = 5, weighted intra-group rank of the level of general physical fitness R = 0,67. Then the indicator of the prospects of this athlete P = 5 · 0,67 = 3,33, which is interpreted as «satisfactory».

Results and discussion. As part of the study of young athletes' potential, 128 girls and 127 boys, students of grades 2–4 of general educational institutions, took part in the initial selection stage. They became finalists of the republican mass sports event «300 Talents for the Queen», held from April 17 to 21, 2024. The finalists were divided into six age groups: 40 boys (grade 2), 39 (grade 3), and 48 (grade 4); 41 girls (grade 2), 44 (grade 3), and 43 (grade 4).

The results of the ratings of the prospects of young track and field athletes among boys and girls of grades 2–4 are presented in diagram 1. Processing data was carried out with the help of Excel spreadsheets.

The study identified gifted children who were capable of participating in sports in each age group. So, among the boys (2nd grade) participated in the research three of them showed high level prospects, 11 – good, 12 – satisfactory, and 14 – unsatisfactory. In the group of the boys of the 3rd grade only one participant demonstrated high level, and 23 – good or satisfactory. In the 4th grade two participants showed high level, 11 – good, and 20 – satisfactory, at the same time, 15 boys from the 3rd and 4th grades demonstrated unsatisfactory prospects.

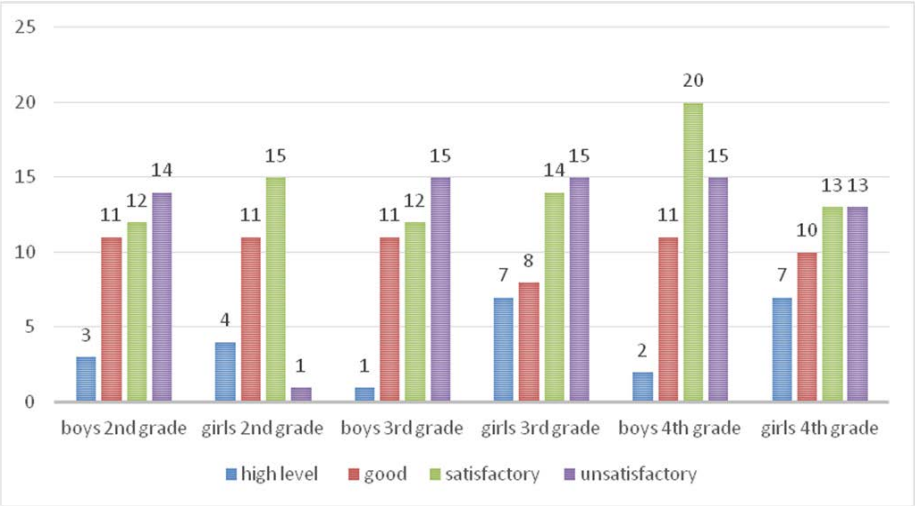

Diagram 1 – Results of the ratings of the prospects of young track and field athletes among boys and girls of grades 2–4

Among the girls, more participants with high-level prospects were observed: in the 2nd grade – 4 participants, in the 3rd and 4th grades – up to 7. A good level was observed among 11 girls in the 2nd grade, as well as among 8 and 10 girls in the 3rd and 4th grades, respectively. An unsatisfactory level was found among 11 girls in the 2nd grade, 15 in the 3rd grade, and 13 in the 4th grade.

Overall, the research results indicate a sufficient number of participants with a high level of motor giftedness. However, to obtain more reliable results, it is necessary to identify methods that allow monitoring the potential of participants to participate in sports over several years.

Conclusion. To effectively select children for athletics, it is important to consider criteria such as health, fitness level, body type, and motivation for the sport. Our proposed comprehensive indicator of young athlete potential allows us to simultaneously consider several key factors – physical fitness, motivation, and health. Using this step-by-step method significantly simplifies the work of coaches and teachers when forming initial training groups and facilitates a more targeted selection of young athletes who demonstrate high motivation and the potential to achieve high athletic results.

Reference

1. Platonov, V. N. System of preparation of athletes in Olympic sports. The general theory and its practical application : study guide for students of high schools of physical culture and sports / V. N. Platonov. – Kiev : Olympic literature, 2004. – 820 p.

2. Guba, V. P. Integral system for assessing the characteristics of children's giftedness / V. P. Guba, A. V. Solodnikov // Physical education : upbringing, education, training. – 2016. – № 1. – P. 46.

3. Issurin, V. B. Block periodization of sports training : monograph / V. B. Issurin. – M. : Sovetsky Sport, 2010. – 288 p.

4. But-Gusaim, N. A. New approaches to the primary selection of young athletes in groups of initial training in athletics / N. A. But-Gusaim // Innovations in education and science : collection of scientific articles / Gomel State University named after F. Skorina ; ed. board : G. I. Narskin (editor-in-chief) [et al.]. – Gomel, 2023. – P. 210–212.

5. Ilyin, E. P. Motivation and motives / E. P. Ilyin. – St. Petersburg : «Piter», 2000. – P. 65.

6. Starchenko, V. N. Scientific and technological foundations for the formation of the need-motivational-value sphere of physical education of students of the second and third stages of general secondary education / V. N. Starchenko, A. N. Metelitsa. – Gomel : GSU named after F. Skorina, 2019. – 265 p.

7. Starchenko, V. N. Structural-content model of competitive culture of athletes, specializing in modern pentathlon / V. N. Starchenko, S. V. Sevdalev // Инновации в науке и образовании : сб. науч. ст. / ГГУ им. Ф. Скорины ; редкол.: О. М. Демиденко (гл. ред.) [и др.]. – Гомель, 2023. – С. 259–264.

Гомельский государственный
университет имени Франциска Скорины

Поступила в редакцию 08.09.2025

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 2 (155), 2026

УДК 378.147:159.99 EDN: ENGZYX

Самооценка развития soft skills студентами и слушателями переподготовки социономического профиля

Н.В. Гапанович-Кайдалов[1], Е.В. Гапанович-Кайдалова[2]

В статье обоснована актуальность проблемы развития soft skills, проанализированы подходы к определению сути данных ключевых компетенций и составляющих их компонентов. Представлены результаты эмпирического исследования развития soft skills у студентов и слушателей переподготовки социономического профиля на основе их самооценок. Установлено наличие значительных корреляций между всеми ключевыми компетенциями, следовательно, развитие одной компетенции стимулирует развитие остальных, создает тем самым условия для более полной самореализации личности.
Ключевые слова: soft skills, развитие soft skills у студентов и слушателей переподготовки, представители социономических профессий.

The article substantiates the relevance of the problem of soft skills development, analyzes approaches to defining the essence of these key competencies and their components. The results of an empirical study on the development of soft skills among students and retraining participants in socionomic professions based on their self-assessments are presented. Significant correlations between all key competencies have been established; consequently, the development of one competency stimulates the development of the others, thereby creating conditions for more complete self-realization of the individual.
Keywords: soft skills, development of soft skills among students and retraining participants, representatives of socionomic professions.

Введение. Деятельность современного специалиста связана с необходимостью быстро ориентироваться в большом потоке разнородной информации и включаться во взаимодействие с людьми, обладающими различными индивидуальными, культурными, национальными и другими особенностями, проявлять гибкость, инициативу, творческий подход, лидерские качества. Исходя из этого, исследователи указывают на необходимость развития soft skils у любого работника (И.Г. Борзова, Э.Ф. Зеер, Ю.В. Сорокопуд, B. Cimatti, L.H. Lippman и др.), но подчеркивают особую значимость данных навыков для представителей социономических профессий (О.Б. Ганпанцурова, Н.Н. Локтаева, Т.А. Цквитария, И.И. Черкасова, Т.А. Яркова и др.).

Понятие было введено сравнительно недавно, стало активно использоваться с 2013 г. сначала в исследованиях по менеджменту, а затем вопросы, связанные с развитием soft skils, вызвали научный интерес у представителей других наук, в частности, педагогов, психологов, медиков, социологов (И.Г. Борзова, Э.Ф. Зеер, Т.А. Платонова, С.Р. Соколова, Ю.В. Сорокопуд, Е.В. Таптыгина, И.И. Черкасова, О.Л. Чуланова, Т.А. Яркова, B. Cimatti, L.H. Lippman и др.).

Исследователи отмечают важность soft skils для профессиональной самореализации и карьерного роста. Так, согласно B. Cimatti, «они необходимы на любой должности, поскольку они в основном относятся к отношениям с другими людьми, вовлеченными в работу организации» [1, с. 4]. Soft skils представляют собой неспециализированные, надпредметные навыки, отвечающие за успешное участие в рабочем процессе, высокую производительность, «позволяют людям эффективно ориентироваться в окружающей среде, хорошо работать с другими людьми, хорошо выполнять свою работу и достигать своих целей» [2, с. 4].

Межпредметность и многоаспектность рассмотрения soft skils привели к появлению большого количества трактовок данного понятия. Наиболее емким, на наш взгляд, является определение, предложенное Т.Н. Ануфриевой. По ее мнению, soft skils – «это комплекс многофункциональных умений и навыков, которые формируются и развиваются в специально организованном процессе обучения, а также посредством самообразования, усиливаются наличием значимых личных качеств, соотносятся с решением комплексных задач и обуславливают эффективность взаимодействия в рамках общения и сотрудничества на профессионально-социальном уровне» [3, с. 129].

Особая роль softs kills, как нам представляется, заключается в том, что будущие специалисты, приобретая их в ходе обучения и последующей профессионализации, получают возможность для самореализации во всех сферах жизни, непрерывного саморазвития и самосовершенствования как в профессиональном, так и личностном плане. Soft skils, по справедливому замечанию О.В. Игумновой, позволяют обучающимся «реализовать себя как в профессиональной деятельности, так и в межкультурной и межличностной коммуникации» [4, с. 34].

На расширение возможности для самоосуществления личности благодаря soft skills указывали Е.Ю. Амчиславская, Э.Ф. Зеер, Ю.В. Сорокопуд, Л.Н. Степанова и др. В частности, Э.Ф. Зеер и Л.Н. Степанова, точку зрения которых по данному вопросу мы разделяем, считают, что «базовые коммуникативные компетенции (реализация коммуникативно-личностного потенциала), навыки self-менеджмента (мотивация приобретения знаний, рефлексивные качества) и эффективного мышления (способность к прогнозированию, инновативность) повышают психологическую устойчивость личности, ее готовность противостоять трудностям, решать дивергентные жизненные задачи, сохранять стабильность и свободу поведения. Осознанная ориентация на личностный рост и самосовершенствование, использование проблемно-ориентированного копинга усиливают аутосимпатию и интерес к собственной жизни и личности» [5, с. 83].

Обобщив результаты анализа различных точек зрения относительно определения сущности soft skils, мы пришли к выводу, что исследователи:

1) рассматривают эти навыки как комплекс;

2) связывают их с умением взаимодействовать с людьми, работать в команде, при этом проявлять управленческие и организаторские способности, гибкость мышления;

3) считают их надпредметными, приобретаемыми в ходе обучения, профессионализации, саморазвития;

4) определяющими успешность профессиональной деятельности и карьерный рост.

Существуют различные мнения относительно составляющих soft skills, но, как правило, в их число включают, прежде всего, коммуникативные и организаторско-управленческие умения, способность сотрудничать и работать в команде (Е. Гайдученко, А. Марушев, О.В. Сосницкая, В. Шилов, M.Z. Hackman, C.E. Johnson, J.R. Katzenbach, D.K. Smit и др.). В то же время ряд авторов относит к soft skills умения и навыки, связанные с эмоциональным интеллектом (D. Goleman, Ф. Лукьянова, И. Милевски, Д. Татаурщикова, О.Л. Чуланова и др.). Кроме того, перечень soft skills исследователи дополняют умениями, относящимися к мышлению, в частности, его гибкости, самостоятельности, способности анализировать информацию и быстро принимать решения в изменяющихся условиях (Э.Ф. Зеер, С. Мамаева, Ю. Портланд, Л.Н. Степанова, А.В. Ярославцева и др.). Помимо этого, к soft skills причисляют умения, связанные с проявлением личностных качеств, таких, как уверенность в себе, ответственность, стремление к достижениям (О. Абашкина, С. Мамаева и др.).

С нашей точки зрения, достаточно полно soft skills студентов описаны Э.Ф. Зеером и Л.Н. Степановой. Данные авторы выделяют три основные группы soft skills:

1) базовые коммуникативные навыки: навыки публичного выступления; навыки самопрезентации; информационная грамотность; умение убеждать и слушать; способность аргументировать; толерантность к неопределенности; способность к командной работе; эффективное поведение в неопределенных, критических ситуациях;

2) навыки эффективного мышления: гибкость, аналитичность, осознанность, инновативность, перспективность, доказательность, прогностичность, креативность;

3) навыки self-менеджмента: навыки целеполагания; инициативность; управление собственными ресурсами (саморазвитие, самообразование, самоорганизация); управление эмоциями; способность к планированию; навыки тайм менеджмента; рефлексия [5].

Таким образом, можно сделать вывод, что владение soft skills предполагает умение взаимодействовать с людьми, базирующееся на развитых коммуникативных навыках и эмоциональном интеллекте, планировать и организовать свою индивидуальную и командную работу, проявлять лидерские качества, гибкость, самостоятельность и оригинальность мышления, осуществлять рефлексию, самоконтроль и саморазвитие.

Несмотря на значимость soft skills, существует ряд проблем, связанных с их оценкой и развитием. Одной из главных проблем является отсутствие стандартных методов оценки мягких навыков, что затрудняет их интеграцию в систему образования и профессиональной подготовки [6].

Soft skills становятся все более важными в условиях современного рынка труда. Исследования показывают, что их развитие необходимо для достижения профессионального успеха. В частности, по данным исследования LinkedIn, приоритетными для работодателей в 2025 г. и необходимыми для любого сотрудника являются такие soft skills, как: сочувствие, тайм-менеджмент, критическое мышление, совместная работа в команде [7]. Подобные выводы подтверждаются и другими источниками, в частности, в отчете World Economic Forum 2025 г. указывается, что, помимо технологических навыков, все большее значение приобретают творческое мышление, устойчивость, гибкость и ловкость, любознательность и обучение на протяжении всей жизни [8]. Обозначенные навыки в настоящее время являются ключевыми для организаций, кроме того, к 2030 г. их важность и востребованность, согласно прогнозам специалистов, будут продолжать быстро расти. Однако для эффективного обучения и оценки этих навыков требуются новые подходы и методы.

Основная часть. Целью нашего исследования было выявить особенности развития soft skills у студентов и слушателей переподготовки социономического профиля.

В выборку были включены представители социономических профессий, получающие высшее образование и проходящие переподготовку на базе высшего образования, поскольку развитие у специалистов, объектом и предметом профессиональной деятельности которых являются люди, soft skils представляет особую актуальность, во многом определяет эффективность взаимодействия и результат работы (В.П. Исаев, Р.Д. Каверина, С.Б. Пашкин, А.И. Худяков, С.М. Шингаев и др.). Структура выборки исследования: слушатели специальностей переподготовки «Психологическое сопровождение педагогической деятельности» (n = 76), «Интегрированное обучение и воспитание в школьном образовании» (n = 40) УО «Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины», студенты 2–6 курсов УО «Гомельский государственный медицинский университет» (n = 104). Все слушатели (n = 116) имеют высшее образование и опыт работы, их средний возраст – 37,85. Студенты (n = 104) проходят обучение по специальностям «Лечебное дело», «Медико-профилактическое дело», «Медико-диагностическое дело», средний возраст – 21,81. Общий объем выборки составил 220 человек, из них 194 женщины и 26 мужчин, средний возраст – 30,3 года.

Методы исследования: тестирование, беседа, методы математической обработки данных.

Респондентам было предложено ответить на вопросы методики «Самооценка развития ключевых компетенций» [9]. Данный опросник позволяет оценить уровень развития таких компетенций, как критическое мышление, креативность, коммуникативность, координация деятельности.

Критическое мышление представляет собой способность осуществлять критический анализ, проверку достоверности и оценку поступающей извне информации, устанавливать причинно-следственные связи, выделять главное, делать самостоятельные выводы, основываясь на фактическом материале.

Креативность рассматривается как проявление любознательности, способность нестандартно мыслить, генерировать собственные и перерабатывать существующие идеи с учетом меняющихся условий, гибко реагировать, действовать в ситуации неопределенности, преодолевать трудности, сопротивляться преждевременному завершению, постоянно осознанно и творчески развивать свой опыт, быть готовым к использованию инноваций и моделированию на основе интегрального подхода.

Коммуникативность предполагает наличие развитых коммуникативных умений, способность убедительно доносить свои мысли, применяя для этого как вербальные, так и невербальные средства, умение слышать собеседника, договариваться и сотрудничать, адекватно оценивать ситуацию и результаты взаимодействия.

Координация деятельности включает способность к командной работе, выполнению лидерских и исполнительских функций, распределению ролей, контролю реализации поставленных задач.

На основании полученных результатов представляется возможным установить уровень развития компетенции: начальный (некомпетентность); развития (ниже ожидаемого); опыта (ожидаемый); мастерства (высокий).

Кроме того, с испытуемыми проводились групповые беседы, в ходе которых уточнялись представления участников исследования о сути компетенций, обсуждались результаты и предлагались рекомендации по развитию обозначенных выше soft skills.

Для проверки достоверности результатов исследования были использованы критерий φ*-угловое преобразование Фишера, метод корреляции Пирсона и t-критерий Стьюдента.

Исследование включало следующие этапы:

1) самооценка развития ключевых компетенций студентами-медиками;

2) диагностика развития ключевых компетенций у слушателей переподготовки на основе их самооценок;

3) проведение сравнительного анализа развития ключевых компетенций у студентов-медиков и слушателей переподготовки, проверка достоверности полученных данных;

4) общая оценка развития ключевых компетенций участников исследования; выявление корреляций между различными компетенциями.

Целью первого этапа нашего исследования было определить средние показатели развития ключевых компетенций у студентов медицинского университета. Анализ результатов показал, что все компетенции (критическое мышление, креативность, коммуникативность, координация деятельности) у большинства студентов находятся на уровне развития, т. е. ниже ожидаемого. Интерпретировать уровень «Развитие» можно как ограниченное владение компетенциями. Студенты могут реализовать ключевые компетенции soft skills ещё в недостаточной мере и лишь в ограниченном объёме. Критическое мышление и креативность у них проявляются лишь в простых или знакомых ситуациях. Наиболее высокий средний балл зафиксирован по показателю «Креативность» (37,7), наиболее низкий – «Координация деятельности» (30,6). Креативность важна в медицинской практике, особенно в контексте поиска нестандартных решений в сложных ситуациях. Высокое среднее значение может указывать на то, что студенты осознают необходимость креативного подхода в своей будущей профессиональной деятельности. Низкий уровень самооценки по показателю «Координация деятельности» может быть связан с тем, что студенты зачастую ориентированы в большей мере на личный успех и индивидуальный результат, еще только приобретают опыт работы в команде, начинают осознавать преимущества распределения ролей, сотрудничества и взаимопомощи.

На втором этапе оценивалось развитие ключевых компетенций у слушателей переподготовки. В итоге было установлено, что у данной группы респондентов ключевые компетенции представлены не в полной мере (у более 80 % слушателей зафиксирован уровень «Развития»). Наиболее выражена компетенция «Коммуникативность» (39,9), что, на наш взгляд, связано с наличием опыта профессионального взаимодействия, решения разнообразных коммуникативных задач в процессе деятельности и межличностного общения. Несколько менее выражена «Креативность» (39,4), что может быть обусловлено, в частности, исходя из бесед со слушателями-дефектологами, сложностью и комплексностью проблем обучающихся, необходимостью длительного времени для достижения положительной динамики, скрупулёзной, иногда шаблонной отработки определенных действий, выполнения заданий для формирования навыков у учащихся. Кроме того, как отметили слушатели-психологи, зачастую специалист работает по запросу, ориентируясь на ожидания клиента, администрации, коллег, родителей, что также не дает возможности в полной мере проявить творчество, предложить что-то новое и нестандартное.

Менее выражена у слушателей переподготовки психолого-педагогических специальностей компетенция «Координация деятельности» (32,6). Причиной подобного результата может быть малый опыт работы в команде, поскольку психолог и дефектолог в учреждении образования обычно один. Слушатели указали, что зачастую имеет место недостаточная поддержка со стороны других педагогов и администрации, непонимание специфики деятельности специалиста, отсутствие супервизии ввиду отсутствия других профильных специалистов в учреждении образования. В связи с этим даже в рамках социально-психологической службы образования каждый из специалистов выполняет свой блок работы, следовательно, о подлинной координации, распределении ролей, инициируемом самими специалистами, речи не идет, поскольку функции изначально определены должностными обязанностями.

На третьем этапе исследования был осуществлен сравнительный анализ ключевых компетенций студентов и слушателей. В соответствии с использованной методикой мы сопоставили средние значения для данных групп респондентов по ключевым компетенциям. В результате с помощью t-критерия Стьюдента было статистически достоверно установлено, что уровень развития всех ключевых компетенций у слушателей переподготовки выше, чем у студентов. Так, по компетенции «Критическое мышление» у слушателей и студентов средние значения составили 37,8 и 36,1 соответственно ($t = 3$, $p < 0,01$); по компетенции «Креативность» – 39,4 и 37,7 ($t = 2,7$, $p < 0,01$); по компетенции «Коммуникативность» – 39,9 и 37,6 ($t = 3,9$, $p < 0,01$); по компетенции «Координация деятельности» – 32,6 и 30,6 ($t = 4,3$, $p < 0,01$). На наш взгляд, это связано с профессионализацией специалистов, необходимостью и возможностью применять полученные в ходе обучения знания и умения на практике, вхождением в профессию и активным ее освоением, приобретением опыта постановки и решения разнообразных задач в профессиональной деятельности, профессиональной самореализацией.

Кроме того, с помощью критерия φ*-угловое преобразование Фишера удалось сделать следующие выводы.

Статистически значимо больше студентов, чем слушателей курсов переподготовки, имеют «Начальный уровень» развития таких ключевых компетенций, как «Критическое мышление» (6,7 % и 1,7 %; $\varphi^* = 1,968$, $p < 0,05$) и «Координация деятельности» (26,0 % и 6,0 %; $\varphi^* = 4,3$, $p < 0,01$). При этом доля слушателей, имеющих только начальный уровень по показателю «Креативность», существенно больше в сравнении со студентами (15,5 % и 1,9 %; $\varphi^* = 4,3$, $p < 0,01$).

Вместе с тем, статистически значимо больше студентов, чем слушателей курсов переподготовки, имеют развитие на уровне «Опыт» по показателю «Креативность» (10,6 % и 0,9 %; $\varphi^* = 3,696$, $p < 0,01$). В тоже время у большего числа слушателей отмечен уровень опыта по сравнению со студентами по такой ключевой компетенции, как «Коммуникативность» (19 % и 9,6 %; $\varphi^* = 2,013$, $p < 0,05$).

Это можно объяснить по крайней мере тремя главными обстоятельствами.

1. Возрастные различия и жизненный опыт: студенты, как правило, моложе и могут находиться на начальной стадии своего образования, что может объяснять их менее развитые навыки в области креативности. Напротив, слушатели курсов переподготовки, имея более зрелый возраст, могут иметь более разнообразный жизненный опыт и профессиональный фон, что способствует развитию креативности, но с другой стороны, они могут быть менее открыты к новым идеям и подходам, что затрудняет их креативное мышление.

2. Образовательные программы и подходы к обучению: программы для студентов могут быть более ориентированы на теоретические знания и подготовку к будущей профессиональной деятельности, в то время как в системе переподготовки особое внимание уделяется практическим аспектам и применению знаний, что способствует развитию креативности. Студенты могут не получать достаточного количества практических заданий, которые стимулировали бы развитие критического мышления и креативности.

3. Различия в мотивации и целях обучения у студентов и слушателей переподготовки. Студенты, возможно, больше сосредоточены на получении диплома и освоении базовых знаний, в то время как слушатели переподготовки могут стремиться к конкретным профессиональным изменениям или улучшению своих навыков. Это может привести к различиям в уровнях развития таких ключевых компетенций, как критическое мышление и креативность.

Нами был проведен также общий анализ ключевых компетенций всех участников исследования. Средние значения по компетенции «Критическое мышление» составили 36,88 при стандартном отклонении 4,35; по компетенции «Креативность» – 34,81 при стандартном отклонении 4,28; по компетенции «Коммуникативность» – 38,83 при стандартном отклонении 4,6; по компетенции «Координация деятельности» – 35,5 при стандартном отклонении 4. Как видим, более выражена у респондентов коммуникативность. Результаты, на наш взгляд, вполне закономерны. Развитию и совершенствованию коммуникативных умений уделяется внимание на всех этапах обучения, начиная с учреждений дошкольного образования и заканчивая

системой переподготовки. Кроме того, данные умения постоянно применяются как в учебной и профессиональной деятельности, так и в повседневном общении. Особенно актуально наличие умений взаимодействовать с окружающими, выражать свои мысли и чувства, внимательно слушать собеседника и рассматривать различные точки зрения, проявляя терпимость и эмпатию, гибко применять техники общения, исходя из условий ситуации, для представителей социономических профессий. Респонденты указали на необходимость развития у специалистов своего профиля в первую очередь именно коммуникативности, поскольку от нее во многом зависит эффективность профессионального взаимодействия и результат деятельности.

Корреляционный анализ позволил установить наличие тесных взаимосвязей между всеми ключевыми компетенциями. Так, с помощью метода корреляции Пирсона выявлены достоверные положительные взаимосвязи между критическим мышлением и креативностью ($r = 0{,}481$, $p < 0{,}01$); коммуникативностью ($r = 0{,}545$, $p < 0{,}01$); координацией деятельности ($r = 0{,}586$, $p < 0{,}01$). Проведенный анализ позволяет констатировать наличие достоверных положительных взаимосвязей между креативностью и коммуникативностью ($r = 0{,}511$, $p < 0{,}01$); координацией деятельности ($r = 0{,}508$, $p < 0{,}01$). Кроме того, установлено существование достоверных положительных взаимосвязей между коммуникативностью и координацией деятельности ($r = 0{,}644$, $p < 0{,}01$). Это свидетельствует о том, что развитие каждой из обозначенных компетенций стимулирует развитие остальных, создает тем самым условия для более полной самореализации личности. Например, высокий уровень коммуникативности может улучшить критическое мышление и креативность, т. к. эффективное взаимодействие с другими людьми может приводить к обмену идеями и мнениями.

На основании анализа результатов проведенного исследования мы пришли к следующим выводам:

1. Большинство студентов и слушателей переподготовки оценивают свои soft skills на уровне «Развития», что указывает на наличие определенных навыков, но также и на возможность их дальнейшего улучшения.

2. В целом можно утверждать, что средний уровень развития ключевых компетенций у слушателей статистически значимо выше, чем студентов, которые находятся на начальном этапе профессионализации и не имеют практического опыта.

3. Наличие значительных корреляций между всеми компетенциями свидетельствует о том, что развитие одной компетенции стимулирует развитие остальных, создает тем самым условия для более полной самореализации личности.

Данные результаты могут быть полезны для разработки программ по развитию soft skills в образовательных учреждениях, а также для дальнейших исследований в данной области.

Результаты исследования показывают, что респонденты уверены в своих навыках, но также указывают на необходимость дальнейшего развития soft skills. Возможно, стоит обратить внимание на интеграцию soft skills в учебный процесс (разработка курсов или тренингов, направленных на развитие креативности и критического мышления). Кроме того, целесообразно больше использовать на занятиях методы активного обучения (ролевые игры, анализ ситуаций и др.), включать обучающихся в групповые проекты, поскольку работа такого плана способствует развитию всех рассматриваемых компетенций. С нашей точки зрения, необходима также регулярная обратная связь от преподавателей и коллег и рефлексия для того, чтобы помочь обучающимся более адекватно оценивать свои навыки и выявлять области для улучшения.

Заключение. Качественный анализ результатов исследования показывает, что большинство студентов и слушателей переподготовки имеют средний уровень развития ключевых компетенций (только 10–20 % результатов принадлежит к категории «Опыт»). Таким образом, имеется существенный потенциал профессионального самосовершенствования для обеих категорий респондентов исследования. Использование предложенных рекомендаций по улучшению образовательного процесса университета и программ повышения квалификации и переподготовки кадров будет содействовать более гармоничному развитию этих навыков, что, в свою очередь, будет способствовать повышению эффективности профессиональной деятельности специалистов социономического профиля.

Литература

1. Cimatti, B. Definition, development, assessment of soft skills and their role for the quality of organizations and enterprises / B. Cimatti // Inter-national Journal for quality research. – 2016. – № 10 (1). – P. 97.

2. Lippman, L. H. Workforce connections : key «soft skills» that foster youth workforce success : toward a consensus across fields / L. H. Lippman, R. Ryberg, R. Carney, A. Kristin. – Bethesda : Child Trends, 2015. – 56 p.

3. Ануфриева, Т. Н. Контент-анализ понятия «гибкие навыки» (soft skills) / Т. Н. Ануфриева // Вестник Томского гос. пед. ун-та. – 2023. – Вып. 2 (226). – С. 120–132.

4. Игумнова, О. В. «Жизненные» и «гибкие» навыки обучающихся : границы применимости понятий в педагогике / О. В. Игумнова // Теория и практика социогуманитарных наук. – 2019. – № 4 (8). – С. 25–38.

5. Степанова, Л. Н. Softskills как предикторы жизненного самоосуществления студентов / Л. Н. Степанова, Э. Ф. Зеер // Образование и наука. – 2019. – № 8. – С. 65–89.

6. Bachmann, R. Assessing soft skills : A review of the literature and future directions / R. Bachmann & others // Journal of Business Research. – 2021. – № 124. – P. 1–12.

7. LinkedIn 2025 Report Highlights : The Skills That Will Define the Future. – URL : https://impranjalk.com/linkedin-2025-skills-report/ (date of access : 04.06.2025).

8. The Future of Jobs Report 2025. – URL : https://www.weforum.org/publications/the-future-of-jobs-report-2025/in-full/3-skills-outlook/ (date of access : 04.06.2025).

9. Самооценка развития ключевых компетенций (в рамках программы развития компетенций для студентов и выпускников ВУЗов). – URL : http://loft.imc-nev.ru/file/тест_v2.pdf (дата обращения : 04.06.2025).

[1]Гомельский государственный
медицинский университет

[2]Гомельский государственный
университет имени Франциска Скорины

Поступила в редакцию 06.06.2025

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 2 (155), 2026

УДК 373.24 EDN: FMDTFS

Игровая деятельность в детских садах Брестчины

М.С. Ковалевич, Н.А. Леонюк

В статье рассматривается содержание игровой деятельности в учреждениях дошкольного образования на Брестчине. Аргументировано преимущество использования народных игр в практике семейного воспитания, их простота и доступность в организации. Представлены советы родителям по организации народных игр в семье, которые дают брестские воспитатели детских садов.
Ключевые слова: народные традиции воспитания, народная игра, духовно-нравственное и физическое воспитание, современные игры, семья.

The article discusses the content of play activities in pre-school educational institutions in the Brest region. The advantage of using folk games in the practice of family education, their simplicity and accessibility in the organization are argued. The article presents the tips for parents on organizing folk games in the family, which are given by Brest kindergarten teachers.
Keywords: folk traditions of upbringing, folk game, spiritual, moral and physical education, modern games, family.

Построение полноценной национально ориентированной системы образования возможно только на основе отечественных культурно-исторических традиций. В послании Президента Республики Беларусь А.Г. Лукашенко белорусскому народу и Национальному собранию отмечалось, что экономическое возрождение нашей республики не может состояться без гражданского становления каждого человека. Для этого с раннего возраста детям необходимо прививать любовь к историческому прошлому и культуре своего народа, гордость за достижения прошлых поколений, ответственность за будущее страны.

«Незнание и непонимание особенностей народной педагогики, в первую очередь педагогики своего народа, несёт за собой игнорирование, пренебрежение особенностями культур разных народов» [1, с. 140].

Возрождение лучших гуманистических традиций народной педагогики и их творческое использование в практике воспитания позволят каждому народу обогатить современную культуру и сохранить свою идентичность.

Для подтверждения этой мысли можно обратиться к «золотому правилу» этнопедагогики: «без исторической памяти нет традиций, без традиций – нет культуры, без культуры – нет воспитания, без воспитания – нет духовности, без духовности – нет личности, без личности – нет народа» [2, с. 34].

Задача педагогов и родителей – как можно раньше пробудить в подрастающем человеке любовь к родной земле, с первых шагов развивать у детей черты характера, которые помогут ему стать гражданином своей страны. Воспитывать любовь и уважение к родному дому, детскому саду, родной улице, городу; чувство гордости за достижения страны, за мужество воинов, любовь к Родине.

Для получения эффективного воспитательного результата, по народным представлениям, родители должны быть высокоморальными людьми. Нравственный пример и авторитет старших – основа семейного воспитания: «У добрага бацькі – добрыя дзеці, у ліхога – ліхія». Согласно исследованиям А.П. Орловой, «совершенный белорус – это труженик, патриот, семьянин и высоконравственная личность» [3, с. 8].

Одним из средств создания положительной эмоциональной атмосферы в семье, установления тесного сотрудничества между взрослыми и детьми являются народные игры.

«До настоящего времени в Беларуси сохранилась большая группа игр с сельскохозяйственными и охотничьими сюжетами, которые с учетом некоторых поздних изменений могут быть отнесены к древнейшим славянским играм («Просо», «Редька», «Хорт», «Волк», «Крумкач» и др.), а также сохранились игры, сюжеты которых сложились под влиянием культовых и

бытовых обрядов («Зязюля», «Лось», «Яшчур», «Млын», «В тура», «Стрела», «Мак» и др.). Определенный отпечаток на содержание белорусских народных игр наложили различные исторические события, отголоски древних обычаев и порядков, например, панщины, рекрутской повинности, народных восстаний («Стрелец», «В казаков», «В пана», «Некрут» и др.). В некоторых играх нашли отражение представления скоморохов, кукольников («Медведь», «Каток», «Бег на ходулях» и др.). На тематике более поздних по времени возникновения игр сказалось развитие промышленности («У шашу», «Железка», «Тягники» и др.)» [4, с. 9].

Воспитателям учреждений дошкольного образования надо помнить, что народные игры являются национальным богатством. Мы должны сохранить их в дошкольном детстве. Поэтому важно не дать компьютерам поработить детей, но научить брать у них положительное для повышения качества жизни, при этом не потерять способность к живому общению.

В народной подвижной игре развивается сила ребёнка, твёрже делается рука, гибче тело, вернее глаз, развивается сообразительность, находчивость, инициатива. Одни игры развивают у детей ловкость, выносливость, меткость, координацию, быстроту и силу; другие учат премудростям жизни, добру и справедливости, чести и порядочности, любви и долгу. Народные игры способствуют воспитанию сознательной дисциплины, воли, настойчивости в преодолении трудностей. Приучают детей быть честными и правдивыми.

Народные игры для детей дошкольного возраста – способ и средство познания окружающего мира. В них много юмора, шуток, соревновательного задора. Такие игры доставляют ребёнку много положительных эмоций, особенно дети любят, когда с ними играют родители. Родителям рекомендуется: не лишать ребенка такой радости, вспомнить, что они и сами были детьми. Родители – первые участники игр своих детей. И чем активнее их общение с ребёнком, тем быстрее он развивается духовно и физически. Дети очень подвижны, неутомимы в своём желании бегать, прыгать, скакать, устраивать себе препятствия, и они получают от всего этого мышечное и эмоциональное удовольствие.

Цель работы – определить содержание игровой деятельности в учреждениях дошкольного образования на Брестчине и предложить советы родителям по организации народных игр в семье.

С этой целью мы предложили родителям на родительском собрании в УДО № 14 г. Бреста ответить на вопросы теста «Во что и как играют дети дома». Анализ ответов респондентов показал, что большинство родителей считают, что игра – жизненно необходимое условие для развития и взросления ребенка, способствует подготовке к школьной жизни. Современные дети чаще всего играют в сюжетно-ролевые игры, используя следующие игрушки: конструктор/лего, машинки, стройка, игры с мячом, прятки, железная дорога, кукольный домик, дидактические игры (пазлы, игры-ходилки). У всех детей дома присутствуют следующие виды игрушек: образные, технические, строительные, дидактические, настольно-печатные, игровые наборы для сюжетных игр, военные игрушки. Лишь у трех человек есть компьютерные игры, у одного игрушки-монстры, ни у одного ребёнка нет электронных игрушек.

На вопрос «Что значит быть игровым партнёром», большинство взрослых ответило: «…значит поддерживать идею ребёнка, развивать её, быть наравне, предлагать разные варианты сюжета, подыгрывать ему, учитывать его интересы, отвечать взаимностью и заинтересованностью. Для ребёнка ценно, что ты полностью уделяешь ему время». Все родители отметили, что дети просят поиграть с ними, и они откликаются на просьбу с удовольствием и отвечают так: «Подожди пару минут я сейчас закончу дела и приду», объясняют через сколько освободятся. Чаще дети предлагают роли, которые зависят от игры, иногда второстепенные, иногда главные: учитель-ученик, врач-пациент, водитель, строитель, продавец-покупатель и др.

На вопросы теста «Инициатива взрослого в игровом общении с ребенком» получены следующие результаты. На «ключевые» вопросы теста, которые с большей вероятностью характеризуют игровую инициативу родителя не на словах, а на деле, получено 96 % положительных ответов. Эти ответы свидетельствуют о том, что большинство родителей поддерживают ребенка в придумывании историй и фантазировании; находят время, чтобы хоть немного поиграть вместе с ребенком; помогают ребенку в придумывании новых сюжетов игр, развертывании содержания уже знакомых ребенку сюжетов; позволяют ребенку играть с разными предметами и ненужным хламом, если ему это интересно (пустые пузырьки, упаковки от продуктов, куски ткани и пр.); предпочитают, чтобы основную часть свободного времени дома ребенок играл.

В «традиционных» суждениях получено 92 % положительных ответов, свидетельствующих, что большинство родителей внимательно относятся к потребности своего ребенка в игре; дома у ребенка выделено специальное место, где он может свободно играть с игрушками; его не ругают за беспорядок в комнате, если это связано с незаконченной игрой, не наказывают ребенка отказом ему в игре, общении. Родители, придерживающиеся «традиционного» подхода, склонны давать ребенку больше свободы и самостоятельности в игре, ограничиваясь лишь словесным сопровождением.

Таким образом, анализ ответов позволяет выделить два отчетливых типа родительского поведения в игровой деятельности ребенка. «Ключевые» суждения, где отрицательные ответы встречаются реже (4 %), свидетельствуют о более активной и вовлеченной позиции родителя, проявляющейся в конкретных действиях и участии в игровом процессе. «Традиционные» суждения, с немного более высоким процентом отрицательных ответов (8 %), указывают на поддержку и одобрение без активного участия в самой игре. Это может говорить о том, что родители, придерживающиеся «традиционного» подхода, склонны давать ребенку больше свободы и самостоятельности в игре, ограничиваясь лишь словесным сопровождением. Небольшая разница в процентах отрицательных ответов между двумя группами суждений наглядно демонстрирует незначительное различие в степени вовлеченности родителей в игровую деятельность ребенка по критерию активности.

Студентам, будущим воспитателям, было предложено ответить на вопросы:

В какие игры вы играли в детстве дома в семье?

В какие игры вы играли в садике?

В какие игры играют современные дети?

Вы верили в какие-нибудь существа? В какие? Охарактеризуйте их.

О каких «страшных историях», бытующих в детской среде, вы можете вспомнить?

Знакомы ли Вы с виртуальным игровым пространством?

Играют ли с мальчиками девочки?

«А во что девочки играют?»

«А во что мальчики играют?»

Анализ ответов современных студентов, будущих воспитателей детских садов, показал, что «В детстве мы с семьёй играли в конструктор, собирали пазлы», « …в настольные игры, такие как «Монополия», «Незнайка», «Уно», «Твистер», «Казаки-разбойники», карточные игры.

Вспоминая свое детство, студентка отмечает, что «дома играла с родителями в шашки, домино, ролевые игры, дочки-матери. Также были популярные «прятки», «резиночки».

Студентка из г. Кобрина вспоминает: «В нашей семье было очень много интересных игр, в которые мы играли всей семьей! Это были, «московские прятки», «догонялки», так же меня родители учили играть в шашки и в «монополию».

Гомельская девочка в детстве играла в игры «Съедобное не съедобное», «Испорченный телефон», «Города».

Раскрывая содержание игровой деятельности в детском саду, студентка подчеркивает: «Любила играть в активные игры, такие как «Слон и мыши», «Классики», «Прятки», а также в ролевые игры, где мы изображали разные профессии или сказочных персонажей. В детском саду было достаточно развлекательных игр, таких как: «Море волнуется раз», «Маленький круг – большой круг», игра с нераспустившимся одуванчиком «Чай, кофе, молоко». Также были популярны настольные игры и строительные наборы, где мы создавали разные конструкции, активные игры на свежем воздухе. Были названы: «Московские прятки (самбэ)», «Слепой кот», «Войнушка», «Золушка», «Акула», «Горячая картошка», «Выбивала», «Светофор»; «Садовник», «Гуси-лебеди», «Вышибалы», «Рыбак и рыбки», «Тише едешь – дальше будешь», «Водяной», «Хитрая лиса», «Гонки с машинками на пульте управления», «Твистер», «Бутылочный боулинг».

«В садике мы играли в «Дочки матери», «Повара», «Парикмахера».

А вот какие ответы получены на вопрос: Вы верили в какие-нибудь существа? В какие?

«В детстве я верила в домашних духов, таких как домовые. Они представлялись мне маленькими, добрыми существами, которые заботятся о доме, но могут шалить, если их не

уважать». «В детстве я верила в сказочных существ, таких как феи и единороги. Феи обычно изображались как добрые, волшебные существа, которые могут исполнять желания, а единороги – как красивые лошади с волшебной силой».

Детский фольклор полон страшилок, призванных напугать: История о злых животных, например, серый волк, который мог тебя украсть в лесу и съесть. «Да, я верила в призраков, например, пиковая дама, в добрых существ, таких как зубная фея».

Вспомнили о пиковой даме, дух, который появляется из зеркал, зубной фее, которая прилетает к детям и якобы забирает выпавший зуб и кладет на его место угощение.

Многие помнят истории о «бабайке», который забирает непослушных детей, и о «черной кошке», «черной руке», которые служат для запугивания и приносят несчастья. Эти истории часто рассказывались в кругу друзей в темноте, создавая атмосферу страха и загадки.

Однако есть и такие ответы: «В детстве я не верила о существование сверхъестественных сил. Но я знаю о многих, например, Баба-яга – это сказочная ведьма, живущая в избушке. Русалки, единороги, феи, ведьмы».

Из своего жизненного игрового опыта и общения с детьми в детском саду студенты отметили, что современные девочки и мальчики часто играют вместе, особенно в командные игры или на свежем воздухе. Современные дети все больше взаимодействуют друг с другом, независимо от пола. Вместе с тем, присутствует и гендерный аспект: девочки могут играть в ролевые игры с куклами, «Дочки и матери», «Барби», «Салон красоты», «Доктор» или «Магазин». Мальчики часто играют в спортивные игры, такие как футбол или баскетбол, в машинки, догонялки, казаки-разбойники и видеоигры, а также в подвижные игры на улице. Но интересы мальчиков тоже многообразны, и они могут наслаждаться играми, которые традиционно считаются «девчачьими».

А вот что сообщает еще одна брестчанка: «Современные дети в основном играют на телефоне, очень мало детей играют на улице, но я часто вижу у себя во дворе, как дети играют в прятки и догонялки», – пишет студентка. Современные дети играют в стилистов, мастера по маникюру, имитируют игру на компьютере, увлекаются видеоиграми. Также играют в «Уличный твистер», «Дженгу» и в «Ходилки». Народные игры почти исчезают из детства.

Игра «Семья», записанная из слов информатора Кузич Оксаны Сяргеевны студенткой из Кобринского района, представлена следующим образом: «Все участники садятся на скамейке, один ведущий с мячом становится напротив. Сначала вопрос, например, «Как тебя зовут»? Ведущий бросает мяч и называет имена. Если имя человеку не нравится, то он отбивает мяч. Если нравится, то мяч ловит и, считается, что он имеет именно это имя. Конечно, фантазировали, чтобы подобрать забавные имена. Ведущий мог бы назвать «волшебное» слово семья. Если человек поймал мяч, услышав это слово, он мог сам назначить себе имя. Если нет, то ведущий мог придумать самое смешное и невероятное имя, и участник не имел права отказаться. После имени они обычно выбирали место проживания и работы, домашних животных, имя мужа (жены), количество детей».

В чём преимущество использования народных игр в практике семейного воспитания? Преимущество в том, что игры просты и доступны в организации. Они не требуют специального оборудования, специального отведённого для этого времени. С ребёнком можно играть по дороге в детский сад, во время прогулки, во время путешествия в поезде, на даче, в походах.

Если взрослыми уделяется недостаточное количество времени организации народных игр, то дети даже не знают названий игр и не могут самостоятельно играть или организовать игру. Игры с родителями – неотъемлемая часть развития детей. Польза от этого огромная. Кроме укрепления здоровья и хорошего настроения, совместные игры способствуют улучшению взаимоотношений, сближают детей и родителей.

Ребенку будет интересно узнать о детстве родителей, во что играли мама и папа, бабушка и дедушка. Наверняка, какие-то игры запомнились, а некоторые забылись. А для того, чтобы возродить и дать им вторую жизнь, необходимо научить детей играть в эти игры. Тем самым восстановить преемственность, когда правила жизни в обществе передавались от старших младшим, т. е. из поколения в поколение. При этом важно не только рассказать и научить играть, но и организовать детей на игру, поиграть вместе с ними.

Нами предложены советы родителям по организации народных игр в семье, которые дают брестские воспитатели детских садов:

– И для ребёнка, и для родителей так важно играть вместе! Так дорого ощущение любви и то особенное понимание ребёнка, которое можно обрести в игре с ним.

– Народная игра не должна включать даже малейшую возможность риска, угрожающего здоровью детей.

– Родительское участие в детской игре – введение туда новых, развивающих и обучающих элементов должно быть естественным и желанным.

– Не надо ждать от ребёнка быстрых и замечательных результатов «здесь и сейчас», необходимо терпение.

– Целесообразно поддерживать активный, творческий подход ребёнка, поощрять его индивидуальное самовыражение в игре.

– Если ребёнок умеет играть, если его радует собственная ловкость и вдохновляет победа над трудностями, ему никогда не будет скучно.

– Заканчивать игру надо ярко, эмоционально, результативно: победа, поражение, ничья.

– Хорошо использовать народные игры при организации семейных праздников, дней рождений ребёнка.

Таким образом, игровая деятельность в детских садах Брестчины является важной частью воспитательного и образовательного процесса, способствуя всестороннему развитию детей. Она содержит различные виды игр, включая народные игры, которые являются нашим национальным богатством, способствуют созданию положительной эмоциональной атмосферы в семье, развивают у детей ловкость, выносливость, координацию, быстроту и силу; учит премудростям жизни, добру и справедливости, чести и порядочности, любви и долгу. Народные игры способствуют воспитанию сознательной дисциплины, воли, настойчивости в преодолении трудностей. Приучают детей быть честными и правдивыми.

Литература

1. Швед, И. А. Традиции семейного воспитания в китайской и белорусской культурах : сопоставительный аспект / И. А. Швед, М. С. Ковалевич // Материальная, духовная культура и искусство в развитии гуманитарного сотрудничества Беларуси и Китая : матер. Междунар. междисциплинарной науч. конф., Минск–Хэфэй, 26 апреля 2024 г. / НАН Беларуси, Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы, Аньхойский университет, Центр изучения Беларуси ; гл. ред. А. И. Локотко. – Минск : Право и экономика, 2025. – 272 с.

2. Давыдова, О. И. Гуманистические традиции народной педагогики и этнопедагогики / О. И. Давыдова // Человек и образование. – 2009. – № 1. – С. 30–35.

3. Арлова, Г. П. Народная педагогіка ў выхаваўчай рабоце школы / Г. П. Арлова. – Мінск : Маладняк, 1995. – 160 с.

4. Шебеко, В. Н. Содержание и методика использования белорусских народных игр в физическом воспитании детей дошкольного возраста (в рамках проекта БГПУ «белоруссиада») Заключительный отчет / В. Н. Шебеко, Д. С. Абрамчук, А. И. Кумпан. – URL : https://elib.bspu.by/bitstream/doc/30412 (дата обращения : 20.04.2025).

Брестский государственный
университет имени А.С. Пушкина

Поступила в редакцию 21.04.2025

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 2 (155), 2026

УДК 378.147:376.1:004 EDN: GZNRKG

Педагогические условия цифрового сопровождения студентов с расстройствами аутистического спектра в системе высшего образования Республики Беларусь

В.А. Самойлова

В статье обоснованы педагогические условия цифрового сопровождения студентов с расстройствами аутистического спектра (РАС) в системе высшего образования Республики Беларусь. На основе научных исследований и международного опыта выделены четыре ключевых блока условий: цифровой образовательной среды; формирование коммуникативных и социальных компетенций обучающихся; повышение цифровой и инклюзивной компетентности педагогических кадров. Представленные положения направлены развитие социальной адаптации студентов и повышение эффективности инклюзивного обучения.
Ключевые слова: инклюзивное образование, цифровая образовательная среда, Республика Беларусь, расстройства аутистического спектра, педагогические условия, цифровая компетентность.

The article substantiates the pedagogical conditions for digital support of students with autism spectrum disorders (ASD) in the higher education system of the Republic of Belarus. Based on the scientific research and international experience, four key blocks of conditions are identified: the digital learning environment; development of students' communicative and social competencies; enhancement of educators' digital and inclusive competencies. The proposed framework is aimed at fostering students' social adaptation and improving the effectiveness of inclusive education.
Keywords: inclusive education, digital learning environment, Republic of Belarus, autism spectrum disorders, pedagogical conditions, digital competence.

Введение. В Республике Беларусь вопросам инклюзии в системе образования уделяется приоритетное внимание. Это подтверждается ратификацией Конвенции о правах инвалидов и закреплением в Кодексе Республики Беларусь об образовании права лиц с особенностями психофизического развития на получение качественного образования на всех его уровнях. Такие положения отражают приоритеты государственной политики, направленной на построение справедливого, социально ориентированного общества, где каждый гражданин, независимо от особенностей здоровья, имеет возможность реализовать свой личный и профессиональный потенциал [1, с. 4].

Приоритеты образовательной политики, зафиксированные в Концепции развития системы образования Республики Беларусь до 2030 г. и в Программе развития национальной системы обеспечения качества образования до 2025 г. и на перспективу до 2030 г., ориентированы на обеспечение доступности, вариативности и высокого качества образовательных услуг, в том числе в сфере профессиональной подготовки.

Особое значение в этих процессах приобретает интеграция лиц с расстройствами аутистического спектра в образовательную и социальную среду. Согласно данным отечественных исследований [2, с. 17], в нашей стране достигнут определенный прогресс в развитии инклюзивного образования. Однако в сфере профессионального и особенно высшего образования сохраняются нерешенными задачи, связанные с созданием образовательной среды, способной учитывать особенности восприятия и взаимодействия студентов с РАС. Российские исследователи [3], [4, с. 61] также подчеркивают сложности работы с данной категорией обучающихся, указывая на недостаточную подготовленность педагогических кадров и ограниченность комплексных программ сопровождения.

Современные исследования демонстрируют высокую эффективность применения информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) в создании инклюзивной образовательной среды для лиц с РАС [5], [6]. Использование цифровых инструментов позволяет не только индивидуализировать процесс обучения, но и снижать уровень тревожности и стресса у студентов этой категории, способствуя их успешной учебной и социальной адаптации [7].

Мировой опыт накопил значительное количество примеров успешного применения цифровых технологий в обучении студентов с аутизмом в системе высшего образования [8, с. 494]. Среди перспективных направлений выделяются методики преподавания дисциплин в области естественных наук, технологий, инженерии и математики организация дуального обучения и использование виртуальной реальности для повышения вовлеченности студентов с РАС в образовательный процесс [9]. Вместе с тем указанные подходы не нашли широкого применения в отечественной образовательной практике и требуют адаптации к национальному контексту и нормативно-правовой базе.

Несмотря на значительное число отечественных и зарубежных исследований, остаются нерешенными вопросы, связанные с формированием педагогических условий для эффективного цифрового сопровождения студентов с РАС в системе высшего образования Республики Беларусь. Недостаточно изучены механизмы интеграции цифровых технологий в образовательный процесс, способы сопровождения студентов в цифровой образовательной среде, а также вопросы подготовки педагогических кадров к работе в условиях цифровой инклюзии.

Цель настоящего исследования заключается в выявлении и обосновании педагогических условий цифрового сопровождения студентов с расстройствами аутистического спектра в системе высшего образования Республики Беларусь с учетом отечественной практики и современных вызовов цифровой трансформации образовательной сферы.

Методология и методы исследования. Исследование носит теоретико-аналитический характер и направлено на научное обоснование педагогических условий, необходимых для проектирования системы цифрового сопровождения студентов с расстройствами аутистического спектра в учреждениях высшего образования Республики Беларусь. Методологическая основа исследования сформирована на базе системного, компетентностного и инклюзивного подходов, обеспечивающих комплексное осмысление цифровой трансформации образовательной среды в условиях реализации государственной политики равного доступа к образованию.

Ввиду ограниченной представленности студентов с официально установленным диагнозом РАС в системе высшего образования Республики Беларусь, а также отсутствия масштабных эмпирических исследований по данной категории обучающихся, в работе применен комплекс теоретических методов:

– сравнительный анализ зарубежного и российского опыта цифрового сопровождения студентов с РАС в системе высшего образования;

– контент-анализ актуальных научных публикаций в рецензируемых международных и национальных изданиях по вопросам инклюзии и цифровизации образования;

– нормативно-правовой анализ ключевых стратегических документов Республики Беларусь в области образования, таких как Кодекс об образовании Республики Беларусь (ред. 2024 г.), Концепция развития системы образования до 2030 г., Программа развития национальной системы обеспечения качества образования и др.

Использование указанных методов позволило сформулировать научно обоснованные педагогические условия цифрового сопровождения студентов с РАС, адаптированные к отечественному образовательному контексту, отражающие приоритеты государственной образовательной политики.

Результаты исследования и их обсуждение. Цифровое сопровождение студентов с РАС рассматривается как системный подход к обеспечению учебной и социальной поддержки обучающихся через цифровые технологии [10, с. 220]. Данное направление предполагает системное взаимодействие научного сообщества, органов управления образованием и профессионального педагогического сообщества. Создание национальной модели цифрового сопровождения студентов рассматриваемой категории возможно при условии учета особенностей белорусского образовательного контекста и стратегических приоритетов социальной справедливости.

На основании анализа отечественного и международного опыта автором выделены ключевые педагогические условия цифрового сопровождения студентов с РАС в системе высшего образования Республики Беларусь (рисунок).

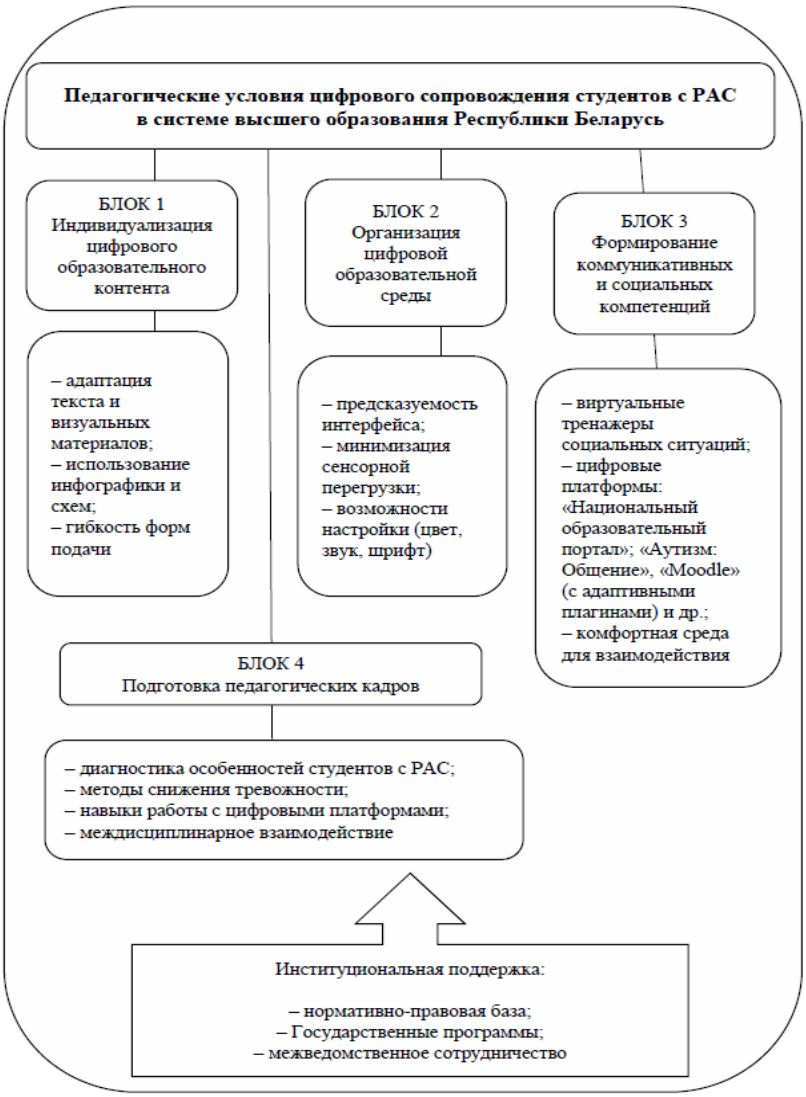

Рисунок – Педагогические условия цифрового сопровождения студентов с расстройством аутистического спектра в системе высшего образования Республики Беларусь

Переходя к первому блоку педагогических условий, представленному на рисунке, следует особо подчеркнуть, что в современных условиях цифровой трансформации системы высшего образования в Республике Беларусь индивидуализация обучения студентов с расстройствами аутистического спектра приобретает не только научное и педагогическое, но и важнейшее социальное и государственное значение. Это не просто требование времени или научная новация, а практическое воплощение конституционного принципа социальной справедливости и равных возможностей для каждого гражданина нашей страны. Данный вектор развития системы образования четко отражен в Концепции развития системы образования Республики Беларусь до 2030 г. и в иных нормативных актах, регламентирующих создание инклюзивной образовательной среды, соответствующей высоким стандартам белорусской государственности.

Ключевым аспектом индивидуализации образовательного процесса для студентов с РАС является адаптация цифрового образовательного контента с учетом их уникальных психофизиологических особенностей. В связи с тем, что лица данной категории часто обладают повышенной сенсорной чувствительностью, замедленным темпом обработки информации и выраженной потребностью в четкой и логичной структуре учебного материала. В этих условиях особое значение приобретают такие подходы, как упрощение языковых конструкций, исключение из цифрового образовательного контента элементов, способных вызывать сенсорную перегрузку, а также активное применение наглядных визуальных средств – схем, инфографики, пошаговых инструкций. Это позволяет значительно оптимизировать познавательную нагрузку, сделать процесс обучения более индивидуализированным и обеспечить его осмысленность и результативность.

Не менее важным элементом индивидуализации является гибкость в способах представления цифрового образовательного контента. Студенты с РАС могут по-разному воспринимать материал – в текстовом, визуальном или аудиоформате. В этих условиях педагогу необходимо владеть методикой создания цифровых модулей разной степени сложности и структуры, адаптированных к уровню развития и сенсорной толерантности обучающихся. В условиях нашей страны, где ценится практичность и адресность государственных программ, персонализация в рамках первого блока педагогических условий означает не просто технологическое новшество, а выполнение глубокой социальной миссии – создание для каждого студента условий для полноценной учебной, профессиональной и социальной реализации.

Перейдя ко второму блоку педагогических условий, следует отметить, что организация структурированной, эргономичной и предсказуемой цифровой образовательной среды – это задача иная по своей сути, но тесно связанная с содержательной стороной образовательного процесса. Если первый блок затрагивает методику и содержание преподавания, то второй блок отвечает за создание надежной технологической инфраструктуры, обеспечивающей доступность и комфортность образовательного процесса для каждого гражданина, независимо от его особенностей развития.

Базисным элементом цифровой образовательной среды является ее стабильность и предсказуемость. Для студентов с РАС исключительно важно, чтобы цифровое пространство сохраняло неизменную структуру, без неожиданных изменений интерфейса, спонтанно всплывающих окон или перестроек. Нарушение стабильности вызывает стресс и дезориентацию, снижает учебную мотивацию и затрудняет усвоение знаний. Напротив, стабильность интерфейсов и структурных элементов цифровых платформ способствует формированию у студентов с РАС чувства уверенности и защищенности.

Ключевыми характеристиками качественной цифровой образовательной среды являются структурированность и эргономичность интерфейса, обеспечивающие логичную навигацию, минимизацию переходов и визуальную доступность элементов управления. Избыточная графика, анимация и звуковое сопровождение повышают сенсорную нагрузку, что особенно критично для студентов с расстройствами аутистического спектра.

Цифровая среда должна проектироваться с учётом возможности индивидуальной настройки параметров отображения и звука. Минимизация сенсорной перегрузки – не только условие комфортного обучения, но и проявление инклюзивной образовательной политики, ориентированной на уважение и поддержку студентов с особыми образовательными потребностями.

Блок третий – формирование коммуникативных и социальных компетенций в системе цифрового сопровождения студентов с РАС – занимает особое место в структуре педагогических условий. Его содержание принципиально отличается от первых двух блоков, так как направлено не столько на передачу знаний или технологическое обеспечение образовательного процесса, сколько на развитие у студентов жизненно необходимых навыков социального взаимодействия. Это неотъемлемое условие их социальной и профессиональной интеграции, без которого невозможно полноценное раскрытие их личностного и профессионального потенциала.

Цифровые инструменты, применяемые в реализации коммуникативного подхода, позволяют создавать контролируемые и многократно воспроизводимые социальные сценарии, в которых студенты могут безопасно тренировать различные модели общения. Использование таких специализированных программ как «Аутизм: Общение», Moodle, а также возможностей Национального образовательного портала открывает широкие возможности для совершенствования коммуникативных навыков студентов с РАС. Национальный образовательный портал особенно ценен тем, что является отечественным цифровым продуктом, созданным с учетом особенностей белорусской образовательной системы и языковой специфики.

Важную роль играют виртуальные тренажеры социальных ситуаций, позволяющие многократно отрабатывать ключевые коммуникативные навыки – от ведения диалога до решения конфликтных ситуаций. Такая форма обучения способствует снижению тревожности студентов, формирует уверенность в себе и способствует подготовке граждан, способных активно участвовать в жизни общества и успешно строить профессиональную карьеру.

Таким образом, третий блок педагогических условий имеет ярко выраженное социально-воспитательное значение, поскольку направлен на формирование у студентов социально-коммуникативной компетентности, которая является залогом их полноценной интеграции в белорусское общество, где приоритетом неизменно остается человек и его благополучие.

Блок четвертый – это кадровое обеспечение всей системы цифрового сопровождения студентов с РАС. Если первые три блока ориентированы преимущественно на нужды студентов, то блок четвертый адресован педагогическим кадрам, без которых невозможно качественное внедрение инклюзивных подходов в систему высшего образования. Педагогу необходимо владеть не только дефектологическими методами и основами работы с лицами с РАС, но и современными цифровыми технологиями, уметь проектировать образовательные сценарии, учитывать особенности студентов с РАС и грамотно использовать цифровые ресурсы. Необходимо предусматривать в программах подготовки и повышения квалификации педагогических кадров следующие направления: основы диагностики особенностей студентов с РАС; методы раннего выявления признаков стресса или дезадаптации в цифровой образовательной среде; приемы формирования учебной мотивации и эмоциональной устойчивости студентов; стратегии внедрения цифровых инструментов для обучения, коммуникации и социализации.

Таким образом, блок четвертый не только завершает систему педагогических условий цифрового сопровождения студентов с РАС, но и является ее прочным методологическим и кадровым фундаментом. Без соответствующей профессиональной подготовки педагогических кадров невозможно построить устойчивую модель инклюзивного высшего образования.

Обобщая, следует подчеркнуть, что все четыре блока педагогических условий представляют собой единую и согласованную систему, отражающую государственный приоритет – создание условий, при которых каждый гражданин, независимо от особенностей его развития, может реализовать себя в профессиональной, общественной и личной жизни. Это полностью соответствует стратегическому курсу Республики Беларусь на построение справедливого и социально ориентированного общества, в центре которого неизменно стоит человек как главная ценность государства. Представленные педагогические условия являются новым научным продуктом применительно к специфике нашей страны, где вопрос цифрового сопровождения студентов с РАС находится на стадии концептуального формирования.

Заключение. В ходе проведенного исследования выявлены и обоснованы педагогические условия цифрового сопровождения студентов с расстройствами аутистического спектра в системе высшего образования Республики Беларусь. Установлено, что приоритетами такой работы являются индивидуализация цифрового образовательного контента, организация предсказуемой и эргономичной цифровой образовательной среды, применение специализированных цифровых инструментов, а также качественная психолого-педагогическая подготовка кадров.

Анализ зарубежного и российского опыта показал эффективность цифровых технологий в снижении тревожности студентов с РАС, повышении их учебной мотивации и социализации, однако выявил дефицит локальных методик, адаптированных к отечественному контексту. В Республике Беларусь Национальный образовательный портал обладает потенциалом для поддержки студентов с РАС, вместе с тем его успешное применение требует комплексной адаптации контента, интерфейса и сценариев обучения.

Выделенные четыре блока педагогических условий образуют целостную систему, направленную на создание образовательной среды, способной обеспечить равные возможности для профессиональной, социальной и личной реализации студентов с РАС. Полученные результаты обладают научной новизной и прикладным значением для разработки национальной модели цифрового сопровождения студентов с РАС в условиях цифровой трансформации образования в Республике Беларусь.

Литература

1. Жук, А. И. Анализ современного состояния педагогического образования в Республике Беларусь / А. И. Жук // Непрерывное педагогическое образование: достижения и перспективы : сб. науч.-метод. ст. – Минск, 2022. – С. 4–13.

2. Хруль, О. С. Этапы реализации идей инклюзии в системе специального образования в Республике Беларусь / О. С. Хруль, Н. Г. Еленский // Педагогическая наука и образование. – 2023. – № 4. – С. 17–26.

3. Смагина, Т. В. Проблемы восприятия студентов-аутистов в системе высшего образования России / Т. В. Смагина, О. Л. Ляхова, А. А. Анашкина // Ученые записки ОГУ. – 2020. – № 4 (89). – С. 254–257.

4. Хилькевич, Е. В. Создание специальных условий при обучении студентов с РАС по специальностям творческой направленности / Е. В. Хилькевич, А. С. Стейнберг, А. В. Хаустов // Аутизм и нарушения развития. – 2022. – Т. 20, № 2. – С. 53–61.

5. Crocker, A. G. Campus-based supports for autistic students in higher education : A scoping review of the literature from the United States and Canada / A. G. Crocker, H. K. Brown, S. Tischler [et al.] // Frontiers in Education. – 2023. – Vol. 8. – Art. 1157326. – URL : https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/feduc.2023.1157326/full (date of access : 15.01.2025).

6. Parsons, S. Innovative technologies for autism : critical reflections on digital bubbles / S. Parsons, N. Yuill, M. Brosnan, J. Good // Journal of Assistive Technologies. – 2015. – Vol. 9, № 2. – P. 116–121.

7. Navas Bonilla, M. F. Inclusive education through technology : a systematic review of types, tools and characteristics / M. F. Navas Bonilla, J. Guerra, J. Arango // Frontiers in Education. – 2025. – Vol. 10. – Art. 1527851. – URL : https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/feduc.2025.1527851/full (date of access : 22.06.2025).

8. Taylor, M. J. Teaching students with autistic spectrum disorders in HE / M. J. Taylor // Education + Training. – 2005. – Vol. 47, № 7. – P. 484–495.

9. Lawan, A. A systematic literature review on the efficacy of emerging computer technologies in inclusive education for students with autism spectrum disorder / A. Lawan, I. Yarima, I. Usman [et al.] // OBM Neurobiology. – 2023. – Vol. 7, № 2. – Art. 172. – URL : https://www.lidsen.com/journals/neurobiology/neurobiology-07-02-172 (date of access : 20.12.2024).

10. Suppes, P. The uses of computers in education / P. Suppes // Scientific American. – 1966. – Vol. 215, № 3. – P. 206–220.

Белорусский государственный
университет физической культуры

Поступила в редакцию 07.07.2025

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 2 (155), 2026

УДК 378.147:796.015.12:796.07-055.2:796.093.645 EDN: GFXGAX

Структура процесса индивидуализации спортивной подготовки квалифицированных спортсменок в современном пятиборье

С.В. Севдалев

В статье представлена методология реализации принципа индивидуализации подготовки квалифицированных спортсменок, специализирующихся в современном пятиборье. Предложена модель организации тренировочного процесса, основанная на алгоритме «анализ – разработка – управление», включающем моделирование соревновательной деятельности, проектирование структуры годичного цикла и систему оперативного управления на основе обратной связи. Экспериментальная апробация методики в условиях макроцикла показала статистически достоверное улучшение показателей специальной физической и функциональной подготовленности, а также рост соревновательных результатов без увеличения суммарного объёма тренировочной нагрузки. Полученные данные свидетельствуют о целесообразности интегрального подхода к индивидуализации подготовки спортсменок в условиях многоборья и позволяют рекомендовать разработанную структуру к практическому внедрению.
Ключевые слова: современное пятиборье, индивидуализация подготовки, годичный цикл, моделирование соревновательной деятельности, управление тренировочным процессом, спортсменки высокой квалификации.

This article presents a methodology for implementing the principle of individualized training for qualified female athletes specializing in modern pentathlon. A training process organization model based on the «analysis-development-control» algorithm is proposed, including competitive activity modeling, annual cycle structure design, and a feedback-based operational management system. Experimental testing of the methodology within a macrocycle demonstrated statistically significant improvements in specialized physical and functional fitness indicators, as well as increased competition results, without increasing the total training load. The data obtained demonstrate the feasibility of an integrated approach to individualizing female athletes' training in multi-event competitions and allow us to recommend the developed framework for practical implementation.
Keywords: modern pentathlon, individualized training, annual cycle, competitive activity modeling, training process management, elite female athletes.

Введение. Современный спорт высших достижений характеризуется высокой конкуренцией, интенсификацией тренировочных и соревновательных нагрузок, а также возрастающими требованиями к уровню физической, функциональной, технико-тактической и психофизиологической подготовленности спортсменов. В условиях дальнейшего усложнения структуры соревновательной деятельности особую актуальность приобретает совершенствование системы управления подготовкой и программирования тренировочных воздействий, позволяющих обеспечить рациональное распределение нагрузки, целенаправленное развитие ключевых способностей и устойчивую динамику спортивного результата [1], [2].

Не менее важным направлением совершенствования подготовки является индивидуализация тренировочного процесса. В условиях спорта высших достижений учет морфофункциональных, психофизиологических, технико-тактических особенностей спортсменов становится необходимой предпосылкой успешного проектирования тренировочных программ. Исследования последних лет свидетельствуют о том, что универсальные методики, эффективные на этапах начальной и углубленной подготовки, оказываются недостаточно результативными для спортсменов высокой квалификации, поскольку усредненные модели перестают соответствовать реальным требованиям индивидуального развития и соревновательной деятельности. Особую актуальность проблема индивидуализации приобретает в подготовке спортсменок, где необходимо учитывать морфофункциональные и биоритмологические особенности женского организма [3]–[5].

Теоретические основы построения системы спортивной подготовки и управления тренировочным процессом изложены в фундаментальных трудах В.Н. Платонова [6], [7], где индивидуализация рассматривается как один из ключевых принципов спортивной тренировки, обеспечивающий оптимизацию адаптационных процессов и достижение запланированного

спортивного результата. Вопросы моделирования соревновательной деятельности и структурирования годичного цикла подготовки спортсменок современного пятиборья раскрыты в работах Е.П. Врублевского, С.В. Севдалева, В.А. Боровой и соавторов [1], [2], [8]–[10]. Исследования А.П. Варакина [11], В.Н. Платонова, В.О. Дрюкова [12], А.В. Скобликова [13] посвящены особенностям построения годичного цикла подготовки пятиборцев. Предсоревновательная подготовка квалифицированных спортсменов получила отражения в диссертационных исследованиях В.Г. Лагойда [14]. Непосредственно вопросы индивидуализации подготовки спортсменов в современном пятиборье в рамках диссертационных исследований рассмотрели А.В. Запорожанов [15] и Ю.А. Павленко [16]. Особенности организации тренировочного процесса спортсменок, специализирующихся в современном пятиборье, в своих работах представили А.Э. Болотин [17], О.А. Мусин и соавторы [18], С.С. Черкасова, В.В. Черкасов [19].

К числу приоритетных направлений индивидуализации подготовки квалифицированных спортсменок относятся: моделирование соревновательной деятельности и уровня специальной подготовленности, соответствие тренировочных и соревновательных нагрузок индивидуальным морфофункциональным особенностям, учет текущего функционального состояния и фаз овариально-менструального цикла, а также целенаправленная коррекция тренировочных, соревновательных и внетренировочных воздействий [1], [2], [6], [7].

Спортивные многоборья, в том числе современное пятиборье, отличаются выраженной мультидисциплинарностью и необходимостью демонстрации высокого уровня подготовленности в двигательных действиях различной направленности. Результативность в современном пятиборье определяется не только уровнем развития специальных физических качеств в отдельных дисциплинах, но и оптимальным соотношением их проявления в интегральной структуре соревновательной деятельности [2].

Дополнительную сложность организации подготовки создают изменения регламента соревнований, утверждённые Международным союзом современного пятиборья (UIPM), включающие замену конкура на преодоление полосы препятствий. В новых условиях специалистам необходимо модернизировать классические подходы к планированию тренировочного процесса спортсменов-пятиборцев.

Анализ специальной научной литературы свидетельствует о том, что большинство исследований в области индивидуализации тренировочного процесса в женском спорте выполнено преимущественно на материале индивидуальных видов спорта, тогда как в комплексных видах спортивных многоборий, в частности, современном пятиборье данное направление остается недостаточно изученным.

Цель исследования: теоретически разработать и экспериментально обосновать методологию реализации принципа индивидуализации подготовки квалифицированных спортсменок в современном пятиборье.

Методы и организация исследования: для достижения поставленной цели использовалась совокупность методов, включающая анализ и обобщение научно-методической литературы, педагогическое моделирование, педагогическое и функциональное тестирование, методы математико-статистической обработки данных (определение средней арифметической, стандартного отклонения, достоверности различий при $p < 0,05$).

В эксперименте приняли участие шесть спортсменок высокой квалификации – членов национальной команды Республики Беларусь по современному пятиборью.

Психофизиологические показатели определялись с использованием компьютерного аппаратно-программного комплекса «НС-Психотест» (Россия). Эргоспирометрическое тестирование проводилось с использованием портативного эргоспирометра «Cortex MetaMax 3B», позволяющего регистрировать параметры газообмена и внешнего дыхания.

Физическая подготовленность оценивалась с использованием комплекса тестов, отражающих развитие основных двигательных качеств, значимых для современного пятиборья: бег 30, 1000 м, 3000 м плавание 50 м, 300 м, прыжок в длину и высоту с места и десятикратный прыжок, сгибание и разгибание рук в упоре лежа, а также скорость бега на уровне порога анаэробного обмена (ПАНО). Выбранные тесты обладают высокой корреляционной связью с соревновательным результатом в современном пятиборье, что обосновывает их применение в исследовании [11].

Результаты исследования и их обсуждение. Основываясь на данных научно-практической литературы, рекомендаций специалистов, собственного многолетнего практического опыта тренерской деятельности и результатов экспериментальных исследований была разработана методология реализации принципа индивидуализации подготовки квалифицированных спортсменок, специализирующихся в современном пятиборье, представляющая собой систему логических предпосылок, преимущественно определяющих организацию реального процесса их подготовки (рисунок 1).

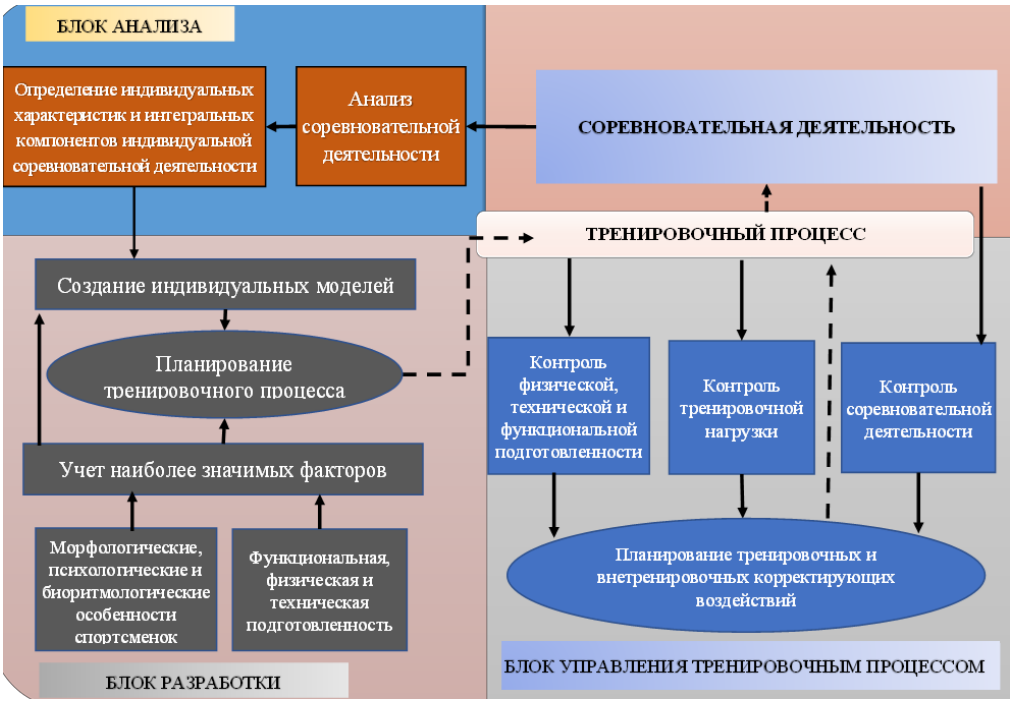

Рисунок 1 – Схема реализации принципа индивидуализации подготовки квалифицированных спортсменок в современном пятиборье

Разработанная схема структурирована в виде трех взаимосвязанных блоков: блока анализа, блока разработки и блока управления. В качестве ключевых объектов индивидуализации выделены соревновательная деятельность спортсменок и тренировочный процесс как основной механизм подготовки к соревнованиям.

Блок анализа. На основе анализа соревновательной деятельности ведущих спортсменок мира, формировались групповые модели, отражающие диапазон результатов в отдельных дисциплинах пятиборья [2], [8], [10]. Для каждого спортсмена определялась модель, максимально соответствующая его индивидуальному соревновательному профилю. На основе полученных данных формировался индивидуальный профиль соревновательной деятельности конкретной спортсменки, отражающий сильные и лимитирующие стороны ее подготовленности.

Блок разработки. В процессе реализации задач данного блока создавались индивидуальные модели соревновательной деятельности; перспективные модели спортивной подготовленности; модель структуры годичного цикла.

Годичный цикл включал два макроцикла (сентябрь–март; март–август), каждый из которых состоял из подготовительного, соревновательного и переходного периодов. Во втором макроцикле увеличивалась доля соревновательных мезоциклов.

Среднегодовой объём нагрузки в циклических видах составил: бег – 2313,7 км; плавание – 370,5 км.

В структуре подготовки применялись беговые нагрузки различной направленности (аэробной, смешанной, анаэробной), плавание, фехтование, стрельба, специализированная тренировочная работа на полосе препятствий, а также комплексы скоростно-силовых и специальных упражнений.

При подготовке спортсменок учитывался биоритмологический цикл. Разгрузочные микроциклы планировались в предменструальную фазу и первые дни менструальной фазы, а в остальные периоды, за исключением дня овуляции, реализовывались ударные микроциклы.

Блок управления. Управление осуществлялось посредством системы обратной связи с контролем 2–3 раза в месяц. Оценивались показатели физической и технической подготовленности; функционального и психофизиологического состояния; а также соответствия модельным характеристикам; параметров соревновательной деятельности; характеристик тренировочных нагрузок.

Предложенная концепция предусматривает также построение модели прогнозируемой динамики показателей специальной физической, функциональной подготовленности и психофизиологического состояния конкретной спортсменки в пределах каждого макроцикла годичного цикла подготовки, ориентированной на достижение запланированных значений к моменту главных соревнований. В данную модель включены наиболее информативные показатели, характеризующие специальную подготовленность и имеющие высокую корреляционную связь с соревновательным результатом: относительное потребление кислорода на уровне ПАНО (VO_2(AT)); скорость бега на уровне ПАНО (VHR(AT)); бег 1000 м; плавание 50 м; показатели простой зрительно-моторной реакции [20], [21].

На основе сопоставления фактических и модельных значений осуществлялась оперативная коррекция объёма, интенсивности и направленности тренировочных и внетренировочных воздействий.

Указанные показатели являлись ориентиром для контроля эффективности хода тренировочного процесса посредством обратной связи, функция которого заключалась в регулярной оценке текущего состояния спортсменки, сопоставления фактических значений с модельными и при необходимости введение оперативной коррекции программы подготовки.

На рисунке 2 представлена модель прогнозируемой динамики наиболее информативных показателей, характеризующих специальную подготовленность одной из сильнейших многоборок Беларуси (на примере одного макроцикла).

Таким образом, управление тренировочным процессом представляет собой сложную систему, в которой сочетаются научнообоснованное планирование, моделирование, контроль и корректировка тренировочных воздействий. Его конечная цель – обеспечить такие условия, при которых адаптационные возможности организма спортсмена реализуются максимально полно, а уровень спортивного результата достигает планируемых значений в нужный момент времени.

Построение тренировочного процесса должно исходить из заранее определенной модели изменений уровня специальной физической подготовленности спортсмена. Именно разработка и реализация такой модели является сутью программирования тренировки. Однако в ходе подготовки необходимо постоянно контролировать соответствие фактической динамики состояния спортсмена запланированным показателям, что и составляет основу управления тренировочным процессом.

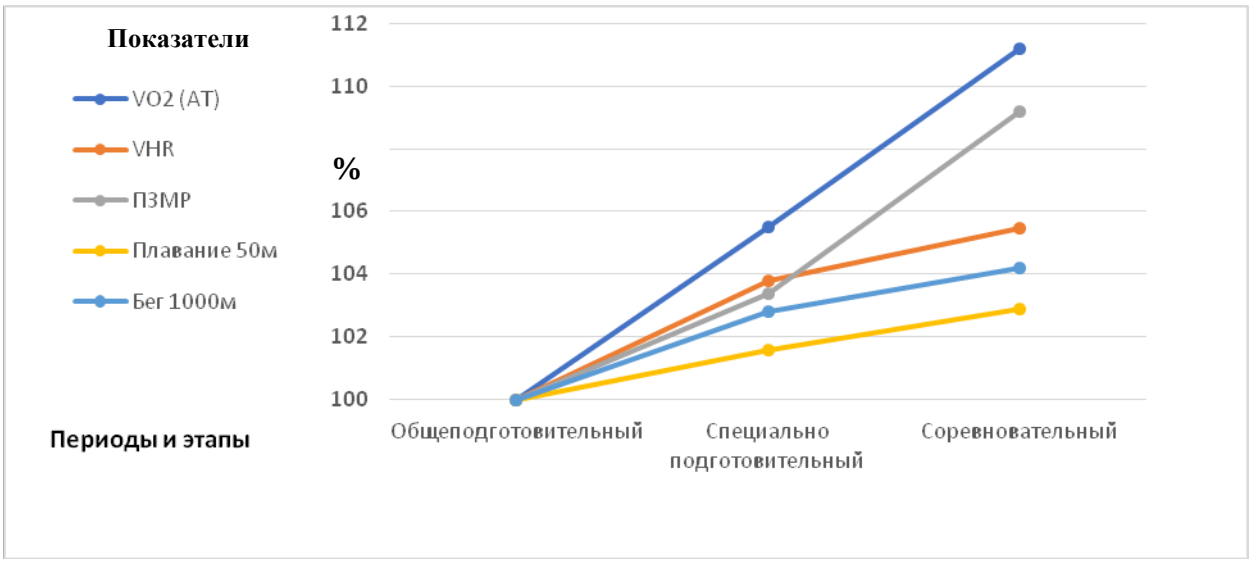

Рисунок 2 – Индивидуальная модель прогнозируемой динамики уровня специальной физической, функциональной и психофизиологической подготовленности спортсменки В.Г. (второй макроцикл)

Экспериментальная апробация разработанной структуры реализации принципа индивидуализации осуществлялась в условиях тренировочного процесса квалифицированных спортсменок в 2024–2025 гг. По завершении годичного цикла подготовки выявлено достоверное улучшение показателей физической и функциональной подготовленности, а также значимый прирост спортивных результатов в ряде дисциплин современного пятиборья, включая фехтование и комбинированный вид. Так, анализ данных, полученных по итогам соревновательной деятельности сезона 2024–25 гг., выявил статистически достоверное улучшение результатов в таких дисциплинах пятиборья как, фехтование и комбинированная эстафета, а также в итоговой сумме пятиборья. Также достоверные улучшения ($p < 0,05$) выявлены в тестах: бег 1000 м и 3000 м; прыжок в длину и высоту с места; десятикратный прыжок; плавание 300 м; скорость на уровне ПАНО.

В тестах бег 30 м, сгибание и разгибание рук в упоре лежа, плавание 50 м наблюдалась положительная динамика без статистической достоверности.

Заключение. В результате проведённого исследования разработана и экспериментально обоснована структура реализации принципа индивидуализации подготовки квалифицированных спортсменок, специализирующихся в современном пятиборье, основанная на алгоритме «анализ – разработка – управление».

Предложенная модель предусматривает поэтапное формирование индивидуального соревновательного профиля, проектирование структуры годичного цикла с учётом модельных характеристик подготовленности и организацию системы управления тренировочным процессом на основе регулярной обратной связи.

Экспериментальная апробация методики продемонстрировала статистически достоверное улучшение показателей специальной физической и функциональной подготовленности (включая скорость на уровне ПАНО), а также рост результативности в фехтовании, комбинированном виде и итоговой сумме пятиборья. При этом повышение эффективности сопровождалось оптимизацией структуры нагрузок без увеличения их суммарного годового объёма.

Полученные данные подтверждают, что методологической основой индивидуализации подготовки в современном пятиборье должен выступать интегральный подход, обеспечивающий согласованное развитие различных сторон подготовленности, адекватность тренировочных воздействий текущему функциональному состоянию спортсменки и их максимальную приближённость к структуре соревновательной деятельности.

Разработанная структура может быть рекомендована для внедрения в систему подготовки квалифицированных спортсменок современного пятиборья.

Литература

1. Технология индивидуализации подготовки квалифицированных спортсменок (теоретико-методические аспекты) : монография / Е. П. Врублевский [и др.]. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2016. – 223 с.

2. Севдалев, С. В. Особенности индивидуализации спортивной подготовки многоборцев / С. В. Севдалев, В. А. Боровая. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2026. – 204 с.

3. Асинкевич, Р. Особенности проявления полового диморфизма у высококвалифицированных спортсменов, специализирующихся в современном пятиборье / Р. Асинкевич, С. В. Севдалев, Е. П. Врублевский // Теория и практика физической культуры. – 2022. – № 1. – С. 17–19.

4. Соха, Т. К. Женский спорт (новые знания – новые методы тренировки) / Т. К. Соха. – М. : Теория и практика физической культуры, 2002. – 202 с.

5. Шахлина, Л. Медико-биологические основы спортивной подготовки женщин в современном спорте высших достижений / Л. Шахлина// Теорія і методика фізичного виховання і спорту. – 2020. – № 2. – С. 95–104.

6. Платонов, В. Н. Система подготовки спортсменов в олимпийском спорте. Общая теория и ее практические приложения / В. Н. Платонов. – Киев : Олимпийская литература, 2004. – 808 с.

7. Платонов, В. Н. Периодизация спортивной тренировки. Общая теория и ее практическое применение / В. Н. Платонов. – Киев : Олимп. лит., 2013. – 624 с.

8. Севдалев, С. В. Моделирование соревновательной деятельности высококвалифицированных спортсменок, специализирующихся в современном пятиборье / С. В. Севдалев, М. С. Кожедуб, Е. В. Гусинец // Эпоха науки. – 2020. – № 24. – С. 332–341.

9. Организация макроцикла подготовки высококвалифицированных спортсменок, специализирующихся в современном пятиборье / С. В. Севдалев, В. А. Боровая, Е. С. Нецветаева [и др.] // Теория и практика физической культуры. – 2023. – № 9. – С. 94–96.

10. Севдалев, С. В. Индивидуальные особенности структуры соревновательной деятельности высококвалифицированных спортсменок, специализирующихся в современном пятиборье / С. В. Севдалев, Е. П. Врублевский, Г. И. Нарскин // Человек. Спорт. Медицина. – 2023. – Т. 23, № 2. – С. 150–158.

11. Варакин, А. П. Годичный цикл тренировки пятиборца / А. П. Варакин. – М., 1999. – 89 с.

12. Платонов, В. М. Організаційно-методичні принципи підготовки спортсменів високої кваліфікації в чотирирічних олімпійських циклах / В. М. Платонов, В. О. Дрюков // Актуальні проблеми фізичної культури і спорту. – 2003. – № 1 (1). – С. 20–24.

13. Скобликов, А. В. Рациональная структура беговых нагрузок квалифицированных спортсменов в современном пятиборье : автореф. дис. … канд. пед. наук : 13.00.04 / Скобликов Александр Владимирович ; Рос. гос. соц. ун-т. – М., 2007. – 26 с.

14. Логойда, В. Г. Предсоревновательная подготовка квалифицированных спортсменов в современном пятиборье : автореф. дис. … д-ра пед. наук : 13.00.04 / Логойда Виктор Гаврилович. – М., 1999. – 354 с.

15. Запорожанов, А. В. Индивидуализация специальной физической подготовки с учетом особенностей развития физических качеств спортсменов в современном пятиборье : дис. … канд. пед. наук : 13.00.04 / Запорожанов Александр Вадимович. – Киев, 1989. – 158 с.

16. Павленко, Ю. А. Непосредственная подготовка к соревнованиям квалифицированных спортсменов в современном пятиборье : автореф. дис. … канд. пед. наук : 13.00.04 / Павленко Юрий Алексеевич. – Киев, 1992. – 26 с.

17. Болотин, А. Э. Организация тренировочного процесса в подготовительном периоде женщин в современном пятиборье / А. Э. Болотин, А. С. Петрова // Современное образование : проблемы, решения, тенденции развития : сб. ст. VII Междунар. науч.-практ. конф., Петрозаводск, 8 июня 2023 г. – Петрозаводск : Международный центр научного партнерства «Новая Наука», 2023. – С. 171–177.

18. Подготовка высококвалифицированных спортсменок в современном пятиборье к фехтовальным поединкам в условиях изменения правил соревнований / О. А. Мусин, С. С. Иванова, Ю. С. Жемчуг [и др.] // Человек. Спорт. Медицина. – 2025. – Т. 25, № 2. – С. 141–149.

19. Черкасова, С. С. Методика беговой подготовки пятиборок высокой квалификации на этапах годичного макроцикла / С. С. Черкасова, В. В. Черкасов // Вестник спортивной науки. – 2017. – № 3. – С. 66–68.

20. Севдалев, С. В. Оценка физической и функциональной подготовленности высококвалифицированных спортсменок в современном пятиборье / С. В. Севдалев // Прикладная спортивная наука. – 2025. – № 1 (21). – С. 61–67.

21. Севдалев, С. В. Особенности функциональной подготовленности спортсменок, занимающихся современным пятиборьем / С. В. Севдалев, С. В. Котовенко, М. М. Вырский // Известия Гомельского гос. ун-та им. Ф. Скорины. – 2022. – № 5 (134). – С. 72–76.

Гомельский государственный
университет имени Франциска Скорины

Поступила в редакцию 12.09.2025

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 2 (155), 2026

УДК 37.091.33:796.011.3:796.012-057.874 EDN: GOQJGW

Средства формирования основ двигательного мышления у учащихся I ступени общего среднего образования для подготовительной части урока физической культуры и здоровья

В.Н. Старченко, П.В. Молчанова

В статье представлены средства формирования основ двигательного мышления у учащихся I ступени общего среднего образования для подготовительной части урока физической культуры и здоровья. Разработана формула для определения сложности интеллектуально-двигательных упражнений, что позволило их ранжировать по этому критерию. Построена матрица интеллектуально-двигательных упражнений для подготовительной части урока, позволяющая реализовать принцип поддержания зоны ближайшего развития в процессе формирования основ двигательного мышления у учащихся I ступени общего среднего образования.
Ключевые слова: двигательное мышление, интеллектуально-двигательное упражнение, символьно-двигательные упражнения, сложность, подготовительная часть урока, средства формирования, урок физической культуры и здоровья, учащиеся.

The article presents the means of forming the basics of motor thinking in students of the first stage of general secondary education for the preparatory part of the physical education and health lesson. A formula was developed for determining the complexity of intellectual-motor exercises, which made it possible to rank them according to this criterion. A matrix of intellectual-motor exercises for the preparatory part of the lesson has been constructed, allowing for the implementation of the principle of maintaining the zone of proximal development in the process of forming the foundations of motor thinking in students of the first stage of general secondary education.
Keywords: motor thinking, intellectual-motor exercise, symbolic-motor exercises, complexity, preparatory part of the lesson, means of formation, physical education and health lesson, students.

Введение. Формирование основ двигательного мышления (ДМ) актуальная для теории и практики физического воспитания задача. Важность разработки теории и методики формирования основ ДМ у учащихся I ступени общего среднего образования заключается в том, что мышление тесно связано с телесным опытом, который как предполагается влияет на базовый интеллект человека. Урок физической культуры и здоровья (ФК и З) – это «поле» для активизации интеллектуальной, интеллектуально-двигательной деятельности, форма формирования ДМ. ДМ – это идеальное структурно-функциональное образование, которое придает человеку способность адекватно решать нестандартные двигательные задачи [1, с. 167]. Другими словами, под ДМ понимается способ деятельности, в котором интеллектуальная и двигательная составляющие выступают единым целым и обеспечивают эффективное решение интеллектуально-двигательной задачи. Мышление представляет собой процесс восприятия человеком нейросемантических образов предметной области, манипулирования ими, формирования новых, более адекватных нейросемантических образов предметной области (НСОПО) и преобразования их в нейросемантические образы двигательных ответов (НСОДО) [2, с. 106].

Существует ряд публикаций, посвященных теории ДМ, средствам и методам его формирования, методикам диагностики уровня его сформированности [3]–[6].

Однако известна только одна методика формирования основ ДМ у учащихся I ступени общего среднего образования [1]. Поэтому дальнейшая разработка данного научного направления и практическая реализация достигнутых результатов представляет собой актуальную научно-методическую и практическую задачу.

Разрабатывая методику формирования основ ДМ у учащихся I ступени общего среднего образования на уроках ФК и З, необходимо, исходя из упомянутых выше научно-методических оснований, разработать систему средств (интеллектуально-двигательных упражнений) для подготовительной, основной и заключительной частей урока, систему их планирования, метрологически корректный диагностический инструментарий для определения уровня сформированности ДМ. Настоящее исследование посвящено разработке системы интеллектуально-двигательных упражнений (ИДУ) для подготовительной части урока ФК и З.

Цель статьи – представить систему средств формирования основ ДМ у учащихся I ступени общего среднего образования для подготовительной части урока ФК и З и способ определения сложности ИДУ.

Методология исследования состояла в том, чтобы, опираясь на представления о ДМ и ИДУ, принципах их конструирования и использования, разработать систему упражнений, направленных на формирование основ ДМ у учащихся I ступени общего среднего образования в подготовительной части урока ФК и З.

Основная часть. Процесс формирования основ ДМ у учащихся I ступени общего среднего образования возможен с использованием ИДУ (символьно-двигательных, пространственно-двигательных, комбинированных) в различных частях урока ФК и З. Данные упражнения, в общем и целом, должны содействовать достижению цели и решению задач физического воспитания.

Разработка ИДУ осуществлялась на основе следующих принципов:

– доминирования интеллектуальной составляющей ИДУ над двигательной;

– разнообразия и многовариантности ИДУ и способов их выполнения;

– конструирования ИДУ на основе игрового и соревновательного методов;

– диагностичности результатов выполнения ИДУ [3, с. 73].

При этом учитывались принципы их использования, к которым относятся:

– перманентной новизны ИДУ для субъекта учебной деятельности;

– соответствия сложности ИДУ зоне ближайшего развития субъекта учебной деятельности;

– поддержания оптимального уровня мотивированности субъекта учебной деятельности;

– демонстрации заданий ИДУ, но не способов их решения [3, с. 74].

Для того, чтобы ранжировать ИДУ по критерию сложности, введен показатель сложности:

$$f_d = f_s + f_p + f_r + f_m,$$

где f_s – сложность сообщения (сигнала), f_p – сложность преобразования (количество операций мыследействия при преобразовании НСОПО в НСОДО), f_r – сложность двигательного ответа, f_m – нагрузка на память.

$$f_s = (n + m) / 2,$$

где n – количество символов (сигналов) в сообщении, m – количество различных символов (сигналов) в сообщении.

$$f_p = f_s \times c \times k,$$

где f_s – сложность сообщения, c – количество совокупностей в алфавите, k – количество операций мыследействия на один сигнал.

$$f_r = (r + v) / 2,$$

где r – количество двигательных актов в двигательном ответе, v – количество различных актов в двигательном ответе.

$$f_m = (L_{\text{пр}} + L_{\text{дв}})^{0,5},$$

где $L_{пр}$ – длина предметного алфавита [6, с. 107], $L_{дв}$ – длина двигательного алфавита [2, с. 107].

Сложность всех ИДУ рассчитывалась при помощи приведенной выше методики.

Во всех нижеприведенных ИДУ способом мотивации участников являются ранжирование и самооценка. Критериями успешности служат количество выполненых учебных заданий и сложность последнего правильно выполненного задания.

Таблица 1 – Интеллектуально-двигательное упражнение № 1 «Четыре стихии»

Цель	Формирование основ двигательного мышления у учащихся I ступени общего среднего образования	
Средства	Символьно-двигательные упражнения	
Методы	Словесной демонстрации, соревновательный	
Содержание задания	Учащимся предлагается подвижная игра **«Четыре стихии»** с различными вариантами условий выполнения заданий. Игроки располагаются в шеренге, водящий находится напротив них и словесно подает команды. Тот, кто выполнил неправильное действие, делает шаг вперед. Игроки ранжируются по результатам выполнения заданий. Победителем считается тот, кто совершил меньше всего ошибок и, соответственно, сделал меньше шагов вперед. Предметный алфавит: «Земля», «Огонь», «Вода», «Воздух» ($L_{\text{пр}}$ = 4). Двигательный алфавит: руки вверх, упор присев, хлопок в ладоши за спиной, руки на пояс ($L_{\text{дв}}$ = 4).	
Вариант задания	*Условия выполнения задания*	f_d
Вариант 1	Учитель говорит: «Земля». Учащиеся должны поднять руки вверх.	6,83

Окончание таблицы 1

Вариант 2	Учитель говорит: «Огонь», «Огонь». Учащиеся должны выполнить упор присев два раза.	8,83
Вариант 3	Учитель говорит: «Земля», «Вода». Учащиеся должны поднять руки вверх и хлопнуть в ладоши за спиной.	10,83
Вариант 4	Учитель говорит: «Вода», «Земля», «Вода». Учащиеся должны хлопнуть в ладоши за спиной, поднять руки вверх и хлопнуть в ладоши за спиной.	12,83
Вариант 5	Учитель говорит: «Земля», «Огонь», «Воздух». Учащиеся должны поднять руки вверх, выполнить упор присев и поставить руки на пояс.	14,83
Вариант 6	Учитель говорит: «Вода», «Воздух», «Огонь», «Вода». Учащиеся должны хлопнуть в ладоши за спиной, поставить руки на пояс, выполнить упор присев и хлопнуть в ладоши за спиной.	16,83
Вариант 7	Учитель говорит: «Воздух», «Земля», «Вода» «Огонь». Учащиеся должны поставить руки на пояс, поднять руки вверх, хлопнуть в ладоши за спиной, выполнить упор присев.	18,83
Вариант 8	Учитель говорит: «Земля», «Огонь», «Земля», «Вода», «Воздух». Учащиеся должны поднять руки вверх, выполнить упор присев, поднять руки вверх, хлопнуть в ладоши за спиной, поставить руки на пояс.	20,83

Таблица 2 – Интеллектуально-двигательное упражнение № 2 «Пятый элемент»

Цель	Формирование основ двигательного мышления у учащихся I ступени общего среднего образования	
Средства	Символьно-двигательные упражнения	
Методы	Словесной демонстрации, соревновательный	
Содержание задания	Учащимся предлагается подвижная игра **«Пятый элемент»** с различными вариантами условий выполнения заданий. Игроки располагаются в шеренге, водящий находится напротив них и словесно подает команды «Земля», «Огонь», «Вода», «Воздух», «Человек». Тот, кто выполнил неправильное действие, делает шаг вперед. Игроки ранжируются по результатам выполнения заданий. Победителем считается тот, кто совершил меньше всего ошибок и, соответственно, сделал меньше шагов вперед. Предметный алфавит: «Земля», «Огонь», «Вода», «Воздух», «Человек» ($L_{пр}$ = 5). Двигательный алфавит: руки вверх, упор присев, хлопок в ладоши за спиной, руки на пояс, стойка ноги врозь-руки вверх в стороны ($L_{дв}$ = 5).	
Вариант задания	*Условия выполнения задания*	f_d
Вариант 1	Учитель говорит: «Земля». Учащиеся должны поднять руки вверх.	7,16
Вариант 2	Учитель говорит: «Вода», «Вода». Учащиеся должны выполнить два хлопка в ладоши за спиной.	9,16
Вариант 3	Учитель говорит: «Вода», «Огонь». Учащиеся должны выполнить хлопок в ладоши за спиной, выполнить упор присев.	11,16
Вариант 4	Учитель говорит: «Воздух», «Человек», «Воздух». Учащиеся должны поставить руки на пояс, выполнить стойку ноги врозь-руки вверх в стороны, поставить руки на пояс.	13,16
Вариант 5	Учитель говорит: «Вода», «Земля», «Огонь». Учащиеся должны выполнить хлопок в ладоши за спиной, поднять руки вверх, выполнить упор присев.	15,16
Вариант 6	Учитель говорит: «Воздух», «Вода», «Человек», «Воздух». Учащиеся должны поставить руки на пояс, выполнить хлопок в ладоши за спиной, выполнить стойку ноги врозь-руки вверх в стороны, поставить руки на пояс.	17,16
Вариант 7	Учитель говорит: «Земля», «Вода», «Человек», «Огонь». Учащиеся должны поднять руки вверх, выполнить хлопок в ладоши за спиной, стойку ноги врозь-руки вверх в стороны, выполнить упор присев.	19,16
Вариант 8	Учитель говорит: «Вода», «Огонь», «Вода», «Воздух», «Человек». Учащиеся должны выполнить хлопок в ладоши за спиной, выполнить упор присев, хлопнуть в ладоши за спиной, поставить руки на пояс.	21,16

Таблица 3 – Интеллектуально-двигательное упражнение № 3 для подготовительной части урока

Цель	Формирование основ двигательного мышления у учащихся I ступени общего среднего образования		
Средства	Символьно-двигательные упражнения		
Методы	Словесной демонстрации, соревновательный		
Содержание задания	Учащимся предлагается упражнение на внимание. Учащиеся располагаются в шеренге в исходном положении – основная стойка, учитель находится напротив них и словесно подает команды. Учащиеся должны запомнить задание, спроектировать двигательный ответ и осуществить его.		
Вариант	Задание	Двигательный ответ	f_d
Вариант 1	На счет 1–2 – поворот направо	Выполнить задание	8,00
Вариант 2	На счет 1–2 – поворот налево, на 3–4 – поворот направо	Выполнить задание	12,00
Вариант 3	На счет 1–2 – шаг вперёд, 3–4 – поворот кругом, 5–6 – прыжок на месте вверх	Выполнить задание	16,00
Вариант 4	На счет 1–2 – руки вверх, 3–4 – ИП, 5–6 – вперед, 7–8 – поворот кругом	Выполнить задание	20,00
Вариант 5	На 1 – руки на пояс, 2 – ИП, 3–4 – поворот направо, 5–6 поворот кругом, 7–8 – два хлопка над головой, 9–10 – прыжком налево	Выполнить задание	24,00
Вариант 6	На 1–2 – шаг вперед, 3–4 – поворот кругом, 5–6 – поворот направо, 7–8 – прыжок на месте вверх, 9–10 – приставной шаг вправо, 11–12 – поворот направо	Выполнить задание	28,00

Окончание таблицы 3

Вариант 7	На 1–2 – шаг вперед, 3–4 – поворот кругом, 5 – руки в стороны, 6 – ИП, 7–8 – прыжок вперед, 9–10 – поворот направо, 11–12 – поворот налево, 13–14 – поворот направо	Выполнить задание	32,00
Вариант 8	На 1–2 – прыжок на месте вверх, 3 – руки вперед, 4 – ИП, 5 – руки в стороны, 6 – ИП, 7 – присед, руки к плечам, 8 – ИП, 9–10 – прыжок на месте врозь вместе, 11–12 – прыжком налево, 13–14 – прыжком направо, 15–16 – приставной шаг вправо	Выполнить задание	36,00

Таблица 4 – Интеллектуально-двигательное упражнение № 4 «Лоб, нос, уши, живот»

Цель	Формирование основ двигательного мышления у учащихся I ступени общего среднего образования	
Средства	Символьно-двигательные упражнения	
Методы	Словесной демонстрации, соревновательный	
Содержание задания	Учащимся предлагается подвижная игра **«Лоб, нос, уши, живот».** Игроки располагаются в шеренге, водящий находится напротив них и словесно подает команды, а также рукой указывает на «Лоб», «Нос», «Уши», «Живот». Водящий может путать игроков: говорить «Лоб», а показывать рукой «Нос», но они должны выполнять то, что говорит водящий. Тот, кто выполнил неправильное действие, делает шаг вперед. Игроки ранжируются по результатам выполнения заданий. Победителем считается тот, кто совершил меньше всего ошибок и, соответственно, сделал меньше шагов вперед. Предметный алфавит: «Лоб», «Нос», «Уши», «Живот» ($L_{пр}$ = 4). Двигательный алфавит: коснуться до лба, носа, ушей, живота ($L_{дв}$ = 4).	
Вариант задания	*Условия выполнения задания*	f_d
Вариант 1	Учитель говорит «Нос», а показывает рукой «Уши».	9,83
Вариант 2	Учитель говорит «Нос», а показывает рукой «Лоб»; говорит «Нос», и показывает рукой «Живот».	14,83
Вариант 3	Учитель говорит «Нос», а показывает рукой «Живот»; говорит «Уши», а показывает рукой «Лоб».	16,83
Вариант 4	Учитель говорит «Уши», а показывает рукой «Лоб»; говорит «Нос», и показывает рукой «Нос»; говорит «Лоб», а показывает рукой «Живот».	20,83
Вариант 5	Учитель говорит «Лоб», а показывает рукой «Живот»; говорит «Уши», а показывает рукой «Нос»; говорит «Нос», и показывает рукой «Лоб»; говорит «Лоб», и показывает рукой «Живот».	24,33
Вариант 6	Учитель говорит «Уши», а показывает рукой «Живот»; говорит «Нос», а показывает рукой «Лоб»; говорит «Нос», и показывает рукой «Живот»; говорит «Лоб», а показывает рукой «Живот»; говорит «Уши», и показывает рукой «Уши».	28,33
Вариант 7	Учитель говорит «Уши», а показывает рукой «Живот»; говорит «Уши», и показывает рукой «Лоб»; говорит «Нос», а показывает рукой «Лоб»; говорит «Нос», а показывает рукой «Уши»; говорит «Лоб», а показывает рукой «Живот»; говорит «Живот», а показывает рукой «Нос»; говорит «Лоб» и показывает рукой «Лоб».	33,57
Вариант 8	Учитель говорит «Живот», а показывает рукой «Уши»; говорит «Уши», а показывает рукой «Лоб»; говорит «Нос», а показывает рукой «Лоб»; говорит «Нос», а показывает рукой «Уши»; говорит «Живот», а показывает рукой «Лоб»; говорит «Живот», а показывает рукой «Нос»; говорит «Нос», и показывает рукой «Нос»; говорит «Уши», а показывает рукой «Живот».	37,63

Таблица 5 – Интеллектуально-двигательное упражнение № 5 «Запретное движение одно»

Цель	Формирование основ двигательного мышления у учащихся I ступени общего среднего образования	
Средства	Символьно-двигательные упражнения	
Методы	Словесной демонстрации, соревновательный	
Содержание задания	Подвижная игра **«Запретное движение одно».** Учащимся предъявляется предметный алфавит из восьми ДД, которые может совершать учитель. У них есть двигательный алфавит из восьми ДД, семь из которых соответствуют предметному алфавиту, а одно – нет. Предметный алфавит: упор присев, руки в стороны, руки вперед, руки вверх, руки на пояс, приседание, прыжок на месте вверх, руки к плечам ($L_{пр}$ = 8). Двигательный алфавит: хлопок в ладоши, руки в стороны, руки вперед, руки вверх, руки на пояс, приседание, прыжок на месте вверх, руки к плечам ($L_{дв}$ = 8). Если учитель выполняет упор присев, то учащиеся выполняют хлопок в ладоши, остальные ДД учителя игроки копируют. Учащимся объявляется две совокупности ДД. Совокупность А = {руки в стороны, руки вперед, руки вверх, руки на пояс, приседание, прыжок на месте вверх, руки к плечам}. Совокупность В = {упор присев}.	
Вариант задания	*Условия выполнения задания*	f_d
Вариант 1	Учитель выполняет одно ДД из совокупности А. Учащиеся должны скопировать его.	10,00
Вариант 2	Учитель выполняет два ДД, одно из которых запретное. Учащиеся должны скопировать одно ДД и заменить запретное на хлопок в ладоши.	16,00
Вариант 3	Учитель выполняет три ДД, одно из которых запретное. Учащиеся должны скопировать два ДД и заменить запретное на хлопок в ладоши.	22,00
Вариант 4	Учитель выполняет четыре ДД, одно из которых запретное. Учащиеся должны скопировать три ДД и заменить запретное на хлопок в ладоши.	28,00
Вариант 5	Учитель выполняет пять ДД, одно из которых запретное. Учащиеся должны скопировать четыре ДД и заменить запретное на хлопок в ладоши.	34,00

Окончание таблицы 5

Вариант 6	Учитель выполняет шесть ДД, одно из которых запретное. Учащиеся должны скопировать пять ДД и заменить запретное на хлопок в ладоши.	40,00
Вариант 7	Учитель выполняет семь ДД, одно из которых запретное. Учащиеся должны скопировать шесть ДД и заменить запретное на хлопок в ладоши.	46,00
Вариант 8	Учитель выполняет восемь ДД, одно из которых запретное. Учащиеся должны скопировать семь ДД и заменить запретное на хлопок в ладоши.	52,00

Таблица 6 – Интеллектуально-двигательное упражнение № 6 «Запретных движений два»

Цель	Формирование основ двигательного мышления у учащихся I ступени общего среднего образования	
Средства	Символьно-двигательные упражнения	
Методы	Словесной демонстрации, соревновательный	
Содержание задания	Подвижная игра **«Запретных движений два».** Учащимся предъявляется предметный алфавит из восьми ДД, которые может совершать учитель. У них есть двигательный алфавит из восьми ДД, шесть из которых соответствуют предметному алфавиту, а два – нет. Предметный и двигательный алфавиты те же, что и в таблице 5. Учащимся объявляются три совокупности ДД. Совокупность A = {руки в стороны, руки вперед, руки вверх, руки на пояс, прыжок на месте вверх, руки к плечам}. Совокупность B = {упор присев}. Совокупность C = {правую на пояс, левую к плечу}. Если ДД принадлежит совокупности A, то учащиеся его копируют, если ДД принадлежит к совокупности B, то выполняют хлопок в ладоши, если ДД принадлежат к совокупности C, то ставят руки за голову.	
Вариант задания	*Условия выполнения задания*	f_d
Вариант 1	Учитель выполняет одно ДД. Если ДД принадлежат к совокупности A, то учащиеся их копируют, а если принадлежит к совокупности B или C, то заменяют на соответствующие альтернативные.	12,00
Вариант 2	Учитель выполняет два ДД, одно из которых принадлежит к совокупности A, а второе к совокупности B. Если ДД принадлежат к совокупности A, то учащиеся их копируют, а если принадлежат к совокупности B, то заменяют на соответствующее альтернативное.	20,00
Вариант 3	Учитель выполняет три ДД, одно из которых принадлежит к совокупности A, а два к совокупности B или C. Если ДД принадлежат к совокупности A, то учащиеся их копируют, а если принадлежат к совокупности B или C, то заменяют на соответствующие альтернативные.	28,00
Вариант 4	Учитель выполняет четыре ДД, два из которых принадлежат к совокупности A, а два к совокупности B или C. Если ДД принадлежат к совокупности A, то учащиеся их копируют, а если принадлежат к совокупности B или C, то заменяют на соответствующие альтернативные.	36,00
Вариант 5	Учитель выполняет пять ДД, три из которых принадлежат к совокупности A, а два к совокупности B или C. Если ДД принадлежат к совокупности A, то учащиеся их копируют, а если принадлежат к совокупности B или C, то заменяют на соответствующие альтернативные.	44,00
Вариант 6	Учитель выполняет шесть ДД, четыре из которых принадлежат к совокупности A, а два к совокупности B или C. Если ДД принадлежат к совокупности A, то учащиеся их копируют, а если принадлежат к совокупности B или C, то заменяют на соответствующие альтернативные.	52,00
Вариант 7	Учитель выполняет семь ДД, пять из которых принадлежат к совокупности A, а два к совокупности B или C. Если ДД принадлежат к совокупности A, то учащиеся их копируют, а если принадлежат к совокупности B или C, то заменяют на соответствующие альтернативные.	60,00
Вариант 8	Учитель выполняет восемь ДД, шесть из которых принадлежат к совокупности A, а два к совокупности B или C. Если ДД принадлежат к совокупности A, то учащиеся их копируют, а если принадлежат к совокупности B или C, то заменяют на соответствующие альтернативные.	68,00

Таблица 7 – Интеллектуально-двигательное упражнение № 7 «Запретных движений три»

Цель	Формирование основ двигательного мышления у учащихся I ступени общего среднего образования	
Средства	Символьно-двигательные упражнения	
Методы	Словесной демонстрации, соревновательный	
Содержание задания	Подвижная игра **«Запретных движений три»**. Учащимся предъявляется предметный алфавит из восьми ДД, которые может совершать учитель. У них есть двигательный алфавит из восьми ДД, пять из которых соответствуют предметному алфавиту, а три – нет. Предметный и двигательный алфавиты те же, что и в таблице 5. Учащимся объявляются четыре совокупности ДД. Совокупность A = {руки в стороны, руки вперед, руки вверх, руки на пояс, прыжок на месте вверх}. Совокупность B = {упор присев}. Совокупность C = {правую на пояс, левую к плечу}. Совокупность D = {руки к плечам}. Если ДД принадлежит совокупности A, то учащиеся его копируют, если ДД принадлежит к совокупности B, то выполняют хлопок в ладоши, если ДД принадлежат к совокупности C, то ставят руки за голову, если ДД принадлежат к совокупности D, то ставят руки над головой.	
Вариант задания	*Условия выполнения задания*	f_d
Вариант 1	Учитель выполняет одно ДД. Если ДД принадлежат к совокупности A, то учащиеся их копируют, а если принадлежит к совокупности B, C или D, то заменяют на соответствующие альтернативные.	14,00

Окончание таблицы 7

Вариант 2	Учитель выполняет два ДД, одно из которых принадлежит к совокупности A, а второе к совокупности B, C или D. Если ДД принадлежат к совокупности A, то учащиеся их копируют, а если принадлежат к совокупности B, C или D, то заменяют на соответствующее альтернативное.	24,00
Вариант 3	Учитель выполняет три ДД, одно из которых принадлежит к совокупности A, а два к совокупности B, C или D. Если ДД принадлежат к совокупности A, то учащиеся их копируют, а если принадлежат к совокупности B, C или D, то заменяют на соответствующие альтернативные.	34,00
Вариант 4	Учитель выполняет четыре ДД, одно из которых принадлежит к совокупности A, а три к совокупности B, C или D. Если ДД принадлежат к совокупности A, то учащиеся их копируют, а если принадлежат к совокупности B, C или D, то заменяют на соответствующие альтернативные.	44,00
Вариант 5	Учитель выполняет пять ДД два из которых принадлежат к совокупности A, а три к совокупности B, C или D. Если ДД принадлежат к совокупности A, то учащиеся их копируют, а если принадлежат к совокупности B, C или D, то заменяют на соответствующие альтернативные.	54,00
Вариант 6	Учитель выполняет шесть ДД, три из которых принадлежат к совокупности A, а три к совокупности B, C или D. Если ДД принадлежат к совокупности A, то учащиеся их копируют, а если принадлежат к совокупности B, C или D, то заменяют на соответствующие альтернативные.	64,00
Вариант 7	Учитель выполняет семь ДД, четыре из которых принадлежат к совокупности A, а три к совокупности B, C или D. Если ДД принадлежат к совокупности A, то учащиеся их копируют, а если принадлежат к совокупности B, C или D, то заменяют на соответствующие альтернативные.	74,00
Вариант 8	Учитель выполняет восемь ДД, пять из которых принадлежат к совокупности A, а три к совокупности B, C или D. Если ДД принадлежат к совокупности A, то учащиеся их копируют, а если принадлежат к совокупности B, C или D, то заменяют на соответствующие альтернативные.	84,00

Таблица 8 – Интеллектуально-двигательное упражнение № 8 «Запретных движений четыре»

Цель	Формирование основ двигательного мышления у учащихся I ступени общего среднего образования
Средства	Символьно-двигательные упражнения
Методы	Словесной демонстрации, соревновательный
Содержание задания	Подвижная игра **«Запретных движений четыре»**. Учащимся предъявляется предметный алфавит из восьми ДД, которые может совершать учитель. У них есть двигательный алфавит из восьми ДД, четыре из которых соответствуют предметному алфавиту, а четыре – нет. Предметный и двигательный алфавиты те же, что и в таблице 5. Учащимся объявляются пять совокупностей ДД. Совокупность A = {руки в стороны, руки вверх, руки на пояс, прыжок на месте вверх}. Совокупность B = {упор присев}. Совокупность C = {правую на пояс, левую к плечу}. Совокупность D = {руки к плечам}. Совокупность E = {руки вперед}. Если ДД принадлежит совокупности A, то учащиеся его копируют, если ДД принадлежит к совокупности B, то выполняют хлопок в ладоши, если ДД принадлежат к совокупности C, то ставят руки за голову, если ДД принадлежат к совокупности D, то ставят руки над головой, если ДД принадлежат к совокупности E, то выполняют приставной шаг влево.

Вариант задания	*Условия выполнения задания*	f_d
Вариант 1	Учитель выполняет одно ДД. Если ДД принадлежат к совокупности A, то учащиеся их копируют, а если принадлежит к совокупности B, C, D или E, то заменяют на соответствующие альтернативные.	16,00
Вариант 2	Учитель выполняет два ДД, одно из которых принадлежит к совокупности A, а второе к совокупности B, C, D или E. Если ДД принадлежат к совокупности A, то учащиеся их копируют, а если принадлежат к совокупности B, C, D или E, то заменяют на соответствующее альтернативное.	28,00
Вариант 3	Учитель выполняет три ДД, одно из которых принадлежит к совокупности A, а два к совокупности B, C, D или E. Если ДД принадлежат к совокупности A, то учащиеся их копируют, а если принадлежат к совокупности B, C, D или E, то заменяют на соответствующее альтернативное.	40,00
Вариант 4	Учитель выполняет четыре ДД, одно из которых принадлежит к совокупности A, а три к совокупности B, C, D или E. Если ДД принадлежат к совокупности A, то учащиеся их копируют, а если принадлежат к совокупности B, C, D или E, то заменяют на соответствующее альтернативное.	52,00
Вариант 5	Учитель выполняет пять ДД, одно из которых принадлежит к совокупности A, а четыре к совокупности B, C, D или E. Если ДД принадлежат к совокупности A, то учащиеся их копируют, а если принадлежат к совокупности B, C, D или E, то заменяют на соответствующее альтернативное.	64,00
Вариант 6	Учитель выполняет шесть ДД, два из которых принадлежат к совокупности A, а четыре к совокупности B, C, D или E. Если ДД принадлежат к совокупности A, то учащиеся их копируют, а если принадлежат к совокупности B, C, D или E, то заменяют на соответствующее альтернативное.	76,00
Вариант 7	Учитель выполняет семь ДД, три из которых принадлежат к совокупности A, а четыре к совокупности B, C, D или E. Если ДД принадлежат к совокупности A, то учащиеся их копируют, а если принадлежат к совокупности B, C, D или E, то заменяют на соответствующее альтернативное.	88,00
Вариант 8	Учитель выполняет восемь ДД, четыре из которых принадлежат к совокупности A, а четыре к совокупности B, C, D или E. Если ДД принадлежат к совокупности A, то учащиеся их копируют, а если принадлежат к совокупности B, C, D или E, то заменяют на соответствующее альтернативное.	100,00

Вычисление сложности ИДУ позволило построить матрицу из восьми упражнений по восемь вариантов каждое (таблица 9).

Таблица 9 – Матрица интеллектуально-двигательных упражнений

Варианты	1	2	3	4	5	6	7	8
ИДУ № 1	6,83	8,83	10,83	12,83	14,83	16,83	18,83	20,83
ИДУ № 2	7,16	9,16	11,16	13,16	15,16	17,16	19,16	21,16
ИДУ № 3	8,00	12,00	16,00	20,00	24,00	28,00	32,00	36,00
ИДУ № 4	9,83	14,83	16,83	20,83	24,33	28,33	33,57	37,63
ИДУ № 5	10,00	16,00	22,00	28,00	34,00	40,00	46,00	52,00
ИДУ № 6	12,00	20,00	28,00	36,00	44,00	52,00	60,00	68,00
ИДУ № 7	14,00	24,00	34,00	44,00	54,00	64,00	74,00	84,00
ИДУ № 8	16,00	28,00	40,00	52,00	64,00	76,00	88,00	100,00

Данная таблица позволяет планировать использование ИДУ в подготовительной части урока с учетом принципа зоны ближайшего развития учащихся [7, с. 264].

Условные зоны сложности (таблица 9) выделены цветом. Зона 1 – сложность ИДУ до 20,00. Зона 2 – сложность ИДУ до 40,00. Зона 3 – сложность ИДУ до 60,00. Зона 4 – сложность ИДУ до 80,00. Зона 5 – сложность ИДУ до 100,00.

Заключение. Представленная система средств формирования основ двигательного мышления у учащихся I ступени общего среднего образования, состоящая из 64 ИДУ, может быть использована в подготовительной части урока ФК и З. Она соответствует принципам конструирования ИДУ. Методика определения сложности ИДУ позволила их ранжировать по критерию сложности и построить матрицу ИДУ.

Разработанные нами учебные задания, направленные на формирование основ двигательного мышления у учащихся I ступени общего среднего образования, подлежат апробации в условиях образовательного процесса в ГУО «Средняя школа № 59 г. Гомеля».

Литература

1. Старчанка, У. М. Рухальнае мысленне і тэхналогія яго развіцця / У. М. Старчанка // Известия Гомельского гос. ун-та им. Ф. Скорины. – 2011. – № 1 (64). – С. 167–172.

2. Старченко, В. Н. Физкультурная мыследеятельность и мышление / В. Н. Старченко // Мир спорта. – 2024. – № 1 (94). – С. 104–108.

3. Старченко, В. Н. Интеллектуально-двигательные упражнения как средство физического воспитания / В. Н. Старченко // Пед. наука и образование. – 2021. – № 3 (36). – С. 69–79.

4. Старченко, В. Н. Метрологическое обоснование теста для контроля за уровнем сформированности двигательного мышления, сконструированного на основе символьно-двигательного упражнения / В. Н. Старченко, О. Н. Коханик // Известия Гомельского гос. ун-та им. Ф. Скорины. – 2025. – № 5 (152). – С. 58–63.

5. Старченко, В. Н. Средства формирования основ физкультурного мышления / В. Н. Старченко // Мир спорта. – 2024. – № 2 (95). – С. 83–88.

6. Чередник, Т. А. Интеллектуально-двигательное упражнение для формирования основ двигательного мышления дошкольников / Т. А. Чередник, В.Н. Старченко // Весник Гродненского гос. ун-та им. Я. Купала. – 2023. – № 5. – С. 114–121.

7. Выготский, Л. С. Собрание сочинений : в 6 т. / Л. С. Выготский ; гл. ред. А. В. Запорожец. – М. : Педагогика, 1982–1983. – Т. 4 : Детская психология / авт. послесл. и коммент. Д. Б. Эльконин. – 432 с.

Гомельский государственный
университет имени Франциска Скорины

Поступила в редакцию 08.09.2025

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 2 (155), 2026

УДК 37.013.77:159.923.2:37.015.31:37.034 EDN: NUIVAL

Психолого-педагогические основы развития самоответственности и проактивности в сфере здоровья у студентов

Т.Г. Шатюк, А.С. Слесарева

Статья посвящена психолого-педагогическим основам развития самоответственности и проактивности в сфере здоровья у студентов. Рассматриваются теоретические подходы к формированию внутренней картины здоровья, анализируются личностные особенности студентов, влияющие на здоровьесберегающее поведение, а также роль страха как потенциального барьера и мотиватора. На основе пилотажного исследования с участием 121 студента с хроническими соматическими заболеваниями выявлены специфические психологические реакции в зависимости от нозологии. Предложены принципы разработки университетского проекта, направленного на развитие проактивной жизненной позиции и навыков саморегуляции. Новизна работы заключается в интеграции концепций отношения к болезни, теорий личности и саморегуляции для перехода от превентивной медицины к позитивной педагогике здоровья.
Ключевые слова: самоответственность, проактивность, здоровье студентов, психолого-педагогические основы, внутренняя картина здоровья, отношение к болезни, саморегуляция, страх, хронические заболевания, университетский проект

The article focuses on the psychological and pedagogical foundations of developing self-responsibility and proactivity in the health sphere among students. Theoretical approaches to forming an internal picture of health are considered, personal characteristics of students influencing health-saving behavior are analyzed, and the role of fear as a potential barrier and motivator is explored. Based on a pilot study involving 121 students with chronic somatic diseases, specific psychological reactions depending on nosology are identified. Principles for developing a university project aimed at fostering a proactive life position and self-regulation skills are proposed. The novelty of the work lies in integrating concepts of attitudes toward illness, personality theories, and self-regulation to transition from preventive medicine to positive health pedagogy.
Keywords: self-responsibility, proactivity, students' health, psychological and pedagogical foundations, internal picture of health, attitude toward illness, self-regulation, fear, chronic diseases, university project.

Формирование у молодежи ответственного и проактивного отношения к здоровью является актуальной задачей современного высшего образования. Теоретико-методологической основой для разработки соответствующих педагогических проектов выступают концепции медицинской психологии и психологии личности, исследующие взаимосвязь когнитивных, эмоциональных и поведенческих паттернов в контексте здоровья и болезни.

Центральным психологическим конструктом, подлежащим переосмыслению в образовательном ключе, выступает отношение к болезни. Исследования показывают, что данное отношение представляет собой сложное динамическое образование, интегрирующее ощущения, представления и переживания человека в связи с нарушением здоровья [1]. В медицинской психологии широко используется понятие «внутренняя картина болезни» (ВКБ), введенное Р.А. Лурия и разработанное в трудах В.В. Николаевой, как субъективное отражение болезни в психике индивида [2], [3]. Для педагогической практики более продуктивным является смещение акцента на формирование «внутренней картины здоровья» – осознанного и целостного представления личности о собственном благополучии как о ценности, требующей активного сохранения и укрепления. Типология отношений к болезни, представленная в работах Н.Д. Лакосиной и Г.К. Ушакова, Р. Конечного и М. Боухала, демонстрирует, что дезадаптивные типы (анозогнозический, ипохондрический) характеризуются низкой самоответственностью, от игнорирования проблемы до пассивной тревоги [4], [5]. Задачей образования является содействие становлению гармоничного и рационального типа, который в контексте здоровья трансформируется в проактивную жизненную позицию, основанную на адекватной оценке рисков, поиске информации и целенаправленной деятельности по укреплению здоровья.

Важным основанием для проектирования индивидуализированных педагогических траекторий являются личностные особенности студентов. Теория личности Г.Ю. Айзенка уста-

навливает связь таких черт, как нейротизм и экстраверсия, с предрасположенностью к определенным психическим состояниям (тревожность, импульсивность), что может влиять на стратегии здоровьясберегающего поведения [6]. Высокий нейротизм, ассоциирующийся с эмоциональной лабильностью, требует целенаправленного развития навыков саморегуляции. Способность к саморегуляции психических состояний рассматривается как ключевой фактор адаптации в теориях И.И. Чесноковой и Л.Г. Дикой [7], [8]. Для студенческой среды, характеризующейся высокими интеллектуальными и эмоциональными нагрузками, приобретение навыков управления стрессом, эмоциями и функциональными состояниями (утомлением, сонливостью) становится условием поддержания оптимальной работоспособности и профилактики дезадаптации. Энергетическая парадигма А.О. Прохорова объясняет, что проактивная деятельность наиболее эффективна в состоянии психологического равновесия, в то время как «неравновесные психические состояния» ведут к снижению контроля и дезорганизации поведения [9]. Таким образом, образовательный проект должен включать модули, направленные на развитие психологической устойчивости и техник саморегуляции для поддержания этого равновесия.

Существенным психологическим барьером, а при правильной работе – и потенциальным мотиватором, выступает феномен страха. Как показывают исследования, страхи, в том числе социальные и связанные с будущим, существенно влияют на поведение человека [10]. У студентов могут доминировать страхи неудачи, социального неодобрения или, наоборот, игнорирования рисков для здоровья, что коррелирует с анозогнозическим типом отношения [11]. Задача педагога заключается в конструктивной работе с этими страхами. Философская и психологическая мысль, от Эпикура и Сенеки до Р. Мэя и Ю.В. Щербатых, указывает на то, что осознание и рациональный анализ страха снижают его деструктивное влияние и могут способствовать мобилизации ресурсов [12], [13]. Страх перед последствиями нездорового образа жизни должен быть трансформирован не в тревожность, а в осознанную мотивацию к действию. Это требует формирования у студентов не только знаний о рисках, но и, что более важно, уверенности в самоэффективности – убежденности в своей способности управлять своим здоровьем и достигать поставленных целей, преодолевая избегающее поведение.

На основе проведенного анализа можно сформулировать ключевые психолого-педагогические принципы разработки университетского проекта:

– принцип целостности и системности: воздействие на взаимосвязанные компоненты личности – когнитивный, эмоционально-ценностный, поведенческий и саморегуляторный;

– принцип личностной ориентированности: учет индивидуально-типологических особенностей (нейротизм, локус контроля) и актуальных типов отношения к здоровью для персонализации подходов;

– принцип проактивности и субъектности: смещение от информирования к моделированию ситуаций, требующих от студента самостоятельной постановки целей здоровья, планирования и осуществления деятельности по их достижению;

– принцип опоры на саморегуляцию: обучение конкретным методам самодиагностики состояния, управления стрессом и эмоциями как основе устойчивого здоровьесберегающего поведения;

– принцип актуализации личностного смысла: связь темы здоровья с актуальными жизненными сферами студента – профессиональным становлением, социальным признанием, личностным ростом, что повышает внутреннюю мотивацию.

Таким образом, теоретической основой для проектов по развитию самоответственности и проактивности в контексте здоровья у студентов служит синтез положений психологии отношения к болезни, теорий личности и саморегуляции, а также достижений в области понимания природы страха. Такой интегративный подход позволяет перейти от превентивной медицины к позитивной педагогике здоровья, направленной на воспитание субъекта, способного к осознанному и ответственному управлению своим благополучием на протяжении всей жизни.

Теоретические изыскания предопределили проведение пилотажного предпроектного исследования для того, чтобы иметь возможность опираться на конкретные статистически значимые данные; определить целевую направленность и аудиторию, адресную ориентированность на конкретные мишени коррекции, обнаруженные в ходе исследования; учесть профильную специфику студентов с разными заболеваниями и комплексный характер (когнитивный, эмоциональный и поведенческий компоненты) внутренней картины болезни.

В пилотажном исследовании была сформирована выборка, в которую вошел 121 студент дневной формы обучения в возрасте 18–23 лет (M = 20,34; SD = ±1,8) с документально подтвержденными хроническими соматическими заболеваниями в стадии ремиссии / субкомпенсации. Выборка стратифицирована по семи медицинским профилям: гинекологический (12,4 %), дерматологический (17,36 %), кардиологический (8,26 %), неврологический (13,22 %), отоларингологический (19,83 %), офтальмологический (16,53 %), травматологический (12,4 %).

Был использован следующий психодиагностический инструментарий:

– опросник самооценки психических состояний Г. Айзенка (тревожность, фрустрация, агрессивность, ригидность);

– личностный опросник Бехтеревского института (ЛОБИ) – диагностика 13 типов отношения к болезни;

– опросник иерархической структуры актуальных страхов (ИСАС) Ю.В. Щербатых и Е.И. Ивлевой.

Статистический анализ был осуществлен с помощью IBM SPSS Statistics 26.0 и непараметрических методов (критерии Краскела-Уоллиса, Манна-Уитни, корреляция Спирмена). Уровень значимости был принят равным $p \leq 0,05$.

Полученные основные результаты выглядят следующим образом. У 47,8 % выборки выявлен высокий уровень тревожности, у 32,6 % – высокий уровень фрустрации. Наибольшая тревожность у студентов с гинекологическими (46,67 %) и дерматологическими (47,62 %) заболеваниями (статистически значимые различия с офтальмологическим и кардиологическим профилями). Наибольшая агрессивность у студентов травматологического профиля (53,33 % высокого уровня), что достоверно выше, чем у офтальмологического, кардиологического, неврологического и гинекологического профилей. Наибольшая ригидность характерна для гинекологического профиля (53,33 %), что значимо выше, чем у дерматологического, офтальмологического и кардиологического профилей. Гендерные различия статистически значимы только по агрессивности (выше у юношей, $\rho = 0,192$; $p = 0,035$). По тревожности, фрустрации и ригидности значимых гендерных различий не выявлено.

По типам отношения к болезни (ЛОБИ) абсолютно преобладают типы из интерпсихического и интрапсихического блоков. Гармоничный тип встречается единично. В гинекологическом профиле максимальная выраженность тревожного (80 %) и сенситивного (80 %) типов; в дерматологическом профиле высокие показатели по тревожному (80,95 %), неврастеническому (66,67 %), паранойяльному (71,43 %) и эгоцентрическому (66,67 %) типам. В кардиологический профиль выявлено преобладание обсессивно-фобического (70 %) и паранойяльного (70 %) типов. Травматологическому профилю свойственно сочетание эргопатического (73,33 %) и тревожного (73,33 %) типов. Статистический анализ подтвердил значимые различия между профилями по 10 из 13 типов ЛОБИ, что указывает на тесную связь нозологии и психологического реагирования на болезнь.

Наибольший общий уровень страхов по интегральному показателю страхов (ИПС) зафиксирован у гинекологического (118,67), дерматологического (111,48) и кардиологического (109,90) профилей. Эти показатели достоверно выше, чем у отоларингологического, неврологического и травматологического профилей.

Качественная структура страхов в разрезе профилей выглядит следующим образом. Гинекологическому профилю наиболее характерны страх изменений в личной жизни (73,33 %), страх негативных последствий болезни близких (73,33 %); кардиологическому – страх за сердце (40 %, значимо выше других профилей). Всем профилям характерен высокий социальный страх начальства (от 43,75 % до 65 %).

Фобическая симптоматика (9–10 баллов) встречается редко (16,53 % выборки). Фобии проявлены у студентов в гинекологическом (66,67 %), кардиологическом (20,00 %), дерматологическом (19,05 %), отоларингологическом (16,67 %) профилях. Наиболее выражены фобия, связанная с половой функцией, и кардиофобия.

Таким образом, по результатам пилотажного исследования можно сделать основные выводы. Хроническое соматическое заболевание является значимым психотравмирующим фактором для студентов, что проявляется в высоком уровне тревожности, фрустрации и преобладании дезадаптивных типов отношения к болезни. Существует четкая психологическая

специфика, связанная с нозологией: заболевания с выраженным социальным / интимным компонентом (гинекологические, дерматологические) связаны с тревожностью, сенситивностью и социальными страхами; заболевания, сопряженные с болью и ограничением подвижности (травматологические), ассоциированы с агрессивностью и фрустрацией; заболевания с риском серьезных последствий (кардиологические) провоцируют обсессивно-фобические и паранойяльные реакции, а также специфические нозогенные страхи (кардиофобия).

Пол пациента не является определяющим фактором в структуре переживания болезни, за исключением несколько более высокой склонности к экстернализации напряжения у юношей в форме агрессивности.

Выявленные мишени для психологического вмешательства актуализировали не только разработку и реализацию коррекционно-развивающих программ, но и разработку проекта «*Развитие самоответственности и проактивности в сфере здоровья у студентов*». Это социально-психологический просветительский проект, направленный на формирование культуры здоровья среди студенческой молодежи через развитие личностной проактивности и самоответственности.

Самоответственность в здоровье – это осознание студентом того, что его физическое и ментальное состояние в первую очередь зависит от его собственных выборов и действий (питание, сон, физическая активность, управление стрессом, своевременное обращение к врачу).

Проактивность в здоровье – это способность предвидеть потенциальные проблемы и действовать заранее для их предотвращения. Это переход от реакции «лечусь, когда заболел» к стратегии «делаю все, чтобы не заболеть». Проактивный человек ищет информацию, планирует распорядок дня, учится техникам релаксации до наступления экзаменационной сессии.

Студент, особенно только поступивший в университет, оказывается в условиях высокой нагрузки: стресс, нерегулярное питание, недосып, академическая перегрузка – все это подрывает здоровье. Ему приходится самому полностью отвечать за свою жизнь, включая здоровье. Нет родителей, которые напомнят о приеме у врача или приготовят полезную еду. Студенческий возраст также и время для формирования пожизненных привычек: привычки, сформированные в молодости, с большой вероятностью сохранятся и в зрелом возрасте. К тому же здоровье имеет прямую связь с успеваемостью: здоровый студент (как физически, так и ментально) более сосредоточен, энергичен и эффективен в учебе.

Таким образом, для психолога в рамках данного проекта в качестве *цели* необходимо формировать у студента внутреннюю позицию автора своего здоровья, помочь перейти ему из пассивной роли «пациента» или «объекта обстоятельств» в активную роль «субъекта, управляющего своим благополучием». Отсюда вытекает несколько *задач*:

– *повышение осознанности*: помочь студенту увидеть прямые связи между его образом жизни, мыслями, действиями и его состоянием;

– *развитие навыков саморегуляции*: научить техникам управления стрессом, эмоциями, энергией и временем;

– *формирование проактивной позиции*: сместить фокус с «реагирования на проблемы» на «планирование благополучия»;

– *развитие внутренней мотивации*: помочь найти личные, значимые причины заботиться о здоровье (не потому, что «надо», а потому что «это важно для моих целей»);

– *преодоление когнитивных искажений*: работа с установками типа «со мной ничего не случится», «я еще молодой, чтобы болеть», «все так живут».

Психолог может работать со студентами как в индивидуальном, так и в и групповом формате. Представим примерный план работы психолога, направления и методы его работы.

1. *Диагностический этап.* Здесь необходимо использовать методы интервью и беседы, которые позволяют выявить текущие привычки, «слабые места» и ресурсы студента, а также опросники для диагностики уровня стресса, тревожности, выгорания, удовлетворенности жизнью и т. п. Для определения зон роста используется методика «Колесо баланса жизни / здоровья»: студент визуально оценивает удовлетворенность различными сферами (сон, питание, движение, отдых, учеба, общение). Ведение дневника самонаблюдения для самоанализа: в течение недели студент фиксирует сон, питание, настроение, уровень энергии и связывает это с событиями дня.

2. *Просветительско-обучающий этап.* Здесь используются групповые тренинги, семинары, лекции. Например, тренинг «Управление стрессом и тайм-менеджмент»: планирование,

расстановка приоритетов, техники «Помидора», методы релаксации (дыхательные практики, прогрессивная мышечная релаксация), семинар «Основы ментальной гигиены»: что такое эмоциональное выгорание, как распознать тревожность, техники работы с негативными мыслями (КПТ-подход), тренинг «Проактивное мышление»: анализ круга влияния и круга забот, обучение языку проактивности («Я выбираю...», «Я могу...», «Я посмотрю, что можно сделать») вместо реактивного («Я вынужден...», «От меня ничего не зависит», «Если бы не...»).

На этом этапе проводятся информационные сессии о сне, питании, физической активности: важно давать информацию в контексте их влияния на когнитивные функции (память, внимание) и эмоциональный фон.

3. *Консультативно-коррекционный этап* ориентирован на индивидуальную работу. На этом этапе можно использовать технику «Создание здоровья»: вместо постановки цели «перестать болеть», ставится цель «создать энергичность / бодрость». Работа ведется через маленькие, конкретные шаги (SMART-цели). Например, не «начать правильно питаться», а «съедать один фрукт в обед в течение недели». Работа с внутренними убеждениями: выявление и изменение установок, мешающих заботе о здоровье («Забота о себе – это эгоизм», «Чтобы успевать, надо жертвовать сном»). Метод декомпозиции позволяет осуществить разбор большой пугающей задачи (например, «наладить режим») на маленькие, понятные шаги. Поведенческие эксперименты: предложить студенту в качестве эксперимента неделю ложиться на 1 час раньше и отследить, как это повлияло на его продуктивность и настроение.

4. *Методы, развивающие самоответственность и проактивность напрямую.* Здесь можно порекомендовать использовать колесо баланса: студент сам оценивает сферы и сам выбирает, какую из них он хочет улучшить в первую очередь. Психолог выступает в роли фасилитатора, а не эксперта, который указывает, что делать.

Техника «Если... то...» помогает создать план действий в сложных ситуациях. Например, «если во время подготовки к экзамену я почувствую сильную тревогу, то я сделаю 5-минутный перерыв и выполню дыхательное упражнение». Мотивационное интервьюирование: техника, помогающая студенту самому сформулировать свои аргументы «за» изменения, а не выслушивать их от психолога. Это мощно усиливает внутреннюю мотивацию. Парадоксальные техники, например, предложить студенту на неделю сознательно не высыпаться или питаться фастфудом и детально отслеживать последствия. Это резко повышает осознанность.

Используя рекомендованные методы и техники, можно составить мини- и макси-программы. Пример программы группового тренинга на 4 встречи может выглядеть следующим образом:

Занятие 1: «Я и мое здоровье: диагностика и осознание».

Знакомство. Колесо баланса здоровья. Обсуждение связи «образ жизни – настроение – успеваемость».

Занятие 2: «Проактивность: как быть автором своей жизни».

Теория Кови: Круг влияния vs. Круг забот. Упражнение на перевод реактивных фраз в проактивные. Техника постановки SMART-целей для здоровья.

Занятие 3: «Ресурсное состояние: управление энергией и стрессом».

Техники тайм-менеджмента. Практика дыхательных и телесных упражнений для быстрого снятия напряжения.

Занятие 4: «Мой план здоровья».

Создание индивидуального плана действий с использованием техник «Если... то...». Групповая поддержка и обмен ресурсами. Подведение итогов.

Работа психолога по развитию самоответственности и проактивности в контексте здоровья у студентов – это инвестиция в их долгосрочное и физическое, и психологическое благополучие, а также в их академическую и жизненную успешность. Это переход от «латания дыр» (работы с уже возникшими проблемами) к превентивной и развивающей модели психологической помощи, которая вооружает студентов навыками на всю оставшуюся жизнь

Заключение. Проведенное исследование подтверждает необходимость целостного психолого-педагогического подхода к развитию самоответственности и проактивности в сфере здоровья у студентов. Теоретический анализ и эмпирические данные демонстрируют тесную связь между нозологией заболевания, типом отношения к болезни и преобладающими психо-

логическими состояниями. Разработанные принципы и практические методы позволяют перейти от реактивной модели поведения к проактивной, основанной на осознанном управлении собственным благополучием. Реализация университетского проекта, включающего диагностический, просветительский и коррекционный этапы, способствует формированию устойчивой внутренней мотивации и навыков саморегуляции. Таким образом, работа психолога в данном направлении является инвестицией не только в физическое и психическое здоровье студентов, но и в их долгосрочную академическую и жизненную успешность, обеспечивая переход от симптоматической помощи к развивающей модели психологического сопровождения.

Проект представляет собой комплексную междисциплинарную платформу, направленную на формирование у студентов культуры осознанного управления здоровьем через развитие самоответственности и проактивности. Он объединяет психолого-педагогические методики, цифровые инструменты и средовой подход для создания устойчивых здоровьесберегающих привычек.

Большой развивающий потенциал проекта обусловлен его системностью и масштабируемостью, целостной экосистемой, междисциплинарной интеграцией, сфокустрован на долгосрочных изменениях, опирается на научные данные, имеет социальный и воспитательный эффект, обладает потенциалом для коммерциализации и тиражирования, позволяет формировать студенческие health-сообщества и инициативы, увеличивает академическую успешность. Проект обладает высоким развивающим потенциалом не только для отдельных студентов, но и для образовательной системы в целом. Он трансформирует подход к здоровью – из сферы медицинских проблем в сферу личностного роста, осознанности и социальной ответственности. Такой проект может стать образцом для современной университетской экосистемы, где здоровье рассматривается как ключевой ресурс для успешной учёбы, карьеры и качества жизни.

Литература

1. Ельникова, О. Е. Концепт «отношение к болезни» как научная проблема / О. Е. Ельникова // Обзор литературы. Комплексные исследования детства. – 2020. – Т. 2, № 4. – С. 292–304.

2. Лурия, А. Р. Внутренняя картина болезней и иатрогенные заболевания / А. Р. Лурия – М. : Медицина, 1977. – 111 с.

3. Николаева, В. В. Влияние хронической болезни на психику : Психологическое исследование / В. В. Николаева – М. : МГУ, 1987. – 168 с.

4. Лакосина, Н. Д. Учебное пособие по медицинской психологии / Н. Д. Лакосина, Г. К. Ушаков М. : Медицина, 1976. – 320 с.

5. Конечный, Р. Психология в медицине / Р. Конечный, М. Боухал, Г. Шевченко – Прага : Медицинское изд-во «Авиценум», 1983. – 406 с.

6. Айзенк, Г. Методика диагностики самооценки психических состояний Г. Айзенка : характеристика методики / Г. Айзенк // Совладающее поведение личности : психодиагностический практикум / авт.-сост. : Л. И. Бершедова, Т. Ю. Морозова, Э.Н. Рычихина [и др.] ; рец. Л. Ю. Овчаренко. – М. : Ритм, 2018. – Гл. 4.1. – С. 218–221.

7. Чеснокова, И. И. Особенности регуляции психических состояний / И. И. Чеснокова // Психология состояний. Хрестоматия ; под. ред. А. О. Прохорова. – М. : ПЕР СЭ ; СПб. : Речь, 2004. – С. 47–50.

8. Дикая, Л. Г. Психические состояния и эффективность деятельности /Л. Г. Дикая // Психологический журнал. – 1984. – № 6 (5) – С. 254–257.

9. Прохоров, А. О. Неравновесные психические состояния и их характеристики в учебной и педагогической деятельности / А. О. Прохоров // Вопросы психологии. – 1996 – № 4 – С. 32–44.

10. Гидденс, Э. Стратификация и классовая структура / Э. Гидденс // Социологические исследования. – 1992. – № 11. – С. 107–120.

11. Седунова, А. С. Психологические особенности отношения к болезни / А. С. Седунова, М. А. Эсмантова // Сибирский научный вестник. – 2019. – № 2 (36) – С. 46–53.

12. Мэй, Р. Смысл тревоги / Р. Мэй. – М. : Ин-т общегум. исслед., 2016. – 417 с.

13. Щербатых, Ю. В. Психология страха / Ю. В. Щербатых. – М. : Эксмо, 2008. – 416 с.

Гомельский государственный
университет имени Франциска Скорины

Поступила в редакцию 21.01.2026

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 2 (155), 2026

УДК 378.147:[81’271.16-057.875:004.9](045) EDN: KZRKWB

Когнитивный и материальный аспекты содержания обучения студентов-лингвистов компьютерно-опосредованному письменному общению

Е.П. Шепёлкина

Статья посвящена анализу специфики ключевых аспектов содержания обучения студентов-лингвистов компьютерно-опосредованному письменному общению на английском языке, которое предусматривает овладение способами конструктивного взаимодействия в онлайн-дискуссии. Когнитивный и материальный аспекты содержания обучения уточняются автором с учётом видов аргументации и критики в онлайн-дискуссии, коммуникативных ролей виртуальных собеседников, используемых ими вербальных и метаграфемных средств выражения критики.
Ключевые слова: компьютерно-опосредованное письменное общение, английский язык, студенты-лингвисты, онлайн-дискуссия, конструктивное взаимодействие, содержание обучения, когнитивный аспект, материальный аспект.

The article is devoted to the analysis of the specifics of key aspects of teaching content for linguistics students in computer-mediated written communication in English, which involves mastering the methods of constructive interaction in online discussion. The author clarifies the cognitive and material aspects of teaching content, taking into account the types of argumentation and criticism in online discussion, communicative roles of virtual interlocutors, and the verbal and metagraphemic means of expressing criticism they use.
Keywords: computer-mediated written communication, English language, linguistics students, online discussion, constructive interaction, teaching content, cognitive aspect, material aspect.

Цифровая трансформация коммуникации затрагивает все сферы жизни современного человека, выдвигая новые требования к подготовке студентов-лингвистов, чья деятельность и повседневное взаимодействие всё чаще разворачиваются в глобальном онлайн-пространстве. Динамичное развитие цифровых коммуникативных сред кардинально трансформировало профессиональные практики и повседневное общение лингвистов, для которых владение иностранным языком сегодня неотделимо от компьютерно-опосредованного письменного общения (КОПО) – «регистрируемого на экране компьютерного устройства поочерёдного вербального и невербального взаимодействия виртуальных собеседников с целью решения коммуникативной задачи, осуществляемое на иностранном языке в письменной форме в интернет-пространстве вне времени» [1, с. 3]. Доминирующей формой КОПО в различных сферах выступает интернет-полилог – многостороннее письменное общение, характеризующееся асинхронностью, гипертекстуальностью, полимодальностью и вовлечением неограниченного числа участников с разнородными культурными и ценностными позициями [1, с. 6], [2], [3, л. 49]. Однако традиционная методика, ориентированная на обучение устной и письменной диалогической или монологической речи на иностранном языке, зачастую не предоставляет студентам-лингвистам необходимого инструментария для навигации, анализа и продуктивного конструирования интернет-полилога в разнообразных контекстах общения. Это создаёт разрыв между академической подготовкой студентов-лингвистов и реальными коммуникативными потребностями современного человека.

Целью данной статьи является теоретическое обоснование содержания обучения студентов-лингвистов КОПО на английском языке и конкретизация его наполнения. Для достижения поставленной цели применялись методы теоретического анализа научной литературы в области методики обучения иностранным языкам (И.Л. Бим), коммуникативной лингвистики и теории компьютерно-опосредованной коммуникации (О.А. Быкова, Е.Г. Задворная, S. Herring, J. Suler), а также метод моделирования содержания обучения.

Методологическая основа разрабатываемой методики обучения письменному общению в интернет-полилоге формируется путём интеграции нескольких взаимодополняющих педагогических и методических подходов. Такой синтез необходим для адекватного отражения многоаспектной природы КОПО. Системообразующей дидактической основой выступает *компетентностный подход* (А.В. Хуторской, В.В. Краевский, О.Л. Жук и др.), который ори-

ентирует образовательный процесс на формирование, в нашем случае, дискурсивной компетенции как интегративной способности студента-лингвиста к эффективному и адекватному порождению, восприятию и критическому анализу письменных текстов [4, с. 10, 12] в динамичном контексте интернет-полилога. Оптимальным методическим направлением для формирования данной компетенции представляется *коммуникативно-деятельностный подход* (И.Л. Бим, Е.А. Маслыко, А.Ф. Будько и др.), согласно которому организация целенаправленной, мотивированной речевой деятельности должна предусматривать моделирование реального межкультурного общения, где студент-лингвист из пассивного потребителя информации превращается в активного субъекта, решающего коммуникативные задачи через анализ, продуцирование и взаимодействие в КОПО [5, с. 42–48].

В классической методике обучения иностранным языкам структурирование содержания обучения является фундаментальной задачей. В рамках выбранного нами коммуникативно-деятельностного подхода И.Л. Бим выделяет в содержании обучения следующие взаимосвязанные аспекты: идеальный, материальный и процессуальный [6, с. 58–66]. С учётом цели данной статьи рассмотрим подробнее содержательное ядро обучения студентов-лингвистов КОПО и сконцентрируемся на анализе первых двух аспектов.

На современном этапе развития методики исследователи предпочитают называть идеальный аспект содержания обучения иностранным языкам когнитивным [7, с. 32–35]. Когнитивный аспект содержания обучения связан с познавательными процессами в овладении иностранным языком. Наполнение данного аспекта позволяет ответить на вопрос: «Что следует понимать?» для осознанного участия в общении на иностранном языке. В когнитивный аспект содержания обучения иностранным языкам традиционно включают систему знаний и представлений, которые формируют метаязыковое и метакоммуникативное сознание обучающегося. В свою очередь материальный аспект содержания обучения иностранным языкам представляет собой конкретный операциональный инструментарий, т. е. отражает объективные средства и ресурсы обучения. Данный аспект отвечает на вопрос: «С помощью чего?» осуществляется коммуникация. В материальный аспект содержания обучения иностранным языкам входят языковые и неязыковые средства.

В контексте обучения студентов-лингвистов КОПО на английском языке когнитивный и материальный аспекты содержания обучения должны быть уточнены в соответствии со спецификой письменного общения в сети Интернет. Результаты научных исследований в этой области позволяют утверждать, что КОПО, в силу своей открытости, анонимности или «псевдоанонимности» и столкновения разнородных мнений, обладает высоким потенциалом к конфликтности в любых сферах общения [1, с. 7], [8, с. 32]. Виртуальные собеседники проявляют в сети Интернет коммуникативное поведение, которое обычно сдерживается в оффлайн-взаимодействиях, что в КОПО часто ведёт к эскалации напряжённости [9, p. 321–322]. Более того, в силу открытого доступа к сети Интернет КОПО характеризуется наличием культурных различий [3, л. 43], что усиливает конфликты между виртуальными собеседниками ввиду потенциального несовпадения их коммуникативных норм, ценностей и интерпретаций. Всё это способствует преобладанию конфронтационного типа общения в КОПО, который может быть представлен полемикой, дебатами, спором, дискуссией и т. д. [2, с. 5–15]. Проведённое нами исследование позволяет утверждать, что полемичность КОПО усугубляется из-за наличия неограниченного количества виртуальных собеседников с противоположными взглядами, а также из-за асинхронности взаимодействия виртуальных собеседников и возможности редактирования ими сообщений [1], [10]. Главной целью полемики является победа над своим оппонентом в результате конфронтации, а целью спора – отстаивание собственной правоты в соревновательных условиях. Принимая это во внимание, именно дискуссия была выбрана нами в качестве целевого формата обучения студентов-лингвистов межкультурному КОПО.

Под дискуссией традиционно понимается обсуждение спорного вопроса или проблемы, направленное на совместный поиск истины в рамках кооперативного типа взаимодействия или убеждение собеседников при соблюдении корректности коммуникативного поведения [11, с. 150]. Онлайн-дискуссия, при этом, имеет определённую специфику. Она проходит в сети Интернет, следовательно её участники асинхронно решают коммуникативные задачи совместно с виртуальными собеседниками, которые зачастую не знакомы друг с другом. В этом отношении

следует ещё раз заострить внимание на асинхронности, которая особенно актуальна для неносителей английского языка, поскольку в условиях КОПО есть возможность, при необходимости использовать онлайн-словари, инструменты автоматизированного перевода или нейросети, а также знакомиться со справочными материалами, поясняющими культурные смыслы. В то же время асинхронность онлайн-дискуссии обусловливает нарушенную последовательность реплик, связанных не хронологическими, а логико-смысловыми связями (ответы, контраргументы, уточнения). Нарушенная последовательность реплик в интернет-полилоге, асинхронный режим общения, анонимность и культурные различия виртуальных собеседников приводят к необходимости наличия в онлайн-дискуссии чётко сформулированной проблемной темы или вопроса, а также движения к резюмированию или синтезу различных точек зрения.

Сердцевиной онлайн-дискуссии является аргументативность, которая предполагает стремление коммуникатора донести свою точку зрения до других, при этом стараясь избегать конфликтов и недоразумений. В то же время в онлайн-дискуссиях следует помнить о том, что виртуальные собеседники комбинируют вербальные и невербальные средства, которые могут нарушить ход обсуждения и привести к конфликту. В такой ситуации особую значимость приобретает соблюдение *логической структуры аргументов*. В письменном общении стандартная структура аргумента включает в себя шесть основных компонентов, которые обеспечивают комплексную и обоснованную аргументацию: утверждение, подтверждающие данные, обоснование, поддержка аргумента, заключение и интеракция [12, с. 90–130]. Данная структура аргумента эффективна и для выражения обоснованной позиции в КОПО, поскольку позволяет структурировать письменный аргумент: не просто высказать мнение в утверждении, а поддержать его подтверждающими данными и обоснованием, а также усилить убедительность конкретных реплик коммуникатора за счёт упоминаний виртуальных собеседников с помощью тэгов и включения гиперссылок в свои ответы. При этом данная структура аргумента позволяет коммуникатору учесть риски потенциальной конфликтности, поддержать аргумент путём использования оговорки и модального квалификатора, а также избежать игнорирования сообщения виртуальными собеседниками и вовлечь их в обсуждение. Дополнительно стоит отметить, что данная структура позволяет адаптировать аргумент под разные форматы (от развёрнутого поста до краткого комментария), что критически важно в условиях отсутствия в КОПО невербальных сигналов. В связи с вышесказанным мы предлагаем включать знания о структуре аргумента в когнитивный аспект содержания обучения студентов-лингвистов КОПО на английском языке.

Помимо соблюдения коммуникатором структуры аргумента в межкультурном КОПО следует помнить о существовании различных *способов аргументации:* рациональной и иррациональной [13, с. 120–130]. Рациональные аргументы часто используются как основания в рассмотренной выше структуре аргумента. Например, статистические данные или гиперссылки в сообщении служат доказательной базой для утверждения. К рациональным аргументам относятся индукция, дедукция, аналогия, дефиниция, доводы по существу дела (например, опора на факты, опыт, примеры и иллюстрации). В свою очередь иррациональные аргументы могут влиять на обоснование и поддержку аргумента, однако они зачастую некорректны, лишены объективности и не опираются на логику и факты. К иррациональным аргументам относятся обращение к традиции, аргумент к авторитету, апелляция к чувствам и интуиции. Знания о способах аргументации необходимо включать в когнитивный аспект содержания обучения студентов-лингвистов КОПО на английском языке в качестве инструмента оценки качества доводов виртуальных собеседников.

Рациональность либо иррациональность аргументов являются также смысловыми маркерами, благодаря которым коммуникатор выбирает *коммуникативную роль* в КОПО, а реципиент её интерпретирует. Это не статические маски, а динамические стратегии поведения, которые участники используют для эффективного продвижения дискуссии [15, с. 324]. Коммуникативное поведение от имени конструктивных ролей, которые поддерживают ход интернет-полилога, осуществляется виртуальными собеседниками, использующими преимущественно рациональные аргументы. Например, в роли «Эксперта» коммуникатор предоставляет проверенную информацию, «Логик» следит за корректностью рассуждений, «Генератор идей» предлагает новые

ракурсы, «Посредник» смягчает конфликты и переформулирует позиции, а «Исследователь» задаёт уточняющие вопросы [15, с. 326]. Знания маркеров коммуникативных ролей способствуют распознаванию коммуникативных ролей в онлайн-дискуссии, что позволяет управлять её ходом и групповой динамикой. Это обусловливает необходимость включения данных знаний в когнитивный аспект содержания обучения студентов-лингвистов КОПО на английском языке.

Более того, использование рациональных способов аргументации от имени различных коммуникативных ролей позволяет коммуникатору поддерживать *конструктивность* онлайн-дискуссии, что является принципиальным умением для будущих лингвистов. Конструктивное коммуникативное поведение предполагает осознанный выбор роли и аргументации, адекватной контексту, будь то академическая конференция, рабочий чат или онлайн-обсуждение хобби. Обучение студентов-лингвистов конструктивному коммуникативному поведению в КОПО поспособствует развитию у будущих преподавателей коммуникативной гибкости, эмпатии, способности к анализу дискурса и управлению групповой динамикой. Ввиду этого в материальный аспект содержания обучения студентов-лингвистов КОПО на английском языке необходимо включать рациональные способы аргументации от имени именно конструктивных ролей.

Ещё раз подчеркнём, что КОПО потенциально конфликтно. Частным случаем конфликтного взаимодействия выступает критика и её проявление в критическом суждении. В теории речевых актов критическое суждение рассматривается как речевой акт, включающий анализ типов аргументации, способов и степени агрессивности выражения критики [16, с. 45], [17, с. 210]. *Критика* в онлайн-дискуссии на английском языке становится неотъемлемым контрастным элементом: она может служить как двигателем онлайн-дискуссии, так и рычагом её разрушения. Это предопределяет включение знаний о видах критики в когнитивный аспект содержания обучения студентов-лингвистов КОПО на английском языке. В этой связи рассмотрим виды критики подробнее.

По способу выражения критика может быть прямая, косвенная и смягчённая. Прямая критика предполагает наличие явных критических суждений. В свою очередь косвенная критика предполагает использование средств смягчения восприятия критики реципиентом. Теоретическое положение о дуальности актуализации критического суждения [18, с. 5] находит своё яркое воплощение в цифровой среде. Если вербальные средства (лексико-грамматические единицы, синтаксические конструкции, морфологические средства) кодируют логическое содержание критики, то невербальные, а в случае КОПО *метаграфемные средства* берут на себя функции, традиционно присущие паралингвистике в устном общении: передачу эмоционального фона, регуляцию тональности, экспликацию отношений между коммуникантами и формирование общего контекста сообщения [1, с. 7]. В условиях дефицита аудиовизуальных сигналов КОПО (отсутствия интонации, мимики и жестов) метаграфемные элементы становятся важнейшим инструментом для смягчения или, наоборот, усиления прагматического эффекта критического высказывания, а также для предупреждения коммуникативных сбоев [1, с. 7–8]. Следовательно, в материальный аспект содержания обучения студентов-лингвистов КОПО на английском языке должны быть включены не только вербальные паттерны выражения прямой, косвенной и смягчённой критики, но и весь спектр метаграфемных средств. Системное изучение метаграфемных средств КОПО позволит будущим лингвистам осуществлять тонкую прагматическую настройку высказывания, адаптировать критическое суждение к культурным и ситуативным нормам цифровой среды, и в конечном итоге, формировать конструктивную онлайн-дискуссию в международном интернет-полилоге.

Студенты-лингвисты должны научиться распознавать критику в КОПО и по степени агрессивности её выражения. В основе обучения лежит необходимость овладеть конструктивным коммуникативным поведением, которое направлено на совместный поиск решений в онлайн-дискуссии и является ключевым для будущей профессиональной деятельности и повседневного межкультурного взаимодействия на английском языке. Вследствие этого в когнитивный аспект содержания обучения КОПО должны быть включены знания о средствах реализации именно конструктивной критики, а также знания о видах деструктивного поведения (негативная и огульная критика), так как умение распознавать тактики подавления, оскорблений и манипуляций – это первый шаг к их нейтрализации. Целью конструктивного

коммуникативного поведения является не только избегание подобных форм в собственной практике, но и развитие способности направлять деструктивный интернет-полилог в конструктивное русло, способствуя переходу конфликта в конструктивную онлайн-дискуссию.

Для эффективного решения коммуникативной задачи в интернет-полилоге коммуникатору необходимо выбрать *коммуникативную стратегию,* т. е. определить в ходе интернет-полилога совокупность речевых поступков, соответствующих или не соответствующих нормам КОПО [18, с. 10]. С методической точки зрения, студентам-лингвистам необходимо различать три типа стратегий: кооперативные, адаптационные и конфронтационные [19, с. 120–135]. Кооперативные стратегии (верификация, деконструкция, альтернативное предложение) направлены на сотрудничество и поиск истины [20, с. 103–129]. Их освоение напрямую способствует формированию конструктивного поведения. В частности, обучение студентов-лингвистов стратегии верификации через тактики уточнения (например, «Could you specify which sources support your point of view?», «What evidence leads you to that conclusion?») и цитирования (например, «As noted in the study by X (2023), the data indicates that..», «To reference a key source, Smith (2020) argues that...») [21, с. 303–305] может научить их запрашивать и предоставлять доказательства. Стратегия деконструкции предполагает явный разбор ошибок виртуального собеседника при использовании чётких формулировок (например, «This assertion is incorrect because...», «I'm afraid that's not accurate based on the available data.») [22, с. 260]. Стратегия альтернативного предложения [23, с. 134–138], реализуемая через модальные глаголы (например, «It should be taken into account that...», «One could assume that...») и контрастные союзы (например, «At the same time, it's important to note that...», «On the other hand, the data suggests that…») позволяет вносить критические замечания, не нарушая атмосферу онлайн-дискуссии. Эти стратегии могут быть усилены метаграфемными средствами (эмодзи, корректным форматированием текста), что делает их применение ещё более эффективным в условиях КОПО.

Для выражения смягчённой критики в межкультурном КОПО применяются адаптационные стратегии [19, с. 120–135], такие как этикетное смягчение, намёк и избегание [20, с. 101–125], [24, с. 410–420]. Их изучение поможет развить у студентов-лингвистов социокультурную чувствительность и умение регулировать тон своих высказываний в онлайн-дискуссии. Так, тактика комплиментарной критики или косвенного вопроса (например, «Your idea is interesting, but have you considered...?») в сочетании со смягчающими эмодзи позволяет высказать уважение к точке зрения виртуального собеседника. Ввиду вышесказанного, в когнитивный аспект содержания обучения студентов-лингвистов КОПО на английском языке следует включать знания видов конструктивных и адаптационных стратегий и средств их реализации в конструктивной онлайн-дискуссии.

В отличие от кооперативных и адаптационных, конфронтационные стратегии (агрессивное отвержение, намеренное игнорирование [25, с. 3–10], деконструкция личности [26, с. 70–90]) используются для выражения деструктивной критики и ведут к эскалации конфликта в КОПО [20, с. 130–227]. Знакомство студентов-лингвистов с конфронтационными тактиками перехода на личности, сарказма, а также с некооперативными метаграфемными средствами (например, нарушением стандартных правил капитализации) необходимо не для применения в онлайн-дискуссии, а для экспертного распознавания и нейтрализации от имени роли «Посредника» или на позиции «Модератора». Понимание механизмов пассивно-агрессивного поведения (в виде тактики демонстративной занятости, эмоционального дистанцирования, обобщения и гиперболизации [27, с. 72]) позволяет виртуальным собеседникам выявлять скрытые конфликты и управлять ими. В связи с этим в когнитивный аспект содержания обучения студентов-лингвистов КОПО на английском языке следует включать знания видов конфронтационных стратегий, с помощью которых будущие лингвисты будут способны распознавать проявления деструктивного поведения в интернет-полилоге и корректировать его.

Таким образом, обучение студентов-лингвистов КОПО должно быть концептуально переосмыслено с учётом его полилогической, конфликтогенной и межкультурной природы. Проанализированные в статье аспекты содержания обучения предоставляют для этого чёткие ориентиры. Когнитивный аспект обеспечивает формирование знаний маркеров коммуникативных ролей, видов критики, видов коммуникативных стратегий и средств их реализации в конструк-

тивной онлайн-дискуссии, знаний о структурно-содержательных характеристиках онлайн-дискуссии, а также о видах деструктивного поведения в КОПО и средствах его модерации. Материальный аспект предоставляет студентам-лингвистам практический инструментарий: рациональные способы аргументации от имени коммуникативных ролей, а также вербальные и метаграфемные средства коммуникативных тактик, воплощающих кооперативные и адаптационные стратегии. Интеграция этих аспектов в учебный процесс позволит подготовить новое поколение лингвистов – грамотных и адаптивных участников глобального интернет-полилога, способных к конструктивной онлайн-дискуссии в любой коммуникативной ситуации.

Литература

1. Шепёлкина, Е. П. Психологические аспекты формирования у студентов умений компьютерно-опосредованного письменного общения / Е. П. Шепёлкина // Замежныя мовы. – 2025. – № 2 (96). – С. 3–9.

2. Overall, N. C. What type of communication during conflict is beneficial? / N. C. Overall [et al.] // Frontiers in Psychology. – 2017. – Vol. 8. – Art. 13.

3. Быкова, О. А. Прагмалингвистическая характеристика полилога в интернет-дискурсе (на материале франкоязычных социальных сетей) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.05 / Быкова Ольга Алексеевна ; Моск. гос. лингв. ун-т. – М., 2017. – 220 л.

4. Соловьёва, О. А. Дискурсивная компетенция в структуре иноязычной коммуникативной компетенции будущего лингвиста-преподавателя: история вопроса / О. А. Соловьёва // Замежныя мовы. – 2025. – № 3 (97). – С. 7–13.

5. Бим, И. Л. Методика обучения иностранным языкам как наука и проблемы школьного учебника / И. Л. Бим. – М. : Русский язык, 1977. – 288 с.

6. Бим, И. Л. Теория и практика обучения немецкому языку в средней школе : Пробл. и перспективы : уч. пособ. для студ. пед. ин-тов по спец. № 2103 «Иностр. яз.» / И. Л. Бим. – М. : Просвещение, 1998. – 256 с.

7. Гальскова, Н. Д. Теория обучения иностранным языкам : лингводидактика и методика : учеб. пособ. для студ. учр. высш. проф. образования / Н. Д. Гальскова, Н. И. Гез. – 7-е изд., стер. – М. : Изд. центр «Академия», 2013. – 336 с.

8. Баркович, А. А. Особенности дискурсивного моделирования компьютерно-опосредованной коммуникации / А. А. Баркович // Вестник Московского гос. лингв. ун-а. Гум. науки. – 2015. – № 15 (726). – С. 24–39.

9. Suler, J. The online disinhibition effect / J. Suler // CyberPsychology & Behaviour. – 2004. – Vol. 7, № 3. – P. 321–326.

10. Шепёлкина, Е. П. Лингвопрагматические трудности компьютерно-опосредованного письменного общения на английском языке / Е. П. Шепёлкина // Вестник БГУИЯ. Сер. 2, Педагогика, психология, методика преподавания иностранных языков. – 2025. – № 1 (1). – С. 118–127.

11. Ивин, А. А. Логика : учеб. для гум. вузов / А. А. Ивин. – М. : Фаир-пресс, 1999. – 320 с.

12. Toulmin, S. E. The uses of argument / S. E. Toulmin. – Cambridge, 1958. – 272 p.

13. Москвин, П. А. Логика и теория аргументации : учеб. пособ. / П. А. Москвин. – М., 2018. – 256 с.

14. Задворная, Е. Г. Коммуникативные роли в дискурсе / Е. Г. Задворная // Вестн. Томск. гос. ун-та. – 2007. – № 308. – С. 45–50.

15. Shapiolkina, A. P. Riconoscimento dei marcatori dei ruoli comunicativi come strumento per gestire il polilogo online da parte degli interlocutori virtuali / A. P. Shapiolkina // Профессиональная коммуникация в полиязычном пространстве : междисциплинарный подход : сб. науч. тр. по материалам III Междунар. научно-практич. конф., Москва, 23–25 октября 2025 г. / редкол.: А. А. Зайцев (отв. ред.) [и др.]. – М. : Изд-во РГАУ–МСХА, 2025. – С. 323–330.

16. Searle, J. R. Speech acts : An essay in the philosophy of language / J. R. Searle. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1969. – 203 p.

17. Винокур, Т. Г. Теоретические основы лингвистики / Т. Г. Винокур. – М. : Высш. шк., 2005. – 512 с.

18. Медведева, А. В. Коммуникативные стратегии и тактики при выражении критического суждения в английской лингвокультуре : на материале современного английского языка : автореф. дис. … канд. филол. наук : 10.02.04 / Медведева Алёна Валерьевна ; Башкир. гос. ун-т. – Уфа, 2015. – 24 с.

19. Задворная, Е. Г. Речевое поведение как лингвистическая категория : монография / Е. Г. Задворная. – Минск : БГУ, 2016. – 275 с.

20. Brown, P. Politeness : Some universals in language usage / P. Brown, S. C. Levinson. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1987. – 315 p.

21. Shafto, P. Cooperation and communication as belief transport / P. Shafto, N. Goodman // Topics in Cognitive Science. – 2021. – Vol. 13, № 2. – P. 301–319.

22. Martínez Aguilar, E. D. Deconstruction as a research strategy for discourse studies / E. D. Martínez Aguilar, S. Witjes, R. ten Bos // Qualitative Inquiry. – 2025. – Vol. 31, № 6. – P. 557–576.

23. Forsyth, D. R. Group dynamics / D. R. Forsyth. – 7th ed. – Boston : Cengage, 2019. – 432 p.

24. Dobs, A. M. Criticism in online comments : A contrastive study of English and Spanish / A. M. Dobs, P. G. Blitvich // Language and Intercultural Communication. – 2013. – Vol. 13, № 4. – P. 399–423.

25. DeMarsico, D. Aggression in the digital era : Assessing the validity of cyber motivations for aggression and deviance / D. DeMarsico, P. S. D'Urso // Computers in Human Behavior Reports. – 2021. – Vol. 3, Art. 100071. – P. 1–12.

26. Мулькеева, В. О. Речевые стратегии конфликта и факторы, влияющие на их выбор : дис. … канд. филол. наук : 10.02.04 / Мулькеева Валерия Олеговна ; Рос. гос. ун-т им. А. И. Герцена. – СПб., 2005. – 190 л.

27. Федотова, Н. Л. Речевая агрессия и тактики противодействия в общественно-политических интервью (на материале радиопрограмм «Эха Москвы») / Н. Л. Федотова, Го Цзини // Политическая лингвистика. – 2022. – № 1 (91). – С. 69–77.

Белорусский государственный
университет иностранных языков

Поступила в редакцию 08.01.2026

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 2 (155), 2026

Право

УДК 342.951:349.6(1-6СНГ) EDN: HMJLRE

Административная ответственность в области охраны окружающей среды в Республике Казахстан, Российской Федерации и Республике Беларусь: сравнительный аспект

А.А. Бань

Учитывая насущность экологических правоотношений в мировом пространстве, является неизбежным факт совершения противоправных деяний вовлекаемых субъектов в рассматриваемой области. В разных странах постсоветского пространства имеются свои особенности установления административно-деликтной санкции в природоохранной сфере. В работе исследуется сравнительный аспект применения административной ответственности в области охраны окружающей среды в Республике Казахстан в сравнении с таковой в Республике Беларусь и Российской Федерации. Сравнительно-правовой анализ административной ответственности в природоохранной сфере указанных постсоветских государств комплексно не решен в доктринальных и литературных источниках. Автором определены специфические черты установления административной ответственности в рассматриваемой сфере отмеченных стран СНГ и на основании такого опыта предложены варианты их реализации в Республике Беларусь.
Ключевые слова: административная ответственность, правонарушение, охрана окружающей среды, Российская Федерация, Республика Казахстан, Республика Беларусь.

Given the urgency of environmental legal relations in the global space, it is inevitable that illegal acts by the subjects involved will be committed in this area. Different countries in the post-Soviet space have their own particularities when it comes to establishing administrative and civil liability in the environmental field. This paper examines the comparative aspect of applying administrative responsibility for environmental protection in Kazakhstan compared to Belarus and Russia. A comprehensive analysis of administrative liability in these post-Soviet countries' environmental spheres has not yet been fully explored in doctrinal or literary sources. The author identifies specific features of establishing administrative responsibility in the area under consideration in the CIS countries mentioned and, based on that experience, suggests the ways to implement them in the Republic of Belarus.
Keywords: administrative responsibility, offense, environmental protection, Russian Federation, Republic of Kazakhstan, Republic of Belarus.

Экологическая повестка занимает важное место в политической жизни многих стран, включая постсоветские государства. Вопросы регулирования общественных отношений в области охраны окружающей среды включают в себя разработку и внедрение эффективных законодательных норм, направленных на реализацию конституционных прав и интересов.

Одним из таких способов реализации является установление административной санкции за нарушения природоохранных норм, которая имеет свои особенности в таких постсоветских странах как Республика Казахстан и Российская Федерация в сравнении с Республикой Беларусь.

Отметим, что исследование административной ответственности в области охраны окружающей среды в указанных государствах обусловлено, в первую очередь, разнообразием применяемых мер взыскания в Казахстане, о чем будем сказано далее, а также общностью и преемственностью историческому, природному, научному и правовому наследию анализируемых стран.

Справедливо подмечено на этот счет белорусским юристом А.Н. Шкляревским, что Россия является наиболее близкой нам географически и политически страной [1, с. 616].

Так, В.Н. Шутова подчеркивает, что в силу положений Конституции Российской Федерации, ее субъекты вправе устанавливать административную ответственность за нарушение законов и нормативных правовых актов как субъектов Российской Федерации, так и нормативных право-

вых актов органов местного самоуправления по вопросам совместного ведения, не урегулированным федеральным законом. В частности, приводится пример об установлении административной санкции за уничтожение редких и находящихся под угрозой исчезновения видов животных или растений, занесенных в Красную книгу, в Иркутской области и Республике Тыва [2, с. 138–139].

При этом с точки зрения российского правоведа С.Н. Клепикова, «современное законодательство Российской Федерации об административной ответственности характеризуется отсутствием понятной государственной политики по формированию федерального и регионального административно-деликтного законодательства», что ведет к «искусственному раздуванию федерального административно-деликтного законодательства» и не улучшает российскую государственную политику с позиции стабильности [3, с. 104].

В целом отметим, что подавляющее большинство составов административной ответственности за экологические правонарушения собрана в гл. 8 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ).

КоАП РФ выделяет следующие виды административных взысканий, налагаемых за экологические правонарушения: предупреждение, административный штраф, конфискация (транспортного средства, судна, летательных аппаратов и иных орудий и предметов (продукция незаконного природопользования) совершения административного правонарушения), лишение специального права, административное приостановление деятельности [4].

Административная санкция за противоправные деяния природоохранной направленности Республики Казахстан сосредоточена в гл. 21 Кодекса Республики Казахстан об административных правонарушениях (далее – КоАП Республики Казахстан) «Административные правонарушения в области охраны окружающей среды, использования природных ресурсов» (ст. 324–399).

Основным видом взыскания за совершенные деликты в области охраны окружающей среды в Республике Казахстан является административный штраф, который встречается практически в каждой санкции статьи главы 21 КоАП [5].

Вместе с тем, в КоАП Республики Казахстан имеются составы правонарушений, где мерой ответственности являются:

предупреждение (ч. 1 ст. 382 – нарушение требований пользования животным миром и (или) правил охоты, не содержащее признаков уголовно наказуемого деяния; ч. 1 ст. 388 – нарушения порядка и сроков разработки лесосек; ст. 375 – нарушение установленного порядка отвода и таксации лесосек и некоторые другие);

конфискация:

предметов и (или) орудия административного правонарушения (ч. 3 ст. 382 – нарушение требований пользования животным миром и (или) правил охоты, не содержащее признаков уголовно наказуемого деяния, совершенное на особо охраняемых природных территориях);

орудий добывания животных, транспортных средств и иных предметов, явившихся орудием совершения нарушения (ч. 2 ст. 382 – нарушение требований пользования животным миром и (или) правил охоты, не содержащее признаков уголовно наказуемого деяния, совершенное повторно в течение года после наложения административного взыскания; ч. 4^1 ст. 344 – образование стихийных свалок (выброс отходов вне специально установленных мест) с использованием транспортных средств для их доставки, совершенное повторно в течение года, а субъектами крупного предпринимательства – в течение трех лет после наложения административного взыскания);

незаконно срубленных деревьев и кустарников, транспортных средств и иных предметов нарушителя, явившихся орудием совершения нарушений (ч. 2 и 3 ст. 381^1 – незаконная порубка, уничтожение или повреждение деревьев и кустарников);

приостановление или запрещение деятельности или отдельных видов деятельности (ч. 14 ст. 356 – нарушение правил проведения операций по недропользованию, совершенные повторно в течение года после наложения административного взыскания; ч. 2 и 3 ст. 353 – нарушение порядка ликвидации и консервации объектов пользования недрами);

лишение разрешения либо приостановление его действия (ч. 4 ст. 331 – неиспользование сооружений или оборудования для очистки и (или) контроля выбросов загрязняющих веществ в атмосферный воздух и сброса сточных вод, совершенное повторно в отношении

того же сооружения, оборудования, источника эмиссий в течение года, а субъектами крупного предпринимательства в течение трех лет после наложения административного взыскания; ч. 5 ст. 328 – представление недостоверной декларации о воздействии на окружающую среду, недостоверность которой выражена превышением антропогенного воздействия на окружающую среду в сравнении с задекларированными показателями выбросов, сбросов загрязняющих веществ, количеством накапливаемых и подлежащих захоронению отходов; ч. 2 ст. 327^2 – непроведение ремедиации (устранения) причиненного экологического ущерба; ч. 3 и 4 ст. 326 – невыполнение условий экологического разрешения).

Из рассмотренных казахских административных наказаний вытекает факт обширного инструментария на пути профилактики и минимизации деликтов природоохранной направленности.

Анализ административных взысканий за природоохранные нарушения в Республике Беларусь в отношении физических и юридических лиц показывает установление таких видов, как штраф, лишение права заниматься определенной деятельностью, конфискация, взыскание стоимости [6, с. 180].

Как видим, виды взысканий, применяемые в Республике Беларусь за правонарушения в области охраны окружающей среды, менее разнообразны по сравнению с таковыми в Республике Казахстан и Российской Федерации.

В силу ч. 3 ст. 6.9 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – КоАП Республики Беларусь) независимо от наложения административного взыскания либо освобождения лица от административной ответственности применяется специальная конфискация, которая состоит в принудительном безвозмездном изъятии в собственность государства, в том числе незаконных средств сбора грибов, других дикорастущих растений или их частей (плодов, ягод, семян) [7].

Однако согласно п. 16 постановления Пленума Верховного суда Республики Беларусь от 30 июня 2022 г. № 3 «О применении судами норм Общей части Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях» специальная конфискация законом не относится к административным взысканиям [8].

В связи с чем полагаем возможным выразить идею о необходимости раскрытия механизма применения в Беларуси специальной конфискации за экологические правонарушения путем ее распространения (расширения) на предмет административного правонарушения, независимо от того, в чьей собственности он находится, для возможности принудительного безвозмездного изъятия в собственность государства предмета административного деликта по делам природоохранного законодательства.

Сроки привлечения физических лиц к административной ответственности в области охраны окружающей среды в Казахстане схожи со сроками давности в Российской Федерации, но отличны от таковых в Беларуси, и составляют один год со дня совершения и два месяца со дня обнаружения административного правонарушения.

При этом срок наложения административного взыскания по КоАП Республики Беларусь в сфере экологических деликтов исходит из общих правил исчисления и составляет для физического лица – два месяца со дня совершения правонарушения, для индивидуального предпринимателя, если совершенное противоправное деяние связано с осуществляемой им предпринимательской деятельностью, юридического лица, а равно должностного лица – не позднее трех лет со дня совершения административного нарушения и шести месяцев со дня его обнаружения (за исключением ст. 16.17 и 16.26 КоАП Республики Беларусь).

КоАП Республики Казахстан, как и КоАП РФ объединяет процессуально-исполнительную часть с общей и особенной частями в один нормативный правовой акт.

Следовательно, кодексы Российской Федерации и Республики Казахстан более консервативны и сохранили приверженность Основам законодательства Союза ССР и Союзных Республик об административных правонарушениях 1980 г.

На указанное обстоятельство в своем труде также обращалось внимание юристом С.В. Щепаловым [9, с. 568].

В данном контексте Т.В. Телятицкая выражает идею о том, что Республика Беларусь, в отличие от иных стран СНГ, первой пошла по прогрессивному пути раздельной кодификации материальных и процессуальных административно-деликтных норм [10, с. 197].

Однако белорусский законодатель единственный, кто разобщил в административном процессе материальные и процессуальные нормы в два отдельных нормативных акта, в связи с чем возникает закономерный вопрос, является ли раздельная кодификация революционным шагом.

В литературе также отмечается особенность, что с принятием в 2002 г. Концепции правовой политики Республики Казахстан, установился принцип специализации судов, который повлек создание специализированных межрайонных административных судов [11, с. 124], которые с 2015 г. стали рассматривать различные дела, возникающие из публичных правоотношений [9, с. 569].

Так, специализированные межрайонные административные суды рассматривают только некоторые категории дел об административных правонарушениях в области охраны окружающей среды (по 24 составам).

Основная подведомственность рассмотрения дел об административных правонарушениях природоохранного направления отнесена к уполномоченным органам: по недрам, в области твердых полезных ископаемых, в области углеводородов, в области добычи урана, в области охраны окружающей среды.

В Российской Федерации уполномоченными субъектами на рассмотрение дел природоохранной направленности являются судьи; органы внутренних дел; органы, осуществляющие государственный земельный надзор; органы, осуществляющие государственный надзор за геологическим изучением, рациональным использованием и охраной недр; органы, осуществляющие государственный надзор в области использования и охраны водных объектов; органы, осуществляющие государственный надзор в области охраны и использования особо охраняемых природных территорий; органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации, осуществляющие федеральный государственный надзор в области охраны, воспроизводства и использования объектов животного мира и среды их обитания; федеральный орган исполнительной власти в области гидрометеорологии и смежных с ней областях; органы, осуществляющие государственный экологический надзор; федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий федеральный государственный надзор в области промышленной безопасности, федеральный государственный надзор в области безопасности гидротехнических сооружений, государственный горный надзор [4].

Такая детализация по разделению компетенций, на взгляд автора исследования, может дать хорошую проработку вопроса в части превентивной функции административно-деликтной санкции, поскольку с введением КоАП Республики Беларусь с 1 марта 2021 г. основная масса рассмотрения дел по экологическим составам отведена Министерству природных ресурсов и охраны окружающей среды Республики Беларусь и его территориальным органом, в том числе и с целью разгрузки белорусской судебной системы, а также упрощения (в части процессуальной экономии) административного процесса.

Следовательно, конкретизация уполномоченных органов по выявлению экологических деликтов с последующим привлечением лица к административной ответственности в перспективе должна способствовать более тщательному и внимательному анализу причин и условий, способствовавших правонарушениям, нежели сосредоточение обнаружения нарушений «в одних руках».

В частности, казахстанский и российский опыт по наделению специализированного субъектного состава юрисдикционных органов можно перенести в реалии белорусского административно-деликтного закона.

Например, ввиду наличия определенного круга организаций, подчиненных Министерству природных ресурсов и охраны окружающей среды Республики Беларусь, которые ведают узконаправленной спецификой в части охраны окружающей среды по соответствующим предметам: в области охраны и использования вод – республиканское унитарное предприятие «Центральный научно-исследовательский институт комплексного использования водных ресурсов»; в сфере охраны и использования недр – республиканское унитарное предприятие «Белорусский государственный геологический центр» и республиканское унитарное предприятие «Научно-производственный центр по геологии»; в контексте вопросов охраны атмосферного воздуха и предотвращения вредного воздействия отходов – республиканское научно-исследовательское унитарное предприятие «Бел НИЦ «Экология»; в аспекте проведения государственной экологической экспертизы – государственное учреждение образова-

ния «Республиканский центр государственной экологической экспертизы, подготовки, повышения квалификации и переподготовки кадров» Министерства природных ресурсов и охраны окружающей среды Республики Беларусь, представляется возможным наделение должностных лиц указанных организаций на составление протоколов и (при необходимости) рассмотрение дел об административных правонарушениях [12].

Особенно остро и актуально такой вопрос стоит о наделении процессуальными полномочиями обособленных должностных лиц в области охраны и использования недр.

Так, согласно отчетности Министерства природных ресурсов и охраны окружающей среды Республики Беларусь в период с 2020 г. по 2023 г. зафиксировано 693 противоправных деяния в сфере недропользования, повлекших административную ответственность, что в совокупности составляет 1,4 % от общего количества всех выявленных деликтов, повлекших административную санкцию в области охраны окружающей среды в указанный временной промежуток.

Как отмечалось, одной из причин малочисленности выявленных административных правонарушений в области охраны и использования недр является недоступность их человеку в прямом проявлении и зачастую в визуальном наблюдении [13, с. 314].

То есть, для обнаружения противоправных деяний по данному предмету необходимы как специфические знания уполномоченных лиц в определенной плоскости науки, так и материальная база (нестандартное оборудование и информационно-коммуникационные технологии), которые отсутствуют в территориальных органах Министерства природных ресурсов и охраны окружающей среды Республики Беларусь, но имеются в специализированных организациях, в первую очередь, республиканском унитарном предприятии «Белорусский государственный геологический центр» и республиканском унитарном предприятие «Научно-производственный центр по геологии».

Таким образом, на наш взгляд, примеры отмеченных двух стран по наделению широкого круга субъектов на составление протоколов об административных правонарушениях конкретной направленности, в частности в области недропользования, позволят расширить в белорусской практике имеющийся потенциал в выявлении и предупреждении латентных административных деликтов.

Как отмечают в своем исследовании Р. Ережепкызы, А.М. Жолмахан и А.Б. Ибрагим, в Казахстане в настоящее время наблюдается снижение правонарушений в сфере охраны окружающей среды, обусловленное в том числе системой санкций, предусмотренной за нарушение экологических норм, создающей стимулы для соблюдения законодательства и предотвращения потенциальных правонарушений, а также усилением карательной политики по делам о браконьерстве [14, с. 43–45].

Следовательно, КоАП Республики Казахстан разительно отличается «видовым разнообразием» административно-деликтной санкции по делам природоохранной тематики, где применимы предупреждение, штраф, конфискация предметов и (или) орудия административного правонарушения, незаконно срубленных деревьев и кустарников, орудий добывания животных, транспортных средств и иных предметов, явившихся орудием совершения деликта, а также приостановление или запрещение деятельности или отдельных видов деятельности и лишение разрешения либо приостановление его действия.

Обзор законодательных актов об административных правонарушениях Беларуси, России и Казахстана приводит к выводу о преемственности их основам, заложенным в советский период, схожести в структуре строения, сроках давности и в единстве применяемых видов административных взысканий.

Вместе с тем, имеются индивидуальные особенности в определении административной ответственности экологической сферы в отмеченных странах, которые раскрываются многогранностью казахских видов административных наказаний, установлением федерального и регионального административно-деликтного законодательства в России и белорусским вариантом разделения норм материальной и процессуальной частей в самостоятельные законы.

По результатам проведенного исследования, исходя их опыта Российской Федерации и Республики Казахстан, белорусскому законодателю для более эффективного выявления про-

тивоправных нарушений предлагается наделить процессуальными полномочиями, в частности в области охраны и использования недр, должностных лиц специализированных субъектов – обособленных организаций, подчиненных Министерству природных ресурсов и охраны окружающей среды Республики Беларусь.

Литература

1. Шкляревский, А. Н. Меры административной ответственности в отдельных европейских странах : сравнительно-правовой анализ / А. Н. Шкляревский // Научные труды Белорусского государственного экономического университета / М-во образ. Респ. Беларусь, БГУ; редкол.: В. Ю. Шутилин (гл. ред.) [и др.]. – Минск : БГЭУ, 2021. – Вып. 14. – С. 614–620.

2. Шутова, В. Н. Правовое регулирование административной ответственности за правонарушения в области охраны окружающей среды в субъектах Российской Федерации / В. Н. Шутова // Проблемы современного законодательства России и зарубежных стран : матер. V Междунар. науч.-практ. конф., Иркутск, 16–17 сентября 2016 г. ; отв. ред. С. И. Суслова, А. П. Ушакова. – Иркутск : Иркутский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2016. – Т. 1. – С. 137–141.

3. Клепиков, С. Н. Принципы установления административной ответственности по законодательству Российской Федерации и зарубежных стран / С. Н. Клепиков // Актуальные проблемы российского права. – 2015. – № 11 (60). – С. 103–110.

4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях. – URL : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (дата обращения : 21.04.2025).

5. Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях. – URL : https://continent-online.com/Document/?doc_id=31577399#pos=5;-142 (дата обращения : 21.04.2025).

6. Бань, А. А. О некоторых вопросах административной ответственности за нарушения природоохранного законодательства / А. А. Бань // Молодежная юридическая наука AlmaMater – 2022 : матер. Междунар. науч. конф. студ., магистрантов и аспирантов, Минск, 10–11 ноября 2022 г. / БГУ, Юрид. ф-т ; редкол.: А. В. Шидловский (отв. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2023. – 663 с.

7. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях : 6 янв. 2021 г. № 91-З : принят Палатой представителей 18 дек. 2020 г. : одобр. Советом Респ. 18 дек. 2020 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17 фев. 2025 г. // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения : 17.03.2025).

8. О применении судами норм Общей части Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях : постановление Пленума Верховного Суда Респ. Беларусь от 30 июня 2022 г. № 3 // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения : 17.03.2025).

9. Щепалов, С. В. Кодификация норм о судебном рассмотрении дел об административных правонарушениях : опыт 16 стран ближнего зарубежья / С. В. Щепалов // Сибирское юридическое обозрение. – 2024. – Т. 21, № 4. – С. 561–578.

10. Телятицкая, Т. В. Некоторые вопросы административно-деликтного законодательства Республики Беларусь и за рубежом / Т. В. Телятицкая // Право.by. – 2008. – № 1 (1). – С. 192–198.

11. Аблаева, Э. Б. Специализированные экономические, финансовые и административные суды Казахстана : история возникновения, современное состояние, перспективы развития / Э. Б. Аблаева // Lex Russica (Русский закон). – 2020. – Т. 73, № 3 (160). – С. 121–134.

12. О вопросах Министерства природных ресурсов и охраны окружающей среды Республики Беларусь : постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 20 июня 2013 г. № 503 : в ред. от 27 фев. 2024 г., № 130 // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения : 17.03.2025).

13. Бань, А. А. Теоретико-прикладные вопросы административной ответственности за самовольное пользование недрами и самовольное водопользование / А. А. Бань // Белорусский конституционализм : теория и практика (к 30-летию Конституции Республики Беларусь) : сб. матер. Междунар. научн.-практ. конф., Минск, 5–6 марта 2024 г. ; редкол. : О.В. Бодакова [и др.] ; под общ. ред. д-ра юрид. наук., проф. Г. А. Василевича. – Минск : Юрфак БГУ, 2024. – 536 с.

14. Ережепқызы, Р. Анализ форм юридической ответственности в контексте совершенствования законодательства Республики Казахстан для обеспечения экологического правопорядка / Р. Ережепқызы, А. М. Жолмахан, А. Б. Ибрагим // Вестник Казахского нац. пед. ун-та им. Абая. – 2024. – № 3 (77). – С. 41–50.

Белорусский государственный университет Поступила в редакцию 12.05.2025

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 2 (155), 2026

УДК 343.9 EDN: JDKCUS

Проблемы и направления развития уголовно-правового контроля за преступлениями, связанными с домашним насилием

А.В. Белякова

В статье исследуются теоретические и прикладные аспекты уголовно-правового контроля за преступлениями, связанными с домашним насилием, в Республике Беларусь. Проведён анализ действующего законодательства (de lege lata) и выявлены его пробелы, связанные с отсутствием нормативного определения понятия «уголовно-правовой контроль», ограниченностью круга жертв домашнего насилия и недостаточной систематизацией составов преступлений. На основе анализа белорусской и зарубежной практики предложены направления развития уголовно-правового регулирования (de lege ferenda), включая введение понятия «уголовное дело превентивной направленности», криминализацию преследования (сталкинга), контролирующего поведения и сексуализированной мести, а также уточнение процессуальных категорий зависимости потерпевших от обвиняемых. Обоснована необходимость интеграции принципов восстановительного правосудия и внедрения обязательных коррекционных программ для правонарушителей. Реализация предложенных мер позволит сформировать эффективную, гуманистическую и системную модель уголовно-правового контроля, направленную на защиту прав личности и укрепление института семьи в Республике Беларусь.
Ключевые слова: уголовно-правовой контроль, семейно-бытовые преступления, домашнее насилие, превентивные меры, уголовное законодательство, восстановительное правосудие, защита жертв, Республика Беларусь, de lege lata, de lege ferenda.

The article examines the theoretical and practical aspects of criminal-legal control over crimes in the sphere of family and domestic relations in the Republic of Belarus. An analysis of the current legislation (de lege lata) has been carried out, revealing the gaps related to the absence of a legal definition of «criminal-legal control», the limited scope of victims of domestic violence, and the insufficient systematization of criminal offenses. Based on the analysis of Belarusian and foreign legal practice, the paper proposes directions for the development of criminal-law regulation (de lege ferenda), including the introduction of the concept of a «preventive-oriented criminal case», the criminalization of stalking, controlling or coercive behavior, and «revenge porn», as well as the clarification of procedural categories describing victims' dependence on offenders. The author substantiates the need to integrate the principles of restorative justice and to introduce mandatory correctional programs for offenders. The implementation of the proposed measures will contribute to the creation of an effective, humanistic, and systemic model of criminal-legal control aimed at protecting individual rights and strengthening the institution of the family in the Republic of Belarus.
Keywords: criminal-legal control, family and domestic crimes, domestic violence, preventive measures, criminal legislation, restorative justice, protection of victims, Republic of Belarus, de lege lata, de lege ferenda.

Введение. Современная уголовно-правовая политика Республики Беларусь исходит из конституционного принципа приоритета защиты личности, семьи и общества от противоправных посягательств. В соответствии со ст. 32 Конституции Республики Беларусь государство охраняет семью, материнство, отцовство и детство как основу общества [1]. Часть четвертая ст. 3 Кодекса о браке и семье (далее – КоБС) закрепляет аналогичный приоритет в сфере социальной политики, указывая, что охрана брака и семьи является одной из главных задач государства [2]. Следовательно, уголовно-правовые механизмы в сфере домашнего насилия не изолированы, а выступают элементом реализации социально-правовой функции государства.

Вместе с тем, фактическое состояние дел обнаруживает устойчивую проблему: несмотря на развитие нормативной базы и внедрение профилактических мер, уровень преступлений, связанных с домашним насилием, остаётся высоким. По данным Фонда ООН в области народонаселения и Института социологии НАН Беларуси, около 49 % женщин сталкивались с психологическим насилием, а 28 % – с физическим. Это на 7,5% больше, чем за пять месяцев ушедшего года. Высокая латентность домашних посягательств искажает реальную картину и затрудняет оценку эффективности действующих средств контроля [3, с. 10]. Так, в январе–мае 2024 г. в Гомельской области зарегистрированы 229 преступлений в сфере домашнего насилия [4]. При этом уже 10 детей стали жертвами домашнего насилия – в их отношении совершены преступления против половой неприкосновенности [5], более 23 тысяч несовершеннолетних белорусов из 11 тысяч семей находятся в социально опасном положении по причине домашнего насилия [6].

Теоретический пласт показывает: в доктрине уголовно-правовой контроль освещается фрагментарно, чаще через призму отдельных категорий преступности (несовершеннолетние, экономические преступления и т. п.). Присутствует смещение к пониманию контроля как реакции на уже совершённое деяние, тогда как практика требует восприятия его как многоуровневой системы, включающей превентивные, реактивные и восстановительные механизмы.

Дополнительную актуальность теме придаёт повестка реформирования уголовного законодательства и повышение внимания к домашнему насилию. Хотя легальная дефиниция «домашнего насилия» содержится в ст. 1 Закона Республики Беларусь от 04.01.2014 № 122-З «Об основах деятельности по профилактике правонарушений» (далее – Закон № 122-З), она не охватывает финансовое насилие и устойчивое контролирующее поведение [7]. Кроме того, механизмы учёта правонарушений, связанных с домашним насилием, в рамках единой государственной статистики пока недостаточно дифференцированы. В совокупности это делает контроль фрагментарным и преимущественно реактивным.

Цель статьи – комплексный анализ механизма уголовно-правового контроля преступлений, связанных с домашним насилием, в Республике Беларусь, выявление проблем и разработка предложений по совершенствованию норм и практики. Задачи включают: определение понятия и элементов контроля; анализ действующих норм и процедур реагирования; оценку превенции; формулирование предложений de lege ferenda с учётом сравнительно-правового материала.

Научная новизна – в авторском осмыслении уголовно-правового контроля как интегративной конструкции, сочетающей уголовно-правовые, уголовно-процессуальные и криминологические инструменты. Практическая значимость – возможность прикладного использования предложений для повышения эффективности деятельности ОВД при предупреждении и пресечении преступлений, связанных с домашним насилием.

Основная часть. Категория «уголовно-правовой контроль» до настоящего времени не получила нормативного закрепления и употребляется в доктрине описательно. Это требует её концептуального уточнения и отграничения от смежных категорий – социального, административного и ведомственного контроля.

В уголовно-правовой доктрине социальный контроль понимается как система мер, ориентированных на правомерное поведение и стабильность общественных отношений; он опирается на совокупность моральных, правовых и иных регуляторов. Уголовно-правовой контроль – часть правового контроля, основанная на нормах уголовного закона и реализуемая уполномоченными органами (следственными, прокурорскими, судебными, органами внутренних дел). Его целевое назначение – предупреждение, пресечение и правовая оценка общественно опасных деяний с обеспечением справедливого наказания при соблюдении законности и гуманизма.

В научной литературе подчёркивается двойственная природа контроля: репрессивная (карательная) и регулятивно-превентивная. В.А. Андрухов трактует уголовно-правовой контроль как структурный элемент противодействия преступности, эффективность которого зависит от соотношения потребности в уголовно-правовом вмешательстве и состояния социального контроля [8, с. 7]. А.М. Бжассо подчёркивает карательно-принудительный характер как отличие от «конвенционального» контроля [9, с. 4]. В работах по экономической преступности (Л.Р. Клебанов, А.К. Бекряшев) акцентируется необходимость баланса интересов: эффективности пресечения и гарантий прав личности – эта оптика релевантна в семейно-бытовой сфере [10], [11].

С учётом белорусской правовой традиции целесообразно понимать *уголовно-правовой контроль как деятельность государственных органов, осуществляемую на основе норм уголовного и уголовно-процессуального законодательства, направленную на предупреждение, выявление, пресечение и правовую оценку преступлений, а также на обеспечение восстановления нарушенных прав потерпевших и социальной справедливости.*

Такое определение соединяет нормативно-организационный и ценностный аспекты.

Специфика семейно-бытовой сферы проявляется в: (1) особом объекте охраны – межличностных отношениях внутри семьи; (2) высокой латентности и зависимости потерпевшего; (3) необходимости сочетания карательных и восстановительных механизмов (наказание + профилактика повторных актов и ресоциализация).

Структурно механизм контроля включает четыре взаимосвязанных элемента:

1) превентивный – меры предупреждения и снижения криминогенных факторов (профилактические беседы, официальные предупреждения, профилактический учёт, защитные предписания; ст. 17 и ст. 31 Закона № 122-З);

2) реактивный – регистрация сообщений, проверка и расследование, защита потерпевших (ст. 174 Уголовно-процессуального кодекса (далее – УПК));

3) нормотворческий – настройка политики, коррекция законодательства и ведомственных инструкций;

4) реституционный – восстановительные процедуры и примирение (ст. 89 УК, ч. 4 ст. 427 УПК) [7], [12].

Системный баланс этих элементов – условие доверия к правосудию и устойчивого снижения рецидива.

Система контроля строится на совокупности норм уголовного, уголовно-процессуального, административного и семейного законодательства, а также ведомственных актов МВД. Базовые источники – Уголовный кодекс (далее – УК), УПК и Закон № 122-З [7], [12], [13].

Закон № 122-З определяет формы и порядок индивидуальной профилактики. В ст. 31 закреплено защитное предписание – временный запрет на совершение определённых действий для защиты жизни и здоровья пострадавшего. Уже на досудебном этапе это проявление превенции. Легальное определение домашнего насилия содержится в ст. 1: умышленные противоправные либо аморальные действия физического, психологического или сексуального характера со стороны близких родственников, бывших супругов, лиц с общим ребёнком или граждан, совместно проживавших и ведущих хозяйство, причиняющие физические и/или психические страдания. В то же время дефиниция не охватывает финансовое насилие и устойчивое контролирующее поведение, что ограничивает возможности квалификации и реагирования.

Закон № 200-З («Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних») закрепляет социально-психологическую реабилитацию детей из социально опасной среды (ст. 2, 8, 13), создавая правовую основу для вмешательства государства при насилии над детьми [7].

Инструкции МВД (в частности, Инструкция № 1, утвержденная Указом президента Республики Беларусь от 03.01.2024) регулируют порядок учёта, анализа и обмена информацией о фактах домашнего насилия между подразделениями МВД, Минздрава, Минобразования и Минтруда. Алгоритм предусматривает фиксацию факта в регистрационном журнале (электронном или бумажном) и передачу данных в реестр в течение одного рабочего дня. Это усиливает системность обработки сведений, но на практике остаются риски дублирования и нехватка единого защищённого цифрового контура [14].

УПК (ст. 174) возлагает на правоохранительные органы обязанность проверки каждого сообщения о преступлении. В делах о домашнем насилии специфика доказывания осложняется зависимостью потерпевшего и фактором страха, что требует щадящих процедур (минимизация очных ставок, участие психолога и др.) [12]. Статья 31-2 Закона № 122-З закрепляет принцип свободного и информированного согласия на передачу сведений о факте насилия – важная гарантия автономии воли потерпевшего [7].

Юридическая неопределенность сохраняется вокруг термина «иная зависимость от обвиняемого» (ч. 5 ст. 26 УПК). Отсутствие перечня признаков (экономическая, психологическая, возрастная, медицинская уязвимость) ведёт к неоднородности практики и повышает риски вторичной виктимизации [12].

На досудебной стадии ключевым инструментом защиты является защитное предписание (ст. 31 Закона № 122-З): немедленно вступает в силу, действует до 15 дней с возможностью продления, продление до 30 суток – по согласованию с прокурором; может включать запрет контактов, посещений определённых мест, выяснения местонахождения, а в необходимых случаях – временное покидание общего жилья. Контроль исполнения возложен на органы внутренних дел [7].

Судебная стадия регулируется общими положениями Особенной части УК: ст. 149 (убийство), ст. 153–154 (умышленное причинение телесных повреждений различной тяжести), ст. 186 (угроза убийством) [13]. Специальной статьи «домашнее насилие» в УК нет, что приводит к разрозненности квалификации и осложняет целенаправленный статистический учёт и криминологический анализ. Не охвачены уголовно-правовой нормой такие формы поведения, как сталкинг, систематическое контролирующее / принудительное поведение и сексуализированная месть (распространение интимных изображений без согласия пострадавшего).

Нормы о примирении (ст. 89 УК; ч. 4 ст. 427 УПК) открывают дверь восстановительным практикам при добровольности и безопасности для потерпевшего. Однако детальная процессуальная архитектура восстановительных процедур пока не институционализирована, что сдерживает их применение.

Наконец, надежный контроль невозможен без точной статистики. Закон Республики Беларусь от 9 января 2006 г. № 94-З «О единой государственной системе учёта правонарушений» (далее – Закон № 94-З) возлагает на МВД обязанности по формированию и обобщению сведений, но в текущей редакции отсутствует признак, позволяющий выделять семейно-бытовой контекст деяния [15]. Аналогичная проблема есть в Постановлении Министерства внутренних дел Республики Беларусь от 7 августа 2025 г. № 254 о формировании статистики правонарушений [16]. В результате аналитика по семейно-бытовой тематике во многом опирается на ручную выборку из ЕК и ЕГБДДП.

Ключевые проблемные узлы действующего механизма:

1. Отсутствие легального определения «уголовно-правового контроля» и достаточной регламентации его содержания.

2. Неохват финансового насилия и устойчивого контролирующего поведения действующими дефинициями.

3. Нечёткость понятия «иная зависимость от обвиняемого» (ч. 5 ст. 26 УПК) и, как следствие, различия в практике.

4. Отсутствие в УК самостоятельного состава «домашнее насилие» и профильного статистического признака.

5. Недостаточная цифровизация учёта и отсутствие единого межведомственного реестра защитных предписаний/сообщений.

6. Недостаточная институциональная координация между ОВД, социальной защитой и здравоохранением.

7. Фрагментарность восстановительных процедур при отсутствии детальной процессуальной регламентации.

Эти дефициты системно взаимосвязаны: нормативные разрывы подрывают превенцию; статистические «слепые зоны» мешают выстраивать адресные меры; процессуальные лакуны ослабляют защиту и доказательственную устойчивость.

Предложения de lege ferenda:

Уточнение понятийного аппарата. Закрепить в законе легальное определение уголовно-правового контроля как деятельности государственных органов на основе норм уголовного и уголовно-процессуального права, направленной на предупреждение, выявление, пресечение и правовую оценку преступлений, а также на защиту прав потерпевших и восстановление социальной справедливости. Это позволит нормативно очертить предмет и границы контроля, определить компетенции субъектов.

Систематизация составов и расширение круга охраняемых отношений. Создать в Особенной части УК раздел «Преступления, связанные с домашним насилием», агрегирующий релевантные составы (насильственные, сексуальные и иные посягательства в семье) с учётом специфики отношений между участниками [13].

Расширить круг защищаемых лиц за счёт фактических брачных отношений и совместного проживания без регистрации, внеся изменения в ст. 59 КоБС (с согласованной адаптацией смежных отраслей) [2]. Это позволит включить в правовую защиту сожителей и интимных партнёров.

Новые составы преступлений:

– Сталкинг – умышленные систематические действия, в т. ч. с использованием цифровых технологий, вызывающие у жертвы обоснованный страх за безопасность либо значительный психический вред; ориентир – § 2261A U.S. Code [17] и s. 76 Serious Crime Act 2015 (UK).

– Контролирующее / принудительное поведение – длительная система подавления автономии: изоляция, навязчивый контроль контактов / перемещений, ограничение доступа к ресурсам, запугивание.

– Сексуализированная месть – распространение интимных материалов без явного и недвусмысленного согласия пострадавшего, с квалифицирующими признаками (массовость, мотив мести/шантаж, тяжкие последствия).

Конкретизация «иной зависимости» (ч. 5 ст. 26 УПК). Нормативно раскрыть признаки зависимости:

– экономическая (отсутствие альтернативного источника средств, контроль доступа к ресурсам);

– психологическая (устойчивые эмоциональные связи, страх стигматизации / эскалации);

– индивидуальная уязвимость (возраст 60+, инвалидность, хронические заболевания, несовершеннолетие) [12].

Возможность признания иных оснований – прокурорская дискреция с мотивировкой.

«Уголовные дела превентивной направленности». Закрепить в ст. 6 УПК категорию уголовного дела превентивной направленности как дела, возбуждаемого для предотвращения тяжких и особо тяжких последствий, связанных с домашним насилием (без снижения стандартов доказывания и презумпции невиновности). Для статистики прокуратуры и ОВД отнести к этой категории, например, дела по ст. 149, 153, 154, 186 УК.

Согласованно дополнить ст. 23 Закона № 122-З пунктом об использовании возбуждения таких дел как меры индивидуальной профилактики (в связке с беседой, предупреждением, коррекционными программами и защитным предписанием).

Учёт и аналитика. Модернизировать систему учёта (Закон № 94-З; Постановление Министерства внутренних дел Республики Беларусь от 7 августа 2025 г. № 254):

– дополнить ст. 9 Закона № 94-З признаком «совершено членом семьи в отношении другого члена семьи» для административных и уголовных деяний;

– ввести в ведомственную инструкцию кодовую категорию «правонарушения, связанные с домашним насилием»;

– создать единый защищённый цифровой реестр защитных предписаний и сообщений, интегрированный с информационными системами МВД, Минздрава и Минтруда, с регламентом межведомственного доступа.

Восстановительные практики и коррекционные программы. Развить потенциал ст. 89 УК и ч. 4 ст. 427 УПК посредством:

– закрепления обязательности коррекционных программ для лиц, привлекавшихся по ст. 10.1 КоАП, ст. 153, 154, 186 УК (при повторяемости / нарушении предписания);

– утверждения типовой Инструкции о порядке организации программ (модули управления гневом, коммуникация, психологическая помощь);

– дополнения гл. 6 Инструкции МВД № 1 (2024) п. 36.10: вопросы для беседы с потерпевшим, сбор данных для оценки целесообразности проверки по ст. 174 УПК, обязательное разъяснение права на иск о компенсации морального вреда;

– внедрения постмедиативного мониторинга исполнения соглашений о примирении при гарантии безопасности.

Международно-правовые ориентиры. При разработке национальных норм использовать стандарты Стамбульской конвенции (Совета Европы, 2011) как ориентиры «мягкого права» (Беларусь не является стороной), а также сравнительные модели (§ 2261A U.S. Code; s. 76 Serious Crime Act 2015).

Ключевые принципы: комплексность мер защиты, признание насилия нарушением прав человека, межведомственный обмен данными, превентивная направленность и поддержка жертв.

Заключение. Современная модель уголовно-правового контроля в сфере семейно-бытовых отношений в Республике Беларусь требует системной перенастройки и переосмысления своих приоритетов. В настоящее время акцент правоприменительной практики по-прежнему сосредоточен на реагировании на уже совершённые преступления, тогда как ключевая задача – формирование устойчивой превентивно-восстановительной модели, ориентированной на предупреждение насилия, защиту потерпевших и ресоциализацию правонарушителей. Эффективность уголовно-правового контроля во многом зависит от согласованности действий всех участников – органов дознания, следствия, прокуратуры, суда, органов внутренних дел и социальной защиты, а также от наличия единых цифровых механизмов взаимодействия и обмена информацией.

Нормативное закрепление понятия «уголовно-правовой контроль» и систематизация составов преступлений, связанных с домашним насилием, позволят устранить разрозненность правового регулирования и укрепить целостность государственной политики в области защиты семьи. Важно не только криминализировать новые формы насилия – сталкинг, контролирующее и принудительное поведение, сексуализированную месть – но и уточнить процессуальные гарантии защиты потерпевших, включая конкретизацию признаков зависимости от обвиняемого. Создание межведомственного цифрового контура учёта, введение обяза-

тельных коррекционных программ и развитие восстановительных практик обеспечат практическую реализацию принципов гуманизма и социальной справедливости, заложенных в Конституции Республики Беларусь. Таким образом, переход от реактивного реагирования к системной профилактике и восстановлению нарушенных отношений станет основой устойчивого снижения уровня насилия в быту, укрепления доверия к правосудию и повышения эффективности уголовно-правовой политики государства.

Литература

1. Конституция Республики Беларусь 1994 года [Электронный ресурс] : с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах от 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г. и 27 февр. 2022 г. // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения : 20.01.2026).

2. Кодекс Республики Беларусь о браке и семье : 9 июля 1999 г. № 278-З : принят Палатой представителей 3 июня 1999 г. : одобр. Советом Республики 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 9 декабря 2025 г. № 110-З // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 20.01.2026).

3. Результаты исследования распространенности насилия в отношении женщин в Республике Беларусь / Фонд ООН в области народонаселения в Республике Беларусь, ГНУ «Институт социологии Национальной академии наук Беларуси». – Мн. : Белсэнс, 2019. – 36 с.

4. Почти 230 преступлений в сфере домашнего насилия зафиксированы в январе–мае в Гомельской области. – URL : https://belta.by/regions/view/pochti-230-prestuplenij-v-sfere-domashnego-nasilija-zafiksirovany-v-janvare-mae-v-gomelskoj-oblasti-639214-2024/ (дата обращения : 11.01.2026).

5. В Гомельской области в этом году 10 детей стали жертвами домашнего насилия. – URL : https://belta.by/regions/view/v-gomelskoj-oblasti-v-etom-godu-10-detej-stali-zhertvami-domashnego-nasilija-639217-2024/ (дата обращения : 11.01.2026).

6. Более 23 тыс. детей в Беларуси находятся в социально опасном положении. – URL : https://minsknews.by/bolee-23-tys-detej-v-belarusi-nahodyatsya-v-soczialno-opasnom-polozhenii/ (дата обращения : 11.01.2026).

7. Об основах деятельности по профилактике правонарушений : Закон Респ. Беларусь от 04.01.2014 г. № 122-З : в ред. от 30 декабря 2025 г. № 126-З // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения : 20.01.2026).

8. Андрухов, В. А. Структурные уровни контроля воздействия молодежной преступности в современной России и регионе : автореф. дис. … канд. соц. наук : 22.00.04 / Андрухов Вадим Алексеевич. – Краснодар, 2009. – 26 с.

9. Бжассо, А. М. Социальный контроль преступности несовершеннолетних в современной России : автореф. дис. … канд. соц. наук : 22.00.04 / Бжассо Адам Меджидович ; Южно-Российский гос. техн. ун-т. – Красноярск, 2001. – 36 с.

10. Клебанов, Л. Р. Уголовно-правовой контроль за сохранностью памятников истории и культуры / Л. Р. Клебанов // Законность. – 2011. – № 7 (921). – С. 23–28.

11. Бекряшев, А. К. Уголовно-правовой контроль над экономической преступностью в России / А. К. Бекрящев. – URL : http://old.nasledie.ru/fin/6_8/kniga1/article.php?art=71 (дата обращения : 11.01.2026).

12. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь : 16 июля 1999 г. № 295-З : принят Палатой представителей 24 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17 февр. 2025 г. № 61-З // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения : 20.01.2026).

13. Уголовный Кодекс Республики Беларусь : 9 июля 1999 г. № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Республики Беларусь от 20 окт. 2025 г. № 101-З // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения : 20.01.2026).

14. О Концепции государственной кадровой политики Республики Беларусь : Указ Президента Респ. Беларусь от 3 января 2024 г. № 1 // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения : 20.01.2026).

15. О единой государственной системе учёта правонарушений : Закон Респ. Беларусь от 9 янв. 2006 г. № 94-З : в ред. от 6 янв. 2021 г. № 87-З // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения : 20.01.2026).

16. Об изменении постановления Министерства внутренних дел Республики Беларусь от 18 апреля 2019 г. № 104 : постановление М-ва внутр. дел Респ. Беларусь от 7 августа 2025 г. № 254 // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения : 20.01.2026).

17. U.S. Code § 2261A – Stalking. – URL : https://www.law.cornell.edu/uscode/text/18/2261A. – (date of access : 11.01.2026).

Гомельский государственный
университета имени Франциска Скорины

Поступила в редакцию 05.02.2026

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 2 (155), 2026

УДК 342.9 +347. 214.2 EDN: PMJIYD

Становление и развитие института государственной регистрации недвижимого имущества, прав на него и сделок с ним

О.С. Борисёнок

В данной статье проводится всесторонний анализ этапов регистрации недвижимого имущества и прав на него, которые на протяжении всей истории человечества играли ключевую роль как для частных лиц, так и для государственных структур. Современная система государственной регистрации недвижимости, прав на нее и сделок с ней представляет собой результат многовекового эволюционного процесса. На каждом этапе развития государственных институтов было критически важно иметь достоверные данные о собственниках и объектах недвижимости.
Ключевые слова: государственная регистрация, недвижимое имущество, сделки, имущественные правоотношения, Статут.

This article provides a comprehensive analysis of the stages of registration of real estate and rights to it, which throughout the history of mankind have played a key role for both individuals and government agencies. The modern system of state registration of real estate, rights to it and transactions with it is the result of a centuries-old evolutionary process. At every stage of the development of state institutions, it was critically important to have reliable data on owners and real estate objects.
Keywords: state registration, real estate, transactions, property relations, Statute.

Каждый гражданин или организация напрямую или косвенно сталкивался с вопросом приобретения недвижимого имущества. И не зависимо от того, каким образом данное недвижимое имущество было приобретено, построено, в результате купли-продажи или наследования обязательным условием установления на него права собственности является государственная регистрация как самого строения, так и прав на такое имущество. По состоянию на 31 декабря 2024 г. в едином государственном регистре недвижимого имущества прав на него и сделок с ним содержаться сведения о 10187226 объектах недвижимого имущества: 4111095 земельных участках, 2789006 капитальных строениях, 3287125 изолированных помещениях, включая машино-места. Процент охвата территории Республики Беларусь зарегистрированными земельными участками по состоянию на указанную дату составил 93,87 %. За 2024 г. из регистра недвижимого имущества была представлена информация в отношении более 36,6 млн. объектов и их правообладателей. Количество обращений государственных органов и иных организаций с запросами к базе данных регистра недвижимого имущества посредством специализированного программного обеспечения удаленного доступа к регистру недвижимости составило около 7,8 млн.

История становления системы государственной регистрации недвижимого имущества, прав на него и сделок с ним представляет собой ключевой аспект изучения развития правовых институтов, обеспечивающих правовую определенность и защиту имущественных прав в обществе. Исследование данного феномена требует междисциплинарного подхода, включающего анализ исторических и правовых аспектов. Важно учитывать, что институт государственной регистрации недвижимого имущества эволюционировал на протяжении веков, адаптируясь к изменениям в социально-экономических условиях и правовых системах различных государств.

Институт государственной регистрации прав на недвижимость и сделок с ней имеет долгую историю на белорусских землях. Интерес со стороны государства к законодательному регулированию учета недвижимого имущества, расположенного на его территории, установления и перехода прав на него, а также контроля за совершением сделок с ним обоснован необходимостью взимания налога на недвижимое имущество, от которого зависело пополнение казны. Следует отметить, что отношения собственности были достаточно урегулированы и охранялись государством. Регистрация сделок с недвижимым имуществом была закреплена на законодательном уровне.

Информации за период XI–XII вв. о формах документирования сделок с собственностью и особенностях перехода прав на нее не сохранилось. Фрагментарно имущественные отношения,

существовавшие в тот период, освящены в «Русской правде». В тот период правоотношения с недвижимым имуществом были тесно связаны с семейными и законодательно регулировались в части наследования и раздела имущества между супругами. В «Русской правде» также содержались нормы, регулирующие договорные отношения. Учитывая, что договоры заключались в устной форме, большое значение в тот период имел институт свидетельства [1, с. 13].

Статуты Великого княжества Литовского, принятые в 1529, 1566 и 1588 гг., сыграли ключевую роль в формировании и развитии имущественных правоотношений. Эти нормативные акты, являющиеся основополагающими документами правовой системы того времени, заложили фундаментальные принципы и механизмы регулирования отношений в области сделок с недвижимостью и оказали значительное влияние на последующее развитие правовой культуры и законодательства на белорусских землях.

Основой для Статута 1529 г. послужили нормы, закрепленные в Судебнике Казимира IV (1468 г.). Имущественным правоотношениям был посвящен раздел 8 «О земельных судах, о границах и межах, о копах», который определял порядок доказывания в суде права на землю. Процедура доказывания, как и ранее, сводилась к свидетельским показаниям. Статья 5 Статута 1529 г. устанавливала требования к «достойным» свидетелям, которыми могли выступать только христиане римского и греческого вероисповедания и только те, которые ежегодно исповедовались в церкви и принимали причастия, а также пользовались доброй славой. Татары, евреи не могли выступать свидетелями в земельных делах. Статут также содержал положения о порядке совместного владения, а также вводилось понятие десятилетнего срока исковой давности. Одной из особенностей Статута 1529 г. являлось закрепление порядка проведения описи (инвентаризации) имущества. Проводилась она при «вводе во владение имением за долг или по какой-либо другой причине» и заключалась в составлении списков с перечислением всего находящегося в имении имущества. Проводилась опись специально направленным лицом: дворянином или врадником в присутствии двух или трех шляхтичей [2, ст. 17]. Также устанавливалась возможность заключения соглашения о разделе имущества между родственниками, которое заключалось в письменной форме в суде и изменению не подлежало. Если же раздел происходил не в судебном органе, а в присутствии друзей и оформлен был письменно, то по истечению 10 лет изменению не подлежал [2, ст. 19].

В Статуте 1566 г. наблюдается сохранение структуры, характерной для Статута 1529 г., с внесением незначительных корректировок [3].

Статут Великого княжества Литовского 1588 г. (далее – Статут) был разработан и издан после подписания Люблинской унии, которая привела к созданию единого государства – Речи Посполитой, объединившего Великое княжество Литовское и Королевство Польское. Однако, согласно условиям данной унии, оба государства сохранили свои собственные правовые системы. Статут закреплял пожизненное право владения имуществом, которое было приобретено до его издания, в том числе в случае отсутствия документов, подтверждающих права на такое имущество. Также закреплялось право на полное распоряжение своим имением или его частью. Владелец «по воле и мысли своей» мог отдать, продать, подарить, записать, заложить, отдать свое имение или его часть за долги. Устанавливался порядок оформления завещания, в том числе и в пользу государства, определялся порядок наследования, кроме того, положения Статута определяли порядок выделения долей в имуществе супругов. Раздел 5 Статута определял порядок регистрации приданного невесты, которое ей выдавал отец перед тем, как девушка выходила замуж, а также «вена» – одной третьей части всех имений супруга, которую он ей «записал» (передал в собственность). Такое имущество являлось личной собственностью супруги и в случае смерти супруга не подлежало наследованию детьми и родственниками мужа [4].

Статутом были заложены основы регистрации сделки: при совершении сделки продавец или даритель должен был составить запись со своей печатью и собственноручной подписью и с печатями людей добрых, трех или четырех человек «народа шляхецкого, достойных доверия, оседлых в Великом княжестве Литовском», лично приглашенных продавцом. Если же продавец писать не умел, то он должен был попросить «печатарей», имеющих свои печати, чтобы они такой лист написали и подписали. Регистрация таких листов осуществлялась по месту нахождения недвижимого имущества. Продавец такой лист должен был заявить в земский суд по месту нахождения имения, после рассмотрения его на судебной сессии сведения о совершенной сделке

вносились в земские книги и в случае необходимости в течение трех дней после окончания судебной сессии судьей, подсудком и писарем в нее вписывались заявления и из нее делались выписки. После этого земские книги ими всеми тремя опечатывались и складывались в сундуки с тремя замками. Один ключ находился у судьи, второй у подсудка, а третий у писаря. Хранились такие книги в суде, которые, как правило, строились не далеко от замка. По истечении четырех судебных сессий писарь должен был сведения из четырех земских книг в одну переписать. Хранились такие книги в замке в специально оборудованном хранилище поэтому называлась замковыми [4, арт. 1]. В случаях, если имение находилось далеко, продавцу разрешалось обратиться в любой ближайший судебный вряд. В таких случаях покупатель или иной приобретатель имения, получив лист-запись и выписку из земской книги, должен был обратится в земский суд по месту нахождения имения для внесения записи о покупке или иной сделке в земские книги, а в последующем и замковые книги. Следует также отметить, что Статутом гарантировалось право на получение выписок и копий с земских и замковых книг «каждому, кому-либо о том появится надобность без всякого затруднения и промедления выдавать листы с подписью руки писаря замкового присяжного и с печатями самих воевод, старост или врядников судебных, заместителя или подстаросты и судьи замкового» [4, арт. 13].

Статут 1588 г. также предусматривал возможность совершения сделок с недвижимым имуществом вне сроков судебных сессий. В таком случае продавец должен был обратиться в замковый вряд и там запись, совершенную перед воеводою и старостою, дать записать в замковую книгу. После чего выдавалась выписка с печатью и личной подписью воеводы или старосты. Вместе с тем такая выписка имела ограниченный срок действия и если в течение двух ближайших сессий такая запись и выписка не были внесены в книги земские и из них не была получена заверенная в установленном порядке печатями выписка, тогда запись (договор) утрачивал силу и имущество по нему не могло перейти к новому владельцу. Однако если такая запись не была перенесена из замковых в земские книги по уважительным причинам, к которым относились война, эпидемия, воинская служба, то на праве владения нового собственника такой факт не отражался и владению имуществом не препятствовал. Вместе с тем после прекращения форс-мажорных обстоятельств на первой же сессии земского суда такай договор должен быть рассмотрен и в земские книги внесены соответствующие записи.

Таким образом, помимо составления листов (договоров) запись о совершенной сделке с недвижимым имуществом вносилась изначально в книги земский, а потом в замковые обеспечивая тем самым *двойную регистрацию (учет) сделок* с недвижимым имуществом и предотвращала утерю информации. Имела место также выдача документов (выписок), подтверждающих права на недвижимое имущество. Если же запись (договор) был совершен не в соответствии со Статутом, то такие сделки признавались недействительными и имуществом по ним ни к кому не могло перейти.

Статутом 1588 г. также были установлены тарифы за рассмотрение судебных дел, внесение регистрационных записей, выдачу выписок, так «от листов о введении во владение – по шесть грошей». Сверх установленной законом платы судьям, подсудкам и писарям брать запрещалось, в ином случае для них помимо возврата в двукратном размере сверх уплаченной суммы был предусмотрен штраф в размере двенадцати грошей [5].

Многие положения Статута 1588 г. легли в основу Соборного уложения 1649 г. или «Уложений царя Алексея Михайловича». После включения белорусских земель в состав Российской империи нормы Статута 1588 г. действовали в Витебской и Могилевской губернии до 1832 г., а в Виленской, Гродненской и Минской губерниях – до 1840 г. [6, с. 30].

Постепенно в белорусских губерниях было введено российское законодательство, общероссийский налоги и повинности, а также проведено административно-территориальное устройство по российскому образцу. К этому времени Поместный приказ, один из центральных органов управления в Русском государстве XVI–XVII вв., который занимался учетом земель, поместий и других наследственных владений, а также переписью недвижимого имущества, был упразднен и его функции переданы Вотчинской коллегии.

Во времена Екатерины II была проведена децентрализации процедуры «укрепления» прав на недвижимость:

– функции по совершению крепостных актов были возложены на специальные учреждения крепостных дел, которые образовались при уездных судах;

– предусмотрена специальная процедура «ввода во владение недвижимостью», о чем составлялись акты, предъявляемые для «укрепления» вещных прав. Одновременно действовало правило, в соответствии с которым о совершении актов, влекущих переход на недвижимое имущество, необходимо было давать объявления в центральных «Ведомостях». Копии таких объявлений необходимо было предоставить в губернии и уезды по месту нахождения имущества;

– укрепление прав на имущество производилось либо крепостными, нотариальными, явочными, домашними актами либо путем передачи самого имущества или его ввода во владение.

В рассматриваемый исторический период отсутствовала четкая регламентация момента перехода вещного права. Заключение сделки могло происходить в любом месте, что создавало риск для покупателя: приобретенное им имение могло оказаться уже отчужденным или обремененным залогом в другом месте. Кроме того, к концу XIX в. сложилась достаточно громоздкая система законодательного регулирования оборота недвижимости, в связи с чем появились идеи о его реформировании. В 1810 г. началась подготовка проекта Гражданского уложения под руководством М.М. Сперанского, одной из основных идей которого являлось установление права собственности на землю как первичного права, в то время как права на строение выступало вторичным. Процедура приобретения недвижимого имущества требовала укрепления, под которым понималось «публичное, при посредстве органов общественной власти, гласное утверждение соединения права с известным объектом». Основной формой укрепления выступали крепостные акты [6].

С принятием 14 апреля 1866 г. Положения о нотариальной части основные функции по укреплению прав на недвижимость возлагались на нотариусов. Процедура включала в себя несколько этапов. Изначально стороны в присутствии младшего нотариуса составляли крепостной акт, информация о котором вносилась в актовую книгу. Выписка из актовой книги предоставлялась старшему нотариусу, который состоял при судебном округе по месту нахождения недвижимого имущества. Старший нотариус, проверив законность представленного акта и удостоверившись в уплате крепостных пошлин, учинял на выписке удостоверяющую надпись, которая утверждала акт. После этого выписка приобщалась к крепостной книге и вносилась запись в реестр крепостных дел. Данный момент считался моментом перехода права собственности.

Октябрьская революция 1917 г. повлекла коренные изменения в системе оборота недвижимого имущества. С изъятием из гражданского оборота земельных участков прекратилось деление имущества на движимое и недвижимое. Первым шагом к этому послужило принятие Декрета ВЦИК от 27 октября 1917 г. «О земле», который установил запрет на совершение сделок с землей. Принятый в 1922 г. Гражданский кодекс РСФСР (далее – ГК 1922 г.) окончательно упразднил деление вещей на движимые и недвижимые (примечание к ст. 21). Статья 21 ГК 1922 г. устанавливала, что земля является достоянием государства и не может быть предметом частного оборота, владение землею допускалось только на правах пользования. Объектом гражданских правоотношений выступали строения, порядок отчуждений которых был закреплен в ст. 185 ГК 1922 г. и предусматривал обязательный нотариальный порядок совершения купли-продажи строений с последующей регистрацией в коммунальном отделе.

Вопросами национализации имущества с 1918 г. стали заниматься специально созданные структурные подразделения НКВД. Именно НКВД являлся главным государственным субъектом распоряжения национализированным жильём то время. Вместе с тем уполномоченная служба не выполняла функции учета недвижимости и контроля за ним. С учетом потребностей страны 21 мая 1927 г. с принятием постановления Экономического совещания РСФСР «Об инвентаризации имущества местных Советов» начали создаваться управления, секторы, отделы и бюро технической инвентаризации (БТИ). Новая служба осуществляла руководство работами по техническому учету земель, строений, в том числе жилых, и сооружений гражданского назначения, аккумулировала информацию об их стоимости и техническом состоянии. На местах создавались организации, проводившие данные работы на определенной территории [7].

Общеизвестно, что классический институт суперфиция был ориентирован как раз на приоритет земли над застройкой (sempersuperficiemsolocedere – находящееся на поверхности следует земле), иначе, на так называемое вертикальное право собственности на землю. В дореволюционном российском законодательстве и судебной практике существовал однозначный подход в этом вопросе: на строения, расположенные на чужой земле, не распространялся режим недви-

жимости, в том числе, правила оформления сделок, касающиеся недвижимости. Так, в решении Гражданского Кассационного Департамента разъяснялось, что недвижимостью считаются лишь строения, принадлежащие на праве собственности собственнику участка [7]. В то же время в судебных решениях допускалось отделение права собственности на строение от права собственности на землю: собственник строения в этом случае получал временное право пользования землей [8].

История развития отечественной системы государственной регистрации недвижимого имущества берет свое начало в 1932 г., когда на территории БССР начали создаваться инвентаризационно-технические бюро, которые являлись частью структуры коммунальных хозяйств. В 1932 г. было образовано инвентаризационно-техническое бюро г. Минска, которое находилось в подчинении Городского коммунального хозяйства. Первое упоминание о Брестском областном инвентаризационно-техническом бюро при Брестском городском отделе коммунального хозяйства датировано 13 марта 1940 г. Новая организация состояла из трех штатных единиц: начальника, технорука инженера и инженера инспектора. На территории Витебской области в довоенное время работы по техническому учету и созданию баз данных об объектах недвижимого имущества осуществляло Витебское областное инвентаризационно-техническое бюро отдела коммунального хозяйства исполнительного комитета Витебского областного Совета депутатов трудящихся. Первые упоминания о Гомельском областном инвентаризационно-технического бюро датируются 1943 г., когда в соответствии с приказом заведующего Горкомунотделом от 1 декабря 1943 г. № 1 был назначен его руководитель [9].

В период Великой Отечественной воины немецко-фашистскими захватчиками была уничтожена вся инвентаризационно-техническая документация, созданая в довоенные годы. После окончания военных действий для возобновления работ по технической инвентаризации основных фондов городского хозяйства Белорусской республики постановлением Совета Министров БССР от 24 апреля 1946 г. № 648 устанавливалась обязанность исполкомам местных Советов провести в городах и городских поселениях БССР техническую инвентаризацию городских земель, домового фонда, объектов городского благоустройства, коммунальных предприятий и иных объектов. Одновременно названное постановление предусматривало обязательность проведения правовой регистрации строений. В 1951 г. инвентаризационно-технические бюро были переименованы в бюро технической инвентаризации (БТИ), затем еще раз в 1994–1995 гг. – в бюро регистрации и технической инвентаризации (БРТИ). В 1950–1960 гг. инвентаризация проводилась как в городах, так и в сельской местности, независимо от принадлежности инвентаризируемых объектов. Зачастую проведение работ по регистрации объектов недвижимости усложнялось отсутствием правоустанавливающих документов на строения. В таких случаях правовая регистрация осуществлялась на основании иных документов или по решению суда. В ходе этих работ были составлены реестровые книги и бюро технической инвентаризации получили право выдавать регистрационные удостоверения тем собственникам, у которых отсутствовали правоустанавливающие документы, но имелись иные «косвенные» доказательства прав на строение.

С 1975 г. организации технической инвентаризации были переведены на хозрасчет. В 1979 г. были созданы Объединенные бюро технической инвентаризации (далее – БТИ) в областях и г. Минске, на которые были возложены функции по обеспечению организационного и методического руководства городскими и межгородскими бюро, выработке стратегии дальнейшего развития и совершенствования технической инвентаризации и учета основных фондов городского хозяйства Республики Беларусь. В своей деятельности объединения подчинялись республиканскому управлению технической инвентаризации Минжилкомхоза БССР.

Вплоть до развала Советского Союза к основным задачам БТИ относились регистрация и техническая инвентаризация жилищного фонда в городах, поселках городского типа и сельской местности независимости от вида собственности, представление статистической отчетности в государственные органы Центрального статистической управления СССР. Полагалось, что основной целью выполнения таких функций являлось правильное планирование расходов на эксплуатацию и ремонт недвижимого имущества, а также на новое строительство.

В Республике Беларусь 1996 г. можно считать началом современного этапа государственной регистрации недвижимого имущества, прав на него и сделок с ним. Четвертый департамент Всемирного банка предложил Министерству жилищно-коммунального хозяйства Республики Беларусь грант проект «В поддержку развития системы регистрации и земельно-

го кадастра». Целями проекта являлось создание проекта Закона о государственной регистрации недвижимого имущества и реализация пилотного проекта по созданию соответствующей информационной системы [10] (окончательная редакция проекта Закона «О государственной регистрации недвижимости прав на него и сделок с ним» была разработана и принята в 2002 г.). На момент реализации программы гранта в Беларуси существовали определенные трудности, связанные с состоянием системы государственной регистрации. Данные правоотношения не были в достаточной мере законодательно урегулированы, отсутствовала единая система учета недвижимости и ведения земельного кадастра. Функции по учету и регистрации недвижимого имущества выполнялись различными структурами: РУП «Национальное кадастровое агентство», которое было создано в 1998 г. и находилось в подчинении Комитета по земельным ресурсам, геодезии и картографии при Совете Министров Республики Беларусь, землеустроительными службами местных исполнительных и распорядительных органов, предприятиями по государственной регистрации и земельному кадастру, которые не имели ни информационной, ни технологической коммуникации между собой.

В тот период существовало около 60 разных автономных несовместимых между собой баз данных с различным информационным и программным обеспечением. Профессия «регистратор» официально не существовала [11, с. 13].

С принятием Указа Президента Республики Беларусь от 10 декабря 2002 г. № 603 «О создании системы государственных организаций по государственной регистрации недвижимого имущества, прав на него и сделок с ним» было установлено, что специально уполномоченным органом государственного управления Республики Беларусь в области государственной регистрации недвижимого имущества, прав на него и сделок с ним является Комитет по земельным ресурсам геодезии и картографии при Совете Министров Республики Беларусь.

В соответствии с постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 20 марта 2003 г. № 371 «О передаче ряда унитарных предприятий (имущественных комплексов) из коммунальной собственности областей и города Минска в республиканскую собственность и о внесении дополнений в постановление Совета Министров Республики Беларусь от 31 октября 2001 г. № 1591» коммунальные предприятия по государственной регистрации и технической инвентаризации из системы жилищно-коммунального хозяйства были переданы в подчинение Комитета по земельным ресурсам геодезии и картографии при Совете Министров Республики Беларусь. В подчинение Комитета по земельным ресурсам геодезии и картографии при Совете Министров Республики Беларусь поступило 7 республиканских унитарных предприятий: «Минское городское агентство по государственной регистрации и земельному кадастру», «Минское областное агентство по государственной регистрации и земельному кадастру», «Брестское областное агентство по государственной регистрации и земельному кадастру», «Витебское областное агентство по государственной регистрации и земельному кадастру», «Гродненское областное агентство по государственной регистрации и земельному кадастру», «Гомельское областное агентство по государственной регистрации и земельному кадастру», «Могилевское областное агентство по государственной регистрации и земельному кадастру».

В 2002 г. принят действующий Закон Республики Беларусь от № 133-З «О государственной регистрации недвижимого имущества, прав на него и сделок с ним», которым установлены правовые основы и порядок государственной регистрации недвижимого имущества, прав и ограничений прав на него, а также сделок с ним в пределах территории Республики Беларусь.

В целях реализации положений Закона постановлением Комитета по земельным ресурсам, геодезии и картографии при Совете Министров Республики Беларусь от 11 марта 2003 г. № 9 «О создании регистрационных округов» на территории Республики Беларусь были созданы 7 регистрационных округов в границах Брестской, Витебской, Гомельской, Гродненской, Минской, Могилевской областей и г. Минска. Таким образом, была создана стройная система организаций по государственной регистрации недвижимого имущества прав на него и сделок с ним, в компетенцию которых входили функции по государственной регистрации как земельных участков, так и иных объектов недвижимого имущества, прав на него и сделок с ним. Для единого учета недвижимого имущества, прав на него и сделок с ним начал создаваться регистр недвижимости. Было разработало и передало в опытную эксплуатацию 11 автоматизированных информационных систем. С 2003 г. РУП «Национальное кадастровое агентство» стало

осуществлять государственную регистрацию предприятий как имущественных комплексов и прав на них. В соответствии с Указом Президента Республики Беларусь от 5 мая 2006 г. № 289 был образован Государственный комитет по имуществу путем присоединения фонда государственного имущества Министерства экономики к Комитету по земельным ресурсам, геодезии и картографии при Совете Министров Республики Беларусь. На Государственный комитет по имуществу возлагались функции проведения единой государственной политики в области земельных отношений, геодезии, картографии, по вопросам имущественных отношений (включая управление, распоряжение, приватизацию, оценку и учет имущества, находящегося в собственности Республики Беларусь), а также ведения соответствующих кадастров и реестров. Национальное кадастровое агентство, а также областные и Минское городское агентства по государственной регистрации и земельному кадастру перешли в подчинение Государственного комитета по имуществу. Согласно отчету Всемирного банка «DoingBusiness» 2009 г., Республика Беларусь в 2008 г.заняла первое место в мире по скорости реформы систем регистрации собственности в рейтинге DoingBusiness «Регистрация собственности». Это позволило за несколько лет выйти по данному рейтингу на третье место в мире.

Постановлением Государственного комитета по имуществу Республики Беларусь от 15 мая 2025 г. № 35 «О государственной регистрации недвижимого имущества» была утверждена Инструкция о порядке функционирования единого государственного регистра недвижимого имущества, прав на него и сделок с ним. Данный нормативный акт направлен на дальнейшее совершенствование правоотношений в сфере недвижимости, повышение эффективности государственного регулирования имущественных отношений, а также оптимизацию процессов управления земельными и имущественными ресурсами.

Таким образом, к 2009 г. в Республике Беларусь была создана система регистрации недвижимого имущества, соответствующая современным мировым тенденциям в сфере регистрации и управления недвижимостью, оказания электронных услуг с использованием информационно-коммуникативных технологий.

Литература

1. Нотариат Беларуси : от истоков до современности / А. Н. Латушкин, И. Ю. Кирвель, С. И. Василевская ; под общ. ред. О. И. Чуприс. – Минск : БелТА , 2024. – 304 с.

2. Статут Великого княжества Литовского 1529 года. – URL : https://nasledie-sluck.by/ru/sluchina/historical_dates/4826/_ (дата обращения : 21.09.2025).

3. Статут Великого княжества Литовского 1566 года. – URL : https://pravo.by/upload/pdf/pamjatnikiprava/Statut_Vielikjgo_Kniazestva_Litovskogo_(Volinskij)_1566_g.pdf (дата обращения : 10.02.2025).

4. Статут Великого княжества Литовского 1588. – URL : https://pravo.by/upload/pdf/pamjatnikiprava/Statut_Vielikjgo_Kniazestva_Litovskogo_1588.pdf (дата обращения : 15.02.2025).

5. Балашенко, С. А. «Статуты Великого князьства Литовъского» – правовые памятники и мировое наследие земель Беларуси / С. А. Балашенко // Право.by. – 2017. – № 5. – С. 30–35.

6. Российское законодательство X–XX веков : в 9 т. / под общ. ред. чл-кор. АЕН РФ, д.ю.н., проф. О. И. Чистякова. – М. : Юрид. лит-ра, 1987. – Т. 5. – 527 с.

7. Александров, А. А. Особенности правового режима недвижимости в гражданском праве России (начало XX в. и современность) / А. А. Александров // Вестник Московского университета. – 1996. – № 6. – С. 98–105.

8. Шеметова, Н. Ю. Недвижимое имущество : понятие в гражданском законодательстве России / Н. Ю. Шеметова // Вестник алтайской науки. – 2014. – № 2-3 (20-21). – С. 314–324.

9. Собрание узаконений РСФСР. – URL : https://su.rsfsr.su/1919-1943.pdf (дата обращения : 15.02.2025).

10. Летопись развития отрасли / Государственный комитет по имуществу Республики Беларусь ; под ред. А. А. Гаева. – Минск : ИВЦ Минфина, 2017. – 196 с.

11. Шавров, С. А. Юбилей Национального кадастрового агентства : история возникновения и первых десяти лет / С. А. Шаврова // Земля Беларуси. – 2023. – № 2. – С. 13–18.

Национальный центр законодательства
и правовых исследований Республики Беларусь

Поступила в редакцию 17.10.2025

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 2 (155), 2026

УДК 342.9 EDN: PPOHWR

Малозначительность как основание освобождения от административной ответственности

А.Д. Дмитриева

В статье исследуется малозначительность правонарушения как основание для освобождения от административной ответственности в соответствии с законодательством Российской Федерации. Автор анализирует правовую природу данного института, его соотношение с принципами справедливости и целесообразности в административном праве. Рассматриваются критерии малозначительности, закреплённые в ст. 2.9 Кодексе об административных правонарушениях Российской Федерации, включая отсутствие существенной угрозы охраняемым общественным отношениям, незначительность причинённого вреда и степень вины правонарушителя. Особое внимание уделяется судебной практике, в частности подходам правоприменительных органов к оценке малозначительности в различных категориях дел. Выявляются проблемы квалификации малозначительных деяний, такие как субъективность оценки и отсутствие чётких законодательных ориентиров. На основе проведённого анализа предлагаются рекомендации по совершенствованию правового регулирования и унификации судебной практики в данной сфере.
Ключевые слова: малозначительность, административная ответственность, освобождение от ответственности, контролирующие органы, административное правонарушение.

The article examines the insignificance of an offense as a basis for exemption from administrative liability under the legislation of the Russian Federation. The author analyzes the legal nature of this institution and its relationship with the principles of justice and expediency in administrative law. The article examines the criteria for insignificance, which are set out in Article 2.9 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation, including the absence of a significant threat to protected public relations, the insignificance of the harm caused, and the degree of the offender's guilt. Special attention is given to judicial practice, particularly the approaches of law enforcement agencies to assessing insignificance in various categories of cases. The article identifies problems with the qualification of minor offenses, such as subjective assessments and a lack of clear legal guidelines. Based on this analysis, the article provides recommendations for improving legal regulation and unifying judicial practice in this area.
Keywords: insignificance, administrative liability, exemption from liability, regulatory bodies, administrative offense.

Институт освобождения от административной ответственности в связи с малозначительностью правонарушения является важным механизмом, позволяющим избежать избыточного государственного принуждения в случаях, когда противоправное деяние не представляет существенной общественной опасности. Однако неоднозначность формулировок закона и отсутствие четких критериев малозначительности порождают дискуссии в теории права и разнообразие судебной практики [1, с. 10]. Б.Ю. Джамирзе отмечает: «Как и ряд иных гарантий реализации принципа справедливости основана на оценочной категории малозначительности, которая не регламентирована федеральным законодательством, так как очевидно сложна в регламентации в принципе» [2, с. 129]. Н.А. Морозова подчеркивает: «Перечень обстоятельств и связанные с этим нюансы правового регулирования являются спорными, требуют кропотливой работы ученых и обсуждения с практиками» [3, с. 82].

Дабы разобраться с рассматриваемым понятием стоит обратиться к Кодексу Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ). В ст. 2.9 установлено, что «при малозначительности совершенного административного правонарушения судья, орган, должностное лицо, уполномоченные решить дело об административном правонарушении, могут освободить лицо, совершившее административное правонарушение, от административной ответственности и ограничиться устным замечанием». Я.С. Анкудинова говорит: «По сути, из текста статьи 2.9 КоАП РФ явно не следует понимание процессуального этапа, на котором возможно освобождение от административной ответственности в связи малозначительностью» [4, с. 14].

В научных трудах такие нормы определяются как оценочные, а их применение рассматривается как особая форма нетипичной правоприменительной практики. Подобная си-

туация сложилась из-за законодательного пробела в части четких критериев малозначительности, что вынуждает органы административной юрисдикции самостоятельно интерпретировать их в каждом конкретном случае.

С одной стороны, это обеспечивает гибкость и возможность индивидуального подхода к рассмотрению дела, с другой – создает почву для субъективного толкования нормы о малозначительности. В результате нередки случаи её неоправданного применения, что способствует уходу нарушителей от ответственности.

При этом, как отмечает В.В. Ракитский: «Применение термина малозначительность не является универсальным для всех норм, установленных в Особенной части КоАП РФ. В частности, как указано в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2005 № 5, данный принцип не распространяется на правонарушения, предусмотренные ст. 12.8 КоАП РФ. Данная точка зрения представляется наиболее предпочтительной, поскольку не все правонарушения могут быть признаны малозначительными, это зависит от конкретных обстоятельств» [5, с. 173].

В этой связи имеет смысл подробно изучить данную норму и выявить пробелы в законодательстве, связанные с практикой её применения.

В Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации (ВС РФ) от 24 марта 2005 г. № 5 обращалось внимание на то, что «малозначительным административным правонарушением является действие или бездействие, хотя формально и содержащее признаки состава административного правонарушения, но с учетом характера совершенного правонарушения и роли правонарушителя, размера вреда и тяжести наступивших последствий не представляющее существенного нарушения охраняемых общественных правоотношений».

Иное толкование нормы ст. 2.9 КоАП РФ дал Пленум Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации (ВАС РФ) в Постановлении от 2 июня 2004 г. № 10. В нём подчеркивается, что для признания правонарушения малозначительным суды должны тщательно анализировать конкретные обстоятельства дела. Малозначительность деяния определяется отсутствием существенного вреда охраняемым законом общественным интересам.

При этом факторы, такие как личные характеристики правонарушителя, его материальное положение, добровольное возмещение ущерба или устранение последствий нарушения, сами по себе не могут служить основанием для признания деяния малозначительным. Однако, согласно положениям ч. 2 и ч. 3 ст. 4.1 КоАП РФ, эти обстоятельства подлежат учету при определении меры административной ответственности.

Суды, в целом, понимали под малозначительностью действия правонарушителя, не наносящие существенного ущерба общественным интересам, защищаемым административным правом, и отмечали важность всестороннего анализа обстоятельств конкретного дела.

По мнению О.Н. Шерстобоева, вопрос малозначительности правонарушения во многом определяется особенностями конструкции его юридического состава [6, с. 57]. Данный подход находит косвенное подтверждение в судебной практике, где подчеркивается обязательность всестороннего анализа обстоятельств противоправного деяния. Особое внимание к оценке тяжести причиненного вреда свидетельствует о ключевой роли объективных признаков правонарушения при определении его малозначительности.

Правоприменительные органы должны в первую очередь анализировать характер действий (или бездействия) нарушителя. Для материальных составов малозначительность вреда устанавливается достаточно просто – через определение размера фактического ущерба. Однако с формальными составами, широко представленными в КоАП РФ, ситуация существенно сложнее, поскольку вредоносность деяния не всегда имеет конкретное материальное выражение.

Следует подчеркнуть, что узкое понимание ст. 2.9 КоАП РФ предполагает возможность квалификации деяния как малозначительного исключительно в случаях материального состава правонарушения. Следовательно, необходимым условием в данном контексте является наличие реально наступивших негативных последствий. Но, как отмечает П.Н. Потапов, в силу незначительности, не представляющих существенных нарушений охраняемым законом общественных отношений [7, с. 367].

Чтобы определить возможность подобного толкования, требуется, прежде всего, проанализировать юридическую и социально-правовую сущность отсутствия последствий в формальных составах правонарушений и рассмотреть реальные последствия применения ст. 2.9 КоАП РФ на практике.

Правонарушения с формальным составом далеко не всегда связаны с причинением материального ущерба конкретным лицам. В данном случае речь скорее идет о подрыве установленного порядка государственного управления в определенной области. Таким образом, отсутствие последствий, как обязательного элемента состава, не означает, что их вообще нет. В юридической доктрине выделяют две основные позиции:

1. Согласно первой, последствием формального правонарушения является нарушение стабильности правового регулирования.

2. Вторая позиция предполагает, что даже в формальных составах подразумевается причинение вреда охраняемым законом интересам либо создание угрозы такого вреда уже в момент совершения противоправного деяния.

Правонарушение представляет собой целостную систему взаимосвязанных элементов, и исключение любого из них лишает правовую норму основания для применения санкции. Оценка общественной опасности противоправного деяния должна основываться на анализе всей совокупности его признаков, а не отдельных составляющих. Это подтверждается, в частности, формулировкой ст. 2.9 КоАП РФ, где речь идет о «малозначительности совершенного административного правонарушения» – данная характеристика относится именно к составу правонарушения в целом, а не к его отдельным аспектам.

При квалификации административных правонарушений важную роль играют не только объективные, но и субъективные факторы. Например, освобождение от ответственности оправдано лишь тогда, когда нарушитель полностью осознает противоправность своих действий, испытывает искреннее раскаяние и не планирует повторять подобные проступки в будущем. Без этого теряется сам смысл наказания – его предупредительная и воспитательная функции.

Малозначительность правонарушения может быть установлена, если хотя бы один из элементов его состава (например, степень вины или тяжесть последствий) не представляет существенной общественной опасности. Однако нельзя признавать нарушение незначительным, если лицо, имея возможность предвидеть негативный результат, сознательно проигнорировало меры по его предотвращению. В таком случае пренебрежение обязанностью действовать разумно исключает возможность смягчения ответственности.

Как отмечает Ю.А. Чуприянов: «Важным является не столько заявленный государством интерес, сколько реальная ситуация, в которой государство ссылается на этот интерес, это, в свою очередь, должно отвечать критериям “необходимости” и “цели” привлечения к ответственности» [8, с. 168]. Определение степени значимости правонарушения относится к исключительной компетенции уполномоченных органов, которые при этом должны соблюдать установленные правовые стандарты и избегать субъективных оценок. Для всестороннего и независимого анализа обстоятельств конкретного дела правоприменителю требуются четкие и однозначные оценочные параметры.

По мнению Н.В. Тиуновой необходимо законодательно закрепить унифицированный порядок действий для должностных лиц, позволяющий четко определять признаки и критерии малозначительности правонарушения. Данный механизм должен быть максимально открытым и доступным не только для представителей государственных органов, ведущих административные производства, но и для граждан, привлекаемых к ответственности.

Ключевая задача – полностью устранить из административной практики так называемое должностное усмотрение, когда решение принимается в условиях правовой неопределенности, основываясь исключительно на субъективном мнении уполномоченного лица [9, с. 19]. Такого же мнения придерживается и Е.А. Москаль, ведь чтобы признать деяние малозначительным, правоприменитель должен руководствоваться конкретными оценочными критериями, основанными на детальном, независимом и комплексном анализе обстоятельств дела. При этом ключевую роль играет соответствие принципам и задачам, которые преследует юридическая ответственность [10, с. 355].

В своём письме от 23.09.2016 № ИА/65682/16 Федеральная антимонопольная служба Российской Федерации (далее – ФАС России) говорит о том, что в случаях, когда административное правонарушение признаётся малозначительным, уполномоченное лицо вправе освободить нарушителя от ответственности, ограничившись устным предупреждением. При этом оформляется решение о прекращении административного производства.

Следует отметить, что ни Постановление Пленума ВС РФ № 5, ни Постановление Пленума ВАС РФ № 10 не содержат конкретного определения малозначительности, а также чётких критериев её оценки. Это создаёт правовую неопределённость, требующую формирования единообразного подхода к применению соответствующей нормы Кодекса об административных правонарушениях.

Исследование правоприменительной практики в части привлечения к ответственности должностных лиц заказчиков, уполномоченных органов и учреждений по ст. 7.29–7.32 КоАП РФ показывает, что малозначительность административного правонарушения определяется совокупностью факторов. К ним относятся: добровольное признание вины и раскаяние нарушителя, отсутствие судебных разбирательств по оспариванию решения надзорного органа в сфере государственных закупок, полное восстановление нарушенных прав участников закупочных процессов, своевременное исполнение предписания об устранении выявленных нарушений, а также первичный характер совершённого проступка.

Вместе с тем, отдельные правонарушения, такие как предусмотренные ч. 1 ст. 19.7.2 и ч. 7 ст. 19.5 КоАП РФ, в силу своей юридической сущности не могут квалифицироваться как малозначительные. Их особая опасность заключается в создании препятствий для осуществления контрольных функций уполномоченных органов, искажении принципов государственного управления, подрыве доверия к институтам власти. Подобные действия демонстрируют умышленное пренебрежение публичными обязанностями, что исключает возможность смягчения ответственности.

Вопрос о признании несвоевременной уплаты административного штрафа малозначительным правонарушением представляет значительный юридический интерес. 12 октября Президиум Верховного Суда РФ утвердил Обзор судебной практики № 2 за 2022 г., где в п. 36 указана необходимость комплексной оценки всех существенных обстоятельств, включая наличие повторных аналогичных нарушений (постановление по делу № 9-АД22-52-К1).

Рассмотрим конкретный случай: водитель превысил скорость, не создавая аварийной ситуации, но не оплатил штраф вовремя. После этого региональное Главное управление Министерства внутренних дел России (далее – ГУ МВД) инициировало судебное разбирательство с требованием назначить наказание, вплоть до исправительных работ. Хотя к моменту составления протокола штраф был погашен, мировой судья все равно вынес постановление о наказании, сославшись на более чем 100 аналогичных нарушений в прошлом. Однако кассационная инстанция отменила это решение, прекратив производство по делу в соответствии со ст. 2.9 КоАП РФ, признав нарушение малозначительным. При этом суд подчеркнул, что рассматривал данный эпизод изолированно, без учета предыдущих штрафов.

Верховный Суд РФ, в свою очередь, занял иную позицию, указав, что систематическое уклонение от уплаты штрафов может свидетельствовать о длящемся правонарушении, что исключает возможность признания отдельного случая малозначительным.

Примечательно, что данная позиция ВС РФ не подкреплена прямыми нормами закона или разъяснениями вышестоящих судов, а основана исключительно на анализе прошлого поведения нарушителя, выходящего за рамки рассматриваемого дела. В обоснование приводится тезис о превентивной функции наказания по ч. 2 ст. 12.9 и ч. 1 ст. 20.25 КоАП РФ, направленной как на прекращение конкретного правонарушения, так и на предотвращение аналогичных действий со стороны других лиц.

15 мая Верховный Суд РФ принял Определение № 307-ЭС19-22878 по спору, связанному с обжалованием постановления о привлечении компании к административной ответственности по ч. 2 ст. 9.4 КоАП РФ. Основанием для наказания стало несоблюдение обязательных норм в сфере строительства и использования стройматериалов.

Поводом для разбирательства послужила проверка, проведенная Комитетом государственного строительного надзора и экспертизы в отношении сельского Дома культуры. В ходе инспекции были выявлены отклонения от требований технических регламентов и проектной документации, допущенные при капитальном строительстве. Поскольку обнаруженные нарушения создавали реальную угрозу для жизни и здоровья людей, а также для имущества граждан и организаций, застройщик был привлечен к ответственности.

Оспаривая решение административного органа, общество обратилось в арбитражный суд. Первая и апелляционная инстанции подтвердили наличие состава правонарушения, однако освободили ответчика от наказания в силу малозначительности проступка. Суды учли, что застройщик самостоятельно и оперативно устранил все выявленные недочеты до вынесения постановления.

Однако Верховный Суд не согласился с таким подходом, сославшись на Постановление КС РФ № 4-П от 25.02.2014. ВС РФ подчеркнул, что добровольное устранение последствий нарушения само по себе не является основанием для признания его малозначительным. Особое внимание было уделено характеру правонарушения: поскольку оно касалось пожарной безопасности и создавало угрозу для людей, суд исключил возможность применения ст. 2.9 КоАП РФ.

В обосновании своей позиции ВС РФ указал, что объект правонарушения (жизнь и здоровье граждан) играет ключевую роль при оценке его значимости. Аналогичный подход ранее был закреплен в п. 47 Обзора судебной практики ВС РФ № 3 (2019), где рассматривались дела по ч. 5 ст. 19.8 КоАП РФ. В итоге решения нижестоящих судов были отменены, а в удовлетворении требований общества отказано.

Наблюдается правовая коллизия, обусловленная несоответствием между положениями абз. 4 п. 21 Постановления Пленума Верховного Суда (ВС) № 5 и сохраняющими силу абз. 1 и 2 п. 18.1 Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда (ВАС РФ) № 10.

ВС РФ в указанном пункте утверждает, что отдельные административные правонарушения в силу характера их объективной стороны не могут быть признаны малозначительными, поскольку существенно нарушают защищаемые законом общественные интересы. В то же время ВАС РФ в своем Постановлении прямо указывал на отсутствие в КоАП РФ каких-либо изъятий, запрещающих применение нормы об освобождении от ответственности за малозначительные нарушения к определенным составам.

Дополнительную сложность вносит правовая позиция Конституционного Суда РФ. В абз. 1 п. 4.2 Постановления № 4-П/2014 КС РФ подчеркивает, что возможность освобождения от ответственности в связи с малозначительностью не должна зависеть от конкретного состава правонарушения. Однако в п. 6 Постановления № 5-П от 17 февраля 2016 г. Конституционный суд отмечает, что нарушения в сфере миграции обладают повышенной общественной значимостью, а потому широкое применение ст. 2.9 КоАП РФ в этой области недопустимо.

Таким образом, складывается двойственная ситуация. С точки зрения логики, действительно, некоторые правонарушения в принципе не могут считаться малозначительными, что делает позицию ВС РФ обоснованной. Однако законодатель не установил формальных ограничений для применения ст. 2.9 КоАП РФ, и, если Верховный Суд считает, что данная норма требует корректировки, ему следовало бы воспользоваться правом законодательной инициативы.

Кроме того, в абз. 4 п. 18.1 Постановления № 10 ВАС РФ закреплено, что кассационный арбитражный суд не вправе переоценивать выводы нижестоящих инстанций о наличии или отсутствии существенной угрозы охраняемым правоотношениям и, соответственно, о возможности признания нарушения малозначительным. В свою очередь, Конституционный суд последовательно относит этот вопрос к компетенции органа административной юрисдикции, который должен оценивать фактические обстоятельства дела (в п. 4.2 Постановления КС РФ № 4-П/2014).

Подобное расхождение в подходах судебных инстанций создает правовую неопределенность и порождает вопросы относительно единообразия судебной практики.

В контексте рассматриваемого вопроса особый интерес представляет Определение Верховного Суда РФ от 16.04.2019 г. по делу № А42-10638/2017. В данном случае субъект, не предоставивший затребованные ФАС России документы, был привлечен к административной ответственности по ч. 5 ст. 19.8 КоАП РФ, однако судебные инстанции освободили его от наказания, сославшись на отсутствие отягчающих факторов и применив ст. 2.9 КоАП РФ о малозначительности нарушения.

Примечательно, что судебная коллегия особо подчеркнула: сам по себе факт неисполнения требований антимонопольного органа нельзя расценивать как малозначительное нарушение, поскольку подобные действия затрагивают основы государственного управления. Установленные законодателем повышенные санкции за такие правонарушения свидетельст-

вуют о повышенной значимости охраняемых общественных отношений. В этой связи совершение множественных нарушений в данной сфере исключает возможность квалификации деяния как малозначительного.

Однако возникает правовая коллизия, связанная с различными подходами высших судебных органов к применению ст. 2.9 КоАП РФ. Так, в п. 18.1 Постановления Пленума ВАС РФ от 02.06.2004 № 10 акцент сделан на отсутствии существенной угрозы для охраняемых общественных отношений, тогда как Постановление Пленума ВС РФ от 24.03.2005 № 5 (абз. 3 п. 21) указывает на необходимость установления отсутствия общественно опасных последствий, причем независимо от конструкции состава правонарушения (формальный или материальный).

В рассматриваемой ситуации следовало также учитывать требования ст. 26.1 КоАП РФ, предписывающей соразмерность применяемых мер характеру совершенного нарушения. Данная норма фактически исключает автоматический отказ в признании правонарушения малозначительным лишь на основании декларативного тезиса о «подрыве государственности», если реальный вред не доказан, а установленный минимальный штраф явно не соответствует фактическим обстоятельствам дела, особенно при отсутствии значимого ущерба.

Таким образом, в связи с выявленными проблемами, целесообразно более качественно определить формулировку малозначительности, а также законодательно закрепить критерии освобождения от административной ответственности, которыми будут оперировать суды и должностные лица в правоприменительной практике с целью эффективного воплощения принципов справедливости, целесообразности и индивидуализации юридической ответственности.

Литература

1. Сидоров, Э. Т. О некоторых особенностях признания административного правонарушения в области дорожного движения малозначительным / Э. Т. Сидоров, Е. А. Никоноров // Административное право и практика администрирования. – 2024. – № 2. – С. 1–13.

2. Джамирзе, Б. Ю. О некоторых вопросах освобождения от административной ответственности при малозначительности административного правонарушения / Б. Ю. Джамирзе // Гуманитарные и юридические исследования. – 2024. – № 1. – С. 129–135.

3. Морозова, Н. А. Реабилитирующие и не реабилитирующие обстоятельства прекращения производства по делу об административных правонарушениях / Н. А. Морозова // Lex Russica (Русский закон). – 2023. – № 10. – С. 82–94.

4. Анкудинова, Я. С. Малозначительность административных правонарушений : некоторые проблемы и вопросы прокурорской практики / Я. С. Анкудинова // Матер. XX Междунар. науч. конф. молодых ученых и студ. / Уральский гос. юрид. ун-т. – Екатеринбург, 2022. – С. 14–22.

5. Ракитский, В. В. Актуальные вопросы освобождения от административной ответственности / В. В. Ракитский // Право и государство : теория и практика. – 2025. – № 2. – С. 173–174.

6. Шерстобоев, О. Н. К вопросу о малозначительности административных правонарушений : некоторые проблемы теории и практики / О. Н. Шерстобоев // Российская юстиция. – 2008. – № 10. – С. 57–60.

7. Потапов, П. И. Обеспечение соблюдения принципа равенства перед законом при освобождении от административной ответственности в связи с малозначительностью совершенного административного правонарушения / П. И. Потапов // Сибирское юридическое обозрение. – 2023. – № 4. – С. 367–380.

8. Чуприянов, Ю. А. Принципы института освобождения лица от административной ответственности / Ю. А. Чуприянов // Вестник Нижегородского ун-та им. Н.И. Лобачевского. – 2021. – № 2. – С. 168–173.

9. Тиунова, Н. В. Малозначительность деяния как основание для освобождения от административной ответственности : актуальные вопросы правоприменительной практики / Н. В. Тиунова // EX JURE. – 2019. – № 1. – С. 19–31.

10. Москаль, Е. А. Малозначительность административного правонарушения как основание освобождения от административной ответственности / Е. А. Москаль // Молодой учёный. – 2022. – № 22. – С. 355–356.

Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации

Поступила в редакцию 04.09.2025

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 2 (155), 2026

УДК 347.121.2 EDN: OSXNJH

Скриншоты и другие электронные файлы как средство доказывания

А.Г. Климашин

Интенсивное развитие информационных технологий делает опасным использование электронных доказательств, получаемых не процессуальным путём, так как их подделка, изменение или модификация в достаточной степени доступны участникам юридических разбирательств и внесудебных конфликтов. В силу необходимости установления истины по делу требуется нормативное урегулирование и технические гарантии использования электронных доказательств. Актуальность темы подкрепляет возрастающая степень информатизации общества и появление инструментов искусственного интеллекта. В статье исследуются правовые аспекты электронных доказательств в гражданском судопроизводстве. Анализируются проблемы допустимости скриншотов и иных электронных файлов, рассматриваются способы обеспечения их достоверности, формулируются предложения по изменению норм законодательства и определению отдельных терминов.
Ключевые слова: средства доказывания, скриншоты, ложные доказательства, электронные файлы, электронные доказательства, клевета.

The intensive development of information technology makes it dangerous to use electronic evidence obtained through non-procedural means, since its forgery, change or modification are sufficiently accessible to participants in legal proceedings and out-of-court conflicts. Due to the need to establish the truth in the case, regulatory regulation and technical guarantees for the use of electronic evidence are required. The relevance of the topic is reinforced by the increasing degree of informatization of society and the emergence of artificial intelligence. The article examines the legal aspects of electronic evidence in civil proceedings. The problems of the admissibility of screenshots and other electronic files are analyzed, ways to ensure their reliability are considered, and proposals for changing the norms of legislation are formulated.
Keywords: means of proof, screenshots, false evidence, electronic files, electronic evidence, defamation.

В связи с информатизацией общества возможности у злоумышленников и недобросовестных участников процесса для модификации информации при постоянном совершенствовании информационно-коммуникативных технологий систематически развиваются и приобретают новые формы. Именно в этой связи подлинность сведений, изложенных в предоставляемых электронных файлах, нуждается в проверке. В Кодексе гражданского судопроизводства, который вступит в силу с начала 2026 г., предпринята попытка регулирования использования электронных доказательств в экономических и общих судах [1, ст. 199–202]. Вместе с тем в действующем законодательстве Республики Беларусь и принятых к нему изменениях отсутствует определение так называемых скриншотов («*screenshots*»), «электронных документов» и «электронных файлов». В Кодексе гражданского судопроизводства встречаются эти понятия, однако не даётся их детализированной дефиниции, в силу чего мы исходим из общепризнанного понимания этих категорий. В быту под скриншотами понимают изображения, полученные устройством и показывающее в точности то, что видит пользователь на экране монитора или другого визуального устройства вывода (планшета, смартфона и т. д.). При этом такой электронный файл или его распечаток не отображает дополнительную информацию к увиденному на экране (мета-данные), что создаёт почву для манипуляции такими доказательствами со стороны недобросовестных участников процесса. Под «другими электронными файлами» в контексте средств доказывания следует понимать любые цифровые объекты, содержащие информацию, имеющую значение для дела, и представленные в виде файлов, отличных от скриншотов. К ним относятся: 1) текстовые документы (форматы .doc, .docx, .pdf, .txt), включая договоры, претензии, переписку; 2) электронные таблицы и базы данных (.xls, .xlsx, .csv, .db); 3) аудио- и видеозаписи, включая записи с диктофонов, камер, регистраторов; 4) графические файлы (.jpg, .png, .bmp), если они не являются скриншотами; 5) метаданные и системные логи, подтверждающие действия пользователей или событийную последовательность.

Электронные доказательства всё чаще используются в судебном процессе в силу информатизации общества, и скриншот как средство доказывания может использоваться в таком процессе, несмотря на то, что ни в Хозяйственном процессуальном кодексе, ни в Гражданском процессуальном кодексе, ни в Уголовно-процессуальном кодексе он как доказательство напрямую не

указан. В понимании участников процесса такие доказательства можно быстрее и проще получить, что ускоряет сам процесс доказывания, а также процесс обмена сообщениями с фиксацией содержания переписки между участниками процесса. Согласно действующему законодательству скриншот, как деловая корреспонденция, общедоступная информация, записанная буквами либо выполненная в форме цифровой, графической записи, размещенная в глобальной компьютерной сети Интернет, будет являться письменным доказательством, если оно получено в порядке, установленном законодательством, то есть заверено нотариусом как осмотр письменных электронных доказательств. Его можно предоставить в судебном процессе в виде распечатанного на бумаге изображения или в виде файла, записанного на электронном носителе, но при этом следует учитывать, что суд обязан оценить такое доказательство с точки зрения относимости и допустимости, так как его легко подделать или внести в него нужные коррективы [2].

Скриншот может использоваться в качестве доказательства в суде, при этом имея в виду, что для признания его судом надлежащим и допустимым стоит соблюдать технические особенности его оформления и представления в суд.

Для осмысления проблем таких расплывчатых формулировок к пониманию этих доказательств следует обратиться к трудам известных учёных, судебной практике и законодательству. В социологическом аспекте изучению роли информатизации общества посвятили свои публикации такие авторы, как Е.М. Бабосов, Т.П. Воронин и другие. Проблемы правового регулирования информационной безопасности и защиты информации исследовались В.Ю. Арчаковым, Г.А. Василевичем, Г.М. Евелькиным, Э.Л. Кочкиной, А.Н. Лепёхиным, О.С. Макаровым, О.В. Савицкой и прочими. Правовые аспекты электронных доказательств активно исследовали Н.И. Алехно, Д.А. Белошекин, М.А. Дубко, С.А. Зикрацкий, Д.В. Жилевский и др.

По словам судьи Верховного суда Республики Беларусь Д. Улоги, глобальная сеть Интернет даёт определённые возможности для совершения клеветы. Поэтому некоторые думают, что, используя различные программные средства, смогут безнаказанно совершать правонарушения, в том числе клеветать, оскорблять людей, подделывать электронные доказательства. Однако, как показывает судебная практика, такие случаи не остаются без внимания правоохранительной системы и общественности [3]. По сути представление скриншотов или других электронных доказательств в искажённой форме может квалифицироваться тоже как клевета либо представление ложного доказательства, если несёт в себе умысел исказить картину произошедшего или опорочить имя участника процесса. Судебная практика Республики Беларусь демонстрирует осторожный, но последовательный подход к оценке электронных доказательств, включая скриншоты, переписку, цифровые документы и аудиовизуальные файлы. Наиболее активно такие доказательства используются в экономических судах, где информатизация процессов достигла наибольшего уровня. В статье судей Верховного Суда Республики Беларусь А.В. Плотникова и К.Н. Харитонюка отмечается, что электронные доказательства могут быть признаны письменными при соблюдении требований относимости, допустимости, достоверности и достаточности. Особое внимание уделяется нотариальному протоколу осмотра интернет-страницы, который рассматривается как предпочтительная форма представления скриншота в суде. Суды отказываются принимать скриншоты, если они: 1) не содержат даты, URL-адреса, подписи исполнителя; 2) не заверены нотариусом; 3) не подтверждаются другими доказательствами; 3) представлены в виде изображения без контекста [4]. При этом в хозяйственном процессе эта практика является более наработанной, чем в уголовном или гражданском (как минимум в открытых источниках отсутствует достаточно данных для её анализа, что подтверждается в том числе и письменными ответами Верховного суда и Генеральной прокуратуры Республики Беларусь) [5], [6].

Согласно п. 1 ст. 111 Закона о нотариате и нотариальной деятельности так называемые скриншоты как письменное доказательство до возбуждения дела в суде Республики Беларусь могут быть обеспечены нотариусом, если у лица, обратившегося за совершением нотариального действия, имеются причины полагать, что представление этих доказательств станет впоследствии затруднительным или невозможным. По сравнению с обычно распечатанным листом бумаги обеспечение нотариусом скриншотов как письменного доказательства имеет большую доказательственную силу для суда, однако, не отменяет обязанности суда оценивать его по критериям относимости и допустимости. Такое правило существует так как с процессуальной точки зрения электронные файлы не являются идеальным письменным доказательством. Это связано с тем, что они обеспечивают фиксацию информации (изображения) только на конкретный момент времени и вырваны из контекста, то есть не позволяют

увидеть диалог полностью [7]. Например, когда необходимо доказать, что извещение на сайте хозяйственного общества о проведении общего собрания участников находилось в течение определенного промежутка времени, то доказать это с помощью скриншотов не получится, так как они не фиксируют информацию (изображение) в течение промежутка времени. Кроме этого, с такими доказательствами может возникнуть проблема, в случае если стороны будут отрицать принадлежность им электронных адресов либо данной переписки [2]. Цифровизация, интернет и искусственный интеллект сделали мир удобнее, но стоит учитывать цифровую природу этих явлений. Для защиты своих прав рекомендуется в случае потенциальных споров или обращений в правоохранительные органы заверять электронные доказательства у нотариуса. Согласно статистике, ежегодно по информации Белорусской нотариальной палаты, нотариусами нашей страны совершается около 350 действий по обеспечению электронных доказательств. Часто такие действия связаны с защитой прав на интеллектуальную собственность [8]. К данному нотариальному действию нередко обращаются и в случае нарушения прав потребителя, а также для защиты чести, достоинства и деловой репутации. Обеспечить только письменные доказательства, к которым, согласно сложившейся практике, относятся документы, общедоступная информация в сети Интернет и переписка. Аудио и видеосъёмка на телефон, видеозаписи с регистраторов в автомобилях к этой группе доказательств относить не принято, и обычно их фиксируют как вещественные доказательства [2].

При осмотре информации в Интернете нотариусы используют свои компьютеры с описанием его модели, модели принтера, типа браузера, провайдера, указывается и лицензия программного обеспечения компьютера. Путь доступа к информации также должен быть зафиксирован. Вход в социальные сети выполняется через поисковую систему. Если таким образом страница открывается, то информацию фиксировать можно. Но если аккаунт не будет найден либо доступ к нему будет ограничен, то у нотариуса нет права запечатлеть данные. Если говорить о переписке в мессенджерах, то, заверяя факты, нотариус использует устройство заявителя, которое должен принести именно тот человек, который вёл эту самую переписку. После описания устройства выполняются так называемые скриншоты экрана. Не может служить доказательством в суде переписка, если сообщения удалены. Если информация находится в мессенджере, то сомнений в её достоверности нет. На сегодняшний момент изображение скриншота не относится ни к одной из групп письменных доказательств. Изменить что-либо на фотографии сейчас может даже не самый продвинутый пользователь компьютером с помощью различных программ искусственного интеллекта, поэтому изображение не может являться достоверной информацией [7], [8].

В настоящее время в рамках проведения судебных компьютерно-технических экспертиз, а также экспертиз радиоэлектронных устройств и электробытовой техники исследование скриншотов, полученных посредством мессенджера Telegram или иного программного обеспечения, с целью подтверждения их подлинности и установления факта неизменности исходных данных не проводится. Вместе с тем, в рамках проведения компьютерно-технических экспертиз возможно проведение исследования по установлению идентичности (различия) содержимого двух или более файлов. В свою очередь, в рамках проведения фототехнических экспертиз возможно определение наличия изменения изображений (скриншотов), т. е. решение вопроса, получены ли они с использованием монтажа [9].

Вместе с подделкой электронных доказательств в нашу жизнь вошло и понятие так называемых «фейков», под которыми собственно и понимают подделку новостей, переписок и некоторых электронных доказательств. Каждый человек должен соблюдать правила общения не только в очном разговоре, но и в сети Интернет. Никогда не следует забывать о культуре разговорной и письменной речи даже при использовании своей виртуальной идентичности.

Таким образом, электронные доказательства должны оцениваться не только с позиции относимости и допустимости, но и иметь необходимое техническое заверение, а сведения, изложенные в них, не должны опровергаться обеими сторонами, либо прямо подтверждаться иными средствами доказывания. В противном случае электронные доказательства не могут быть положены в основу решения по делу. Вместе с этим порядок использования таких доказательств видится целесообразным для урегулирования с помощью норм процессуального права в силу их возрастающей степени использования при судебных тяжбах и внесудебных правовых разбирательствах. Хорошая попытка урегулировать проблему использования электронных доказательств в гражданском и хозяйственном процессе предпринята в Кодексе гражданского судопроизводства, который вступит в силу с начала 2026 г. [1]. Вместе с этим многие термины остаются не определены, а для уголовного процесса данная проблема пока вовсе остаётся неразрешённой. В силу чего при рассмотрении дел о преступлениях такие до-

казательства недопустимо приобщать к материалам дела. Вместе с тем они могут использоваться в оперативно-розыскной деятельности для выстраивания оперативно-следственных версий, так как, с одной стороны, они дают понимание картины произошедшего, с другой – таким способом у лиц, принимающих решения по делу, можно формировать неверное представление путём представления фейков. Несмотря на интенсивную информатизацию и автоматизацию оценка доказательств по так называемому «внутреннему убеждению» суда, следователя и так далее остаются ключевым фактором в разрешении сложных споров.

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

1. Электронные доказательства (скриншоты, электронные файлы) всё чаще используются в судебной практике, однако их правовой статус в национальном законодательстве остаётся неопределённым.

2. Судебная практика подтверждает возможность применения электронных доказательств, но требует их надлежащего процессуального оформления: нотариального заверения, фиксации метаданных, указания источника и времени получения. Требуется совершенствование методов экспертизы таких доказательств.

3. В гражданском и хозяйственном процессе предприняты шаги по нормативному урегулированию (новый Кодекс гражданского судопроизводства), однако в уголовном процессе сохраняется пробел, что снижает эффективность процесса.

4. Основные риски связаны с возможностью модификации электронных файлов и распространением «фейков», что требует внедрения технических гарантий достоверности (хэш-контроль, протоколы осмотра, экспертная верификация).

5. Для устранения неопределённости предлагается нормативно закрепить дефиниции «электронный файл» и «электронное доказательство», а также разработать единые стандарты их получения, хранения и представления в суде, конкретизировать процедуру их получения в процессуальном законодательстве.

Представляется целесообразным закрепить в процессуальном законодательстве предложенное автором определение электронных доказательств, прописать перечень технических условий их допустимости, установить порядок представления в суд (бумажная распечатка + электронный носитель). Реализация данных положений позволит исключить неопределённость правового статуса электронных доказательств и обеспечить их достоверность и допустимость в судебной практике. Критерии относимости и допустимости должны применяться к цифровым файлам в полном объёме, с учётом их технической природы.

Литература

1. Кодекс гражданского судопроизводства Республики Беларусь : 11.03.2024 г., № 359-З : принят Палатой представителей 31 янв. 2024 г. : одобр. Советом Респ. 19 февр. 2024 г. // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения : 17.02.2025).

2. Жилевский, Д. В. Screenshot как доказательство в деле / Д. В. Жилевский. – URL : https://ilex.by/news/screenshot-kak-dokazatelstvo-v-dele/ (дата обращения : 29.01.2025).

3. Судья Верховного Суда об ответственности за оскорбления и клевету в Интернете // БелТА. – URL : https://pravo.by/novosti/obshchestvenno-politicheskie-i-v-oblasti-prava/2020/july/52965/. – (дата обращения : 20.08.2023).

4. Плотников, А. В. Электронное судопроизводство и использование электронных доказательств при рассмотрении дел экономическими судами / А. В. Плотников, К. Н. Харитонюк // Судебный вестник Плюс. – 2019. – № 5. – С. 4–12.

5. Верховный Суд Республики Беларусь. Ответ на обращение № 1-12/456 от 15.03.2025 г. по вопросу допустимости скриншотов как доказательств в гражданском процессе. – Минск, 2025. – 2 с.

6. Генеральная прокуратура Республики Беларусь. Разъяснение № № 1-1-16/359-Кл(1)-180 от 25.11.2024 г. по вопросу использования электронных доказательств. – Минск, 2024. – 1 с.

7. О нотариате и нотариальной деятельности : Закон Респ. Беларусь от 18 июля 2004 г. № 305-З // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения : 11.07.2024).

8. Войтешонок, В. Когда переписка в соцсетях и мессенджерах может служить доказательством в суде / В. Войтешонок // Белорусские новости. – URL : https://www.belnovosti.by/obshchestvo/kogda-perepiska-v-socsetyah-i-messendzherah-mozhet-sluzhit-dokazatelstvom-v-sude (дата обращения : 29.01.2025).

9. Государственный комитет судебных экспертиз Республики Беларусь. Письмо № 4.2/200-К от 12.06.2025 г. О технической возможности установления подлинности скриншотов. – Минск, 2025. – 2 с.

ООО «Правовые решения» Поступила в редакцию 26.05.2025

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 2 (155), 2026

УДК 343.9 EDN: PEAXSQ

Концептуализация понятия и видов незаконной миграции

К.Ю. Ковальчук

Статья анализирует ключевые законодательные и доктринальные концепции незаконной миграции в Республике Беларусь, Российской Федерации. На основе классификации типов миграции населения автор выделяет признаки незаконной миграции, обосновывает потребность в ее четком нормативном определении и предлагает собственную формулировку.
Ключевые слова: виды незаконной миграции, криминальная миграция, миграция, миграция населения, незаконная миграция, незаконное пребывание, незаконный выезд, незаконный въезд, незаконный транзитный проезд.

This article examines the main legislative and doctrinal approaches to defining illegal migration in the Republic of Belarus and the Russian Federation, as well as in international law. Based on an analysis of classification approaches to types of population migration, the article identifies and characterizes types of illegal migration. It substantiates the need for a legislatively defined definition of illegal migration, and proposes its own version of this definition.
Keywords: types of illegal migration, criminal migration, migration, population migration, illegal migration, illegal stay, illegal exit, illegal entry, illegal transit.

На протяжении многих веков миграция являлась неотъемлемой частью жизни людей. Человечество с момента своего появления находится в постоянном движении, что, несомненно, сказывается на расселении людей на земле. Современный мир отражает динамику миграционных процессов, которые существенно влияют на этнический состав обществ и судьбы государств. Однако интенсивность, формы, направления и причины миграции эволюционируют вместе с обществом – от вынужденных перемещений до трудовой и образовательной миграции.

Е.Г. Равенштейн одним из первых провел фундаментальное теоретическое изучение миграционных процессов Великобритании и Северной Америки. В своем определении, предложенном еще в 1885 г., он сформулировал ключевую суть миграции – «постоянное или временное изменение места жительства индивида». Сформулированные им одиннадцать «Законов миграции», отражающие основные идеи проведенного исследования, актуальны и в настоящее время: миграционные перемещения преимущественно осуществляются на небольшие дистанции; процесс миграции носит поэтапный характер; дальние миграционные потоки преимущественно ориентированы на крупные торговые и промышленные центры; миграционный поток имеет тенденцию к формированию обратного, встречного потока; мобильность населения в сельской местности выше, чем в городах; относительно гендерного различия в миграции: женщины активнее проявляются внутри страны, мужчины – за ее пределами; индивидуальная миграция взрослых преобладает, в то время как международные переезды семей встречаются реже; увеличение численности населения в больших городах в основном происходит за счет притока мигрантов, а не рождаемости; развитие экономики и транспортной инфраструктуры стимулируют рост миграционной активности; мигранты из сельской местности ищут возможности в больших городах с развитой промышленностью и торговлей; экономические факторы играют первостепенную роль в формировании миграционных процессов.

Большая советская энциклопедия определяет миграцию следующим образом: «от латинского слова “migration” (“перехожу”, “переселяюсь”), – перемещение людей через административно-территориальные границы, связанное с их переселением из одного места в другое, часто с переменой места жительства на длительное время или навсегда» [1].

Традиционно любое понятие принято рассматривать в широком и узком смысле. Так, Л.Л. Рыбаковский, рассматривая миграцию в широком смысле, предлагает следующее определение: «территориальные перемещения, совершающиеся между разными населенными пунктами одной или нескольких административно-территориальных единиц, независимо от

продолжительности, регулярности и целевой направленности» [2, с. 179]. Однако, на наш взгляд, наиболее полно миграцию в широком смысле раскрывает О.Д. Воробьева, которая призывает рассматривать миграцию как «любое территориальное перемещение населения, которое связано с пересечением как внутренних, так и внешних границ административно-территориальных образований с целью изменения постоянного места жительства, временного пребывания на территории для осуществления трудовой, учебной, иной деятельности или отдыха вне зависимости от факторов, которые этому способствовали» [3].

Термин миграция исследуются разными отраслями науки (социологическими, политическими, юридическими, психологическими и др.). Например, в социологическом аспекте под миграцией чаще всего понимают перемещения людей внутри государства или за его пределы с целью поиска лучших условий жизни, в юридическом – совокупность правоотношений, возникающих по поводу такого перемещения и, как правило, получения нового правового статуса.

Дальнейшее исследование вопросов незаконной миграции будет нами осуществляться исходя из определения миграции в узком смысле – как изменение места постоянного или временного проживания как внутри государства, так и при пересечении национальных границ (международная миграция).

Несомненно, комплексное и объективное восприятие миграции невозможно без анализа ее видов, поскольку разные классификационные критерии акцентируют внимание на различных аспектах миграции и позволяют учитывать многогранность этого процесса.

Первый классификационный критерий миграционных процессов – географический, по которому можно различать внешнюю, внутреннюю и транзитную миграцию. При этом международная миграция включает в себя внешнюю и транзитную, поскольку связана с пересечением государственной границы любой страны. В праве в качестве видов международной миграции принято выделять эмиграцию, иммиграцию и реэмиграцию, подходы к определению которых унифицированы и не нуждаются в корректировке. Так, под эмиграцией понимается выезд гражданина за пределы страны своего гражданства для постоянного или временного проживания; иммиграция – въезд иностранца в страну для жизни там и получения гражданства; реэмиграция – возвращение на родину из эмиграции. Что же касается внутренней миграции, то она, несомненно, происходит внутри одной страны, внутрирегиональной (в одном регионе) и межрегиональной (между регионами). Под транзитной миграцией понимается временное нахождение на территории страны по пути в другую.

В контексте временной протяженности миграцию подразделяют на постоянную (безвозвратную) и временную – сезонную, маятниковую и эпизодическую. Необходимо отметить, что применительно и к данным видам миграции среди ученых также нет существенных противоречий. Постоянная миграция – это переезд на новое место жительства навсегда. По видам временной миграции: сезонная – временные перемещения на работу, учебу или отдых в определенное время года; маятниковая миграция – регулярные поездки (ежедневные или еженедельные) из дома на работу или обратно, без смены места жительства; эпизодическая – разовые деловые или туристические поездки без фиксированного графика и маршрутов.

В качестве следующего классификационного критерия миграционных процессов целесообразно рассмотреть их мотивационную основу, согласно которой миграция подразделяется на трудовую, образовательную и рекреационную. Трудовую миграцию можно рассматривать как форму территориальной мобильности экономически активного, трудоспособного населения, которая может быть обусловлена желанием к улучшению условий труда или условий местожительства. Целью образовательной миграции является получение образования, повышение квалификации, прохождение стажировок, курсов или трудоустройство в научной, образовательной сфере. Миграция населения с рекреационными (туристическими) целями есть не что иное, как выражение общественно необходимой потребности людей (социальных, культурных, психологических) посредством путешествий и отдыха. Несомненно, обозначенный перечень не является исчерпывающим, поскольку мотивационная основа миграции очень разнообразна.

Еще одним критерием классификации миграции служит уровень ее организации: организованная и самостоятельная миграция. Как правило, организованная миграция осуществ-

ляется по инициативе государства при наличии объективных причин (например, переселение людей из зон радиационного загрязнения, мест стихийных бедствий и др.). Самостоятельная же миграция происходит по собственной инициативе и силами самих мигрантов.

Разделять миграционные процессы стоит так же по критерию воволеченности, выделяя при этом принудительную и добровольную форму. Принудительная является результатом воздействия объективных факторов (военные конфликты, дефицит продовольствия, политические и религиозные гонения, депортация и эвакуация), а добровольная, напротив, представляет собой результат осознанного решения и личной инициативы индивида.

Указанные виды миграции, исходя из различных критериев ее классификации, не являются предметом исследования в криминологии и рассматриваются нами в качестве отправной точки для определения незаконной миграции.

Несомненно, одним из критериев классификации миграции является способ ее осуществления, когда выделяют миграцию, соответствующую установленным правовым нормам – законную, и ту, которая осуществляется с нарушением законодательства – незаконную миграцию.

Несмотря на активное использование термина «незаконная миграция» как в законодательстве Российской Федерации, так и в Республики Беларусь, так и в доктринальных научных исследованиях в области юриспруденции унифицированная и единая точка зрения на данный счет отсутствует. Так, при широком использовании термина «незаконная миграции» на уровне законов и подзаконных актов (более 20 законов и 70 подзаконных нормативных правовых актов Российской Федерации и Республики Беларусь используют его в своих нормах) законодательное определение незаконной миграции не выработано. Отсутствует оно и в основных международных актах, посвященных миграции.

Однако необходимо отметить имеющиеся попытки дать законодательное определение миграции на уровне нормативных документов Содружества Независимых Государств (далее – СНГ). Так, Концепция сотрудничества СНГ в противодействии незаконной миграции под незаконной миграцией понимает «перемещение на территорию государства-участника СНГ, пребывание, перемещение с его территории граждан государств-участников СНГ, третьих государств и лиц без гражданства с нарушением законодательства данного государства» [4].

Постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ от 2007 г. дается более узкая дефиниция незаконной миграции – «въезд на территорию государства, пребывание на его территории и выезд за пределы его территории с нарушением действующего законодательства государства» [5].

Таким образом, законодатель на уровне СНГ определяет незаконную миграцию как нарушение миграционного законодательства, выражающееся в несоблюдении правил въезда, пребывания и выезда.

Обозначенная нами выше многоаспектность миграционных явлений обуславливает и разнообразие доктринальных позиций на незаконную миграцию, препятствуя формированию унифицированного понимания.

Так, одна группа исследователей связывает незаконную миграцию преимущественно с осуществлением трудовой деятельности. Так, по мнению А.М. Исхакова, незаконная миграция – это «пространственные перемещения физического лица внутри государства, а также через государственную границу, нарушающие порядок въезда, выезда и/или пребывания, и/или осуществления трудовой деятельности вне зависимости от целей, срока, а также транзитного проезда, установленного законодательством государства, перемещение границ которого затронуто, или соответствующими нормами международного права» [6, с. 82]. Аналогичной точки зрения придерживается И.А. Алешковский, уточняя отдельные аспекты понятия [7, с. 132].

Вторая группа исследователей особенности незаконной миграции связывают с ее причинами – различными политическими, социально-экономическими, культурными факторами. Так, А.Н. Шкилев дает следующее определение: «незаконная миграция – это территориальное перемещение населения в физическом пространстве, вызванное социально-экономическими, политико-правовыми и национально-демографическими факторами в нарушение действующих норм международного права и национального законодательства». Мы полагаем, что автор рассматривает незаконную миграцию как демографический процесс в

криминологическом контексте, что, в свою очередь, ограничивает глубину понимания проблемы. В этой связи данный подход не совсем корректен, поскольку начальные этапы миграционного процесса могут быть вполне легальными, например, въезд по действующей визе, которая впоследствии истекает.

В определении незаконной миграции, предлагаемой следующей группой ученых, основополагающим выступает способ нарушения миграционного законодательства. По мнению А.Е. Садовской, незаконная миграция имеет место при «пересечение границы вне контрольно-пропускных пунктов, через контрольно-пропускные пункты, но с использованием поддельных миграционных документов, получение миграционных документов с предоставлением недостоверных сведений, прибытие на территорию другого государства без надлежаще оформленных миграционных документов, осуществление на территории государства незаконной трудовой деятельности» [8, с. 38–43].

Заслуживает внимание четвертый подход к определению незаконной миграции – в узком ее понимании. А.И. Федорако определяет незаконную миграцию как «въезд иностранцев в Республику Беларусь, пребывание (проживание) иностранцев в Республике Беларусь, транзитный проезд иностранцев через территорию Республики Беларусь, а также выезд иностранцев из Республики Беларусь в другие государства в нарушение действующего законодательства» [9, с. 9]. По мнению Н.И. Орешиной, «незаконная миграция есть пересечение мигрантами государственных границ независимо от целей и сроков пребывания с нарушением миграционного законодательства» [10, с. 43–46].

Рассматривая исключительно подходы ученых в области юриспруденции, необходимо отметить, что ключевыми элементами незаконной миграции, выделяемыми практически всеми исследователями, является перемещение лица в нарушение законодательства страны нахождения. То есть использование лицом естественного права человека на свободу передвижения в нарушение законодательства страны, где он находится и (или) страны, куда он перемещается. При этом такое перемещение включает в себя четыре основных элемента, составляющих сущность незаконной миграции: незаконный въезд, незаконное пребывание (проживание), незаконный транзитный проезд и незаконный выезд.

Необходимо также отметить, что в отдельных правовых актах, а также публикациях ученых-правоведов используется понятие «нелегальная миграция», которое, на наш взгляд, следует рассматривать в качестве синонима понятия «незаконная миграция», подразумевая при этом одно и то же правовое явление.

Вместе с тем вызывает сомнение использование отдельными учеными понятия «криминальная миграция». Так, по мнению Ю.М. Антоняна и М.М. Бабаева, криминальная миграция проявляется «в территориальном перемещении лиц в целях совершения преступлений, а также перемещении криминальных технологий» [11, с. 3–19], что, на наш взгляд, является неверным. Любое нарушение законодательства при осуществлении миграции переводит ее в разряд незаконных, а, значит, преступных. Например, Уголовный кодекс Республики Беларусь устанавливает уголовную ответственность за умышленное незаконное пересечение Государственной границы Республики Беларусь с использованием механического транспортного средства (ч. 1.ст. 371), пребывание в Республике Беларусь иностранного гражданина или лица без гражданства, депортированных или высланных из Республики Беларусь, до окончания срока запрета въезда в Республику Беларусь (ст. 371-2) и др.

Для точного понимания и идентификации незаконной миграции, разграничения от иных правовых явлений, а также эффективного применения в правоприменительной практике необходимо выделить признаки незаконной миграции. На наш взгляд, признаками незаконной миграции как общественно опасного деяния являются следующие:

1) территориальное перемещение как внутри государства (страны пребывания, нахождения), так и выезд за его пределы. При этом такое перемещение включает в себя как въезд в страну пребывания, нахождение на территории страны, транзитный проезд (транзит) через территорию страны или выезд из страны нахождения;

2) противоправность, под которой необходимо понимать нарушение законодательства при любом из указанных выше видов территориального перемещения;

3) наличие установленного государством ограничения свободы передвижения;

4) четко регламентированная общественная опасность данного преступления через установление конституционных оснований ограничения свободы передвижения. Право Российской Федерации и Республики Беларусь в ограничении данного права предусматриваются конституциями обоих государств, однако подходы отличаются. В Беларуси эти основания четко определены и детализированы: защита национальной безопасности, общественного порядка, здоровья граждан или прав и свобод других лиц. В Российской Федерации же ограничения, устанавливаемые федеральным законом, охватывают более широкий спектр целей, включая защиту основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других, а также обеспечение обороны страны и безопасности государства.

Как нами установлено, несмотря на широкое использование в законодательстве Республики Беларусь и Российской Федерации термина «незаконная миграция», его законодательное определение отсутствует, что влечет разночтение в трактовке одного и того же правового явления. В целях единообразного использования этого термина на законодательном, доктринальном уровнях, а также непосредственными практикоприменителями, исключения ошибок и неточностей, связанных с толкованием нормативных правовых актов, использующих незаконную миграцию в своих нормах, на наш взгляд, назрела необходимость законодательного закрепления понятия «незаконная миграция».

Учитывая изложенное, проведенный анализ миграции и ее видов, выделенные нами признаки незаконной миграции позволяют предложить следующее определение незаконной миграции – противоправное территориальное перемещение физического лица, нарушающее национальную безопасность государства, права и законные интересы других лиц.

Предложенное определение незаконной миграции задаёт рамки для понимания её сущности как перемещение людей с нарушением законодательства и позволяет выделить критерии, по которым она может быть систематизирована. При этом следует отметить отсутствие в вопросе классификации видов незаконной миграции единства мнений исследователей.

Чаще всего незаконную миграцию классифицируют по видам конкретных форм нарушений, называя их отдельными видами. Например, нарушение правил въезда может проявляться в незаконном пересечении границы (без документов, через незакреплённые пункты), нарушении правил пребывания – в просрочке визы, отсутствии регистрации или работе без разрешения, использовании страны как транзита с нарушением правил.

Другие ученые, выделяя виды незаконной миграции, учитывают дополнительные факторы: субъектный состав (индивидуальная или групповая миграция), цели (трудовая деятельность, уклонение от преследования, преступные намерения), способы организации (организованная (с участием посредников, преступных групп), стихийная), степень общественной опасности и т. д.

На наш взгляд, говоря о видах незаконной миграции, целесообразно использовать законодательные подходы. Так, анализ статьи 371-1 Уголовного кодекса Республики Беларусь позволяет выделить четыре вида незаконной миграции, выделяемых на законодательном уровне: незаконный въезд в Республику Беларусь, незаконное пребывание на территории Республики Беларусь, незаконный транзитный проезд (транзит) через территорию Республики Беларусь или незаконный выезд из Республики Беларусь иностранных граждан или лиц без гражданства. В то же время, в Российской Федерации на законодательном уровне различают три вида незаконной миграции: незаконный въезд в Российскую Федерацию, незаконное пребывание в Российской Федерации или незаконный транзитный проезд через территорию Российской Федерации (ст. 322.1 Уголовного кодекса Российской Федерации).

Выделяемые многими учеными иные виды незаконной миграции (например, незаконное пересечение границы, фиктивный брак и т. п.) являются способами совершения незаконной миграции, а не ее видами. Выделение в качестве видов организованной и неорганизованной незаконной миграции также вряд ли можно признать обоснованным, так как это форма организации незаконной миграции, а не ее виды.

Таким образом, подводя итог проведенному исследованию необходимо сделать следующие выводы:

– наличие термина «незаконная миграция» в законе устранит двусмысленность, сделает его понимание единым в теории и практике, предотвратит ошибки в толковании норм и поможет разрабатывать эффективные меры против нарушений миграционного законодательства;

– незаконная миграция – противоправное территориальное перемещение физического лица, нарушающее национальную безопасность государства, права и законные интересы других лиц;

– видами незаконной миграции с криминологической точки зрения являются незаконный въезд в страну пребывания, незаконное пребывание на территории страны нахождения, незаконный транзитный проезд (транзит) через территорию страны или незаконный выезд из страны нахождения.

Литература

1. Большая советская энциклопедия. – URL : https://slovar.cc/enc/bse/2017803.html (дата обращения : 14.12.2025).

2. Рыбаковский, Л. Л. Демографический понятийный словарь / Л. Л. Рыбаковский. – М. : Центр социального прогнозирования, 2003. – 352 с.

3. Воробьева, О. Д. Миграционная политика России : учеб. пособ. для вузов / О. Д. Воробьева, Л. Л. Рыбаковский, О. Л. Рыбаковский. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Изд-во Юрайт, 2023. – 182 с.

4. Концепция сотрудничества государств-участников Содружества Независимых Государств в противодействии незаконной миграции от 16.09.2004 г. // Официальный сайт Исполнительного Комитета СНГ. – URL : https://eccis.org/page/428 (дата обращения : 14.12.2025).

5. Постановление Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ от 31.10.2007 г., № 29-5 «О правовом обеспечении согласованной миграционной политики государств-участников СНГ» // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. – URL : https://docs.cntd.ru/document/902092586 (дата обращения : 14.12.2025).

6. Исхаков, А. М. К вопросу о необходимости нормативно-правового закрепления понятия «незаконная миграция» / А. М. Исхаков // Вестник Казанского юрид. инст. МВД России. – 2017. – № 2 (28). – С. 79–82.

7. Алешковский, И. А. Нелегальная миграция как феномен глобального мира / И. А. Алешковский // Век глобализации. – 2014. – № 2 (14). – С. 129–136.

8. Садовская, А. Е. Незаконная миграция и проблемы ее предупреждения / А. Е. Садовская // Мысль. – 2002. – № 2. – С. 38–43.

9. Федорако, А. И. Деятельность органов внутренних дел Республики Беларусь в сфере обеспечения административно-правового режима миграции иностранных граждан и лиц без гражданства : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.14 / Федорако Александр Иванович. – Минск, 2018. – 299 л.

10. Орешина, Н. И. К вопросу об определении понятия миграция / Н. И. Орешина // Юридический мир. – 2010. – № 3. – С. 43–46.

11. Антонян, Ю. М. Социальная среда и личность преступников-мигрантов и постоянных жителей / Ю. М. Антонян, М. М. Бабаев // Вопросы борьбы с преступностью. – М. : Юрид. лит., 1975. – Вып. 22. – С. 3–19.

Московский Ордена почета университет
МВД России имени В.Я. Кикотя

Поступила в редакцию 15.01.2026

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 2 (155), 2026

УДК 342.7 EDN: QEFPGU

Информационная безопасность личности в системе национальной безопасности государства: теоретико-правовой аспект

Т.Н. Кузьменкова

Статья посвящена исследованию взаимосвязи национальной безопасности государства и информационной безопасности личности, а также определению специфики правового сопровождения последней в заданном контексте. На основе анализа категории национальной безопасности сделан вывод, что она есть отражение баланса интересов личности, общества и государства по всем ключевым направлениям жизнедеятельности. Информационная безопасность личности является составляющим элементом информационной безопасности в целом как компонента национальной безопасности, но вместе и самостоятельной категорией с точки зрения ее правового сопровождения.
Ключевые слова: информационная безопасность личности, национальная безопасность, национальные интересы, правовой статус личности, правовое регулирование.

The article is devoted to the study of the relationship between the national security of the state and the information security of the individual, as well as to the determination of the specifics of the legal support of the latter in the given context. Based on the analysis of the category of national security, it is concluded that it is a reflection of the balance of interests of the individual, society, and the state in all key areas of life. The information security of the individual is an integral part of information security as a whole as a component of national security, but it is also an independent category in terms of its legal support.
Keywords: personal information security, national security, national interests, legal status of an individual, legal regulation.

Введение. Различные вариации соприкосновения людей с информацией в рамках развития современного информационного общества сопряжены с различного рода информационным воздействием. Информационное воздействие может быть как явным, так и скрытым и отражаться как на отдельной личности, так и на всем обществе, а равно государстве, в ряде ситуаций не соответствуя национальным интересам и посягая на национальную безопасность. Однако при любом виде информационного воздействия первичным источником потребления информации выступает отдельная личность. В этой связи важно определить место информационной безопасности, именно в аспекте интересов личности в общей системе национальной безопасности страны.

Цель исследования – раскрыть значение и определить место состояния защищенности личности от угроз и вызовов в информационной среде в общей системе обеспечения национальной безопасности государства, обосновать необходимость выделения сферы информационной безопасности личности в качестве самостоятельной для правового сопровождения, определить направления развития законодательства в заданном контексте.

Основная часть. Изучение взаимосвязи личности, общества и государства с точки зрения соотношения их интересов, построение на основе подобных исследований моделей правового регулирования общественных отношений в современных реалиях является актуальным направлением ввиду существования различных точек зрения, концепций и идеологий, касающихся данного вопроса, «поляризации международной геополитической ситуации, неспособности существующих международных механизмов реагировать на новые вызовы и угрозы» [1].

Исторически изменяемые представления о государстве и праве в большинстве своем опираются на некое «общее благо», которому государство призвано служить, в том числе при помощи своего основного инструмента – права. В.С. Нерсесянц определяет государство как институт, необходимый для возведения общезначимого права в общеобязательный закон. Развивая либертарно-юридическую теорию права, автор полагает, что «Общее благо…это не отрицание различий интересов, притязаний, воль, целей и т. д. отдельных субъектов, а общее условие их возможности… Правовой компромисс достигается…не путем подчинения одних частных инте-

ресов другим частным интересам или всех частных интересов и воль какому-то особому интересу или особой воле общества и государства, а посредством соучастия всех этих частных интересов и воль в формировании той общей правовой нормы…, которая своими дозволениями и запретами выражает равную для всех меру свободы и справедливости» [2, с. 98–99].

Соглашаясь с автором, полагаем, что право можно выразить сквозь призму компромисса и согласования интересов различных социальных групп, а также согласования интересов отдельной личности, общества, к которому эта личность относится, и государства, в широком и узком его понимании.

С учетом социальной сущности человека, его неразрывной связи с другими людьми и ее отражения в системе общественных отношений очевидно, что отдельная личность может в полной мере реализовать свои интересы и удовлетворить потребности, обеспечить безопасность только в социуме. Поскольку общество не стоит на месте, а постоянно развивается, изменяются условия его существования, соответственно, меняются и усложняются общественные отношения, необходимо заранее в определенных правовых рамках определять вектор этого развития с учетом существующих рисков и угроз для самого государства, общества, а также личности в этом государстве. В современных странах в этих целях идет принятие стратегических документов, «отражающих совокупность официальных взглядов на обеспечение безопасности личности, общества и государства от внешних и внутренних угроз во всех сферах жизнедеятельности» [1].

Например, в Российской Федерации Указом Президента от 2 июля 2021 г. № 400 была утверждена «Стратегия национальной безопасности Российской Федерации» [3]. В Китайской Народной Республике в мае 2025 г. была утверждена новая «Белая книга» под названием «Национальная безопасность в новую эпоху» [4].

В Республике Беларусь подобным документом выступает Концепция национальной безопасности Республики Беларусь. Документ является легальным выражением интересов всего общества и задает вектор их отражения в законодательстве. Символично в этом смысле его принятие 25 апреля 2024 г. именно Всебелорусским народным собранием – высшим представительным органом народовластия.

Национальная безопасность определена как «состояние защищенности национальных интересов Республики Беларусь от внутренних и внешних угроз, обеспечивающее ее устойчивое развитие» [1], национальные интересы – как «совокупность сбалансированных интересов личности, общества и государства, позволяющих обеспечивать конституционные права и свободы, высокое качество жизни граждан, согласие в обществе, незыблемые устои народовластия и правового государства, его независимость, территориальную целостность и суверенитет» [1], что подтверждает развиваемые в статье идеи о взаимосвязи личности, общества и государства в аспекте соотношения их интересов.

Национальная безопасность сформулирована не как абстрактная, а вполне конкретная категория, разделенная на ряд взаимосвязанных составляющих: политическая безопасность, экономическая безопасность, научно-технологическая безопасность, социальная безопасность, демографическая безопасность биологическая безопасность, информационная безопасность, военная безопасность, экологическая безопасность [1]. В этом контексте можно говорить именно о системе национальной безопасности как множестве элементов, находящихся в соотношении и образующих определённую целостность, единство. Каждый из элементов обладает отдельной значимостью и спецификой, в определенной степени носит самостоятельный характер, однако его ослабление неминуемо будет воздействовать на все элементы системы.

Одной из составляющих национальной безопасности выступает информационная безопасность – «состояние защищенности информационного пространства, информационной инфраструктуры и информационных ресурсов от внешних и внутренних угроз в информационной сфере» [1]. Отдельным документом – Концепцией информационной безопасности Республики Беларусь, утвержденной Постановлением Совета Безопасности Республики Беларусь 18 марта 2019 г. № 1, информационная безопасность определена как «состояние защищенности сбалансированных интересов личности, общества и государства от внешних и внутренних угроз в информационной сфере» [5].

Вышеприведенные дефиниции сформулированы с учетом выделения особой группы интересов – национальных интересов в информационной сфере (среди которых в том числе: реализация конституционных прав граждан на получение, хранение и распространение полной, достоверной и своевременной информации; защита общества от деструктивного информационного воздействия; эффективное информационное обеспечение и сопровождение государственной политики [5] и направлены на обеспечение баланса интересов личности, общества и государства в заданном контексте.

Заданный баланс интересов личности, общества и государства прослеживается и в целях государственной политики обеспечения информационной безопасности (п. 17 Концепции информационной безопасности): «реализация информационных прав (право граждан свободно искать, получать, передавать, производить, хранить и распространять информацию любым законным способом, право на тайну личной жизни и иную охраняемую законом тайну, защиту персональных данных и авторских прав) должна сочетаться с соблюдением баланса прав с ограничениями, связанными с обеспечением национальной безопасности» [5]. Кроме того, обеспечение информационной безопасности как «система мер правового, организационно-технического и организационно-экономического характера по выявлению угроз информационной безопасности, предотвращению их реализации, пресечению и ликвидации последствий реализации таких угроз» [5] предполагает участие либо воздействие в рамках этой системы как государственного аппарата, так и общества, а равно и отдельной личности.

Определенные аспекты обеспечения информационной безопасности в контексте сбалансированности интересов личности, общества и государства отражены и в иных нормативных правовых актах: Законах Республики Беларусь «Об информации, информатизации и защите информации», «О средствах массовой информации», «О рекламе», Концепции обеспечения суверенитета Республики Беларусь в сфере цифрового развития до 2030 г. и других документах. С учетом угрозы внешней агрессии (информационные войны, борьба идей и смыслов, насаждение чуждой деструктивной идеологии) в Республике Беларусь окончательно оформлена идеология белорусского государства (Основы идеологии белорусского государства, утверждены Директивой Президента Республики Беларусь № 12 от 09.04.2025 г.), направленная на «мобилизацию общества на сохранение народного единства, национальной идентичности, обеспечение единства идей, взглядов и представлений о белорусской модели общественного развития, защиту личности, общества и государства от деструктивной идейной и ценностной экспансии» [6].

С учетом приведенных выше доводов можно сделать вывод, что безопасность личности в информационной сфере неразрывно связана с информационной безопасностью Республики Беларусь и отражается на всей системе национальной безопасности, поскольку степень защищенности личности от внутренних и внешних угроз в информационной сфере напрямую оказывает влияние и на состояние реализации национальных интересов в области производства, накопления, хранения, распространения, предоставления и пользования информацией и тем самым на состояние национальной безопасности в целом.

В этом аспекте согласимся с мнением Т.А. Бражник, что «обеспечение информационной безопасности – сфера, в которой частные и публично-правовые интересы весьма тесно взаимосвязаны… Обеспечение должного уровня информационной безопасности личности является ключевой предпосылкой для развития иных аспектов национальной информационной безопасности в целом» [7, с. 183–184].

Исследуя информационную безопасность личности как обособленную правовую категорию, Е.Е. Никитина отмечает, что «информационная безопасность личности не может быть достигнута самостоятельно, она неразрывно связана с обеспечением всех видов безопасности. Являясь частью информационной безопасности, состояние информационной безопасности личности напрямую зависит от обеспечения информационной безопасности государства и общества Российской Федерации» [8].

Несмотря на столь тесную связь информационной безопасности личности и национальных интересов в большинстве дефиниций информационной безопасности личности, представленных в юридической науке, аспект соотношения интересов личности, общества и государст-

ва опускается, а внимание акцентируется на информационных правах граждан при минимизации риска причинения вреда. Например, Т.Д. Логинова формулирует информационную безопасность личности как «состояние защищенности личности, определяемое ее возможностями по реализации принадлежащих личности прав с использованием информационно-коммуникационных технологий и соблюдением принципов целостности, доступности, сохранности, конфиденциальности информации, а также возможностями по реализации мер защиты от негативных информационных воздействий» [9, с. 38]. «А.С. Жаров определяет информационную безопасность личности как совокупность общественных отношений, складывающихся в процессе защиты ее конституционных прав и свобод от угроз в информационной сфере» [10].

С.В. Баринов полагает, что информационная безопасность личности есть «состояние защищенности, при котором отсутствует риск, связанный с причинением информацией вреда здоровью и (или) физическому, психическому, духовному, нравственному развитию человека» [11, с. 102].

«Ю.И. Богатырева под информационной безопасностью личности понимает состояние и условие жизнедеятельности личности, при которых отсутствует или минимизирована угроза нанесения вреда личному информационному пространству и той информации, которой обладает индивид» [10].

В приведенных определениях нет указания на соотношение информационной безопасности личности и национальной безопасности. Согласимся, что защищенность личности выступает ключевым выражением сущности категории информационной безопасности личности, последняя находит свое отражение в самом центре конституционно-правового статуса личности – системе прав и свобод и выражается в первую очередь через право на безопасность в информационной сфере. Тем не менее с учетом неразрывной связи личности, общества и государства в аспекте соотношения их интересов данное состояние защищенности может быть в полной мере реализовано лишь при условии обеспечения национальной безопасности и ее составляющих.

Без соотнесения с национальными интересами правовое сопровождение информационной безопасности личности может развиваться в произвольном контексте и вне рамок принципа взаимной ответственности государства и личности, что в целом будет противоречить Основному Закону Республики Беларусь и определению информационной безопасности данному в Концепции информационной безопасности Республики Беларусь.

Автором в целях устранения вышеуказанного пробела сформулировано и обосновано в ранее проведенных исследованиях следующее определение информационной безопасности личности: информационная безопасность личности есть состояние защищенности, гарантирующее реализацию ее прав и свобод в связи с поиском, получением, передачей, сбором, обработкой, накоплением, хранением, распространением, предоставлением и пользованием информацией при условии минимизации негативного воздействия внутренних и внешних вызовов и угроз физическому и психическому здоровью, собственности, духовному, социальному и нравственному развитию и поддержанию необходимого баланса интересов личности, общества и государства.

С учетом приведенных аргументов можно сделать вывод, что обеспечение информационной безопасности личности является частью системы обеспечения информационной безопасности в целом и, соответственно, включается в общую систему обеспечения национальной безопасности. В этом плане нельзя не согласиться с В.А. Шаршуном, что «обеспечение информационной безопасности личности становится важной проблемой обеспечения суверенитета и национальной безопасности государства» [10].

Вместе с тем полагаем, что сфера обеспечения безопасности личности в информационном пространстве, несмотря на свою неразрывную связанность со сферой обеспечения информационной безопасности в целом как компонента национальной безопасности, нуждается в самостоятельном правовом сопровождении, что не исключает распространение действия на нее стратегических и иных нормативных правовых актов, регулирующих вопросы информационной безопасности в контексте национальной безопасности. Будет более правильным сказать, что нормативное правовое регулирование сферы обеспечения информационной безопасности личности должно основываться и соответствовать документам более широкого охвата.

На сегодняшний день, несмотря на достаточно объемный массив законодательства, регулирующего сферу защиты личности от угроз и вызовов в информационной среде, отсутствует нормативный правовой акт, который бы комплексно охватывал исследуемую область общественных отношений и составлял основу ее правового регулирования, обеспечивая целостность, системность и непротиворечивость. Полагаем, что с учетом усложнения характера общественных отношений в рамках развития информационного общества назрела необходимость в разработке и принятии Закона Республики Беларусь «Об информационной безопасности личности».

Сфера действия Закона должна охватывать весь комплекс общественных отношений, отражающих взаимодействие личности с информационной средой. Основная цель принятия данного нормативного правового акта нами видится как выделение информационной безопасности личности в качестве самостоятельной категории в действующем механизме правового регулирования при условии обеспечения соответствия ее правового сопровождения Конституции Республики Беларусь и общим стратегическим документам: в том числе в рамках регионального сотрудничества (например, Концепции безопасности Союзного государства, утвержденной Постановлением Высшего Государственного Совета Союзного государства от 6 декабря 2024 г. № 14 [12]).

Структура предлагаемого документа должна соответствовать месту закона как нормативного правового акта в общей системе законодательства, а также комплексному характеру категории информационной безопасности личности. Предлагаем следующую компоновку структурных элементов: сфера действия закона; правовое регулирование отношений в области обеспечения информационной безопасности личности; основные термины и определения; идейно-идеологическая основа обеспечения информационной безопасности личности; место информационной безопасности в системе национальной безопасности Республики Беларусь; интересы граждан в информационной сфере; угрозы безопасности личности в информационном пространстве; проявления информационной безопасности в структуре правового статуса личности, в том числе характеристику информационных прав и непосредственно права на безопасность в информационной сфере; организационно-правовой механизм обеспечения информационной безопасности личности; меры, направленный на обеспечение информационной безопасности личности; субъекты обеспечения информационной безопасности личности (определить орган который будет являться координирующим), их полномочия и компетенция; технико-технологическое сопровождение безопасности личности в информационном пространстве; информационная гигиена личности; ответственность за неисполнение законодательства об обеспечении информационной безопасности личности.

Подобная компоновка структурных элементов закона позволит в наибольшей степени охватить нормами права пробельные с точки зрения правого регулирования общественные отношения, привести их в единую систему и создать основу для последующего правового сопровождение исследуемой сферы и в тоже время отразить ее важность в общей системе обеспечения национальной безопасности. Значение данного документа будет также заключаться в последующем дублировании разработанных в нем понятий и дефиниций в нормативных правовых акта, регулирующих область обращения информации в различных сферах.

Заключение. Концепция национальной безопасности, отражая совокупность официальных взглядов на обеспечение безопасности личности, общества и государства от внешних и внутренних угроз во всех сферах жизнедеятельности, выступает фундаментальным стратегическим документом, выражающим интересы всего общества и задающим вектор их фиксации в законодательстве.

Информационная безопасность личности является составляющим элементом информационной безопасности в целом как компонента национальной безопасности, но вместе и самостоятельной категорией, подлежащей правовому сопровождению.

Основу правового регулирования в этой области должен составлять отдельный нормативный правовой акт – Закон Республики Беларусь «Об информационной безопасности личности», приводящий в единую непротиворечивую систему общественные отношения, связанные с обеспечением безопасности личности при ее взаимодействии с информационным пространством, и создающий основу для последующего правового сопровождение исследуемой сферы в контексте ее значимости в общей системе обеспечения национальной безопасности.

Литература

1. Концепция национальной безопасности Республики Беларусь : утв. реш. Всебелорусского нар. соб. от 25 апр. 2024 г. № 5 // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения : 10.10.2025).

2. Нерсесянц, В. С. Философия права : Учебник для вузов / В. С. Нерсесянц. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Норма, 2006. – 848 с.

3. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : Указ Президента Рос. Фед. от 02 июля 2021 г., № 400 // КонсультантПлюс. Россия : справ. правовая система (дата обращения : 10.10.2025).

4. «Несокрушимая стена» Си Цзиньпина : индийский взгляд на новую доктрину безопасности Китая. Обращения граждан и юридических лиц // Институт мировой военной экономики и стратегии. – URL : https://iwmes.hse.ru/news/1064953623.html (дата обращения : 30.10.2025).

5. Концепция информационной безопасности Республики Беларусь : утв. постановлением Совета Безопасности Респ. Беларусь от 18 марта 2019 г. № 1 // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения : 10.10.2025).

6. О реализации основ идеологии белорусского государства : Директива Президента Респ. Беларусь от 9 апр. 2025 г. № 12 // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения : 10.10.2025).

7. Бражник, Т. А. Отдельные аспекты правового регулирования информационной безопасности личности / Т. А. Бражник // Вестник Воронежского гос. ун-та. – 2019. – № 3. – С. 182–189.

8. Никитина, Е. Е. Информационная безопасность как элемент конституционного статуса личности / Е. Е. Никитина // Юридическая компания ЛЕГАС. – URL : https://iwmes.hse.ru/news/1064953623.html (дата обращения : 30.10.2025).

9. Логинова, Т. Д. Обеспечение права личности на информационную безопасность (теоретико-правовой аспект) : дис. …канд. юрид. наук : 12.00.01 / Логинова Татьяна Дмитриевна. – Барнаул, 2019. – 182 с.

10. Шаршун, В. А. О некоторых вопросах правового регулирования обеспечения информационной безопасности личности / В. А. Шаршун // Информационная безопасность личности и государства в современном международном праве : матер. круг. стола каф. гос. упр. юрид. ф-та БГУ, Минск, 12 апр. 2022 г. / БГУ ; редкол.: В. С. Михайловский (гл. ред.), Е. Ф. Довгань, Н. О. Мороз. – Минск, 2022. – 298 с.

11. Баринов, С. В. О правовом определении понятия «информационная безопасность личности» / С. В. Баринов // Актуальные проблемы российского права. – 2016. – № 4 (65). – С. 97–105.

12. Концепция безопасности Союзного государства : утв. постановлением Высшего Государственного Совета Союзного государства от 6 дек. 2024 г. № 14 // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения : 10.10.2025).

Могилевский государственный
университет имени А.А. Кулешова

Поступила в редакцию 24.12.2025

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 2 (155), 2026

УДК 343.98(476) EDN: QFANVN

«Цифровой рейтинг»: настоящее или будущее цифрового следа белоруса

А.Э. Набатова, А.С. Дроздов

В статье исследуются перспективы внедрения цифрового рейтинга гражданина в Республике Беларусь. Авторами проведен анализ современного состояния данной проблематики в зарубежных странах и в Беларуси, изучено мнение студентов, преподавателей юридического факультета о возможности формирования такого рейтинга в ближайшем будущем.
Ключевые слова: цифровой рейтинг, цифровой след, система социального кредита, скоринг, цифровизация.

The article examines the prospects for the introduction of a digital citizen rating in the Republic of Belarus. The authors analyzed the current state of this issue in foreign countries and in Belarus, studied the opinion of students and teachers of the Faculty of Law on the possibility of forming such a rating in the near future.
Keywords: digital rating, digital footprint, social credit system, scoring, digitalization.

В последние годы мы являемся свидетелями глобальных изменений в структуре политических, социальных и экономических отношений, обусловленных научно-техническим прогрессом в области развития цифровых технологий (большие данные (БД), искусственный интеллект (ИИ), блокчейн технологии и др.). Глобальная цифровизация определила ряд векторов развития. Во-первых, достижения в области IT-технологий и научно-технического прогресса активно внедряются в сферу финансов, производства, медицину и др. Во-вторых, мы наблюдаем цифровизацию образовательной и научной деятельности. В-третьих, взаимодействие между субъектами общественных отношений в большинстве своем трансформировались в цифровую среду. Так, например, большинство взаимодействий между гражданами и государственными органами, банковскими учреждениями, объектами торговли, транспортной инфраструктурой осуществляются через глобальную компьютерную сеть Интернет. В-четвертых, с переходом от индустриального к цифровому обществу пришло понимание того, что самым важным и стратегическим ресурсом является информация, активно используемая различными акторами не только в созидательных целях. На фоне всех этих преобразований остро встает проблема цифрового суверенитета государства в целом и отдельного гражданина в частности. Отсюда особую актуальность приобретает проблематика, связанная с цифровым рейтингом гражданина и перспективах его внедрения в Республике Беларусь.

Итак, цифровой рейтинг – это система установления числового либо порядкового показателя, на основании которого оцениваются и ранжируются объекты. Сами же показатели формируются исходя из оценки различных критериев в цифровой среде и могут быть применимы к различным сферам, объектам и субъектам оценки. В нашем исследовании речь пойдет о цифровом рейтинге гражданина на современном этапе и перспективах его формирования в будущем. Отсюда, вытекает ***цель*** – исследовать содержание цифрового рейтинга гражданина в различных системах на современном этапе и определить перспективы его внедрения в Республике Беларусь. Для достижения поставленной цели предстоит решить следующие ***задачи***: 1) определить содержание, цифрового рейтинга на современном этапе; 2) провести эмпирическое исследование данной проблематики в конкретной социо-культурной общности респондентов; 3) определить перспективы внедрения цифрового рейтинга гражданина в нашей стране. Таким образом, ***объектом исследования*** выступает система взаимодействия технологий, объектов и субъектов, позволяющая исследовать цифровой рейтинг гражданина и определить перспективы его внедрения. В процессе исследования применялись следующие методы: анализ, синтез, системно-структурный метод, моделирование, социологический и др.

В настоящее время цифровой рейтинг – активно прогрессирующая технология, основанная на хранении, сборе и обработке данных в какой-либо определенной сфере (например, банковская деятельность, недвижимость, система учета граждан, земельный кадастр, здравоохранение и др.).

В Республике Беларусь в указанных выше сферах в той или иной форме с соблюдением действующего законодательства осуществляется цифровое накопление информации о гражданах с последующей возможностью ее анализа в необходимых случаях. Так, накапливается информация в автоматизированных информационных системах (АИС) государственных органов, финансовых организациях об(о) объектах недвижимости граждан, уплате налогов, состоянии здоровья и профилактических учетах, кредитной истории, совершенных правонарушениях и преступлениях, наличии задолженностей, нахождении в общественных местах и на объектах с массовым пребыванием людей, спортивных мероприятиях, на транспорте, участии в дорожном движении и др. Можно говорить о том, что накопление информации осуществляется посредствам учета и анализа различных цифровых следов с помощью технологии Больших данных (БД) и искусственного интеллекта (ИИ).

Подобным образом разрешается вопрос о накоплении и анализе цифровой информации о гражданах в России, Казахстане, Узбекистане, Таджикистане и других странах бывшего СССР. Так, например, в России, помимо различных АИС, эффективно функционирует система о кредитных историях граждан на уровне Национального бюро кредитных историй (НБКИ), учрежденного на основании Федерального закона «О кредитных историях» от 30.12.2004 № 218-ФЗ, с изм. и доп. от 26.02.2024 № 31-ФЗ. С 2008 г. заемщикам присваиваются баллы – наивысший показатель 850. При снижении рейтинга до 300 баллов заемщику отказывают в предоставлении кредита [1]. Также, цифровизация заняла свое место в избирательной системе России и вопросах обеспечения национальной безопасности, правосудии. В Узбекистане рассчитывается цифровой рейтинг строительных организаций с присвоением баллов.

Страны Европейского Союза и США также преуспели в оцифровке данных граждан в различных сферах жизнедеятельности, о которых упоминалось выше. Для этих целей, активно используются технологии БД и ИИ. Например, в США еще в 40-х гг. прошлого века получила развитие система кредитного скоринга для решения проблемы отбора заемщиков при потребительском кредитовании [2]. Также, активно оцифровывается и подвергается анализу цифровая информация в сфере обеспечения национальной безопасности, правосудия, миграции и т. д.

В контексте нашего исследования наиболее ярким примером цифрового рейтинга гражданина является опыт Китайской Народной Республики (КНР) – система социального кредита граждан (ССК), вызывающая множество разноплановых дискуссий и являющаяся объектом исследования в различных научных публикациях (С.А. Буткевич, П.Н. Данилин и И.Ю. Хилько, С.Д. Галиуллина и др., П.В. Трощинский, Т.Н. Юдина и Х.С. Сулемонова).

Система социального кредита в Китае берет свое начало с династии Сун (960–1279 гг.), во времена которой имела место круговая порука, называемая «баоцзя». Все жители ранжировались на группы по 5–10 семей и в пределах сообщества должны были следить друг за другом и нести коллективную ответственность за противоправное поведение друг друга. Новое развитие система получила при Мао Цзэдуне в 1950-х гг. путем создания системы учета некоторых категорий граждан. В отношении последних формировались папки с личной информацией на бумажных носителях. С развитием интернета и цифровых технологий в 2002 г. на XVI съезде КПК Генеральный секретарь Цзян Цзэминь поставил задачу создания общекитайской системы социального кредита. В настоящее время она повсеместно внедряется в КНР. ССК формируется под контролем государства, а именно Государственного совета КНР – контролирующий субъект, контролируемые субъекты – граждане КНР, юридические лица, субъекты хозяйствования. Средствами реализации ССК выступают цифровые технологии, такие как БД, ИИ, блокчейн технологии.

ССК – это электронная рейтинговая система оценки действий отдельных физических и юридических лиц, влияющая на их дальнейшую правоспособность, в том числе дающая право на получение различных льгот и привилегий, а также ограничивающая в отдельных правах лиц, систематически совершающих антисоциальные поступки, правонарушения.

Отметим основные элементы данной системы: 1) сведения о гражданах и юридических лицах накапливаются в цифровом формате; 2) для накопления, обработки информации, формирования рейтинга используются технологии БД и ИИ, сосредоточенные в государственных органах – едином информационном центре; 3) учету подлежат все граждане Китая и юридические лица, осуществляющие деятельность на его территории; 4) доступ к информации о рейтинге граждан имеют государственные органы и граждане.

В соответствии с ССК каждое лицо в возрасте 14 лет получает стартовый рейтинг – 1000 баллов. Они начисляются за положительные действия (сообщение о правонарушении, своевременная оплата коммунальных платежей в течение года, активная волонтерская и иная общественная деятельность и т. д.), отнимаются за негативные действия (несвоевременная оплата коммунальных платежей, нарушение правил дорожного движения, курение в запрещенных местах, использование поддельных документов, распространение ложной информации о терроризме, совершение преступлений и т. д.). Таким образом, рейтинг рассчитывается путем анализа 160 000 параметров [3]. В его основу положены четыре основных критерия: честность в государственных делах; коммерческая добросовестность; поведение в обществе; судебная история. После обработки данных гражданам присваиваются баллы: AAA (1 050 баллов), AA (1 000 баллов), A, B (900 баллов) – образцовые жители Китая; C (менее 849 баллов) – «неблагонадежные» жители (например, не имеют право занимать должности в органах государственной и муниципальной службы); D (менее 600 баллов) – наихудший рейтинг.

Для лиц, имеющих высокий рейтинг, открываются широкие возможности. Лица, которым присваивается рейтинг D, подвергаются различным ограничениям (например, они не могут свободно передвигаться по стране, их трудоустройство затруднено, им отказано в социальном обеспечении, запрещается обучение в престижных школах и вузах, получение кредитов и т. д.) и контролю со стороны правоохранительных органов.

Интересным является тот факт, что граждане Китая принимают непосредственное участие в формировании данного рейтинга. Так, например, пожилые граждане могут обратиться с заявлением о снижении рейтинга своих детей и внуков в случае отсутствия должного внимания и ухода с их стороны за престарелыми родственниками. Учителя и преподаватели могут инициировать снижение рейтинга учеников и студентов, использовавших шпаргалки или другие формы обмана во время экзаменов. Если правонарушение совершает малолетний, в возрасте до 14 лет, то штрафные баллы вычитаются из рейтинга его родителей. Также, предваряя дискуссию об ограничениях прав человека, отметим, что начисление, снятие баллов в ССК граждане Китая, по заявлению, могут обжаловать в установленном законом порядке. Рейтинг постоянно пересматривается в случае совершения положительных либо отрицательных поступков гражданином и не является статичным.

Таким образом, подводя промежуточный итог можно констатировать следующее. 1) Анализ научной литературы, сведений из различных информационных ресурсов показал, что формирование цифрового рейтинга является неотъемлемой частью современного цифрового общества. 2) Он существует в политической, экономической, социальной сферах. 3) Контроль над формированием цифрового рейтинга осуществляет государство и регулирует правоотношения в данной сфере. 4) Контролируемыми субъектами выступают граждане, юридические лица, субъекты хозяйствования и др. 5) Средствами реализации по формированию цифрового рейтинга выступают БД, ИИ, блокчейн технологии. 6) Модель цифрового рейтинга гражданина наиболее реализована в КНР.

Для определения перспектив внедрения цифрового рейтинга гражданина нами, по специально разработанным анкетам, было проведено эмпирическое исследование, направленное на изучение общественного мнения студентов и преподавателей юридического факультета Гомельского государственного университета им. Ф. Скорины. Всего в опросе приняло участие 100 человек (87 студентов 1–4 курсов, 13 преподавателей (84,6 %) и специалистов (15,4 %)).

Выявляя осведомленность респондентов в области цифрового рейтинга и цифрового следа, получили следующие результаты: осведомлены о данной проблематике (студенты – 21,4 %, преподаватели (специалисты) – 41,7 %); не осведомлены (студенты – 31,0 %); владеют информацией в общих чертах (студенты – 47,6 %, преподаватели (специалисты) – 58,3 %).

В качестве основных источников информации о цифровом рейтинге и цифровом следе респондентами отмечены: Интернет (студенты – 62,2 %, преподаватели (специалисты) – 53,8 %); социальные сети (студенты – 56,8 %); СМИ (студенты – 54,1 %, преподаватели (специалисты) – 61,5 %).

На вопрос о сферах применения системы цифрового рейтинга наиболее распространенными ответами среди участников опроса стали: экономика (студенты – 67,1 %, преподаватели (специалисты) – 76,9 %), образование (студенты – 57,9 %), общественная жизнь (студенты – 55,3 %), интернет-среда (студенты – 51,3 %, преподаватели (специалисты) – 53,8 %), правонарушения, преступления, правосудие (студенты – 51,3 %, преподаватели (специалисты) – 61,5 %).

Большинство опрошенных считают, что элементы цифрового рейтинга в том или ином виде уже существуют в Республике Беларусь (55,0 % – студентов, 53,8 % – преподавателей (специалистов)).

Отвечая на вопрос о наличии элементов цифрового рейтинга в Республике Беларусь на современном этапе, респонденты показали следующие результаты: кредитная история (студенты – 57,3 %, преподаватели (специалисты) – 61,5 %), налоги (студенты – 46,7 %), поведение в социальных сетях, Интернете (студенты – 46,7 %, преподаватели (специалисты) – 53,8 %); правонарушения, преступления, правосудие (студенты – 48,0 %, преподаватели (специалисты) – 61,5 %); активность на маркетплейсах (преподаватели (специалисты) – 53,8 %).

Большинство студентов считают, что формирование цифрового рейтинга в Республике Беларусь возможно в отношении организаций (79,7 %) и индивидуальных предпринимателей (71,6 %). В то же время большая часть преподавателей видит возможность формирования цифрового рейтинга для граждан (84,6 %) и субъектов хозяйствования (84,6 %).

59,0 % студентов и 38,5 % преподавателей (специалистов) считают, что внедрение цифрового рейтинга будет полезным для общества. Однако 46,2 % преподавателей (специалистов) затруднились с оценкой полезности, 15,4 % выразили отрицательное отношение. Также достаточно высокий процент респондентов отметили необратимость перехода на цифровой рейтинг ввиду цифровизации общественных, экономических и социальных отношений (35,4 % студентов и 53,8 % преподавателей (специалистов)).

Отвечая на вопрос о критериях, которые необходимо учитывать при формировании цифрового рейтинга гражданина, респонденты указали следующие: поведение в общественных местах (студенты – 47,1 %); налоги (студенты – 51,5 %, преподаватели (специалисты) – 66,7 %; поведение в социальных сетях, Интернете (студенты – 45,6 %, преподаватели (специалисты) – 66,7 %; правонарушения, преступления, правосудие (студенты – 54,4 %, преподаватели (специалисты) – 66,7 %).

54,4 % студентов считают допустимым присвоение и отнимание баллов за совершение положительных и отрицательных действий. Среди преподавателей (специалистов) 38,5 % не смогли определиться с ответом, положительно отреагировали 30,8 %, столько же в процентном соотношении дали и отрицательный ответ.

По вопросу о применении ограничений и поощрений в зависимости от уровня цифрового рейтинга гражданина большинство студентов отметили, что поощрения за высокий рейтинг только улучшат жизнь граждан (46,7 %). В то же время среди преподавателей самым распространенным является мнение о недопустимости применения ограничений при отсутствии противоправного поведения (66,7 %).

Также в процессе проведения опроса из числа преподавателей было высказано мнение, что дифференциация граждан и присвоение им баллов является недопустимым, поскольку это нарушает принцип равенства граждан перед законом и конституционно закрепленное право на тайну частной жизни. Кроме того, также была отмечена возможность возникновения криминогенных рисков (увеличение коррупционных правонарушений и преступлений), связанных со стремлением граждан скрыть неблагоприятные события, влекущие снижение рейтинга.

Итак, в заключение нашего исследования отметим следующее. Во-первых, идея цифрового рейтинга гражданина не является новой. Как показали изыскания в данной области, в том или ином виде он уже существует в различных странах мира и Республика Беларусь не является исключением. Во-вторых, в современных реалиях пока не существует универсальной модели или технологии формирования цифрового рейтинга гражданина. Она определяется каждым государством самостоятельно с учетом исторического, технологического, политико-правового и экономического развития. В-третьих, цифровой рейтинг гражданина – продукт цифровизации, охватившей весь мир. В результате перехода различных взаимодействий между акторами в цифровую сферу неизбежно образуются цифровые следы (информация о личности, персональные данные, истории посещения маркетплейсов, поведение в социальных сетях и др.), которые и выступают критериями накопления информации о гражданине при формировании цифрового рейтинга. В-четвертых, неоспоримым является тот факт, что формирование цифрового рейтинга и контроль над данной системой осуществляет государство, так как наблюдается весьма тонкая грань в части соблюдения цифрового суверенитета

и прав человека. В-пятых, наиболее востребованными для реализации модели цифрового рейтинга являются такие технологии как БД, ИИ, блокчейн технологии. В-шестых, общественное мнение на примере конкретной социо-культурной группы свидетельствует об осведомленности респондентов о цифровом рейтинге гражданина и при всей дискуссионности оценок можно однозначно утверждать, что формирование в будущем такой модели неизбежно в силу цифровой трансформации и она, безусловно, будет востребована и принесет пользу обществу. В-седьмых, в перспективе необходимо провести огромную работу по формированию национальной модели цифрового рейтинга гражданина, проработав правовые, технологические, морально-этические и иные аспекты данной проблематики.

Литература

1. Яблонская, А. Е. Социальный скоринг как перспективная банковская технология в системе потребительского кредитования / А. Е. Яблонская, М. Ю. Костыкова // Российское предпринимательство. – 2018. – № 4. – С. 1143–1150.

2. Зубченко, Л. А. Роль кредитных бюро в контроле над рисками / Л. А. Зубченко // Социальные и гуманитарные науки : Отечественная и зарубежная литература. Сер. 2, Экономика : Реферативный журнал. – 1998. – № 4 – С. 62–64.

3. Кандыбко, Н. В. Анализ современной системы социального кредита в китайской народной республике / Н. В. Кандыбко, А. И. Конуров // Военно-экономический вестник. – 2021. – № 3. – С. 1–5.

Гомельский государственный
университет имени Франциска Скорины

Поступила в редакцию 03.06.2025

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 2 (155), 2026

УДК 343.98 EDN: RDUYJB

Актуальные вопросы организационно-правового обеспечения криминалистической регистрации в оперативно-розыскной деятельности

С.В. Петлицкий

В статье раскрываются особенности организационно-правового обеспечения криминалистической регистрации лиц, представляющих для органов внутренних дел оперативный интерес. Рассматривается трехуровневая система научно-технического обеспечения уголовного судопроизводства. Обосновывается предложение о необходимости совершенствования деятельности сотрудников оперативно-розыскного подразделения по осуществлению криминалистической регистрации в контексте развития устойчивых криминалистических навыков.
Ключевые слова: криминалистические учеты, организационно-правовое обеспечение, профилактика преступлений, судебно-экспертная деятельность, уголовная регистрация, экспертно-криминалистическая деятельность.

This article explores the organizational and legal framework for the criminal registration of individuals of operational interest to internal affairs agencies. It examines a three-tier system of scientific and technical support for criminal proceedings. It also substantiates the need to improve the performance of investigative unit staff in carrying out criminal registration in the context of developing sustainable criminalistics skills.
Keywords: criminalistics records, organizational and legal support, crime prevention, forensic activities, criminal registration, criminalistics activities.

Введение. Вот уже на протяжении нескольких десятков лет проблемы организации предупреждения преступлений становятся объектом внимания наук уголовно-правового блока. Концептуальные основы в этом направлении заложены в научных трудах В.А. Ананича, И.С. Андреева, И.А. Анищенко, И.И. Басецкого, А.В. Башана, А.Ф. Волынского, Г.И. Грамовича, А.В. Дулова, Д.Н. Лахтикова, Н.И. Порубова, А.С. Рубиса, А.Н. Тукало, Д.Л. Харевича, В.Б. Шабанова, Н.П. Яблокова, А.В. Яскевича и др.

Цель работы заключается в раскрытии особенностей организационно-правового обеспечения деятельности оперативно-розыскного подразделения, в частности – органов внутренних дел, по использованию криминалистической регистрации в целях предупреждения (профилактики) преступлений.

Методологическую основу статьи составили общенаучные (исторический, системно-структурный, статистический) и общелогические (анализ, синтез, индукция, дедукция, обобщение) методы исследования.

Основная часть. Защита прав, законных интересов белорусского общества и его граждан являлась и продолжает оставаться главным направлением деятельности государственных правоохранительных органов страны, которое находится на особом контроле у Президента Республики Беларусь. Главой государства современная преступность рассматривается в контексте прямой угрозы национальной безопасности, оказывающей дестабилизирующее влияние на все сферы общественно-политической жизни государства [1].

Анализ официальных статистических данных в Республике Беларусь за период с 2020 по 2024 гг. ясно и однозначно свидетельствует, что количество зарегистрированных преступлений сократилось с 95 478 до 73 270 [2]. При этом по итогам 10 месяцев 2024 г. киберпреступления занимали более четверти в общей структуре преступности. Из них 60 % квалифицировались как мошенничество [3]. Для сравнения приведем количественный показатель состояния преступности 2005 г., в котором она достигла максимального для страны значения – 195 361 преступление [4]. Очевидно, что столь положительные изменения в организации борьбы с преступностью были достигнуты благодаря эффективной работе государственных правоохранительных органов. Однако если в начале 2000-х гг. рост преступлений сдерживался и сокращался посредством эффективной реализации «наступательного» принципа уголовного закона – неотвратимость наказания, то в настоящее время практика противодействия

ей, сохраняя прежние подходы, усилилась благодаря проведению субъектами правоохранительной сферы «практической» или так называемой специальной профилактики, формы и методы которой продолжают совершенствоваться с учетом количественных и качественных изменений в структуре преступности.

Сегодня деятельность государства по «специальному предупреждению» преступлений представляет одно из важнейших направлений отечественной уголовной политики – криминологическую политику. Поэтому отнесение государственных органов к субъектам такого вида предупредительной деятельности в правовом ракурсе должно осуществляться на основе учета следующих критериев:

– специальное предупреждение (профилактика) преступлений составляет основную функцию таких субъектов либо выделена в перечне основных функций;

– субъекты уполномочены на эту деятельность [5, с. 5].

Так, органы, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность, исходя из смысла возлагаемых задач, регламентированных в Законе Республики Беларусь от 15.07.2015 № 307-З «Об оперативно-розыскной деятельности», реализуют на практике одну из функций – предупреждение и пресечение преступлений (ст. 3). На протяжении длительного времени это обстоятельство детерминирует тягу научного сообщества к исследованию проблем в данном направлении, что весьма неудивительно по ряду сохраняющихся актуальных вопросов, ответы на которые исчерпывающе и бесспорно даны не были.

Во-первых, при наличии каких фактических обстоятельств должна осуществляться оперативно-розыскная профилактика и какие основания для проведения оперативно-розыскных мероприятий им соответствуют. Во-вторых, какой стадии преступной деятельности – возникновение (зарождение) умысла, его обнаружение, приготовление и покушение на совершение преступления и непосредственно оконченное преступление, соответствует решение органом, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, задачи по выявлению лиц, подготавливающих преступление. В-третьих, какие оперативно-розыскные меры направлены на предупреждение и пресечение преступлений [6]. В-четвертых, только лишь оперативно-розыскные меры допустимо использовать при реализации специальной профилактики. На этот счет следует отметить, что ранее в теории криминалистики концептуальному осмыслению подвергалась профилактическая деятельность экспертно-криминалистических учреждений [7, с. 24]. Однако с их реформированием и образованием Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь (далее – ГКСЭ) в экспертно-криминалистической деятельности произошли правовые изменения. В частности, Законом Республики Беларусь от 18.12.2019 № 281-З «О судебно-экспертной деятельности» ведение криминалистических учетов стало составной частью судебно-экспертной деятельности, осуществляемой судебно-экспертными организациями и судебными экспертами (ст. 2).

В условиях динамично развивающейся практики использования института специальных знаний это позволило одним ученым начать длительную дискуссию о том, что «если ведение криминалистических учетов не относится к экспертно-криминалистической деятельности, то, что это за деятельность вообще» [8, с. 55], другим – утверждать об искажении вектора развития системы научно-технического обеспечения уголовного судопроизводства вследствие усиления роли судебной экспертизы в процессе доказывания [9], третьим – успешно аргументировать положения об эффективности централизованного подхода в судебно-экспертной деятельности [10, с. 24].

Не вдаваясь в глубокий анализ указанного выше научного диспута, обратим внимание, что поскольку ГКСЭ в силу законодательства является централизованной системой государственных органов (ст. 1), а в решаемых задачах (ст. 4) отсутствует направление предупреждения и пресечения преступлений [11], то выполнение судебным экспертом данной функции не представляется возможным, так как она не основана на нормах закона. В тоже время, осуществляя ведение таких важных криминалистических учетов, как АСПИ «Портрет» [12], АДИС «Дакто» [13], АИС «ДНК» [14], сотрудники ГКСЭ оказывают содействие и способствуют выполнению органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, задач по оперативно-розыскной профилактике. Вот здесь и возникает ряд неоднозначных организационно-правовых вопросов.

Во-первых, Законом Республики Беларусь от 15.07.2015 № 307-З «Об оперативно-розыскной деятельности» на органы внутренних дел возложено решение задач оперативно-розыскной деятельности (ст. 12). С реформированием в стране государственной правоохранительной системы экспертно-криминалистические подразделения Министерства внутренних дел Республики Беларусь, ранее обеспечивавшие на должном уровне криминалистическими знаниями практику раскрытия и расследования преступлений, в том числе их предупреждения, были упразднены. Несмотря на это, в правовом поле обязанность проведения данным министерством криминалистической регистрации сохранилась. Так, действующей редакцией Закона Республики Беларусь от 04.11.2003 № 236-З «О государственной дактилоскопической регистрации» на органы внутренних дел, но с оговоркой привлечения к участию для этих целей специалиста ГКСЭ, возлагается процедура дактилоскопирования лиц, состоящих на профилактических учетах, подозреваемых (обвиняемых) в совершении преступлений либо осужденных за них (ст. 9).

Во-вторых, нередко отбор дактилоскопических и генотипоскопических образцов, получение фотографических изображений для целей криминалистической регистрации осуществляются сотрудниками органов внутренних дел без устойчивых криминалистических навыков. В свою очередь некоторое отступление от методических рекомендаций может повлечь в последующем определенные трудности в их использовании для постановки на криминалистический учет. Анализируя спорные попытки некоторых ученых раскрыть в этом организационные проблемы [15], полагаем оптимальным акцентировать внимание на особенностях учебно-методического обеспечения оперативно-розыскных сотрудников, которые в результате произошедших преобразований в экспертно-криминалистической деятельности все чаще сталкиваются с выполнением исторически сложившихся функций.

К слову, основа для этого была создана еще в Российской империи в конце XVIII – начале XIX в., а именно с введением уголовной регистрации преступников: антропометрической и дактилоскопической. Очевидно, в тот период она воспринималась в основном как формальная система учета на основе биометрических данных. Поэтому на первоначальном этапе применялась в отношении осужденных лиц и отбывавших наказание в местах лишения свободы, а в последующем была внедрена в сыскные отделения полиции.

В-третьих, с развитием науки и техники стали совершенствоваться формы практической профилактики. Внедрение в правоохранительную сферу республиканской системы мониторинга общественной безопасности позволило значительно повысить эффективность органов внутренних дел по контролю за лицами, представляющими оперативный интерес. При этом закономерно актуализировался вопрос о дальнейшем межведомственном порядке наполнения идентификационной автоматизированной системы криминалистически значимой биометрической информацией. В условиях функционирования полисистемы государственных и правоохранительных органов императивная обязанность помещать такую информацию в соответствующий криминалистический учет законодательством не предусмотрена.

В-четвертых, нельзя не упомянуть и тот факт, что действующее законодательство Республики Беларусь не предусматривает основания, а, соответственно, какой-либо ответственности за отказ профилактируемого лица от постановки на фотоучет. Схожая тенденция отмечается при генотипоскопической регистрации, которая с годами зарекомендовала себя как надежный и эффективный инструментарий выявления и раскрытия преступлений. Такие обстоятельства убеждают в обоснованности заключений научного сообщества о том, что разработка и внедрение более современных инновационных форм криминалистической регистрации, безусловно, потребует соответствующего организационно-правового обеспечения [16].

Как нам представляется, выходом из сложившейся ситуации может являться расширение использования в стране возможностей трехуровневой системы научно-технического обеспечения уголовного судопроизводства, где в качестве ее организационной структуры выступают [9, с. 54–55], [17, с. 1619]:

1. Технико-криминалистическая деятельность. В настоящее время осуществляется криминалистическими отделами центрального аппарата, управлениями Следственного комитета Республики Беларусь по областям (г. Минску), а также экспертами ГКСЭ.

2. Экспертно-криминалистическая деятельность. В ее основе лежит опыт поисково-познавательной деятельности экспертов ГКСЭ.

3. Судебно-экспертная деятельность. Организация централизованной государственный политики в сфере судебной экспертизы возложено на сотрудников ГКСЭ.

Реализация указанного выше предложения, на наш взгляд, не связывает себя с обязательным созданием в блоке криминальной милиции дополнительной штатной структуры. Для этого достаточно проводить целенаправленную дополнительную криминалистическую подготовку оперативных работников, которая в настоящее время успешно может быть получена, например, на базе учреждения образования «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь» или государственного учреждения образования «Институт повышения квалификации и переподготовки кадров Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь».

Заключение. На основе изложенного резюмируем, что повышение эффективности криминалистической регистрации, которая обеспечивает многоаспектную деятельность оперативно-розыскных подразделений: от раскрытия преступлений до их предупреждения, важно рассматривать во взаимосвязи всех ее организационно-правовых составляющих. Сегодня главенствующая координирующая роль в этом направлении по праву отводится ГКСЭ, успешно осуществляющему технико-криминалистическое, экспертно-криминалистическое и судебно-экспертное сопровождение правоохранительной сферы. В этой связи можно констатировать, что такой централизованный подход, базирующийся на «распространенной практике выполнения судебными экспертами роли специалиста, основанной на применении специальных знаний самого судебного эксперта» [10, с. 24], способствует консолидации всех организационных уровней системы научно-технического обеспечения уголовного судопроизводства.

Литература

1. Совещание об общественно-политической обстановке и состоянии преступности в стране // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – URL : https://pravo.by/novosti/obshchestvenno-politicheskie-i-v-oblasti-prava/2023/january/72940/ (дата обращения : 01.09.2025).

2. Статистика правосудия и правонарушений // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – URL : https://dataportal.belstat.gov.by/osids/indicator-info/10108000001 (дата обращения : 01.09.2025).

3. В 2024 году около 60 % совершенных киберпреступлений квалифицировались как мошенничество // Белорусское телеграфное агентство. – URL : https://belta.by/society/view/mvd-v-2024-godu-okolo-60-sovershennyh-kiberprestuplenij-kvalifitsirovalis-kak-moshennichestvo-675008-2024/ (дата обращения : 01.09.2025).

4. Ананич, В. А. Динамика преступности в Беларуси в 1945–2023 гг. / В. А. Ананич // Проблемы борьбы с преступностью и подготовки кадров для правоохранительных органов : Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 17–18 апр. 2025 г. : тез. докл. / Акад. МВД Респ. Беларусь ; редкол.: П. В. Гридюшко (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2025. – С. 238–239.

5. Городецкая, М. А. Правовое регулирование специального предупреждения преступлений в Республике Беларусь : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.08 / Городецкая Марина Александровна. – Минск, 2020. – 29 с.

6. Харевич, Д. Л. Правовые проблемы оперативно-розыскной профилактики (пресечения) / Д. Л. Харевич // IV Минские криминалистические чтения : матер. Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 5 дек. 2024 г. / Акад. МВД Респ. Беларусь ; редкол.: Р. М. Ропот (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2024. – С. 278–281.

7. Мартынов, А. О. Специалист в оперативно-розыскной деятельности : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.12 / Мартынов Артем Олегович. – Минск, 2022. – 171 с.

8. Кардашевская, М. В. Соотношение криминалистической техники как раздела криминалистики и экспертно-криминалистической деятельности / М. В. Кардашевская // Криминалистика : наука, практика, опыт : сб. науч. тр. всеросс. науч.-практ. конф., Москва, 23 мая 2024 г. / Московский ун-т МВД России им. В. Я. Кикотя ; сост.: И. В. Тишутина. – М., 2024. – С. 54–57.

9. Волынский, А. Ф. Научно-техническое обеспечение уголовного судопроизводства : от привычных проблем к реалиям практики / А. Ф. Волынский // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. – 2024. – № 1 (99). – С. 47–56.

10. Швед, А. И. Теоретические предпосылки и прикладные аспекты реализации в Республике Беларусь единой государственной политики в сфере судебно-экспертной деятельности : автореф. … д-ра юрид. наук : 12.00.16 / Швед Андрей Иванович. – Минск, 2021. – 40 с.

11. О Государственном комитете судебных экспертиз Республики Беларусь : Закон Респ. Беларусь от 15 июля 2015 г. № 293-З : в ред. от 21.07.2022 г. № 198-З // КонсультантПлюс. Беларусь : справ. правовая система (дата обращения : 01.09.2025).

12. Биометрическая система помогает правоохранителям искать преступников // Официальный сайт Гос. комитета судеб. экспертиз Респ. Беларусь. – URL : https://sudexpert.gov.by/ru/list_news_occurrence_n.html?news_id=2533 (дата обращения : 01.09.2025).

13. Дактилоскопия : как судебные эксперты раскрывают преступления с помощью отпечатков // Официальный сайт Гос. комитета судеб. экспертиз Респ. Беларусь. – URL : https://sudexpert.gov.by/ru/list_news_occurrence_n.html?news_id=7261 (дата обращения : 01.09.2025).

14. Генетика в помощь, или как крошечное пятнышко помогает поймать матерого бандита // Официальный сайт Гос. комитета судеб. экспертиз Респ. Беларусь. – URL : https://sudexpert.gov.by/ru/list_news-brest-a-n.html?news_id=6026 (дата обращения : 01.09.2025).

15. Нестер, И. С. Проблемные вопросы организации постановки граждан на учет фотографических изображений лиц / И. С. Нестер, И. Л. Жаркевич // Концептуальные основы современной криминалистики : теория и практика : материалы науч.-практ. конф. с междунар. уч., Минск, 13 апр. 2023 г. – Минск : БГУ, 2023. – С. 179–181.

16. Аминев, Ф. Г. О необходимости принятия Федерального закона «О всеобщей геномной регистрации в Российской Федерации» в целях улучшения качества раскрытия и расследования преступлений / Ф. Г. Аминев // Правовое государство : теория и практика. – 2019. – № 3 (57). – С. 94–98.

17. Тишутина, И. В. Организация криминалистической деятельности : вопросы теории и практики / И. В. Тишутина, И. П. Можаева // Baikal Research Journal. – 2023. – Т. 14, № 4. – С. 1616–1625.

Белорусский торгово-экономический
университет потребительской кооперации

Поступила в редакцию 01.12.2025

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 2 (155), 2026

УДК 341.1/8 + 347.463 EDN: RZLCTJ

Legal framework of the partnership between the Republic of Belarus and the People's Republic of China in the transport sector: status and prospects

N.M. SHEVKO

In modern conditions, partnership between the Republic of Belarus and the People's Republic of China in the transport sector is acquiring strategic importance. In this regard, this article is devoted to legal aspects in the context of deepening Belarusian-Chinese cooperation in the transport sector. In particular, the features of the legal framework of bilateral relations in the field of transport, based on strategic documents regulating transport policy, have been identified. Special attention is paid to the legal mechanisms for the implementation of joint projects within the framework of the Belt and Road initiative. In turn, the global digital transformation necessitates the improvement and development of legal regulation of Belarusian-Chinese cooperation in the transport sector.
Keywords: Belarusian-Chinese cooperation, legal regulation, strategic planning, international treaties, transport sector.

В современных условиях партнерство между Республикой Беларусь и Китайской Народной Республикой в транспортной сфере приобретает стратегическое значение. В этой связи, настоящая статья посвящена правовым аспектам в контексте углубления белорусско-китайского сотрудничества в транспортной сфере. В частности, выявлены особенности договорно-правовой базы двусторонних отношений в сфере транспорта, основанные на стратегических документах, регулирующих транспортную политику. Отдельное внимание уделено правовым механизмам реализации совместных проектов в рамках «Инициативы пояса и пути». В свою очередь, глобальная цифровая трансформация обуславливает необходимость совершенствования и развития правового регулирования белорусско-китайского сотрудничества в транспортной сфере.
Ключевые слова: белорусско-китайское сотрудничество, правовое регулирование, стратегическое планирование, международные договоры, транспортная сфера.

The Republic of Belarus (hereinafter referred to as Belarus) and the People's Republic of China (hereinafter referred to as China) established diplomatic relations in 1992. As long-standing partners, Belarus and China are developing multilateral cooperation in various fields, including transport. Cooperation is developing most actively in the economic sphere. Both countries strive to develop their own economies and actively use bilateral trade and economic cooperation to achieve this goal. For Belarus, China is one of its main foreign economic partners in Asia. Located in the center of Europe, Belarus is attractive to China primarily due to its geographical location, which allows for efficient international transportation [1, p. 8]. At the same time, we agree with M.V. Myasnikovich, who points out that «in the context of building economic relations between the Republic of Belarus and China, the geopolitical position of that country must be taken into account... With this in mind, it is necessary to work to defend national interests when concluding Chinese-Belarusian agreements and contracts...» [2, p. 7]. In this regard, the study of the legal framework for Belarusian-Chinese cooperation in the transport sector is of scientific and practical interest, as a basis for expanding the transport and logistics potential of the two states. In terms of the problems of our study, the works of both national (M.V. Myasnikovich, V.N. Shimov, A.A. Bykov, E.S. Danilyuk, S.G. Zalivako, T.S. Vertinskaya, O.D. Vorobyova, V.O. Serebryakov, O.A. Khotko and others) and foreign authors (S.V. Ryazentsev, A.A. Nechay, Wang Guan, Li Gang, etc.) are of particular interest. At the same time, there is insufficient scientific elaboration of issues related to the legal regulation of the development of Belarusian-Chinese partnership in the transport sector on a bilateral basis, given that transport services are the most significant item of service export from Belarus to China. In addition, in accordance with the National Strategy for Sustainable Development of the Republic of Belarus for the period up to 2040, increasing comprehensive cooperation with China is a key area [3, p. 126]. It should be noted that integration processes will be complemented by cooperation within the framework of the alignment of the Eurasian Economic Union and China's Belt and Road initiative, in particular through the alignment of Eurasian transport corridors with the Belt and Road logistics system, as well as participation in new regional formats with foreign states. [3, p. 127]. All of the above outlined the aim of this article, that is to determine the legal framework of the partnership between the Republic of Belarus and the People's Republic of China in the transport sector.

Ensuring the reliable and safe operation of the transport and logistics complex is a pressing and significant socio-economic task, as it allows not only to increase the financial and economic potential of the state, but also to ensure the preservation of the life and health of its citizens, increasing the well-being of society [4, p. 145]. We believe that the implementation of this task depends, among other things, on the level of development of Belarusian-Chinese partnership in the transport sector, based both on the national legislation of both states and on the legal framework of bilateral relations. In support of this, we agree with V.O. Serebryakov, who points out that a striking example of close attention to the development of Belarusian-Chinese cooperation was the signing of Directive № 9 «On the Development of Bilateral Relations between the Republic of Belarus and the People's Republic of China» by the President of the Republic of Belarus A.G. Lukashenko on December 3 in 2021 [5, p. 55]. The document notes that the development of a comprehensive strategic partnership with China meets the long-term interests of our state, is comprehensive in nature, and contributes to the expansion of the entire spectrum of Belarusian-Chinese cooperation [6]. We agree that, in a short period of time, cooperation between Belarus and China has been raised to the highest level of bilateral relations – «all-weather comprehensive strategic partnership» [5, p. 54]. In particular, the Joint Declaration of the Republic of Belarus and the People's Republic of China on the establishment of all-weather and comprehensive strategic partnership in 2022 provides for: joint active use of the transit potential of Belarus through the expansion of cooperation in the transport and logistics sector, including within the framework of the implementation of container train projects in the China-Europe-China and China-Belarus-China routes; development of cross-border road and rail corridors; ensuring the safe and uninterrupted movement of China-Europe-China trains; improving the efficiency of customs clearance at key railway ports; expansion of geography and increase in the number of flights between the countries [7]. Furthermore, the Joint Development Plan of the Republic of Belarus and the People's Republic of China, based on the alignment of the two countries' medium- and long-term strategic programs (hereinafter referred to as the Plan), identifies transport logistics as the primary vector of shared interests for Belarus and China. It should be noted that one of the Plan's key objectives is to promote Belarusian-Chinese cooperation in transport and logistics infrastructure. The implementation of this objective, in particular, envisions the conclusion of a number of agreements aimed at developing the transport sector [8].

It is obvious that the successful implementation of the goals and objectives stated in the aforementioned documents in the transport sector depends on the level of improvement and development of legal regulation of bilateral cooperation between the Republic of Belarus and the People's Republic of China. In this sense, we agree with the position of G.A. Vasilevich regarding the fact that the law should contribute to the achievement of the goals of economic, political and social development, i. e. be effective, and also ensure the integrity of legislation [9, p. 1]. While it is not the aim to examine the entire scope of bilateral agreements between Belarus and China, we nevertheless note that the legal framework for partnership between Belarus and China was formed in stages, covering key areas, including transport. Today, there are more than 80 bilateral international agreements in force between states, including about 40 interstate and intergovernmental ones. In turn, the international treaties of the Republic of Belarus include: the interstate agreement; the intergovernmental agreement; the international treaty of interdepartmental nature [10, Art. 1]. Thus, the interstate agreement is concluded on behalf of the Republic of Belarus with a foreign state (or states), an international organization (or organizations), or another entity (or entities) with the right to conclude international treaties [10, Art. 1].

Within the framework of the research, it is worth mentioning the Treaty of Friendship and Cooperation between the Republic of Belarus and the People's Republic of China of 2015, to which the parties are the Republic of Belarus and the People's Republic of China, respectively. Already at that time, the provision on expanding partnership in the transport sector and creating favorable conditions for this, based on both national legislation and bilateral agreements and international multilateral treaties, was included in Article 8 of the said treaty [11]. With regard to the intergovernmental agreement, the Government of the Republic of Belarus, when concluding international treaties, can act in two capacities: concluding a treaty on behalf of the Republic of Belarus and independently, being a party to international treaties. [10, Art. 1]. As E.F. Dovgan notes that in fact, in the first case, we are talking about the conclusion of an interstate agreement... Intergovernmental agreements of the Republic of Belarus define governments as parties to such a treaty, which, in principle, raises the question of whether intergovernmental agreements are international treaties within the meaning of the Vienna Convention.

At the same time, a selective analysis of the treaties concluded by the Government of the Republic of Belarus with other states in various spheres of activity shows that all such agreements do not concern formal cooperation between governments, but contain specific rights and obligations for individuals and legal entities in the territory of the states of the parties. Moreover, such agreements establish the bodies authorized to implement the treaty's provisions, and many provisions are self-executing. Furthermore, the vast majority of intergovernmental agreements do not enter into force upon signing, but require the implementation of intrastate procedures, similar to interstate agreements [12, p. 76–77]. As an example, we note the Agreement between the Government of the Republic of Belarus and the Government of the People's Republic of China on air traffic of 1995 [13], which, in particular, enshrines one of the obligations of the contracting parties to protect the safety of civil aviation from acts of unlawful interference, as an integral part of this Agreement (Art. 14, par. 1).

One more example is the Agreement between the Government of the Republic of Belarus and the Government of the People's Republic of China on international road transport of passengers and goods of 2019 (hereinafter referred to as the Agreement) [14]. Article 16 of the Agreement establishes the authorized bodies, namely: on the Belarusian side – the Ministry of Transport and Communications of the Republic of Belarus; on the Chinese side – the Ministry of Transport of the People's Republic of China and its authorized bodies in the provinces. The Agreement also establishes the rights and obligations of individuals and legal entities acting as «carriers» authorized to carry out international road transport (Article 2). The entry into force of the Agreement requires the necessary domestic procedures (Article 20).

As for the international agreement of interdepartmental nature, they are, as a rule, concluded on special issues of international cooperation, in connection with which it is the competent government bodies that can most fully and expertly assess the necessity, goals and objectives of the negotiations being conducted [15, p. 152]. As an example, we cite the Agreement between the State Customs Committee of the Republic of Belarus and the General Administration of Customs of the People's Republic of China on mutual recognition of the authorized economic operators program of the Republic of Belarus and the program of the People's Republic of China on the management of bona fide enterprises of 2019, aimed at strengthening the secure supply chain of goods from sender to recipient [16].

In the context of this research, it is also worth pointing out the role of soft law acts. Although they are advisory in nature, soft law acts can have a significant impact on the norm-setting process in Belarusian-Chinese relations in the transport sector. Based on the analysis of the provisions of declarations, plans, and memoranda on Belarusian-Chinese partnership, it is worth highlighting their following functions: creating political commitments for Belarus and China in the transport sector, which, nevertheless, are often fulfilled by both parties; soft law is an important element in the process of creating international agreements aimed at bilateral cooperation between Belarus and China in the field of transport. Such acts of soft law include: Memorandum of Understanding between the Ministry of Transport and Communications of the Republic of Belarus and the Ministry of Communications of the People's Republic of China on cooperation in the field of automobile transport, inland waterway transport and construction of related infrastructure of 2009; Memorandum of Understanding between the Customs Authorities of the Republic of Belarus and the People's Republic of China on Strengthening Partnership for Expedited Customs Operations in Relation to Goods in Trans-Eurasian Rail Container Transportation of 2019.

China's Belt and Road initiative (hereinafter referred to as BRI) deserves special attention within the framework of the topic under study. According to E.D. Salmygina, it was this initiative that marked a turning point in the development of relations between Belarus and China [17, p. 38]. In 2013, the term «Belt and Road», first came into the spotlight as China’s masterplan initiative to revive the Ancient Silk Road and was announced by Chinese President Xi Jinping. The BRI includes two major parts – the New Silk Road Economic Belt and the 21st-Century Maritime Silk Road (hereinafter referred to as the Belt and the Road respectively). Both represent a network of ports, railways, roads, pipelines, and utility grids connecting China with Central Asia, West Asia, and parts of South Asia, Europe, and Africa. The aims of the BRI are: to promote connectivity of Asian, European and African continents via land, sea, and air; to establish and strengthen regional cooperation and partnerships among the countries along these routes; to facilitate the flow of economic resources and integration of markets (cit. by [18, p. 2]).

BRI allowed China to expand its contacts with many foreign countries, among which Belarus occupies an important place. As Xi Jinping noted: «Belarus can rightfully be considered one of

China's most important partners in the Eurasian region in terms of major joint projects. Joint implementation is underway on dozens of major initiatives in the areas of communications, transport, energy, and infrastructure construction» [19, p. 231].

It is significant that the Republic of Belarus was one of the first countries in the world and the first in Europe to support the Chinese leadership's initiative to implement the BRI. We agree with N.Yu. Veremeyev, who asserts that «for Belarus, participation in the Belt and Road project addresses the challenges of accelerating the technological modernization of the economy, creating high-tech industries, intensifying and significantly expanding exports, and increasing the efficiency of the country's transport and logistics potential.

Belarusian-Chinese cooperation has acquired particular significance in the context of deteriorating relations with Western countries. Cooperation with Beijing allows the Belarusian state to maintain the principle of multi-vector foreign policy» [20, p. 20]. Of particular interest to our country is the «New Silk Road Economic Belt» – land infrastructure corridors that connect China with other countries. Thus, in order to implement the agreements on the promotion of the joint construction of the « New Silk Road Economic Belt» by the two states within the framework of the joint communiqué of the heads of the two states in 2016, the Governments of the Republic of Belarus and the People's Republic of China signed the Agreement on the development of international freight transport and cooperation in the implementation of the concept of construction of the Silk Road Economic Belt in 2017 (hereinafter referred to as the Agreement) [21]. In the preamble to the Agreement, the main intentions of the contracting parties within the «New Silk Road Economic Belt» are: stimulating and developing an international integrated intermodal transport and logistics system in line with the continuous deepening of socio-economic relations on the Eurasian continent and globally; promoting cooperation in the field of transport infrastructure; creating conditions for the development of an economical, safe, and efficient international transport route [21].

Belarus and China also identified key goals aimed at: strengthening cooperation in the transport and logistics sector; continuously improving transport infrastructure; increasing the competitiveness of the international transport route between Europe and Asia. In turn, the interaction of the contracting parties is based on such principles as equality and mutual benefit in accordance with international law, domestic laws, regulations and policies [21, Art. 1]. The following key areas of cooperation were identified: 1. improving rail, road, air and other infrastructure; 2. developing cost-effective, safe and efficient international freight transport between Europe and Asia; 3. facilitating access of the Parties' enterprises to the international market for rail and road transport services; 4. harmonizing norms and technological standards in the field of logistics and creating favorable conditions for international freight transport; 5. promoting the development of warehouse logistics [21, Art. 2]. The achievement of the set goals and the implementation of the stated objectives can be judged by the fact that Belarus and China are currently actively cooperating in the field of automobile, rail and air transport. As noted by A.A. Lyakhnovich, the Minister of Transport and Communications of the Republic of Belarus, «developing cooperation in the field of transport serves as a reliable foundation for further increasing trade volumes between the countries. Specifically, the implementation of the strategic partnership strategy for the near future includes steps to strengthen transport and logistics ties, expedite the processing of transported goods, and develop the potential for transit shipments through Belarus» [22].

Despite the fact that the inclusion of the Republic of Belarus in the system of international transport corridors (hereinafter referred to as ITC) deserves special attention from both scientific and practical points of view, we nevertheless note that in the system of land corridors of the «New Silk Road Economic Belt», the Republic of Belarus participates in two routes: Northern Corridor № 1 and Northern Corridor № 2, the basis of which is rail transport, along which the bulk of land transit cargo moves. At the same time, against the backdrop of the developing digital transformation of logistics (Logistics 4.0), the issue of our state's inclusion in the ecosystem of digital transport corridors is becoming relevant, in the context of the «Digital Silk Road» concept put forward by the Chinese government. In this regard, the two states are paying increasing attention to improving and developing legal regulation of Belarusian-Chinese partnership in the transport sector in the context of digital transformation. We believe that the memorandum of understanding on strategic cooperation in the field of information and communication technologies concluded on August 22 in 2024, between the Ministry of Communica-

tions and Informatization of the Republic of Belarus and the Ministry of Industry and Information Technology of the People's Republic of China will facilitate the further conclusion of bilateral international agreements aimed at legally regulating the digitalization of freight transportation in order to increase the capacity of international transport corridors, develop and adopt uniform standards for electronic documents, and establish a unified methodology for information exchange.

In conclusion, it is worth mentioning the China-Belarus industrial park «Great Stone» – a strategic and largest-scale bilateral cooperation project. The project is being developed within the framework of intergovernmental Belarusian-Chinese partnership and signed intergovernmental documents [23]. According to Article 1 of the Agreement between the Government of the Republic of Belarus and the Government of the People's Republic of China on the China-Belarus Industrial Park of 2012, the logistics industry acts as a complementary [24]. At the same time, the industrial park «Great Stone» occupies a key position on the Northern Trade Route of the New Silk Road, one of the most important in the current geopolitical situation, providing duty-free access to the Eurasian market and being located close to the European Union [25, p. 149].

Thus, the development of the legal framework for Belarusian-Chinese partnership in the transport sector at the present stage indicates, as O.A. Khotko rightly notes, that «interstate and international agreements concerning the functioning of transport constitute a significant factor in the development of national transport legislation, since the Republic of Belarus recognizes the priority of generally recognized principles of international law and ensures that its legislation complies with them» [26, p. 155–156]. Currently, the legal framework for Belarusian-Chinese partnership in the transport sector is characterized by comprehensive approach.

The conducted comparative legal analysis shows that legal regulation of Belarusian-Chinese partnership in the transport sector is implemented at all three levels: interstate, intergovernmental, interdepartmental. At the same time, special attention is paid to soft law instruments as a tool for shaping future legal obligations. However, the current development of the legal framework between the two states requires improvement and adaptation based on digitalization processes in transport and the integration of China's Belt and Road initiative with the Republic of Belarus, as a member state of the Eurasian Economic Union. It is significant that a draft of a new Directive on the development of relations with China is being prepared, which should be «as specific as possible, digitalized, with managers responsible for the implementation of results and plans, and, moreover, with annual monitoring» [27]. This clearly demonstrates that the national strategy of the Republic of Belarus serves as a link between the political intentions of the two states regarding joint activities in the field of transport development and their consolidation in the bilateral legal framework.

Reference

1. Novskaya, A. A. Economic cooperation of the Republic of Belarus and the People's Republic of China at the present stage / A. A. Novskaya, A. A. Nechai // Russia in the global world. – 2021. – № 21 (44). – P. 7–16.

2. Myasnikovich, M. V. Actual agenda of the Belarusian economy development in the conditions of integration / M. V. Myasnikovich. – Minsk : Belaruskaya nauvuka, 2017. – 278 p.

3. National Strategy for Sustainable Development of the Republic of Belarus for the period up to 2040. – URL : https://economy.gov.by/uploads/files/NSUR/natsionalnaja-strategija-ustojchivogo-razvitija-respubliki-belarus-na-period-do-2040-goda.pdf (date of access : 19.10.2025).

4. New formats of Belarusian-Chinese economic cooperation as a factor of ensuring national security / T. S. Vertinskaya [et al] ; scientific editor T. S. Vertinskaya ; National Academy of Sciences of Belarus, Institute of Economics. – Minsk : Belaruskaya nauvuka, 2024. – 432 p. (Belarusian School of Economics).

5. Serebryakov, V. O. Belarusian-Chinese relations at the present stage : a new era of cooperation / V. O. Serebryakov // Internat. coop. of Eurasian states : politics, economics, law. – 2023. – № 3. – P. 54–60.

6. On the development of bilateral relations of the Republic of Belarus with the People's Republic of China : Directive of the President of the Republic of Belarus dated December 3, 2021, № 9. – URL : https://president.gov.by/fp/v1/319/document-thumb__36319__original/36319.1638547830.b2fc052335.pdf (date of access : 19.10.2025).

7. Joint Declaration of the Republic of Belarus and the People's Republic of China on the establishment of all-weather and comprehensive strategic partnership relations 2022. – URL : https://china.mfa.gov.by/kcfinder/upload/china/files/embassy/decloration.pdf (date of access : 11.10.2025).

8. Joint development plan of the Republic of Belarus and the People's Republic of China based on the integration of strategic programs of the two countries for the medium and long term. – URL : https://sov.minsk.gov.by/docs/sotrudnichestvo-s-knr/plan_sovmestnogo_razvitiya.pdf (date of access : 19.10.2025).

9. Vasilevich, G. V. Constitutional principle of economy in regulating public relations. – URL : https://elib.bsu.by/handle/123456789/93321 (date of access : 19.10.2025).

10. On international treaties of the Republic of Belarus : Law of the Rep. of Belarus, July 23, 2008, № 421-Z (as amended on 08-07-2024). – URL : https://cis-legislation.com/document.fwx?rgn=23953 (date of access : 19.10.2025).

11. On the Ratification of the Treaty of Friendship and Cooperation between the Republic of Belarus and the People's Republic of China : Treaty of friendship and cooperation between the Republic of Belarus and the People's Republic of China, ratified by the Law of the Republic of Belarus dated October 22, 2015. – URL : https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=I01500037&p1=1 (date of access : 19.10.2025).

12. Dovgan, E. F. Legal status of intergovernmental agreements and international agreements of an interdepartmental nature of the Republic of Belarus / E. F. Dovgan // Pravo.by. – 2019. – № 2 (58). – P. 76–83.

13. Agreement between the Government of The People's Republic of China and the Government of The Republic of Belarus relating to civil air transport 1995. – URL : http://www.caac.gov.cn/English/Transport/Bilateral/OYDQ/Belarus/ys/202304/P020230414547721649078.pdf (date of access : 19.10.2025).

14. Agreement between the Government of the Republic of Belarus and the Government of the People's Republic of China on international road transport of passengers and cargo dated April 24, 2019. – URL : https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=I01900011&p1=1&p5=0 (date of access : 19.10.2025).

15. Borodich, A. I. On the issue of concluding international treaties / A. I. Borodich // Economic and legal sciences. Civil and international law. – 2017. – № 6. – P. 151–157.

16. Agreement between the State Customs Committee of the Republic of Belarus and the General Administration of Customs of the People's Republic of China on the mutual recognition of the authorized economic operators' program of the Republic of Belarus and the program of the People's Republic of China for the management of bona fide enterprises. URL : https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=I01900013&p1=1&p5=0 (date of access : 19.10.2025).

17. Salmygina, E. D. Partnership relations between People's Republic of China and the Republic of Belarus in the situation of modern challenges towards Belarus / E. D. Salmygina // Territory Development. – 2022. – № 2. – P. 38–43.

18. Zhang, X. Assessing the Market Niche of Eurasian Rail Freight in the Belt and Road Era / X. Zhang, H.-J. Schramm // International Journal of Logistics Management. – 2020. – № 31 (4). – P. 1–27.

19. The Republic of Belarus – 25 years of creation and achievements : In 7 vol. / N. A. Abramchuk [et al] ; ed. by V. P. Andreichenko [et al]. – Minsk : Bel. nauvuka, 2020. – T. 3 : Economic development. – 795 p.

20. Veremeev, N. Yu. Strategic partnership between Belarus and China : stages of bilateral cooperation / N. Yu. Veremeev // Universum : social sciences : electronic scientific journal. – 2021. – № 10 (78). – P. 20–22.

21. Agreement on the development of international freight transport and cooperation in the implementation of the concept of construction of the Silk Road Economic Belt, 2017 // National Legal Internet Portal of the Rep. of Belarus. – URL : https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=I01700065 (date of access : 11.10.2025).

22. Belarus and China intend to strengthen transport and logistics ties // Ministry of Transp. and Commun. of the Republic of Belarus. – URL : https://mintrans.gov.by/ru/press-tsentr/novosti/item/13652-belarus-i-kitaj-namereny-ukreplyat-transportno-logisticheskie-svyazi (date of access : 19.10.2025).

23. About the China-Belarus Industrial Park «Great Stone» // Belarusian Ministry of Foreign Affairs. – URL : https://china.mfa.gov.by/ru/invest/ (date of access : 19.10.2025).

24. Agreement between the Government of the Republic of Belarus and the Government of the People's Republic of China on the China-Belarus Industrial Park. – URL : https://industrialpark.by/upload/iblock/aee/aeecfc945aba7dd468c5110f17da479c.pdf (date of access : 19.10.2025).

25. Bonino, M. New Silk Road : The Architecture of the Belt and Road Initiative / M. Bonino, F. Carota, Sohrab Ahmed Marri. – Switzerland : Birkhäuser, 2025. – 232 p.

26. Khotko, O. A. The legal grounds for the formation and promising directions of the development of the general transport and logistics space in the Eurasian economic union Integration processes in Eurasia : status, challenges, prospects / O. A. Khotko // Proceedings of the III International scien. and pract. conf. dedicated to the 30th anniversary of the Faculty of International Relations of the Belarusian State University, Minsk, April 17, 2025 / BSU ; ed. board: E. A. Dostanko (ed.-in-chief) [et al.]. – Minsk, 2025. – 466 p.

27. A Forever Cooperation Strategy. Snopkov on the draft new Directive on Relations with China. – URL : https://belta.by/politics/view/strategija-sotrudnichestva-navsegda-snopkov-o-proekte-novoj-direktivy-po-otnoshenijam-s-kitaem-761216-2026/ (date of access : 19.10.2025).

Белорусский государственный университет Поступила в редакцию 10.11.2025

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 2 (155), 2026

Экономика

УДК 330.35:338.1:339.9:332.1 EDN: TLJMWJ

Структурная динамика и макроэкономическая устойчивость экономики Республики Беларусь

О.А. Балабанович

В статье проводится анализ социально-экономического развития Республики Беларусь в условиях санкционного давления и трансформации глобальных экономических связей. Рассматриваются динамика экономического роста, структурные изменения национальной экономики, состояние внешнеэкономической деятельности, инвестиционно-инновационного развития, а также демографические и трудовые процессы. Выявлены ограничения долгосрочного развития: низкая диверсификация, слабая инновационная активность, демографическое старение и слабый вклад малого и среднего предпринимательства. Обосновывается необходимость перехода к модели устойчивого развития, основанной на человеческом капитале, инновациях и институциональной модернизации.
Ключевые слова: экономический рост, макроэкономическая устойчивость, структурные трансформации, социально-экономическое развитие, устойчивое развитие.

The article analyzes the socio-economic development of the Republic of Belarus under conditions of sanctions pressure, the transformation of global economic ties, and limited access to external sources of financing. It examines the dynamics of economic growth, structural changes in the national economy, the state of foreign economic activity, investment and innovation development, as well as demographic and labor processes. It is shown that the current development model combines elements of macroeconomic stability with pronounced structural inertia. The key constraints on long-term development are identified, including low economic diversification, limited innovation activity, population aging, and the weak contribution of small and medium-sized enterprises. The necessity of transitioning from adaptive growth to a model of sustainable development based on human capital, innovation, and institutional modernization is substantiated.
Keywords: economic growth, macroeconomic stability, structural transformations, socio-economic development, sustainable development.

Экономика Беларуси в 2020–2025 гг. проходит стресс-тест на устойчивость: внешнее санкционное давление, перестройка цепочек поставок, ограничение доступа к капиталу. Цель работы – выявить факторы устойчивости, направления трансформации и ограничения долгосрочного роста.

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ И СТРУКТУРА ЭКОНОМИКИ. Экономика Беларуси в I кв. 2025 г. выросла на 3,2 % по сравнению с аналогичным периодом прошлого года, ускорившись после расширения на 2,5 % в предыдущем квартале. Темп роста ВВП в годовом выражении в среднем составил 1,17 % с 2011 по 2025 г., достигнув исторического максимума в 11,05 % во II квартале 2011 г. и рекордного минимума в -7,90 % во II квартале 2022 г. [1]. Доля ВВП Беларуси в мировой экономике составляет 0,07 % [2]. После спада 2015–2016 гг., вызванного снижением экспортных цен и рецессией в Российской Федерации, в 2017–2019 гг. фиксировалось восстановление (рост до 3,8 % в 2018 г.). Однако кризис 2020 г. привёл к сокращению ВВП на 0,9 %. С 2021 г. отмечается фаза адаптационного восстановления. Прогноз на 2025 г. оценивает рост ВВП на уровне 3,1 % [3]. По текущим ценам объём ВВП Беларуси в 2024 г. составил 75 млрд дол США [4]. Однако номинальные показатели роста в значительной степени детерминированы инфляционным фактором, курсом национальной валюты и динамикой внешней торговли, что свидетельствует о качественной неоднородности экономического роста.

Вклад ключевых секторов в формирование ВВП в 2024–2025 гг. распределяется следующим образом [5], [6]: промышленность – около 26 % (основные отрасли: машиностроение, нефтехимия, пищевая промышленность); сфера услуг – около 53 %, при этом рост ограничен административным регулированием и слабостью частного сектора; строительство – 7 %, де-

монстрирует умеренное увеличение вследствие государственных программ по развитию инфраструктуры и жилищного фонда; сельское хозяйство – 6 %, характеризуется снижением производительности из-за технологической отсталости и логистических проблем; энергетика и ЖКХ – около 4 %, где стабилизирующим фактором выступает ввод в эксплуатацию БелАЭС.

Несмотря на постепенное смещение акцентов в сторону импортозамещения и экспортной переориентации на рынки ЕАЭС и Азии, структурная диверсификация остаётся ограниченной. Сохраняется зависимость от экспорта калийных удобрений, нефтепродуктов, машиностроительной и продовольственной продукции, что чувствительно к колебаниям внешнего спроса и цен [7]. Попытки усилить диверсификацию через развитие IT-сектора обеспечивают точечный, но не системный эффект. В сравнении с началом 2000-х гг. доля промышленности в ВВП снизилась с 36 % до 25 %, а услуг – выросла с 42 % до 53 % [5]. Умеренный рост, поддерживаемый промышленным экспортом, господдержкой и кредитной экспансией [8]. Вклад малого и среднего предпринимательства (МСП) остаётся скромным – около 30 % ВВП и 30 % занятости [9]. Основная часть экономического роста обеспечивается крупными госпредприятиями. Ключевыми драйверами роста остаются экспортно-ориентированное производство; государственные инвестиции и кредитная поддержка промышленных предприятий; инфраструктурные проекты с участием китайских и российских инвестиций; внутренний потребительский спрос. Ограничивающими факторами являются высокая стоимость заёмных ресурсов, административные барьеры, санкционные ограничения и технологическое отставание, что снижает производительность и инновационную гибкость предприятий [10], [11].

Ретроспективный анализ показывает, что белорусская экономика прошла путь от постсоветской модели планового хозяйства к частично рыночной системе. 2000–2010 гг. – этап индустриального роста, основанного на господдержке и субсидиях экспортёрам; 2011–2015 гг. – период внешнеэкономических шоков, девальваций и снижения темпов роста; 2016–2019 гг. – относительная стабилизация; 2020–2025 гг. – фаза адаптации к санкционным ограничениям и формирование «восточного вектора» внешнеэкономической политики.

Таким образом, структурная трансформация носит инерционный характер: постепенные сдвиги происходят в границах существующей модели. Экономика Беларуси демонстрирует умеренный адаптационный рост, основанный преимущественно на ресурсно-индустриальной базе и господдержке. При этом сохраняются структурные ограничения: низкая диверсификация, слабая инновационная активность и ограниченный вклад МСП.

ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКИЕ СВЯЗИ И ТОРГОВЫЙ БАЛАНС. Выраженная экспортная ориентация: более 60 % продукции промышленности и АПК поставляется на внешние рынки [12]. Важнейшие экспортные позиции: продукция нефтехимии, машиностроения, металлургии, деревообработки, легкой промышленности, молочная и мясная продукция, мебель, стекло, стекловолокно, цемент [13]. Экспортная составляющая выступает ключевым источником валютных поступлений. Внешнеторговый оборот за январь–апрель 2025 г. – 31,6797 млрд USD и вырос на 2,2 % [14]. При этом: экспорт – 15,4118 млрд USD (–0,3 %), импорт – 16,2678 млрд USD (+4,7 %), в результате чего дефицит торгового баланса увеличился до 856 млн, что почти вдвое выше прошлогоднего значения. Несмотря на ухудшение сальдо, оно не носит системного характера: ситуацию стабилизируют приток инвестиций, положительное сальдо торговли услугами и курсовая разница. Компенсация происходит за счёт роста экспорта услуг, прежде всего IT (экспорт услуг резидентов ПВТ составил 2,7 млрд USD в 2020 г. и 3,2 млрд USD в 2021 г., в 2023–2025 гг. наблюдается переориентация поставок на азиатские и ближневосточные рынки), транспортно-логистических и образовательных [15]. Так, внешнеэкономическая деятельность проходит фазу структурной перестройки и региональной переориентации. Несмотря на увеличение дефицита торгового баланса и снижение экспорта в страны ЕС, белорусская экономика сохраняет экспортный потенциал, используя новые каналы поставок и развивая внешнюю торговлю услугами. Ключевой вызов – сохранение конкурентоспособности в условиях санкций и технологической изоляции, что требует перехода к модели инновационно-диверсифицированного роста.

ФИНАНСОВАЯ И ВАЛЮТНАЯ СИСТЕМА функционирует в условиях повышенных внешнеэкономических рисков, ограниченного доступа к международным рынкам капитала и сохраняющегося давления санкций. Несмотря на сохраняемую стабильность номинальных

макропоказателей, внутренние дисбалансы валютного рынка, высокий уровень долларизации и структурные ограничения денежно-кредитной политики формируют уязвимости финансового сектора. Инфляционные процессы сохраняют устойчивый характер. Среднегодовой уровень инфляции за 2014–2024 гг. составил около 9,2 %, а в апреле 2025 г. годовая инфляция достигла 6,5 %, увеличившись с 5,9 % в марте [16], [17]. Расширение расчётов в национальных валютах усилило роль валютных переоценок в формировании внешнеторговых индикаторов. Национальный банк снижает ставку рефинансирования, но это не отражается на доступности кредитов. Так, высокая инфляция + «дорогие деньги» → подавление инвестиционной активности, особенно в МСП, снижение прибыльности и финансовой устойчивости. Корреляционный анализ показывает: в периоды высокой инфляции бизнес-активность снижается, особенно в сегменте МСП. Ключевые направления повышения эффективности: постепенная дедолларизация и диверсификация резервов; углубление расчётов в национальных валютах партнёров; развитие внутреннего долгового рынка и инструментов длинного фондирования; повышение прозрачности монетарных интервенций и независимости регулятора. При валютной стабилизации возможно достижение долгосрочной финансовой устойчивости.

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ФИНАНСЫ И ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ. Основное внимание уделяется обеспечению сбалансированности бюджета, контролю за уровнем государственного долга и поддержанию макроэкономической стабильности при сохранении социальной направленности расходов [18], [19]. Финансовая и фискальная система демонстрирует относительную устойчивость в условиях внешних ограничений, однако сохраняет структурные дисбалансы. Бюджетная политика остаётся социально ориентированной, но ограниченные источники доходов и растущие обязательства увеличивают риск долговой нагрузки. Эффективность налогово-бюджетной системы сдерживается высокой степенью административного регулирования и недостаточной предсказуемостью нормативных решений. Для обеспечения устойчивого роста необходим переход к более гибкой фискальной политике, стимулирующей частные инвестиции и инновационную активность, а также последовательная реформа институциональной среды и налогового администрирования [20], [21].

ИНВЕСТИЦИИ, МОДЕРНИЗАЦИЯ И ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ. Инвестиционные процессы характеризуются структурной нестабильностью и умеренной эффективностью капиталовложений. В 2014–2024 гг. объём инвестиций в основной капитал демонстрировал волнообразную динамику: после роста в 2017–2019 гг. последовал спад в 2020 г. и частичное восстановление к 2023–2024 гг. [22]. Такая неустойчивость отражает зависимость инвестиционной активности от колебаний внешнеэкономической конъюнктуры, санкционного давления и особенностей регулирования. Приток прямых иностранных инвестиций остаётся ограниченным: за 2024 год вложено в реальный сектор экономики Беларуси 6,9 млрд USD, что на 0,8 млрд (11,6 %) меньше, чем в 2023 г. [23]. Технологическое обновление осуществляется преимущественно через восстановление существующих мощностей, а не через внедрение инноваций. Доля расходов на НИОКР в ВВП в составила 0,48 %, что является очень низким показателем [24], [25]. Инновационная активность сосредоточена в ограниченном числе отраслей – IT, фармацевтика, оптическое приборостроение и военно-промышленный комплекс. Лишь около 20 % предприятий внедряли новые технологические процессы в 2023–2024 гг. [26]. Таким образом, современная инвестиционно-технологическая система Беларуси находится на этапе адаптационного роста, когда количественное расширение капиталовложений не сопровождается эквивалентным ростом технологической эффективности. Приоритетными направлениями государственной политики должны стать институциональное укрепление инвестиционного климата; расширение механизмов ГЧП; стимулирование внутренних источников финансирования; повышение доли инвестиций в НИОКР и цифровую индустрию. Экономическое развитие будет зависеть от способности перейти к технологически насыщенным стратегиям роста, ориентированным на инновации и экспортную конкурентоспособность.

ИНФРАСТРУКТУРА И ПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ МОЩНОСТИ. Современная конфигурация производственных мощностей отражает двойственный характер: с одной стороны, сохранён значительный физический потенциал, унаследованный от советского периода, с другой – ограниченное распространение цифровых и автоматизированных решений. Струк-

турная неоднородность, высокий износ фондов и ограниченные объёмы инвестиций в модернизацию препятствуют росту производительности. В долгосрочной перспективе устойчивое развитие требует синхронизации инвестиционной и технологической политики, концентрации ресурсов на приоритетных кластерах и создания национальных центров технологической модернизации. Это позволит перейти от экстенсивного использования производственных мощностей к модели инновационно-индустриального роста, соответствующей принципам «Индустрии 4.0» и глобальным стандартам устойчивого развития [26], [27], [28].

ЭНЕРГЕТИКА И ЛОГИСТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА. Запуск второго энергоблока БелАЭС в 2023 г. трансформировал структуру энергобаланса: доля электроэнергии в энергопотреблении выросла, тогда как использование природного газа и нефтепродуктов – сократилось. Энергоёмкость ВВП превышает среднеевропейские показатели в 1,7 раза, что обусловлено преобладанием энергоёмких производств [29]. Показатель энергетической независимости Беларуси с учетом БелАЭС составляет 27,5 % [30]. Ключевые системные риски - энергетический: высокая энергоёмкость ВВП и зависимость от импорта энергоресурсов при ограниченном внедрении ВИЭ; технологический: износ основных фондов и отставание в цифровизации производственных и логистических процессов; логистический: снижение экспортно-транзитного потенциала и ограничение доступа к западным транспортным коридорам; геоэкономический: уязвимость к ценовым и инфраструктурным шокам. Для смягчения этих вызовов необходима реализация комплексной стратегии технологической модернизации, включающей повышение энергоэффективности и формирование национальной сети мультимодальных логистических центров.

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ И РЫНОК ТРУДА. Численность населения на начало 2025 г. – около 9,1 млн (снижение на 400 тыс. с 2019) [31]. Естественная убыль с 1994 г., суммарный коэффициент рождаемости – 1,35 при уровне замещения 2,1 [32]. Миграционные процессы не компенсируют естественную убыль, отмечается отток молодёжи и высококвалифицированных специалистов в страны ЕС и Россию, что формирует устойчивый тренд демографической деградации [33]. Доля лиц старше трудоспособного возраста – более 24 %, доля трудоспособных падает с 62,5 % до 57,5 %, средний возраст населения достиг 41,8 года и продолжает расти [34]. Это создаёт дополнительные вызовы для национальной пенсионной системы и системы здравоохранения, а также сокращает объём потенциальных трудовых ресурсов. Старение трудоспособного контингента ведёт к замедлению темпов экономического роста и увеличению нагрузки на работающую часть населения [35].

Рынок труда демонстрирует противоречивые тенденции. С одной стороны, уровень официальной безработицы остаётся низким: с 5,9 % в 2014 г. он снизился до 3,0 % в 2024 г. [36], [37]. С другой – отмечается острый дефицит рабочей силы во многих секторах экономики (информационные технологии, строительство, здравоохранение, сельское хозяйство), что свидетельствует о структурных дисбалансах между спросом и предложением труда. Имеют место региональные и гендерные диспропорции: в Минске – наивысшие уровни занятости и доходов, тогда как в Витебской и Гомельской областях наблюдаются отток населения и высокая доля занятых в бюджетной сфере. Женщины, составляющие около 53 % рабочей силы, преимущественно заняты в низкооплачиваемых социальных секторах (образование, здравоохранение) и менее представлены в технических и управленческих профессиях [38].

Темпы роста производительности труда остаются умеренными и уступают странам ОЭСР. Реальная заработная плата отстаёт от инфляции, что усиливает отток молодых и высококвалифицированных кадров в страны с более высоким уровнем оплаты и социальных гарантий [34]. Избыточная занятость в госсекторе и на госпредприятиях сочетается с дефицитом специалистов в инженерных, технических и ИТ-профессиях. Сельская занятость остаётся низкооплачиваемой и малопродуктивной [39]. В результате наблюдается деградация кадрового потенциала и усиление рисков для устойчивости национальной экономики. Для преодоления дисбалансов требуется комплексная реструктуризация рынка труда и адаптация образовательной и миграционной политики к новым демографическим реалиям.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ. Реальные располагаемые доходы в январе–июле 2025 г. – 110 % к аналогичному периоду 2024 г. [40]. Структура доходов: оплата труда – 66,3 %, трансферты – 22 %, предпринимательство – 7,3 %. Индекс потребительских

цен в августе 2025 – 105,3 % к декабрю 2024 [41]. Потребительские расходы консервативны: более 70 % – на питание, ЖКУ, транспорт [42]. Таким образом, поведение потребителей носит преимущественно оборонительный характер: стратегия «выживания» вытесняет стратегию накопления и инвестиций. Усиление зависимости потребления от кредитования при ограниченном росте доходов формирует риски макроэкономической устойчивости. Индекс человеческого развития (ИЧР) составил 0,824 (65-е место из 193) [43]. Вместе с тем выявляются структурные ограничения: демографическое старение населения и низкая продолжительность жизни мужчин; миграция высококвалифицированных специалистов; умеренный рост ВНД на душу населения. По данным обзора ПРООН и ЕЭК ООН, успешно реализованы ЦУР 1-4, но замедлен прогресс по направлениям ЦУР 8 и ЦУР 9. Общая оценка сводится к тому, что Беларусь сохраняет устойчивые позиции по социальным индикаторам, но отстаёт по параметрам экономической и экологической устойчивости [44], [45]. В долгосрочной перспективе устойчивое развитие будет зависеть от способности государства сбалансировать бюджетную и социальную политику; интегрировать приоритеты ЦУР в экономическое планирование; повысить качество человеческого капитала и снизить демографические риски.

Проведённый анализ показывает, что Беларусь сегодня находится именно на границе – между адаптацией и трансформацией. Макроэкономическая устойчивость последних лет достигнута в основном за счёт государственного сектора и жёстких регуляторов, что приближает экономику к состоянию, когда количество не переходит в качество.

Белорусская экономика демонстрирует высокую образованность трудовых ресурсов, развитую инфраструктуру и значительный человеческий капитал, но пока не создала достаточно стимулов для инновационной активности и предпринимательской инициативы – движущих сил.

В долгосрочной перспективе устойчивость и конкурентоспособность белорусской экономики будут определяться не столько сохранением макрофинансового равновесия, сколько способностью государства и бизнеса синхронизировать экономический рост с социальными и технологическими преобразованиями. Именно поэтому в долгосрочной перспективе экономический рост Беларуси зависит от качества доверия между государством, бизнесом и обществом.

Литература

1. Belarus GDP Growth Annual // Trading Economics. – URL : https://ru.tradingeconomics.com/belarus/gdp-growth-annual (date of access : 25.07.2025).

2. Belarus GDP // Trading Economics. – URL : https://ru.tradingeconomics.com/belarus/gdp (date of access : 25.07.2025).

3. Belarus GDP Growth Rate (2025 forecast) // Trading Economics. – URL : https://tradingeconomics.com/belarus/indicators (date of access : 25.07.2025).

4. О валовом внутреннем продукте в 2024 году // Белстат. – URL : https://www.belstat.gov.by/o-belstate_2/novosti-i-meropriyatiya/novosti/o_valovom_vnutrennem_produkte_v_2024_godu/ (дата обращения : 25.07.2025).

5. World Development Indicators : Belarus // The World Bank. – URL : https://data.worldbank.org/country/belarus (date of access : 25.07.2025).

6. Современная структура экономики Беларуси // Бел. энцыклапедыя. – URL : https://belarusenc.by/belarus/detail-article.php?ID=10201#h1 (дата обращения : 25.07.2025).

7. World Investment Report 2024 // UNCTAD. – URL : https://unctad.org/publication/world-investment-report-2024 (date of access : 25.07.2025).

8. Republic of Belarus : Staff Report // IMF. – URL : https://www.imf.org/~/media/Files/Publications/CR/2020/English/1BLREA2020003.ashx (date of access : 25.07.2025).

9. Доля малого и среднего бизнеса в ВВП Беларуси составляет почти 30 // БелТА. – URL : https://belta.by/economics/view/snopkov-dolja-malogo-i-srednego-biznesa-v-vvp-belarusi-sostavljaet-pochti-30-696432-2025/ (дата обращения : 21.05.2025).

10. Economic Outlook : Belarus 2024 // OECD. – URL : https://oecd.org/economy/belarus (date of access : 25.07.2025).

11. Republic of Belarus : Country Report No. 20/03 // IMF. – URL : https://www.imf.org/en/Publications/CR/Issues/2024/01/19/Republic-of-Belarus (date of access : 25.07.2025).

12. Шамко, Д. Дуга перспектив / Д. Шамко // Народная газета. – 20 мая 2024. – URL : https://www.sb.by/articles/duga-perspektiv.html (дата обращения : 20.03.2025).

13. Внешняя торговля : экспортные товары и услуги // Официальный интернет-портал Президента Республики Беларусь. – URL : https://president.gov.by/ru/belarus/economics/vneshnjaja-torgovlya/eksportnye-tovary-i-uslugi (дата обращения : 03.05.2025).

14. Внешнеторговый оборот товаров и услуг Беларуси в январе–апреле вырос на 2,2 % // БелТА. – URL : https://belta.by/economics/view/vneshnetorgovyj-oborot-tovarov-i-uslug-belarusi-v-janvare-aprele-vyros-na-22-723060-2025/ (дата обращения : 25.07.2025).

15. В ПВТ рост экспорта, рабочих мест и отчислений в бюджет // Парк высоких технологий. – URL : https://park.by/press/news/v_pvt_rost_eksporta_rabochikh_ mest_i_otchisleniy_v_byudzhet_/ (дата обращения : 10.01.2025).

16. Индекс потребительских цен // Белстат. – URL : https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/realny-sector-ekonomiki/tseny/potrebitelskie-tseny/operativnye-dannye/indeks-potrebitelskikh-tsen-po-respublike-belarus-za-otchetnyy-mesyats-po-otnosheniyu-k-sootvetstvuyu/ (дата обращения : 25.07.2025).

17. О ценовой ситуации на потребительском рынке в апреле 2025 г. // Министерство антимонопольного регулирования и торговли Республики Беларусь. – URL : https://www.mart.gov.by/news/novost/o-tsenovoy-situatsii-na-potrebitelskom-rynke-v-aprele-2025-g/ (дата обращения : 25.07.2025).

18. Закон Республики Беларусь №48-З // Министерство финансов Республики Беларусь. URL : https://www.minfin.gov.by/upload/bp/act/zakon_131224_48z.pdf (дата обращения : 25.07.2025).

19. Belarus : economic summary : January–June 2021 / Ministry of Finance of the Republic of Belarus [et al.]. – Minsk, 2021. – 13 p.

20. Платежный баланс и внешний долг Беларуси // NEG.by. – URL : https://neg.by/novosti/otkrytj/platezhnyy-balans-i-vneshniy-dolg-belarusi/ (дата обращения : 25.07.2025).

21. Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – URL : https://pravo.by/novosti/obshchestvenno-politicheskie-i-v-oblasti-prava/2024/december/79998/ (дата обращения : 25.07.2025).

22. Инвестиции в основной капитал // Белстат. – URL : https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/realny-sector-ekonomiki/investitsii-i-stroitelstvo/investitsii-v-osnovnoy-kapital/ (дата обращения : 25.07.2025).

23. Иностранные инвестиции // Белстат. – URL : https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/realny-sector-ekonomiki/inostrannye-investitsii/ (дата обращения : 25.07.2025).

24. Research and Development Expenditure // GTMarket. – URL : https://gtmarket.ru/ratings/research-and-development-expenditure (date of access : 25.07.2025).

25. Белорусские ученые отмечают профессиональный праздник // NEG.by. – URL : https://neg.by/novosti/otkrytj/belorusskie-uchenye-otmechayut-professionalnyy-prazdnik/ (дата обращения : 25.07.2025).

26. Industrial Development Report 2024 : Transforming Industrial Policy for Inclusive and Sustainable Growth // UNIDO. – URL : https://www.unido.org/publications/industrial-development-report-2024 (date of access : 25.07.2025).

27. Digital Economy Outlook 2023 // OECD. – URL : https://www.oecd.org/en/publications/country-by-country-reporting-compilation-of-2024-peer-review-reports_f3d3f36f-en/full-report/belarus_f018882d.html (date of access : 25.07.2025).

28. World Bank. Belarus Economic Update 2024 : Structural Transformation and. – URL : https://data.worldbank.org/country/belarus (date of access : 25.07.2025).

29. Belarus Energy Profile // IEA. – URL : https://www.iea.org/reports/belarus-energy-profile/energy-security (date of access : 25.07.2025).

30. Энергетическая независимость Беларуси составляет 27,5 % // БелТА. – URL : https://eng.belta.by/economics/view/belarus-energy-independence-at-275-157592-2024/ (дата обращения : 25.07.2025).

31. Численность населения // Белстат. – URL : https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/ssrd-mvf_2/natsionalnaya-stranitsa-svodnyh-dannyh/naselenie_6/chislennost-naseleniya1_yan_poobl/?special_version=Y (дата обращения : 25.07.2025).

32. World Population Prospects 2024 // UN DESA. – URL : https://population.un.org/wpp/ (date of access : 25.07.2025).

33. Belarus Data and Indicators // The World Bank. – URL : https://data.worldbank.org/country/belarus (date of access : 25.07.2025).

34. Economic Outlook 2024 : Eastern Europe // OECD Publishing. – URL : https://www.oecd.org/en/publications/oecd-economic-outlook-volume-2024-issue-1_69e0b6b2-en.html (date of access : 25.07.2025).

35. Employment and Social Trends in Eastern Europe 2023 // International Labour Organization. – URL : https://www.ilo.org/publications/employment-and-social-trends-eastern-europe-2023 (date of access : 25.07.2025).

36. Статистические данные о рынке труда // Белстат. – URL : https://www.belstat.gov.by/upload/iblock/66e/7l0tc5n78wkj4ulk6er8jxshk1m1k740.pdf (дата обращения : 25.07.2025).

37. Belarus : Unemployment Rate 2024 // Focus Economics. – URL : https://www.focus-economics.com/country-indicator/belarus/unemployment (date of access : 25.07.2025).

38. Gender Equality in the Labour Market : Belarus Report // UNDP Belarus. – URL : https://www.undp.org/belarus/publications/gender-equality-labour-market (date of access : 25.07.2025).

39. Социально-экономическое развитие стран Восточной Европы : обзор 2024 г. // UN Economic Commission for Europe. – URL : https://unece.org/publications (дата обращения : 25.07.2025).

40. Уровень денежных доходов населения // Белстат. – URL : https://www.belstat.gov.by/o-belstate_2/novosti-i-meropriyatiya/novosti/ob_urovne_denezhnykh _dokhodov_naseleniya_v_yanvare_iyule_2025_g/ (дата обращения : 25.07.2025).

41. Изменение потребительских цен в августе 2025 г. // Белстат. – URL : https://www.belstat.gov.by/o-belstate_2/novosti-i-meropriyatiya/novosti/ob_izmenenii_ potrebitelskikh_tsen_v_avguste_2025_g/ (дата обращения : 25.07.2025).

42. Годовые данные по потребительским ценам // Белстат. – URL : https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/realny-sector-ekonomiki/tseny/potrebitelskie-tseny/godovye-dannye/ (дата обращения : 25.07.2025).

43. Human Development Report 2024 // UNDP. – URL : https://hdr.undp.org/system/files/documents/global-report-document/hdr2025reporten.pdf (date of access : 25.07.2025).

44. Беларусь демонстрирует постоянный прогресс в достижении целей устойчивого развития // Министерство экономики Республики Беларусь. – URL : https://economy.gov.by/ru/news-ru/view/andrej-kartun-belarus-demonstriruet-postojannyj-progress-v-dostizhenii-tselej-ustojchivogo-razvitija-49759-2024/ (дата обращения : 25.07.2025).

45. SDG Indicators Database : Country Profile – Belarus // UNSD. – URL : https://unstats.un.org/sdgs/dataportal/countryprofiles/BLR (date of access : 25.07.2025).

Белорусский государственный
экономический университет

Поступила в редакцию 21.11.2025

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 2 (155), 2026

УДК 33:004.77 EDN: TMFGCL

Шеринг-экономика как новая парадигма распределения ресурсов: модель развития и этапы эволюции в Китае

А.М. Баранов[1], Сюй Бэнь[2]

Рассматриваются теоретико-методологические аспекты развития экономики совместного потребления как новой парадигмы распределения ресурсов и услуг. Уточнены основные фазы эволюции шеринга, включая переход от идеализации в нишевых сообществах к экспоненциальному росту цифровых платформ, их последующей интеграции и синергетического взаимодействия с технологиями искусственного интеллекта. Разработаны авторские теоретико-методологические подходы к анализу преимуществ и вызовов шеринг-экономики, интегрирующие модели монетизации шеринга, сетевых эффектов и концепцию баланса между инновациями и устойчивостью совместного потребления. В рамках исследования создана и апробирована эконометрическая модель (регрессионный анализ), позволившая оценить влияние роста объема мобильных платежей на динамику рынка шеринг-экономики в Китае. Систематизированы институциональные вызовы и регуляторные дилеммы, возникшие на этапе консолидации рынка, включая проблемы нерегулируемого роста, риски банкротств цифровых платформ и трансформацию рынка труда. Определены особенности китайской модели шеринга с акцентом на интеграцию в супер-приложения и процессы гибридизации в экосистемах «умных» городов. Обоснованы приоритеты макроэкономической политики в области сотрудничества общества, бизнеса и государства, направленные на обеспечение устойчивого развития шеринг-экономики, адаптацию к волатильности финансовых рынков и решение экологических и социальных проблем.
Ключевые слова: шеринг-экономика, цифровые платформы, мобильные платежи, регрессионный анализ, Китай, супер-приложения, гибридизация, устойчивое развитие, регуляторные вызовы, рынок труда.

The theoretical and methodological aspects of the development of the sharing economy as a new paradigm of resource and service distribution are considered. The main phases of sharing evolution are specified, including the transition from idealization in niche communities to the exponential growth of digital platforms, their subsequent integration, and synergistic interaction with artificial intelligence technologies. Author-developed theoretical-methodological approaches to analyzing the advantages and challenges of the sharing economy are elaborated, integrating models of sharing monetization, network effects, and the concept of balance between innovation and the sustainability of shared consumption. Within the framework of the study, an econometric model (regression analysis) was created and tested, allowing to assess the influence of the growth in mobile payment volume on the dynamics of the sharing economy market in China. Institutional challenges and regulatory dilemmas that emerged at the market consolidation stage are systematized, including issues of unregulated growth, risks of digital platform bankruptcies, and labor market transformation. The features of the Chinese sharing model are identified with an emphasis on integration into super-apps and hybridization processes in smart city ecosystems. Priorities for macroeconomic policy in the field of cooperation between society, business, and the state are justified, aimed at ensuring the sustainable development of the sharing economy, adaptation to the volatility of financial markets, and addressing environmental and social problems.
Keywords: sharing economy, digital platforms, mobile payments, regression analysis, China, super apps, hybridization, sustainable development, regulatory challenges, labor market.

Введение. Экономика совместного потребления, или шеринг, прошла стремительную эволюцию от нишевой идеи до глобального экономического феномена, кардинально изменив ландшафт целых отраслей. Её развитие представляло собой не линейный процесс, а скорее последовательную смену парадигм, обусловленную технологическими прорывами, трансформациями в потребительском поведении и адаптивными реакциями регуляторных органов [1]. Глобальная экономика совместного потребления постепенно эволюционировала от индивидуальных форм к социальным моделям. Она трансформировалась от традиционной схемы, где отдельные лица обмениваются ресурсами за денежное вознаграждение, к доминированию корпораций, предоставляющих цифровые платформы для обмена объектами собственности с учетом передачи прав на их использование. Такая эволюция способствовала росту занятости и перераспределению ресурсов на макроуровне [2]. Как формирующаяся макроэкономическая модель, экономика совместного потребления обеспечивает эффективное распределение ресурсов за счет технологий цифровой экономики.

Основная часть. Эволюцию шеринг-экономики можно условно разделить на четыре ключевых этапа:

1. Зарождение и идеализация (2008–2012 гг.). Глобальный финансовый кризис 2008 г. подорвал доверие к традиционным институтам собственности и стимулировал интерес к ее альтернативным, более экономичным формам потребления [1]. В этот период появились первые цифровые платформы шеринга, такие как Airbnb (2008) и Uber (2009). Их рост был органическим, но медленным, а движущей силой выступала скорее идеология сообщества и устойчивого развития, чем коммерческая выгода. Ключевой задачей платформ было создание механизмов доверия между незнакомыми субъектами через системы рейтингов и верификаций [3], [4]. На этом этапе шеринг рассматривался как способ демократизации распределения ресурсов, основанный на социальных связях, с сильным акцентом на экологию и социальную ответственность, без доминирования функции накопления капитала.

2. Экспоненциальный рост и «золотая лихорадка» (2013–2017 гг.). Массовое распространение смартфонов, мобильного интернета и электронных платежей создало технологическую основу для масштабирования сервисов шеринга. Представители венчурных компаний активно искали «следующий Uber» в любой возможной нише, что привело к взрывному росту числа платформ, пользователей и инвестиций. Модели шеринга были дублированы и адаптированы для десятков новых секторов: от доставки еды (Deliveroo) и аренды одежды (Rent the Runway) до совместной работы (WeWork). Этот период характеризовался высокой волатильностью, с множеством неудачных проектов, но также в этот период были сформированы глобальные лидеры, чья капитализация достигла миллиардов долларов, определяя переход от идей к коммерческому успеху [1].

3. Консолидация и регулирование (2018–2022 гг.). Рынок стал перенасыщенным, что запустило волну слияний и поглощений. Одновременно государства осознали масштаб явления и начали активно формировать регуляторную среду: вводить налоги, определять трудовой статус исполнителей и устанавливать стандарты безопасности. Данный период характеризовался замедлением агрессивного роста и фокусом крупных игроков на повышении прибыльности и устойчивости бизнеса. Компании столкнулись с судебными исками (например, Uber в спорах о статусе водителей), что привело к структурным изменениям, таким как перевод части пользователей (например водителей такси и собственников квартир) на контрактную основу [4].

4. Гибридизация и технологическое углубление (2023–н.в.). Современный этап определяется формированием экосистем и «супер-приложений» (super-apps), которые объединяют множество сервисов (например, Uber объединяет такси, доставку и аренду автомобилей). Искусственный интеллект (ИИ) стал ключевым инструментом для оптимизации ценообразования, логистики и персонализации предложений, что повышает операционную эффективность и конкурентоспособность цифровых платформ [5]. Гибридизация включает интеграцию с другими технологиями, такими как блокчейн и «умные города», делая шеринг частью более широкой цифровой экономики, с акцентом на персонализацию и просьюмеризм (таблица 1).

Китай демонстрирует *уникальную модель шеринг-экономики*. Пройдя все мировые этапы в сжатые сроки, китайский рынок приобрел собственные отличительные черты, во многом опередив западные аналоги. В отличие от США и ЕС, где *сервисы чаще всего специализированы*, в Китае шеринг-услуги глубоко интегрированы в метаплатформы, такие как Alipay и WeChat. Пользователь может заказать такси, арендовать электросамокат, найти жилье и оплатить всё *в рамках одного приложения*. Это создаёт беспрецедентный уровень удержания пользователей и удобства [5]. Благодаря огромному количеству населения и высокой мобильности, китайские платформы достигают масштабов, невозможных для конкурентов из ЕС и США. Так, например сервис совместного использования велосипедов Ofo в свой пик насчитывал около 10 миллионов велосипедов только в Китае [6]. Для понимания этого процесса целесообразно обратиться к *теории транзакционных издержек Р. Коуза*, которая объясняет, почему микротранзакции стали экономически выгодными. Платформы Alipay и WeChat Pay систематически минимизировали транзакционные издержки, что можно подтвердить количественными показателями (таблица 2). Не менее важным фактором успеха стало получение *мощных сетевых эффектов*, характерных для двухсторонних рынков. Эта

положительная обратная связь, достигнув критической массы, запустила механизм экспоненциального роста. Например, рост объемов шеринг-экономики КНР после 2015 г. совпал с увеличением проникновения мобильных платежей, когда количество пользователей платежного сервиса WeChat Pay превысило 1,2 миллиарда в 2023 г. [7]–[9].

Таблица 1 – Этапы эволюции экономики совместного потребления

Этап	Период	Ключевые характеристики	Примеры платформ и особенности рынка
Зарождение и идеализация	2008–2012 гг.	Фокус на социальных связях и устойчивости, медленный рост, создание механизмов доверия	Airbnb (2008), Uber (2009); системы рейтингов и верификации
Экспоненциальный рост и «золотая лихорадка»	2013–2017 гг.	Масштабирование за счет технологий, приток венчурного капитала, диверсификация секторов, высокая конкуренция	Deliveroo, Rent the Runway, WeWork; рост числа пользователей и инвестиций
Консолидация и регулирование	2018–2022 гг.	Перегруппировка рынка, государственная регуляция, фокус на прибыльности, судебные споры	Слияния и поглощения, введение налогов и стандартов
Гибридизация и технологическое углубление	2023–н.в.	Формирование экосистем, использование ИИ, интеграция сервисов, акцент на устойчивость	Super-apps, интеграция с блокчейн-технологиями и умными городами

Для доказательства значимости влияния Alipay/WeChat Pay можно продемонстрировать статистически значимую корреляцию между ростом проникновения мобильных платежей и ключевыми показателями шеринг-экономики таблица 2, рисунок 1 [7]–[14].

Таблица 2 – Соотношение объема мобильных платежей в КНР и объема рынка шеринг-экономики

Год	Объём мобильных платежей (трлн юаней)	Объём рынка шеринг-экономики (трлн юаней)
2013	1,5	0,2
2014	6	0,8
2015	10,5	1,8
2016	15,8	2,9
2017	20,2	3,5
2018	23,5	3,8
2019	24,9	3,9
2020	27,1	3,7
2021	28,3	4,2
2022	25	4,5
2023	37,15	4,85
2024	46,4375	5,5775

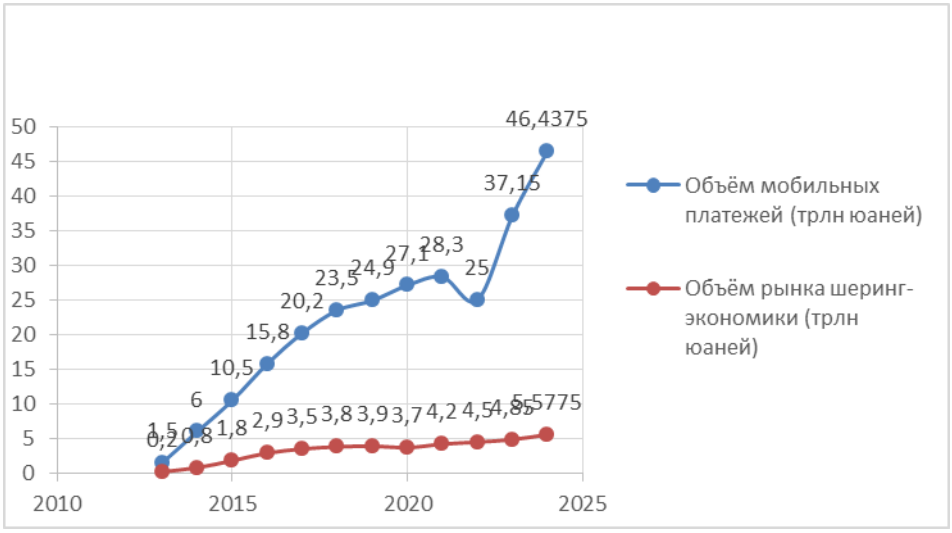

Рисунок 1 – Соотношение объема мобильных платежей в КНР и объема рынка шеринг-экономики

Для количественной оценки влияния мобильных платежных систем на развитие совместного потребления в Китае проведён статистический анализ временных рядов за 2013–2024 гг. Независимая переменная (X) – годовой объём мобильных платежей; зависимая (Y) – объём рынка шеринг-экономики. Корреляционный анализ показал сильную положительную связь. Регрессионная модель y = 0,1225x + 0,5911.

Уравнение регрессии статистически значимо ($p < 0,001$, $R^2 = 0,9144$). Статистика Дарбина-Уотсона для модели регрессии составила DW = 2,34 с p-value = 0,812, что указывает на отсутствие существенной автокорреляции остатков и соответствие предположению о независимости остатков. Распределение остатков соответствует нормальному (тест Шапиро-Уилка: W = 0,974, p-value = 0,894) без явной гетероскедастичности.

Визуальный анализ графика на рисунке 2 подтверждает: ускорение роста шеринг-экономики совпадает с достижением мобильными платежами критической массы (после 2015 г.).

Рисунок 2 – Парная регрессия объема мобильных платежей в КНР и объема рынка шеринг-экономики

Таким образом, платежные системы Alipay и WeChat Pay – ключевой драйвер роста, объясняющий основную долю вариаций сектора.

Китайское правительство рассматривает экономику совместного потребления как инструмент для стимулирования инноваций, создания рабочих мест и решения экологических проблем. На ранних этапах это способствовало быстрому росту, при этом рынок шеринг-экономики Китая оценивался в 34 триллиона юаней (около 4,8 триллиона долларов США) в 2022 г., с ежегодным ростом более 20 % [8]. Фокус на мобильных платежах также стал ключевой чертой: практически полное отсутствие наличных расчётов и повсеместное распространение QR-кодов создали идеальную финансовую инфраструктуру для микротранзакций, которые являются основой шеринга. К 2022 г. доля мобильных платежей в общем объёме транзакций в Китае превысила 80 %, с Alipay и WeChat Pay, обрабатывающими более 90 % операций [9]–[12].

Стремительный рост породил и серьёзные проблемы. Агрессивная субсидизация пользователей для вытеснения конкурентов привела к тому, что многие компании работали с огромными убытками. Классический пример – крах велошеринга: компании Ofo и Mobike наполнили города миллионами велосипедов, но не смогли разработать устойчивую бизнес-модель, что привело к гигантским «кладбищам велосипедов» и банкротству лидеров. Только за 2017–2018 гг. рынок велошеринга потерял более 90 % своей стоимости, с убытками компаний, превысившими 2 миллиарда долларов США [6]. После периода хаотичного роста правительство ввело строгие правила: от требований к парковке велосипедов до ужесточения контроля за финансовыми сервисами внутри платформ. Это включало, по данным отчетов 2020–2023 гг. Главного государственного управления по регулированию рынка КНР, регуляции, направленные на предотвращение злоупотреблений, такие как ограничения на субсидии и требования к лицензиям [16].

В таблице 3 представлен сравнительный анализ экономических показателей четырех крупных платформ совместной экономики – Airbnb, Didi Chuxing, Meituan – за период 2023–2025 гг.

Таблица 3 – Сравнительный анализ экономических показателей платформ совместной экономики (2023–2025 гг.)

Показатель	Airbnb (Жилье)	Didi Chuxing (Транспорт)	Meituan (Услуги)
Основной рынок	Глобальный	Китай	Китай
GMV (Объем услуг), 2023 (оценка)	~$75 млрд	~$25 млрд (транспорт)	~$250 млрд (все сервисы)
Прогноз GMV, 2025	~$95–105 млрд	~$30–35 млрд	~$320–350 млрд
Ключевой драйвер роста	Восстановление международного туризма, рост «долгосрочных» бронирований	Интеграция с автономным такси, логистика, международная экспансия	Рост сегмента доставки продуктов, локальных услуг, реклама
Модель монетизации	Комиссия с гостя и хозяина (~12–18 %)	Комиссия с поездки, реклама, финансовые сервисы	Комиссия, реклама, подписки, решения для бизнеса (B2B)
Стратегический фокус 2025–2026	Экосистема путешествий: авиабилеты, туры, впечатления, лояльность	ИИ и автономность, создание «умного города», выход на новые рынки	Retail Tech, интеграция онлайн и офлайн, B2B решения

Фокус на скорости масштабирования приводил к снижению качества услуг и рискам для безопасности пользователей, включая случаи низкого качества велосипедов и проблемы с кибербезопасностью в приложениях [15]. Сегодня китайский рынок шеринг-экономики вступает в фазу зрелости. Перспективы связаны не с созданием новых рыночных ниш, а с углублением интеграции в существующие экосистемы, применением ИИ и интернета вещей для оптимизации логистики и предиктивного обслуживания, а также экспортом успешных моделей, например моделей мобильных платежей, на другие рынки.

С позиции географического охвата, Airbnb демонстрирует глобальное доминирование, активно функционируя в более чем 220 странах с акцентом на западные рынки, такие как США и Европа [3]. Напротив, Didi Chuxing и Meituan сосредоточены преимущественно в Китае, где Didi ориентирована на транспортные решения, а Meituan интегрирует широкий спектр услуг, включая еду и доставку, что отражает зависимость платформ от локальных экономик и культурных особенностей потребления [16].

По показателю GMV (общий объем транзакций через платформу) в 2023 г. Meituan лидирует с оценкой около 250 миллиардов долларов США, благодаря сочетанию доставки еды, услуг и развлекательного контента. Airbnb следует с примерно 75 миллиардов долларов США. Didi достигает около 25 миллиардов долларов США, фокусируясь на транспорте. Прогнозы на 2025 г. предполагали устойчивый рост: для Meituan 320–350 миллиардов долларов США, для Airbnb – 95–105 миллиардов долларов США, для Didi – 30–35 млрд, что обусловлено увеличением цифровой трансформации и внедрением искусственного интеллекта [16].

Драйверы роста варьируются: Airbnb получает конкурентные преимущества от восстановления международного туризма и роста долгосрочных бронирований, связанных с релокацией и удаленной работой. Didi и Meituan опираются на интеграцию ИИ-технологий и расширение экосистем, включая автономные транспортные решения и комбо-сервисы. Модели монетизации в основном основаны на комиссиях с транзакций, но диверсифицируются через рекламу, подписки и B2B-решения, что обеспечивает устойчивость доходов.

Стратегически за 2025–2026 гг. платформы эволюционируют от роли простых посредников к комплексным экосистемам: Airbnb планирует интеграцию с туристическим сервисом, Didi – фокусируется на «умных городах» с автономными технологиями, Meituan – на слиянии онлайн- и офлайн-сервисов. В целом, анализ подчеркивает региональные различия в росте – с доминированием китайских гигантов в диверсифицированных экосистемах и развитием глобальных платформ благодаря технологическим инновациям, что способствует дальнейшей конвергенции шеринг-экономики с широкими цифровыми трендами [16].

В поддержку приоритетов макроэкономической политики, ориентированной на сотрудничество общества, бизнеса и государства, приведем эмпирические примеры из разных регионов. В Европейском союзе внедрение Digital Services Act способствовало снижению выбросов CO_2 в транспортном секторе шеринг-экономики на 20 %, одновременно решая социальные проблемы через защиту фрилансеров. Аналогично, в США законодательные изменения стимулировали трудовые гарантии для водителей платформ вроде Uber, адаптируясь к волатильности рынков и способствуя росту рабочих мест во время кризиса COVID-19.

Несмотря на потенциал, шеринг-экономика сталкивается с рисками волатильности, такими как инфляция 2022–2023 гг., влияющая на инвестиции, и экологические вызовы. Государственное регулирование, сочетающее субсидии для зеленых технологий и открытые бизнес-стандарты, может снизить риски банкротств на 30–40 %.

Для усиления сотрудничества государству следует мониторить волатильность через индексы инноваций, бизнесу – развивать партнерства с НПО для экологических проектов, а обществу – повышать осведомленность о цифровой этике. Эти меры обеспечат долгосрочную устойчивость шеринг-экономики [17].

Заключение. Развитие экономики совместного потребления представляет собой нелинейный процесс, прошедший путь от идеализированных нишевых сообществ до сложных технологически гибридных экосистем. Проведенный анализ подтверждает, что ключевыми драйверами этой трансформации выступили технологические инновации, в особенности массовое распространение мобильных платежей и сетевые эффекты, что наглядно демонстрирует регрессионная модель на примере Китая. Однако экспоненциальный рост сменился фазой консолидации и регулирования, в ходе которой проявились фундаментальные вызовы: необходимость баланса между инновациями и устойчивостью, вопросы трудовых отношений и риски нерегулируемой экспансии.

В перспективе шеринг-экономика будет развиваться в сторону дальнейшей интеграции с технологиями искусственного интеллекта, интернета вещей и концепциями «умных городов», что повысит ее эффективность и персонализацию. Успешное развитие сектора будет зависеть от скоординированных действий общества, бизнеса и государства, направленных на выработку адаптивной регуляторной политики, решение социально-экологических проблем и создание инклюзивной среды, где инновационная модель распределения ресурсов обеспечивает не только экономический рост, но и устойчивое развитие.

Литература

1. Parker, G. G. Platform revolution: How networked markets are transforming the economy and how to make them work for you / G. G. Parker, M. W. Van Alstyne, S. P. Choudary. – New York : W. W. Norton & Company, 2016. – 352 p.

2. How the sharing economy can make its case / McKinsey & Company. – New York, 2016. – 112 p.

3. Form 10-K annual report and Q3 2024 earnings report / Airbnb, Inc. – California, 2024. – 120 p.

4. Form 10-Q quarterly report for the quarter ended September 30, 2024 / Uber Technologies, Inc. – California, 2024. – 80 p.

5. Chong, A. Y. L. The rise of superapps in emerging countries / A. Y. L. Chong // Proceedings of the 2022 4th International Conference on Economic Management and Cultural Industry (ICEMCI 2022). – P. 1847–1856.

6. Bork, H. The rise and fall of bike-sharing in China : How short-sighted vision turned a Chinese success story into a cautionary tale / H. Bork. – URL : https://www.rolandberger.com/en/Insights/Publications/The-rise-and-fall-of-Chinese-bike-sharing-startups.html (date of access : 03.12.2025).

7. 中国国家信息中心共同消**费经济研究中心**. 中国共同消**费经济发展报告**（2022年） / 中国国家信息中心共同消**费经济研究中心**. – 北京 ：中国国家信息中心, 2022. – 45 **页**.

8. Guiding opinions on promoting the development of the sharing economy / Office of the Central Cyberspace Affairs Commission and the State Internet Information Office of the People's Republic of China. – 2017. – 10 p.

9. 中国人民**银行**. 2022年支付体系运行**总体情况** / 中国人民**银行**. – 北京 ：中国人民**银行**, 2023. – 50 **页**.

10. Мобильные платежи в Китае : объем китайского рынка мобильных платежей увеличится за счет иностранцев // PRC.today. – URL : https://prc.today/mobilnye-platezhi-v-kitae-obem-kitajskogo-rynka-mobilnyh-platezhej-uvelichitsya-za-schet-inostranczev/ (дата доступа : 03.12.2025).

11. 中国国家信息中心分享经济研究中心. 中国共享经济发展报告 (2022） / 中国国家信息中心分享经济研究中心. – 北京 ：国家信息中心, 2023. – 75 页.

12. 2022年中国移动第三方支付市场研究. – 上海 ：奥瑞咨询公司, 2023. – 60 页.

13. 中国人民银行. 移动支付和银行统计报告 / 中国人民银行. – URL : https://www.pbc.gov.cn/ (date of access : 03.12.2025).

14. 中国证券报. 根据中国的财务报告和移动支付存档进行计算 / 中国证券报. – URL : https://www.cs.com.cn/ (date of access : 03.12.2025).

15. Sharing economy worldwide. – Hamburg : Statista, 2024. – 25 p.

16. Sharing economy global strategic business report 2024–2030 and Airbnb, Avis Budget Group, and Booking Holdings dominating // Research and Markets. – URL : https://www.researchandmarkets.com/ reports/5991170/sharing-economy-global-strategic-business-report?utm_source=GNE&utm_medium=Press Release&utm_code=rpp3p2&utm_campaign=2024675+-+Sharing+Economy+Global+Strategic+Business +Report+2024-2030+and+Airbnb%2c+Avis+Budget+Group%2c+and+Booking+Holdings+Dominating& utm_exec=chdomspi/ (date of access : 03.12.2025).

17. Баранов, А. М. Оценка шеринг-экономики и институциональная модель ее развития : теоретико-методологические аспекты и международный опыт / А. М. Баранов, Сюй Бэнь // Альманах Крым. – 2024. – № 43. – С. 108–115.

[1]Гомельский государственный
университет имени Франциска Скорины

[2]Белорусский государственный университет

Поступила в редакцию 24.12.2025

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 2 (155), 2026

УДК 338.242:334.722.8 EDN: TYCFZV

Система корпоративного управления в акционерных формах хозяйствования: концептуальные аспекты

Л.А. Гиткович

В статье исследуются вопросы формирования и развития системы корпоративного управления как неотъемлемого элемента функционирования акционерных форм хозяйствования, анализируется эволюция развития взглядов на формирование системы корпоративного управления в различных теоретических подходах; выделяются концептуальные аспекты существующих моделей системы корпоративного управления.
Ключевые слова: акционерная собственность, акционерные формы хозяйствования, корпоративное управление, модели корпоративного управления.

The article examines the issues of formation and development of the corporate governance system as an integral element of the functioning of joint-stock companies, analyzes the evolution of views on the formation of the corporate governance system in various theoretical approaches, highlights the conceptual aspects of existing models of the corporate governance system.
Keywords: joint-stock ownership, joint-stock forms of management, corporate governance, models of corporate governance.

Введение. Экономический потенциал акционерных форм хозяйствования представляет собой комплекс, состоящий из структуры акционерного капитала, системы корпоративного управления, механизма инвестирования, институциональной среды; и в его реализации на микроуровне можно выделить несколько этапов (рисунок 1), взяв за критерий формирование его структурных элементов.

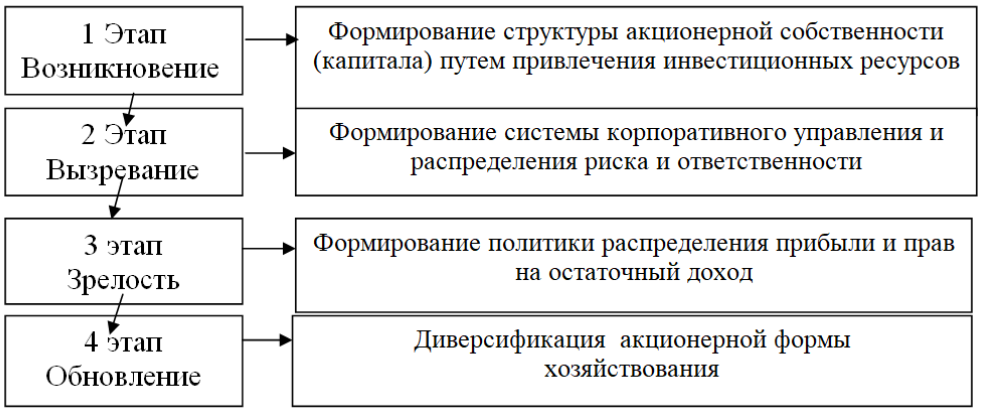

Рисунок 1 – Этапы формирования акционерной формы хозяйствования в экономической системе (микроуровень)

Примечание – собственная разработка.

Система корпоративного управления представляет собой механизм установления и контроля прав собственности и баланса интересов всех участников экономических отношений, прежде всего, в акционерных формах хозяйствования (акционерных обществах, холдингах), но также формируется и в других организационно-правовых формах организации бизнеса.

Цель создания системы корпоративного управления – обеспечение эффективного распределения функций и прав контроля в интересах всех участников акционерных отношений.

Основная часть. Система корпоративного управления определяет механизм контроля работы менеджеров, и степень ответственности менеджеров перед акционерами за финансово-экономические результаты деятельности.

Обоснование формирования и развития системы корпоративного управления нашло поэтапное отражение в рамках различных теоретических подходов.

Так, первым этапом явился неоклассический подход, который определял действия менеджеров как полностью совпадающие с интересами акционеров-собственников, в силу того, что экономическая система определялась неоклассиками как пространство для функционирования независимых участников рынка – производителей и потребителей, действующих на паритетных началах в условиях совершенной конкуренции. В рамках этой теории А. Смит, вместе с тем, отмечал, что «акционерное общество может существовать лишь в тех отраслях, где ведение дел может быть сведено к «рутине», или к такому единообразному методу, который не допускает изменений» [1, p. 73].

Вместе с тем, невозможность свести деятельность крупной фирмы только к максимизации доходов ее собственников и имманентно присущее акционерным формам хозяйствования противоречие интересов различных групп акционеров и менеджеров не позволяет полностью использовать инструментарий неоклассического подхода в анализе системы корпоративного управления.

Второй этап был связан с тенденцией отделения собственности на капитал (капитал – собственность) от его приложения к процессу производства (капитал – функция), и перемещения права управления капиталом от собственников к менеджерам. Особое внимание к противоречию интересов акционеров и менеджеров появилось после выхода в 1932 г. работы А. Берла и Г. Минза «Современная корпорация и частная собственность», в которой авторы сформулировали вывод об отделении собственности от реального управления и контроля в современном акционерном обществе. Анализ структуры собственности 200 крупнейших корпораций США привел их к выводу, что 44 % из них контролировались менеджерами (т. н. революция менеджеров), поскольку ни одна из связанных групп акционеров не имела более 20 % голосов в управлении [2]. Авторы вышеназванной работы указывают, что акционерные общества из организаций, направленных на извлечение прибыли, превратились в организации по управлению собственностью.

Таким образом, функции и само акционерное общество в XX в. изменились, а у акционеров фактически осталось только одно право – право на дивиденд, вследствие чего произошло отделение собственности от управления.

Акционер XIX в. контролировал и управлял акционерным обществом непосредственно; акционер XX в. перестал оказывать влияние на управление и контроль, а все управленческие и контролирующие функции перешли к исполнительным и контролирующим органам акционерного общества, что связано с их укрупнением и возникновением огромного числа акционеров. Проблема разделения собственности и контроля над собственностью в акционерных формах хозяйствования стала ядром концепции «революции управляющих».

На наш взгляд, недостатком этого теоретического подхода явилось то, что в данной концепции открытым остался вопрос о том, куда смещается контроль и что является основой власти.

С точки зрения проблемы несовершенной информации и существования общественных благ проблему управления акционерным обществом рассматривал в 1960-х гг. Дж. Стиглиц [3]. По его мнению, обладая несовершенной информацией о возможностях фирмы, акционеры-собственники не могут объективно оценить решения, принимаемые менеджерами. Наличие множества акционеров-собственников порождает проблемы, подобные использованию общественных благ: когда число акционеров достаточно большое, каждый отдельный акционер стремиться переложить функцию контроля над менеджментом на другого акционера, а не выполнять лично. Основной вывод этого подхода заключается в том, что делегирование функции управления менеджерам может привести к принятию ими неоптимальных решений. Вместе с тем, Дж. Стиглиц не сформулировал свою точку зрения на предмет того, какой должна быть система корпоративного управления в идеале.

Третий этап связан с появлением в 1980-е гг. теории агентских отношений (теория агентов). Теория агентских отношений исходит из понимания больше эгоистической природы человека, чем альтруистической, склонного действовать скорее в своих собственных интересах, чем в интересах других людей. Теория агентов представляет отношения между менеджерами и акционерами как контракт и рассматривает возможность агента использовать свою власть

во вред принципалу вследствие несовпадения их интересов, что порождает агентские издержки [4, p. 74]. С этой позиции основой эффективной системы управления является создание механизмов и использование инструментов, способных ограничить власть агента и эффективно защитить интересы принципала.

Четвертый этап связан с появившейся на основе теории агентских соглашений теории заинтересованных сторон («модель стейкхолдеров»), в которой произошло смещение акцента на баланс интересов всех групп, заинтересованных в деятельности акционерного общества (акционеры, менеджеры, Совет директоров, наемные рабочие, поставщики, клиенты, инвесторы). Вышеназванная теория утверждает, что все заинтересованные группы преследуют различные цели, но вместе с тем являются «соучастниками» в функционировании акционерного общества; между ними существует асимметрия информации, порождающая агентские конфликты. Эффективность функционирования акционерного общества зависит от степени согласованности интересов всех заинтересованных лиц, что является результатом создания эффективной системы управления акционерным обществом [5]. Ограниченность вышеназванной теории, на наш взгляд, проявляется в том, что данная теория не предлагает механизма формирования системы корпоративного управления.

Концептуально вышеперечисленные направления представляют корпоративное управление как систему взаимоотношений между группами, заинтересованными в эффективном функционировании акционерным обществом.

На наш взгляд, концепция корпоративного управления должна базироваться на конвергенции подходов различных экономических школ.

Природа создания акционерных форм хозяйствования предусматривает конверсию инвестиционных ресурсов в акционерный капитал, который подвержен риску оппортунистического поведения со стороны лиц, им управляющих. Система корпоративного управления, на наш взгляд, является механизмом, который качественно отличает акционерные от других форм хозяйствования.

Рисунок 2 наглядно демонстрирует, что разделение собственности и управления предопределило характерную для акционерных форм хозяйствования строго иерархическую структуру органов корпоративного управления, основанную на разграничении их функций и компетенции.

Рисунок 2 – Структура механизма корпоративного управления

Примечание – собственная разработка.

Концепция корпоративного управления, как правило, является отражением правовой составляющей функционирования акционерных форм хозяйствования.

Основными участниками корпоративных отношений являются акционеры и менеджеры. В ряде публикаций участниками корпоративных отношений и системы корпоративного управления признаются такие заинтересованные субъекты, как персонал компании, кредиторы, органы власти, партнеры, что расширяет понятие системы корпоративного управления, которая, с одной стороны, регулирует взаимоотношения между менеджерами и акционерами, с другой – согласовывает цели всех участников корпоративных отношений.

Анализ законодательства и практики зарубежных стран позволяет выделить три модели системы корпоративного управления:

1. Немецкая модель (Германия, Швейцария, Австрия, Нидерланды, Скандинавские страны).
2. Англо-саксонская модель (США, Великобритания, Австралия, Канада, Новая Зеландия).
3. Японская модель (Япония, Азиатские страны).

В англо-саксонской модели акционерный капитал достаточно распылен, основными владельцами акций являются частные и институциональные акционеры, которые ориентированы на быстрое получение дохода за счет курсовой разницы. Фондовый рынок является высокоразвитым, высоколиквидным, являясь основным инструментом контроля над менеджментом и «мостиком» в переходе контроля над акционерными компаниями. Акционеры осуществляют постоянный мониторинг системы корпоративного управления, т. к. стоимость акций зависит от эффективности ее функционирования.

Высшим органом управления корпорацией является общее собрание акционеров, где акционеры осуществляют управление через участие в голосовании по рассматриваемым вопросам.

Вместе с тем, следует отметить, что в силу большой распыленностью акций Общее Собрание здесь приобретает больше формальный характер, а основным органом системы корпоративного управления является Совет директоров. Члены Совета директоров несут ответственность по всем вопросам компании, и в случае банкротства несут административную и уголовную ответственность.

Немецкая модель системы корпоративного управления исходит, прежде всего, из высокой концентрации акционерного капитала и значительной роли банков в корпоративном управлении. Фондовый рынок обладает значительно меньшей ликвидностью по сравнению с фондовыми рынками англо-саксонской модели.

Система корпоративного управления здесь имеет двухуровневую структуру: Наблюдательный совет и Правление. Высшим органом управления является собрание акционеров. Члены Правления избираются Наблюдательным советом и подотчетны ему. Одновременно членство в обоих уровнях не допускается. Членам правления запрещается параллельно заниматься коммерческой деятельностью. Правление осуществляет руководство компанией и несет ответственность за результаты ее деятельности.

Специфической чертой немецкой системы корпоративного управления, определяемой законодательством, является ко-детерминация, или участие сотрудников в управлении компанией.

Для акционерных компаний Германии характерна система перекрестного владения акциями, в которой центральное место занимают банки и страховые компании. На коммерческие банки приходится около 80 % голосов на собраниях акционеров.

На формирование японской модели оказали влияние условия послевоенного развития Японии, а также культура данной страны.

Основные принципы взаимодействия в японской модели – социальная ответственность и взаимозависимость, принцип организации промышленности – «кейрецу».

После окончания второй мировой войны японские компании стали обмениваться пакетами акций, договаривались взаимно их не продавать, с целью сохранения контроля над компаниями. Это привело к практически исключению возможности их враждебного поглощения другими участниками рынка и формированию финансово-промышленных групп Японии – «кейрецу».

Крупнейший банк и универсальная торговая компания – обязательные члены «кейрецу». Банк играет определяющую роль в функционировании компании; и является одновременно акционером и кредитором. Совет директоров в японских компаниях играет формальную роль.

«Кейрецу» предполагает высокую степень концентрации акционерной собственности и перекрестного владения акциями; значительная доля акционерной собственности принадлежит институциональным акционерам – стабильным акционерам («твердое ядро»). Индивидуальные акционеры не оказывают решающего влияния на управление акционерной собственностью. Японская экономика характеризуется наименее ликвидным фондовым рынком по сравнению с другими развитыми странами.

Заключение. Корпоративное управление представляет собой механизм установления и контроля прав собственности и баланса интересов всех участников экономических отношений, порождаемых существованием акционерной собственности.

Право акционера на участие в управлении акционерным обществом реализуется посредством участия в Общем собрании акционеров, а также в обладании правом избирать и быть избранным в органы управления акционерного общества.

Корпоративное управление на современном этапе развития экономики и бизнеса является одним из актуальных вопросов менеджмента. Об этом свидетельствует тот факт, что ряд законодательных документов в области корпоративного управления получили статус международных.

Вышеуказанные стандарты нашли отражение и в национальных законодательных документах (кодексах, принципах), что позволяет говорить об общемировой тенденции конвергенции различных моделей корпоративного управления.

В Республике Беларусь формирование системы корпоративного управления проходит еще стадию формирования, т.к. на «вызревание» корпоративного законодательства и практики корпоративного управления требуется не одно десятилетие.

Вместе с тем, необходимо отметить, что и частный бизнес, и государственный сектор признают необходимость развития корпоративного менеджмента, исходя из передового мирового опыта.

Литература

1. Smith, A. An inquiry into the nature and causes of the weaith of nations / A. Smith. – New York : Modern Library, 1937. – 976 p.

2. Berle, A. A. The modern corporation and private property / A. A. Berle, G. Means. – New York, 1932. – 434 p.

3. Stiglitz, J. E. Ownership, control and efficient markets some paradoxes in the theory of capital markets / J. E. Stiglitz // Economic regulation : Essays in honor of James R. Nelson, Kenneth D. Boyer and William G. Shepherd (eds.). – Michigan, 1982. – P. 311–341.

4. Eisenhardt, K. M. Agency theory : An assesment and review / K. M. Eisenhardt // Academy of Management Review. – 1983. – Vol. 14, № 1. – P. 57–74.

5. Preston, L. E. The stakeholder theory of the corporation : Concepts, evidence and implications / T. Donaldson, L. E. Preston // Academy of Management Review. – 1995. – № 20 (1). – P. 65–91.

Белорусский государственный
экономический университет

Поступила в редакцию 20.11.2025

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 2 (155), 2026

УДК 330.35:330.341 EDN: XELSNA

Эволюция теорий экономического роста и их применение к анализу белорусской экономики

Н.В. Киреенко[1], О.А. Балабанович[2]

В статье анализируется современное понимание экономического роста как многомерного процесса, формирующегося во взаимодействии демографических, технологических, институциональных и поведенческих факторов. Методологической основой исследования выступает концепция структурного роста Саймона Кузнеца, дополненная положениями неоклассической теории роста, институционального анализа и современных инновационных подходов, представленных работами Р. Солоу, Г. Саймона, Ф. фон Хайека, Т. Веблена, Д. Норта, Д. Аджемоглу, С. Джонсона, Дж. Робинсона, Дж. Мокира, Ф. Агьона и П. Ховитта. Обосновывается, что устойчивый рост не сводится к количественному увеличению валового внутреннего продукта (ВВП), а предполагает структурные трансформации экономики, развитие человеческого капитала, предпринимательства и инновационной среды. Особое внимание уделяется роли институтов, культуры знаний и механизмов «созидательного разрушения» в обеспечении долгосрочного развития. На основе теоретического анализа рассматриваются возможности применения данных методических подходов к условиям Республики Беларусь и формулируются ключевые направления перехода к модели устойчивого развития национальной экономики.
Ключевые слова: экономический рост, устойчивое развитие, человеческий капитал, институциональная экономика.

The article analyzes the modern understanding of economic growth as a multidimensional process shaped by the interaction of demographic, technological, institutional, and behavioral factors. The methodological framework of the study is based on Simon Kuznets's concept of structural growth, complemented by the provisions of neoclassical growth theory, institutional analysis, and contemporary innovation-based approaches developed in the works of R. Solow, H. Simon, F.A. von Hayek, T. Veblen, D. North, D. Acemoglu, S. Johnson, J. Robinson, J. Mokyr, P. Aghion, and P. Howitt. It is argued that sustainable growth cannot be reduced to a quantitative increase in gross domestic product (GDP), but instead presupposes structural transformations of the economy, the development of human capital, entrepreneurship, and an innovation-friendly environment. Special attention is paid to the role of institutions, the culture of knowledge, and the mechanisms of «creative destruction» in ensuring long-term economic development. On the basis of theoretical analysis, the article examines the applicability of these methodological approaches to the conditions of the Republic of Belarus and formulates the key directions for the transition to a model of sustainable development of the national economy.
Keywords: economic growth, sustainable development, human capital, institutional economics.

Современное понимание экономического роста представляет его как многомерный процесс, в котором технологические, демографические, институциональные и поведенческие факторы действуют во взаимодействии. Для анализа трансформаций национальной экономики целесообразно опираться на интегрированную методологическую рамку, восходящую к формулировкам С. Кузнеца и дополненную последующими достижениями теории роста и институционального анализа.

1. Концептуальные основы С. Кузнеца. С. Кузнец отмечал, что динамика экономического роста определяется взаимодействием четырёх факторов: демографического роста; накопления знаний и технологического прогресса; внутристрановой адаптации хозяйственной структуры к новым факторам производства; внешнеэкономических связей и трансферта факторов (товаров, капитала, технологий, рабочей силы) [1]. В этой парадигме рост рассматривается не как простое увеличение ВВП, а как процесс структурной перестройки – отраслевой, профессиональной, территориальной и институциональной. Следовательно, измеряя только количественные показатели, аналитик рискует упустить ключевые соотношения, определяющие устойчивость и качество роста[1].

[1] В статистике часто оценивают рост по простым агрегатам – реальному ВВП, объёму инвестиций, промышленному выпуску и т. п. Эти показатели отражают масштаб хозяйственной активности, но не показывают, за счёт чего именно происходит рост и насколько он устойчив. Именно поэтому Кузнец (а затем Солоу и современные лауреаты Нобелевской премии) подчёркивали, что рост нужно анализировать в терминах соотношений – между производительностью и занятостью, между накоплением капитала и инновациями, между ростом доходов и социальными параметрами, между экспортом и импортом технологий. Следовательно, ограничение анализа исключительно динамикой агрегированных показателей не позволяет выявить внутренние пропорции и структурные корреляции, определяющие устойчивость и качество экономического роста. Для полноценной оценки необходимо учитывать соотношение между темпами накопления капитала, динамикой производительности, изменением структуры занятости и уровнем технологического обновления.

Демографический фактор и потенциал трудовых ресурсов. С. Кузнец определил, что рост населения создаёт возможности для расширения производства, однако важнейшим остаётся качество трудового капитала и эффективное распределение трудовых ресурсов.

Для Республики Беларусь демографические процессы характеризуются постепенным сокращением численности и старением населения, снижением доли экономически активных граждан, однако страна сохраняет высокий уровень образования и квалификации работников.

Эти качества позволяют компенсировать демографические ограничения за счёт повышения производительности труда и цифровизации. Усиление миграционной привлекательности, меры по закреплению квалифицированных кадров и программ профессиональной переподготовки могут стать одним из ключевых направлений укрепления экономического потенциала.

Рост знаний и технологическое обновление. Второй элемент модели С. Кузнеца – накопление знаний, инноваций и технологический прогресс – предполагает постоянное обновление производственной базы, институциональные стимулы для инноваций и широкое распространение научно-технических достижений в экономике и является ядром экономического роста.

В Республике Беларусь сформирована развитая научно-техническая школа и обеспечивается высокий уровень образования, что создаёт основу для модернизации промышленности и развития цифрового сектора.

Активно развиваются IT-кластер, фармацевтика, деревообработка, создаются технопарки и инновационные площадки («Великий камень» и др.).

Постепенное расширение сотрудничества с партнёрами из Азии и Евразийского экономического союза (ЕАЭС) способствует технологическому обмену и внедрению новых производственных решений.

Таким образом, рост знаний становится всё более значимым фактором, хотя его потенциал пока реализован не в полной мере.

Внутренние преобразования и адаптация к новым факторам роста. С. Кузнец подчеркивал, что экономический рост предполагает не только увеличение выпуска, но и структурную адаптацию общества к новым факторам производства – изменению структуры занятости, предпринимательской активности и доходов, т. е. развитие требует не только инвестиций и технологий, но и гибкости самой экономической системы, способности адаптироваться к изменениям.

Республика Беларусь демонстрирует последовательное обновление производственной структуры: усиливается роль машиностроения, логистики, IT-услуг, агропрома.

В последние годы расширяется участие частных компаний в промышленном и экспортном секторе, развивается предпринимательство в сфере услуг и электронной коммерции.

Эти тенденции формируют основу для более сбалансированного роста, при котором государственный сектор остаётся опорой, а бизнес получит больше возможностей для участия в модернизации экономики.

Внешнеэкономические связи и международное сотрудничество. Четвёртый компонент модели С. Кузнеца – внешнеэкономические связи – определяет способность страны использовать преимущества глобальной интеграции (канал доступа к рынкам, капиталу и технологиям).

Республика Беларусь сохраняет активную экспортную ориентацию: более 60 % промышленной продукции и около 40 % агропродовольственных товаров поставляется за рубеж. Основными партнёрами остаются Россия, Китай и страны ЕАЭС, при этом расширяются поставки в государства Азии, Ближнего Востока и Африки.

Развитие расчётов в национальных валютах, участие в евразийских и китайских инфраструктурных инициативах создают новые точки роста, снижают внешние риски и укрепляют валютную устойчивость.

Интегральный механизм роста. Согласно подходу С. Кузнеца, экономический рост неразрывно связан с обновлением структуры хозяйства, рынка труда и системы знаний.

Белорусская экономика демонстрирует постепенное движение в этом направлении:

– усиливается промышленная и агропромышленная диверсификация,

– растёт доля несырьевого экспорта и продукции с высокой добавленной стоимостью в экспортных поставках;

– повышается роль человеческого капитала и цифровых компетенций в принятии рациональных управленческих решений.

Хотя темпы ВВП остаются умеренными, они сопровождаются структурными сдвигами в пользу отраслей с более высокой добавленной стоимостью.

Главным вызовом остаётся необходимость ускорить переход от количественного к качественному росту – через повышение эффективности функционирования отечественных субъектов хозяйствования, развитие инновационных технологий, расширение государственно-частного партнерства (ГЧП). Здесь предпринимательство выступает не побочным, а центральным элементом: именно частные фирмы, способные быстро адаптироваться и конкурировать, трансформируют накопленные знания в высокотехнологическое производство и выпуск продукции с высокой добавленной стоимостью.

В перспективе именно сочетание демографической стабилизации, роста знаний, расширения международного сотрудничества, формирование конкурентной бизнес-среды, способствующей инновационной и предпринимательской активности, усиление человеческого капитала как ключевого фактора станет ключом к устойчивому развитию Республики Беларусь.

2. Герберт А. Саймон и когнитивные основания экономического поведения. Г. Саймон, развивая идеи ограниченной рациональности (bounded rationality), показал, что решения экономических агентов формируются в условиях неполной информации [2]. Его теория о «ограниченной рациональности» помогает понять, почему изменения часто носят инкрементальный, осторожный характер: в условиях высокого уровня неопределённости (санкции, валютные риски, изменение глобальных цепочек) государства и фирмы выбирают умеренные, адаптивные стратегии, а не радикальные реформы. Этот подход объясняет, почему переход к инновационной модели бывает медленным или нерешительным. Следовательно, задача государственной политики – создать институциональные условия, снижающие транзакционные издержки и поддерживающие развитие инициатив (упрощение нормативов, прозрачность процедур, развитие механизмов ГЧП, облегчение доступа малого и среднего предпринимательства (МСП) к финансированию и государственным контрактам).

3. Фридрих Хайек: роль знания. Ф.А. фон Хайек в своих трудах [3], [4] утверждал, что экономический прогресс зиждется на спонтанном порядке, возникающем из децентрализованных решений множества факторов. По мнению ученого, эффективность экономики определяется не степенью государственного контроля, а способностью общества к самоорганизации и свободному обмену знаниями, что станет катализатором распространения инноваций и перераспределения ресурсов в пользу эффективных решений.

4. Роберт М. Солоу и неоклассическая модель экономического роста. Р. Солоу в 1956 г. предложил фундаментальную неоклассическую модель экономического роста, в которой основными факторами выступают капитал, труд и экзогенный технический прогресс [5]. Он формализовал роль технического прогресса как главного источника долгосрочного роста: без повышения производительности (Solow residual) накопление капитала даёт убывающую отдачу. Автор показал, что долгосрочный рост возможен лишь при постоянном технологическом прогрессе и накоплении человеческого капитала.

Для Республики Беларусь это означает, что инвестиции в инфраструктуру и оборудование важны. При этом необходимо развивать инновационные возможности, улучшать качество человеческого капитала и повышать эффективность производства.

В перспективе страна может перейти к модели инновационного развития при условии увеличения объема инвестиций в цифровизацию, научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы (НИОКР) и образование, что позволит трансформировать структуру факторов роста по М. Солоу.

5. Торстейн Веблен и Дуглас Норт: эволюционная динамика экономических изменений. Т. Веблен и Д. Норт развили концепцию социальных и организационных механизмов адаптации экономики. Т. Веблен подчёркивал, что экономическое поведение формируется привычками и культурными моделями мышления, которые трудно изменить [6]. Д. Норт развил это в концепции path dependence – зависимость текущего развития от исторически сложившейся траектории (институции, нормы, привычки и правила устойчивы, трудно подвержены изменениям и задают траекторию развития страны) [7].

С их позиций, устойчивость белорусской экономики требует развития института доверия, предсказуемости правил и последовательности экономической политики, что снижает трансакционные издержки и стимулирует инвестиции.

6. Институты и рост: концептуальные выводы лауреатов Нобелевской премии 2024 г. Лауреаты Нобелевской премии по экономике 2024 г. – Дарон Аджемоглу, Саймон Джонсон и Джеймс Робинсон – сформулировали одну из наиболее влиятельных в современной экономической теории концепций, доказывающую определяющее значение институтов для долгосрочного экономического роста и благосостояния обществ [8].

Их исследования показали, что различия в уровнях экономического развития между странами не могут быть объяснены лишь природными ресурсами, капиталом или географией; решающим фактором выступает характер институциональной среды, формирующей стимулы для производительной деятельности, инноваций и инвестиций [9].

В классической типологии этих авторов противопоставляются экстрактивные (extractive) и инклюзивные (inclusive) институты. Первая группа ученых концентрирует власть и ресурсы в руках ограниченной элиты, создавая рентно-ориентированную экономику и препятствуя технологическим изменениям; вторая – обеспечивает широкое участие в экономической жизни, гарантии прав собственности и прозрачные механизмы конкуренции, что и порождает устойчивый рост.

В применении к белорусскому контексту эти выводы означают, что даже при наличии развитой инфраструктуры, квалифицированных кадров и промышленного потенциала устойчивый рост остаётся ограниченным, если институциональная среда не создаёт стимулов к инновациям и предпринимательству.

7. Устойчивое развитие: концепция лауреатов Нобелевской премии 2025 г. Современное понимание устойчивого развития основывается на синтезе ряда факторов. В этом контексте особое значение имеют исследования лауреатов Нобелевской премии по экономике 2025 г. – Джоэла Мокира (США, Израиль), Филиппа Агьона (Франция) и Питера Ховитта (США), которые предложили взаимодополняющие концепции технологически обусловленного устойчивого роста и инновационно-ориентированного развития [10], [11].

Джоэл Мокир: культура знаний как источник развития. Половина Нобелевской премии была присуждена экономическому историку Дж. Мокиру «за выявление историко-культурных предпосылок устойчивого роста посредством технологического прогресса» [12].

Дж. Мокир [13], [14] показал, что переход от технологической стагнации к устойчивому росту стал возможен лишь тогда, когда общество объединило два типа знания – практическое и научное. До XVII в. технические навыки существовали независимо от научного понимания: мастера могли изготавливать сложные устройства, не осознавая физических принципов их действия. Прорыв наступил тогда, когда наука начала объяснять технологию, формируя «обратную связь между знанием и практикой». Эта связь породила самоподдерживающийся инновационный цикл, в котором каждое новое открытие становилось основой для следующего. Дж. Мокир связывает этот процесс с формированием «культуры роста», основанной на уважении к интеллектуальному труду, свободе научных исследований и институциональной поддержке распространения знаний. Его исследования показывают, что устойчивое развитие – не просто экономическая категория, а социально-культурное состояние, при котором инновации становятся общественным благом, нормой, а не исключением.

Филипп Агьон и Питер Ховитт: рост через созидательное разрушение. Вторая часть премии была присуждена Ф. Агьону и П. Ховитту за развитие теории устойчивого роста через «созидательное разрушение» (creative destruction) [15], [16], [11]. Их модель, впервые представленная в работе [15], обосновала эндогенный характер экономического роста – то есть его зависимость от внутренних инновационных процессов, а не только от накопления капитала. Согласно ей, каждая новая технология вытесняет старую, создавая динамическое равновесие между разрушением и обновлением. Конкуренция становится не просто механизмом перераспределения ресурсов, а источником технологического обновления. При этом рост определяется не скоростью внедрения инноваций, а способностью экономики поддерживать постоянный цикл обновления без структурного кризиса [16].

Ф. Агьон и П. Ховитт предупреждают, что усиление монополизации и снижение конкуренции ведут к «инновационной стагнации». Поэтому государство должно активно формировать среду «созидательной гибкости»: поощрять исследовательскую активность; защищать права изобретателей; развивать антимонопольные механизмы и стимулировать переход фирм к новым технологическим траекториям [16].

Применимость к Республике Беларуси. Интеллектуальное объединение идей Дж. Мокира, Ф. Агьона и П. Ховитта задаёт новое измерение концепции устойчивого развития. Если Дж. Мокир

фокусируется на культурно-познавательных основах прогресса, то Ф. Агьон и П. Ховитт объясняют его экономический механизм. Вместе они формируют когнитивно-инновационную парадигму роста, в которой технологическое обновление поддерживается культурой знания, конкуренцией и институциональной гибкостью.

Для нашей страны эти идеи представляют особую практическую ценность. В данном контексте ключевой задачей становится формирование экосистемы «созидательной гибкости» – среды, где инновационная активность поощряется, сопряжена правовой защитой изобретателей и поддержкой молодых технологических компаний.

Применение модели «созидательного разрушения» в белорусских условиях требует:

– стимулирования предпринимательства и стартапов;

– правовой защиты интеллектуальной собственности;

– усиления роли университетов как центров трансфера знаний;

– формирования институциональной среды, открытой к технологическому развитию.

Именно это сочетание способно обеспечить переход к устойчивому развитию, которое не только поддерживает экономический рост, но и создаёт социально-культурные основания для его воспроизводства.

8. Рекомендации по обеспечению устойчивого развития и экономического роста Республики Беларусь. Современная белорусская экономика находится в фазе, когда дальнейший рост не может опираться исключительно на простое расширение производственных мощностей. Сегодня экономическое развитие определяется качеством человеческого капитала, инновациями, способностью системы образования воспроизводить знания, а также гибкостью институтов в адаптации к технологическим и геоэкономическим изменениям.

В этом контексте стратегические приоритеты должны формироваться исходя из интеграции идей С. Кузнеца, Ф. Агьона, П. Ховитта, Дж. Мокира и Д. Аджемоглу, трактующих рост как результат взаимодействия знаний, институтов и предпринимательской динамики.

1. Развитие человеческого капитала и образовательного потенциала. Ключевым драйвером роста становится качество человеческого капитала, зависящее от структуры и содержания национальной системы образования.

– Реформирование образовательной политики должно предусматривать приоритетное финансирование программ STEM-направлений и дисциплин, формирующих компетенции для развития экономики.

– Механизмы закрепления квалифицированных кадров: создание эффективных рабочих мест для работающих в приоритетных отраслях, государственные гранты для учёных и исследователей, ипотека для молодых специалистов.

– Повышение качества образования, ориентированного на интеграцию с производством и внедрение в производство НИОКР. Университеты должны стать узлами инновационной экосистемы, а не только образовательными учреждениями.

2. Рост знаний и технологическая трансформация. Развитие экономики знаний требует системных инвестиций в науку и инновации.

– Постепенное увеличение расходов на НИОКР и образование до 1,5–2 % ВВП в среднесрочной перспективе, что соответствует рекомендациям OECD и ЮНЕСКО.

– Интеграция науки и производства: создание платформ совместных лабораторий, исследовательских консорциумов и прикладных центров на базе крупных предприятий и университетов.

– Создание регулируемой инфраструктуры для венчурного финансирования и фондов ранних стадий, а также налоговых стимулов для инвесторов, участвующих в НИОКР.

– Расширение международных исследовательских кооперации – в первую очередь с партнёрами из ЕАЭС и Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), для доступа к передовым технологиям.

3. Совершенствование предпринимательской экосистемы. Эффективный рост невозможен без институциональной среды, способствующей предпринимательству и инновациям.

– Упрощение налогового администрирования и процедур сертификации МСП, создание преференциальных условий для апробации инноваций.

– Расширение механизмов ГЧП с прозрачными критериями конкурсного отбора и акцентом на инвестиции в наукоёмкие сектора.

4. Институциональная прозрачность и инвестиционная предсказуемость. Институты являются ключевым условием конвертации знаний и капитала в долгосрочный рост.

– Гарантии прав собственности и предсказуемость регулирования – базовые предпосылки для притока частных и иностранных инвестиций.

– Стандартизация процедур государственных закупок и цифровизация государственных услуг повышают эффективность и снижают риски.

– Развитие механизмов разрешения коммерческих споров укрепит доверие бизнеса.

5. Внешняя диверсификация и интеграция в глобальные рынки. Для малой открытой экономики устойчивость обеспечивается через диверсификацию внешнеэкономических связей.

– Разработка целевых экспортных стратегий по приоритетным секторам с ориентацией на азиатские, ближневосточные и африканские рынки.

– Цифровизация внешнеторговой инфраструктуры – биржевых и логистических процессов, маркетингового и выставочно-ярмарочного обеспечения.

– Активная торгово-инвестиционная дипломатия и участие в международных научных и технологических инициативах.

– Расширение использования национальных валют в расчетах для снижения валютных рисков и повышения устойчивости финансовой системы.

6. Социальная устойчивость и адаптивность. Структурные реформы требуют механизмов социальной поддержки.

– Программы переквалификации и временной занятости для работников, высвобождаемых в ходе модернизации.

– Меры по повышению включённости молодёжи в экономическую активность.

– Совершенствование системы социальной защиты в соответствии с ЦУР-8 (достойная работа и экономический рост).

Заключительный акцент: образование как ядро модели роста

Республика Беларусь располагает одним из самых высоких уровней охвата и качества среднего и высшего образования среди стран СНГ, однако ее потенциал реализуется не полностью. В условиях перехода к экономике знаний образование становится не просто социальной сферой, а инфраструктурой роста. Система образования должна обеспечивать не воспроизводство существующих компетенций, а создание новых знаний, развитие мышления и способность к междисциплинарным связям. Ключевая цель на ближайшее десятилетие – интеграция образования, науки и инноваций в единую систему интеллектуального воспроизводства, обеспечивающую переход к инновационному типу роста.

Заключение. Совокупный вклад нобелевских лауреатов формирует новую парадигму анализа экономического развития, в которой рост рассматривается как результат взаимодействия институтов, человеческого капитала и технологического обновления. В ней ключевыми драйверами становятся образование, наука, предпринимательство.

Экономический рост – это процесс глубокого преобразования структуры общества, его знаний, институтов и ценностей. С. Кузнец показал, что развитие требует синхронизации четырёх ключевых детерминант – демографического роста, накопления знаний, внутренней адаптации и внешнеэкономической интеграции. Автор видел в росте форму исторического самосознания нации – момент, когда общество учится превращать количественные изменения в качественные. Р. Солоу, развивая этот подход, показал, что технологический прогресс является главным фактором, обеспечивающим долгосрочную отдачу от капитала и труда. Г. Саймон акцентировал, что рациональность экономических факторов ограничена, а потому успех зависит не от идеальных моделей, а от способности адаптироваться.

С точки зрения Ф. фон Хайека, избыточная централизация и ограниченная конкуренция препятствуют формированию механизмов «распределённого знания» – той среды, в которой предпринимательская инициатива и технологические новации становятся системным источником роста. Далее, Т. Веблен и Д. Норт определили, что без культурной эволюции институтов и доверия к правовым нормам невозможен переход от инерционного к инновационному типу развития.

Д. Аджемоглу, С. Джонсон и Дж. Робинсон эмпирически доказали, что экономический успех – это результат качества институтов, т. е. там, где создаются инклюзивные институты, инновации становятся массовым явлением, а рост – устойчивым. Ф. Агьон и П. Хауитт пока-

зали, что сама природа прогресса – в созидательном разрушении (creative destruction), а новое всегда возникает через трансформацию старого. В свою очередь, Дж. Мокир придал этой модели гуманистическую глубину, доказав, что устойчивое развитие возможно только в обществе, которое ценит знание как смысл, а не инструмент.

На основании проведенного исследования, устойчивое развитие следует рассматривать как сочетание демографической базы, качества институтов, человеческого капитала, скорости технологического обновления, культуры знаний, адаптивности экономики и степени внешней интеграции. Такой подход применим к национальной экономике Республики Беларусь, приоритетной задачей которой является не только сохранение макроэкономической стабильности, но и переход к модели «устойчивого развития», в которой рост становится формой саморазвития общества.

Таким образом, наша страна стоит на пороге нового цикла структурного обновления. Её переход к парадигме устойчивого развития возможен лишь при условии формирования модели, где экономический рост выступает результатом интеллектуального, технологического и культурного развития общества.

Литература

1. Kuznets, S. Modern economic growth : Findings and reflections / S. Kuznets // American Economic Review. – 1973. – Vol. 63, № 3. – P. 247–258.

2. Simon, H. A. Rationality as process and as product of thought / H. A. Simon // American Economic Review. – 1978. – Vol. 68, № 2. – P. 1–16.

3. Hayek, F. A. The use of knowledge in society / F. A. Hayek // American Economic Review. – 1945. – Vol. 35, № 4. – P. 519–530.

4. Hayek, F. A. Law, Legislation and Liberty : in 3 vols. / F. A. Hayek. – Chicago : University of Chicago Press, 1979. – Vol. 3 : The political order of a free people. – XVI, 244 p.

5. Solow, R. M. A contribution to the theory of economic growth / R. M. Solow // Quarterly Journal of Economics. – 1956. – Vol. 70, № 1. – P. 65–94.

6. Veblen, T. The theory of the leisure class / T. Veblen. – New York : Macmillan, 1899. – 400 p.

7. North, D. C. Institutions, institutional change and economic performance / D. C. North. – Cambridge : Cambridge University Press, 1990. – 159 p.

8. The prize in economic sciences 2024: Press release. – URL : https://www.nobelprize.org/prizes/economic-sciences/2024/press-release/ (date of access: 25.07.2025).

9. Acemoglu, D. Why nations fail: The origins of power, prosperity and poverty / D. Acemoglu, S. Johnson, J. A. Robinson. – New York : Crown Business, 2012. – 529 p.

10. The sveriges riksbank prize in economic sciences in memory of Alfred Nobel 2025: Scientific background. – URL : https://www.nobelprize.org/prizes/economic-sciences/2025/summary/ (date of access: 25.07.2025).

11. CEPR. Philippe Aghion Awarded 2025 Nobel Prize in economics, – URL : https://cepr.org/about/news/philippe-aghion-awarded-2025-nobel-prize-economics (date of access: 25.07.2025).

12. Le Monde. Philippe Aghion, Peter Howitt and Joel Mokyr win the 2025 Economics Nobel Prize, – URL : https://www.lemonde.fr/en/economy/article/2025/10/13/philippe-aghion-peter-howitt-and-joel-mokyr-win-2025-economics-nobel-prize_6746386_19.html (date of access: 25.07.2025).

13. Mokyr, J. A culture of growth : The origins of the modern economy / J. Mokyr. – Princeton, 2016. – 400 p.

14. Mokyr, J. Diversity, pluralism and tolerance : the roots of economic progress? : revised version / J. Mokyr. – Evanston : Northwestern University, Departments of Economics and History, 2023. – 26 p. – Manuscript.

15. Aghion, P. A model of growth through creative destruction / P. Aghion, P. Howitt // Econometrica. – 1992. – Vol. 60, № 2. – P. 323–351.

16. Aghion, P. The power of creative destruction : Economic upheaval and the wealth of nations / P. Aghion, C. Antonin, S. Bunel. – Cambridge, MA : Harvard University Press, 2021. – 384 p.

[1]Белорусский государственный
аграрный технический университет

[2]Белорусский государственный
экономический университет

Поступила в редакцию 21.11.2025

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 2 (155), 2026

УДК 330.3:338.2 EDN: XJJNZV

Параметры человеческого капитала и рынка труда как индикаторы смены фаз экономического цикла

Н.В. Крицкая

Статья посвящена анализу современных подходов методологии выделения тренда. Установлено, что в современной макроэкономике происходит отказ от механических фильтров в пользу структурных моделей и многомерного анализа. Обоснована роль человеческого капитала как опережающего индикатора экономических циклов. Составлен перечень индикаторов человеческого капитала и рынка труда Беларуси по синхронности с фазами цикла.
Ключевые слова: экономические циклы, рынок труда, фильтр Гамильтона, фильтр Ходрика-Прескотта, человеческий капитал, лидирующие индикаторы.

The article is devoted to the analysis of modern approaches to trend identification methodology. It has been established that modern macroeconomics is moving away from mechanical filters in favor of structural models and multidimensional analysis. The role of human capital as a leading indicator of economic cycles is substantiated. A list of indicators of human capital and the labor market in Belarus has been compiled according to their synchronism with the phases of the cycle.
Keywords: economic cycles, labor market, Hamilton filter, Hodrick-Prescott filter, human capital, leading indicators.

Введение. Современная макроэкономическая наука находится на этапе трансформации подходов к диагностике фаз экономических циклов и прогнозированию поворотных точек. В условиях глобальной нестабильности и технологических сдвигов классические методы мониторинга дополняются анализом больших данных, машинным обучением и междисциплинарными исследованиями. Актуальность данной темы обусловлена тем, что точность определения тренда экономического роста напрямую определяет эффективность принимаемых антициклических мер государственного регулирования. На протяжении столетий смена фаз подъема и спада оставалась предметом пристального внимания ученых, однако природа этих колебаний и механизмы их распространения интерпретировались по-разному в зависимости от доминирующей научной парадигмы. В контексте настоящего исследования ретроспективный анализ приобретает особое значение: он позволяет проследить, как менялось понимание роли трудовых ресурсов и качества рабочей силы в механизме экономического цикла, является обобщением современных методов выделения тренда экономического цикла и определением роли и характера отдельных параметров рынка труда на различных фазах экономического цикла.

Методология выделения трендов. В экономической науке с развитием методов диагностики фазы цикла и прогнозирования поворотных точек, можно выделить несколько ключевых подходов: от классических индикаторных и статистических методов до анализа больших данных.

Наиболее распространенным и практическим методом, основанном на анализе групп макроэкономических показателей, является индикаторный. Индикаторы классифицируют по времени реакции смены показателей:

1. Опережающие, или лидирующие, которые изменяются до того, как экономика в целом начинает расти или падать. В качестве примера служат длительность рабочей недели, объем новых заказов, фондовые индексы, разрешения на строительство, кривая доходности облигаций;

2. Совпадающие индикаторы движутся одновременно с экономическим циклом. К ним относятся ВВП, объем промышленного производства, личные доходы.

3. Запаздывающие (отстающие) индикаторы, которые достигают пика или дна после того, как это произошло в экономике: процентные ставки банков, уровень хронически безработных, удельные расходы заработной платы в себестоимости.

Кроме отслеживания индикаторов используются статистические и эконометрические методы диагностики циклов, которые направлены на то, чтобы отделить «циклический шум» от долгосрочного тренда. Самый известный инструмент – фильтр Ходрика-Прескотта (HP-фильтр), который разлагает временной ряд на трендовую составляющую и циклическую путем решения

задачи минимизации. Эконометрические исследования циклов также используют модель переключения режимов Маркова, которая предполагает, что экономика может находиться в одном из двух состояний (рост или рецессия), и переход между ними описывается вероятностной марковской цепью. Данная модель позволяет определить вероятность того, что экономика уже находится в фазе спада, даже в случае, когда официальные данные по ВВП еще не опубликованы.

Представители психологической экономики в своих исследованиях в основном используют опросный метод, который является основой в изучении ожиданий бизнеса и потребителей. К ним относится: индекс деловой активности (PMI), рассчитанный в результате опроса менеджеров по закупкам [1]; индекс уверенности потребителей, представляющий собой оценку готовности населения совершать крупные покупки в ближайшем будущем [2]. Также психологические экономические исследования основываются на Sentiment-анализе тональности новостей и сообщений в соцсетях для выявления панических настроений или оптимизма.

С развитием технологий появились методы, позволяющие проводить диагностику экономики в реальном времени. Прогнозирование в реальном времени (Nowcasting) использует высокочастотные данные, такие как транзакции по картам, трафик, потребление электроэнергии, для оценки ВВП в настоящем моменте. Благодаря машинному обучению и искусственному интеллекту методом Big Data & AI анализируются тысячи переменных (большие данные) и нелинейные связи, которые упускают классические модели.

Одной из фундаментальных и спорных проблем в макроэкономике является выбор тренда, так как от определения «нормального» состояния экономики зависит величина отклонения цикла, а следовательно, диагностирование фазы, и принятие соответствующих антициклических мер.

В современных исследованиях произошел раскол, ученые отказываются от механических фильтров в пользу структурных моделей. Продолжительное время стандартом диагностики являлся фильтр Ходрика-Прескотта. Однако в 2017 г. вышла работа Джеймса Гамильтона «Почему никогда не следует использовать фильтр Ходрика-Прескотта», перевернувшая представление о диагностике. Он указал, что HP-фильтр и подобные ему (фильтр Бакстера-Кинга) создают «ложные» циклы, особенно в конечных точках выборки, что критично для текущей диагностики. Вместо сглаживания было предложено использовать регрессионный фильтр, основанный на прогнозировании значений на 2 года вперед [3]. Тренд в таком случае определяется как то, что можно предсказать на основе прошлых данных, а всё остальное является циклом. Как альтернатива HP-фильтра предлагается использовать Гамильтон-фильтр, который более робастный.

Данное исследование проанализировал Й. Шулер в своей работе «О циклических свойствах фильтра Гамильтона» и в результате уточнил, что «фильтр Гамильтона наиболее сильно подчеркивает циклы, превышающие продолжительность обычных деловых циклов, то есть более восьми лет, и полностью подавляет некоторые краткосрочные колебания» [4]. Доказано, что альтернативный подход Гамильтона корректирует классическую периодизацию циклов в США, демонстрируя более высокую чувствительность к ранним признакам дисбалансов. Согласно выводам Шулера, ключевым преимуществом данного фильтра является минимизация искажений на краях выборки по сравнению с HP-фильтром, что считается важным для качества прогностических и регуляторных оценок.

Стандартом для таких международных организаций как МВФ, ОЭСР, Еврокомиссия при расчете потенциального ВВП, выступающего в качестве тренда, является метод производственной функции. Тренд выбирается не статистическим сглаживанием ВВП, а через оценку трендов факторов производства: труда (L), капитала (K) и совокупной факторной производительности (TFP). В последние годы в этот подход включают человеческий капитал и финансовые циклы для корректировки тренда. Так МВФ переходит от простых трендов к многомерным фильтрам, которые учитывают естественный уровень безработицы, не ускоряющий инфляцию (NAIRU) и показывают гистерезис на рынке труда США, который «вызывает гораздо большие колебания в потенциальном объеме производства» [5]. В модели ненаблюдаемых компонентов тренд считается стохастическим (случайным), а не детерминированным, и его выбор происходит с использованием фильтра Калмана для разделения ряда данных на тренд и цикл, при этом допускается, что шоки могут влиять на тренд. Также используется разложение Бевериджа-Нельсона (Beveridge-Nelson Decomposition), так как оно позволяет тренду быть волатильным.

Группа экономистов под руководством Г. Кэмбер в работе «Trend-Cycle Decomposition in the Presence of Large Shocks» (2024) доказали, что «фильтр Гамильтона страдает от базовых эффектов,

которые приводят к механическому всплеску оценки разрыва в объеме производства ровно через два года после начала пандемии, что соответствует горизонту фильтра. Только фильтр Бевериджа-Нельсона правильно прогнозирует движения тренда и цикла в условиях шока, подобного Covid» [6].

Гистерезис – подход, который стирает грань между трендом и циклом, основывается на идее, что рецессии перманентно снижают тренд. Модель тренда представляет собой не прямую линию сквозь колебания, а ломанную, которая «уходит» вниз после каждого кризиса. При диагностике в случае, если тренд падает вместе с ВВП, то «отрицательного разрыва выпуска» (output gap) может и не быть, а экономика работает на полную мощность, просто стала беднее. Фундаментальный обзор литературы провели экономисты В. Серра, А. Фатас, С. Саксена в работе «Гистерезис и Бизнес-циклы» (2023) доказывая, что концепция «возврата к тренду» часто ошибочна, и зависимость уровня ВВП от истории потрясений, которую экономисты называют гистерезисом, «свидетельствует в пользу объединения анализа роста и циклов» [7, с. 181].

После обобщения современных исследований автором составлена сводная таблица 1 методов выделения тренда.

Таблица 1 – Методы выделения тренда экономического цикла

Метод	Тренд	Цикл	Основной недостаток
HP-фильтр	Гладкая линия, минимизирующая волатильность	Мягкие волнообразные колебания	Эффект границ (ошибка в конце ряда), ложные циклы
Hamilton фильтр	Прогноз на 2 года вперед	Ошибка прогноза	Цикл короче и волатильнее, чем принято считать
Производственная функция	Потенциальный выпуск при полной занятости (NAIRU)	Разрыв выпуска (Output Gap)	Сложность оценки совокупной факторной производительности в реальном времени
фильтр Бевериджа-Нельсона	Случайное блуждание со сносом	Только временные шоки	Тренд очень волатилен

Источник: авторская разработка на основе [3], [4], [5], [6].

Таким образом, выбор тренда для диагностики фаз цикла не является унифицированным, и современный стандарт – это сравнение нескольких методов (робастность) или использование многомерных фильтров, которые включают данные рынка труда и инфляции для более точного определения тренда.

Все большее влияние на определение фаз экономических циклов оказывает человеческий капитал.

Параметры человеческого капитала и экономические циклы. Американский экономист С. Кузнец исследовал статистические данные США конца XIX – начала XX вв. периодом в 69 лет. В книге «Современный экономический рост: темпы, структура и распространение» (1966) он рассматривал человеческий капитал не просто как личный актив, а как фундаментальный фактор «современной эпохи экономического роста», включающий технологические знания и навыки работников, и подчеркивал, что без накопленного запаса знаний материальный капитал остается бесполезным. Однако сам ученый также предупреждал, что его собственная «кривая Кузнеца», показывающая, что уровень неравенства доходов снижается по мере роста экономики, опиралась на «ненадежные данные», отражающие показатели за относительно короткий период послевоенного экономического чуда на Западе в 1950-х гг. [8, с. 25].

Американские экономисты Т. Шульц и Г. Беккер ввели понятие «человеческий капитал» в свои работы в 1960-х гг. Основоположник теории человеческого капитала Теодор Шульц в своей программной статье 1961 г., которая легла в основу его Нобелевской лекции, впервые представил концепцию человека как носителя капитала, который можно наращивать через инвестиции: «…очевидно, что люди приобретают полезные навыки и знания, но не всегда очевидно, что эти навыки и знания являются формой капитала и что этот капитал в значительной степени является продуктом целенаправленных инвестиций» [9].

Лауреат Нобелевской премии Г. Беккер определил человеческий капитал через призму инвестиций в развитие способностей индивида: «многочисленные формы таких инвестиций включают в себя обучение в школе, обучение на рабочем месте, медицинское обслуживание, миграцию и поиск информации о ценах и доходах. Они различаются по своему влиянию на

доходы и потребление, по суммам, которые обычно инвестируются, по размеру доходов и по степени восприятия связи между инвестициями и доходами. Но все эти инвестиции улучшают навыки, знания или здоровье…» [10], которые приносят отдачу в будущем.

Экономист М.М. Критский является одним из основоположников российской (советской) школы теории человеческого капитала. В своей монографии 1991 г. он предложил оригинальный подход, рассматривая человеческий капитал не просто как набор навыков, а как «исторически определенную форму саморазвития живых производительных сил человека, которая в своем кругообороте интегрирует материальные и духовные потребности, способности и результаты труда, обеспечивая непрерывность процесса экономического и социального прогресса» [11, с. 9]. В отличие от Беккера, Критский акцентирует внимание на единстве личных потребностей индивида и общественных результатов его труда, подчеркивает, что человеческий капитал включает в себя не только технические навыки, но и культурно-нравственный потенциал личности.

Группой экономистов проведены исследования деловых циклов в США во взаимосвязи с рынком труда и представлены результаты в работе «Cyclical signals from the labor market», согласно которым хотя общий уровень безработицы традиционно считается главным индикатором цикла, он подвержен устойчивым (трендовым) изменениям, не связанным с деловым циклом (например, изменение уровня участия в рабочей силе), что может приводить к ложным выводам о потенциальном ВВП. Ими доказано, «что альтернативный уровень безработицы U-2 (потерявшие работу в процентах от рабочей силы) представляет собой более чисто циклический индикатор состояния рынка труда» [12]. Исследование выявило информативность среднего почасового заработка, подтверждающую теоретические положения о связи между реальными затратами на труд и экономическим циклом: когда фактический выпуск превышает потенциальный, давление на заработную плату усиливается.

Белорусская экономическая школа уделяет значительное внимание человеческому капиталу как стратегическому ресурсу развития страны. Профессор Е.В. Ванкевич в монографии «Рынок труда Республики Беларусь: особенности формирования и развития» подчеркивает, что «основными факторами роста в инновационной экономике являются знания и человеческий капитал, поэтому она характеризуется высокой степенью социальной ответственности ее субъектов за процесс и результаты своей деятельности» [13, с. 263–264].

Важность развития человеческого капитала отмечена в статье «Стратегия человеческого развития как механизм государственного управления общественными процессами: на примере Беларуси». Авторами подчеркивается, что «В Национальной стратегии устойчивого развития (далее – НСУР) многие пункты так или иначе связаны с человеческим капиталом. На национальном уровне он находится в ведении органов социальной политики, политики в области занятости, в поле зрения структурных фондов» [14, с. 93].

В работах НИЭИ Министерства экономики Республики Беларусь, выделяют следующие ключевые параметры человеческого капитала:

– капитал здоровья: физическая выносливость, отсутствие хронических заболеваний, средняя продолжительность жизни.

– капитал образования: глубина теоретических знаний, уровень грамотности, обучаемость.

– профессиональный капитал: специфические навыки, стаж, умение работать в команде.

– культурно-нравственный капитал: лояльность организации, этика труда, гражданская позиция.

Для оценки человеческого капитала на национальном уровне используются показатели, интегрированные в Индекс человеческого развития (ИЧР) [15] и национальные стратегии. Так, для параметра, характеризующего образование, учитываются показатели: доля лиц с высшим образованием (%), охват обучением (1–3 ступени), расходы на НИОКР в % к ВВП. В области здравоохранения рассчитывается ожидаемая продолжительность жизни при рождении, количество врачей на 10 000 населения, младенческая смертность. Также используются в ИЧР показатели уровня занятости молодежи, производительность труда по паритету покупательной способности, индекс инновационного развития. Однако, как отмечено экономистами Л.П. Зеньковой и М.М. Новиковым, «зачастую ряд факторов (уровень концентрации капитала, потребительские настроения, инфляционные ожидания) трудно или невозможно статистически определить» [16, с. 39].

Классический индикаторный подход использует ряд показателей занятости, один из которых – уровень безработицы, который часто является запаздывающим. По мнению

С.Н. Митякова, «в настоящее время классические причины экономических циклов, такие как перепроизводство и несоответствие предложения спросу, меняются на другие, более современные» [17, с. 61], которые сосредоточены на более тонких, опережающих метриках, связанных с человеческим капиталом. В мировой практике продолжительность рабочей недели – это показатель, который является частью человеческого капитала и остается одним из наиболее надежных опережающих индикаторов, так как компании регулируют часы работы до того, как решают увольнять или нанимать новых работников. Индекс опережающих экономических показателей (LEI) [18, с. 231], используемый The Conference Board, регулярно включает «Среднюю продолжительность рабочей недели в обрабатывающей промышленности» в качестве ключевого компонента, признавая её роль в прогнозировании переломных зон цикла.

В предыдущих исследованиях автором проведены исследования параметров человеческого капитала и рынка труда и характера их влияния на экономические циклы Беларуси.

Таблица 2 – Результаты выделения параметров человеческого капитала и рынка труда Беларуси на роль индикаторов фаз экономического цикла

Опережающие	Совпадающие	Запаздывающие
численность населения; численность занятых; доход домохозяйств; уровень доходов в секторе АПК; размер депозитов населения.	продолжительность рабочей недели; уровень миграции; изменение возрастной структуры населения.	уровень безработицы; коэффициент демографической нагрузки детьми.

Источник: авторская разработка на основе [19, с. 89], [20, с. 94].

Полученные данные с использованием динамической корреляции и спектрального анализа подтверждают, что для экономики Беларуси лидирующими индикаторами являются численность населения и численность занятых, показывая значимую корреляционную зависимость между этими показателями и динамикой роста ВВП. Также к опережающим индикаторам относится доход домохозяйств, в том числе уровень доходов в секторе АПК, который обладает большой долей в ВДС. Данный параметр подтверждается в результате исследования методом дифференцированного шкалирования показателей реального ВВП и доходов домохозяйств в сельской местности. В том числе размер депозитов населения, выступающий показателем инфляционных и дефляционных ожиданий, является лидирующим индикатором. Сопоставив также методом дифференцированного шкалирования темпы прироста депозитов физических лиц и темпы прироста реального ВВП, установили факт опережения показателя [20, с. 94].

Заключение. Проведенное исследование современных подходов методологии определения тренда и анализ роли человеческого капитала в диагностике фаз экономических циклов позволяет сделать следующие выводы:

1. Произошла смена методологической парадигмы в выделении тренда. Традиционный подход, основанный на использовании фильтра Ходрика-Прескотта, подвергается критике из-за проблемы возникновения «ложных циклов» и нестабильности оценок в конечных точках выборки. В современной макроэкономической науке наблюдается переход к более робастным методам: фильтру Гамильтона, разложению Бевериджа-Нельсона и многомерным структурным моделям.

2. Отмечается современная эволюция индикаторного подхода через призму параметров человеческого капитала и рынка труда. В настоящее время практика подтверждает, что показатели человеческого капитала, такие как продолжительность рабочей недели, индекс деловой уверенности, численность и занятость населения, обладают большой прогностической силой. Таким образом, интеграция параметров человеческого капитала в многомерные фильтры позволяет учитывать эффекты гистерезиса на рынке труда, при которых кризисы не просто вызывают временный спад, а непрерывно снижают потенциальный уровень развития экономики.

3. В современных условиях для обеспечения точности диагностики фаз цикла автор считает приоритетным использование принципа робастности – сравнение результатов нескольких методов выделения тренда. Приоритетным направлением для национальных органов управления является переход от простых статистических фильтров к анализу высокочастотных данных и мониторингу качественных параметров человеческого капитала, что обеспечит своевременную реакцию на макроэкономические шоки и минимизирует негативные последствия циклической волатильности.

Литература

1. Чембулатова, М. Е. Индекс менеджеров по закупкам / М. Е. Чембулатова // Большая российская энциклопедия : научно-образовательный портал. – URL : https://bigenc.ru/c/indeks-menedzherov-po-zakupkam-1c64c1/?v=5947272 (дата доступа : 25.12.2025).

2. Чембулатова, М. Е. Индекс потребительской уверенности / М. Е. Чембулатова // Большая российская энциклопедия : научно-образовательный портал. – URL : https://bigenc.ru/c/indeks-potrebitel-skoi-uverennosti-d4f530/?v=9680876 (дата доступа : 25.12.2025).

3. James, D. H. Why you should never use the Hodrick-Prescott filter / D. H. James // NBER Working Paper. – URL : https://www.nber.org/papers/w23429 (date of access : 25.12.2025).

4. Schüler, Y. S. On the cyclical properties of Hamilton's filter / Y. S. Schüler // Deutsche Bundesbank Discussion Paper. – URL : https://www.bundesbank.de/resource/blob/704152/7dc6c0968c9581dff4878e724ac6460b/472B63F073F071307366337C94F8C870/2018-02-14-dkp-03-data.pdf (date of access : 25.12.2025).

5. Alichi, A. Multivariate filter estimation of potential output for the United States : An extension with labor market hysteresis / A. Alichi, H. Avetisyan [et al.] // IMF Working Papers. – 2019. – V. 035. – URL : https://doi.org/10.5089/9781484398067.001 (date of access : 25.12.2025).

6. Kamber, G., 2024. Trend-cycle decomposition in the presence of large shocks / G. Kamber, J. Morley, B. Wong // CAMA Wor. Papers. – URL : https://ideas.repec.org/p/een/camaaa/2024-24.html (date of access : 25.12.2025).

7. Cerra, V. Hysteresis and Business Cycles / V. Cerra, A. Fatás, S. C. Saxena // Journal of Economic Literature. – 2023. – № 61 (1). – P. 181–225.

8. Шваб, К. Капитализм всеобщего блага. Новая модель мировой экономики / К. Шваб, П. Ванхэм. – М. : Эксмо, 2022. – 352 с.

9. Theodore, W. Schultz investment in human capital / W. Theodore // The American Economic Review. – 1961. – V. 51, № 1. – URL : https://la.utexas.edu/users/hcleaver/330T/350kPEESchultzInvestmentHumanCapital.pdf (date of access : 25.12.2025).

10. Human capital : A theoretical and empirical analysis with special reference to education / S. Gary. – 1st ed. – URL : http://www.nber.org/books/beck-5 (date of access : 25.12.2025).

11. Критский, М. М. Человеческий капитал / М. М. Критский. – Ленинград : Изд-во ЛГУ, 1991. – 119 с.

12. Berger, T. Cyclical signals from the labor market / T. Berger, P. D. Boll [et al.]. – Oxford Open Economics. – 2022. – Vol. 1. – URL : https://academic.oup.com/ooec/article/doi/10.1093/ooec/odab002/6520732?login=false#430113273 (date of access : 25.12.2025).

13. Рынок труда Республики Беларусь : особенности формирования и развития : монография / под науч. ред. Е. В. Ванкевич. – Витебск, 2008. – 302 с.

14. Боброва, А. Г. Стратегия человеческого развития как механизм государственного управления общественными процессами : на примере Беларуси / А. Г. Боброва, А. А. Пилютик, А. И. Храмов // Вестник Института экономики НАН Беларуси. – 2023. – Вып. 7. – С. 92–106.

15. Васильев, А. Ф. Индекс человеческого развития / А. Ф. Васильев // Большая российская энциклопедия: научно-образовательный портал. – URL : https://bigenc.ru/c/indeks-chelovecheskogo-razvitiia-4c5d82/?v=7334710 (дата обращения : 25.12.2025).

16. Кратко- и среднесрочные циклы : теория формирования, методология статистического моделирования и анализа на стадии образования и использования доходов, прогнозирование кризисов / Л. П. Зенькова, М. М. Новиков. – Минск : ИВЦ Минфина, 2019. – 220 с.

17. Митяков, С. Н. Метод анализа и прогнозирования экономических кризисов / С. Н. Митяков // Вестник Института экономики Российской академии наук. – 2025. – № 3. – С. 58–83

18. Ozyildirim, A. 2017. Business cycle indicator approach at the conference board / A. Ozyildirim. – URL : https://ec.europa.eu/eurostat/documents/3859598/8232150/KS-GQ-17-003-EN-N.pdf (date of access : 25.12.2025).

19. Зенькова, Л. П. Параметры рынка труда в Беларуси и Узбекистане как упреждающие индикаторы современных экономических кризисов / Л. П. Зенькова, С. Г. Захарова [и др.] // Белорусский экономический журнал. – 2024. – № 1. – С. 85–98.

20. Зенькова, Л. П. Макрофакторы социальной среды : влияние на экономические циклы в Беларуси / Л. П. Зенькова, Н. В. Крицкая // Белорусский экономический журнал. – 2025. – №3. – С. 83–96.

Белорусский государственный
экономический университет

Поступила в редакцию 10.12.2025

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 2 (155), 2026

УДК 339.9:334.012 EDN: XRSXVN

Тенденции в поддержке интернационализации женского предпринимательства

А.В. Орлова

Показана взаимосвязь глобальной экономики, международных экономических отношений и международного женского предпринимательства. Раскрыта роль международных организаций, региональных объединений и отдельных стран в развитии международного женского предпринимательства. Определено, что поддержка интернационализации женского предпринимательства является современной особенностью глобальной экономики. Выявлены и охарактеризованы основные тенденции в поддержке интернационализации женского предпринимательства.
Ключевые слова: глобальная экономика, международное женское предпринимательство, интернационализация женского предпринимательства, поддержка интернационализации женского предпринимательства.

The relationship between the global economy, international economic relations, and international women's entrepreneurship is demonstrated. The role of international organizations, regional associations, and individual countries in the development of international women's entrepreneurship is explored. Support for the internationalization of women's entrepreneurship is identified as a contemporary feature of the global economy. The key trends in supporting the internationalization of women's entrepreneurship are identified and characterized.
Keywords: global economy, international women's entrepreneurship, internationalization of women's entrepreneurship, support for the internationalization of women's entrepreneurship.

Введение. В настоящее время для глобальной экономики характерен процесс перехода к устойчивому развитию. Большинство стран заинтересованы не только в собственной структурной перестройке, способной обеспечить функционирование новой модели стабильного долгосрочного роста, но и в развитии регионов и глобального пространства, что находит отражение в деятельности межгосударственных объединений и союзов, направленной на укрепление международных экономических отношений. В этих условиях становится приоритетным поиск и использование всех возможностей для обеспечения глобального устойчивого развития.

Среди наиболее перспективных возможностей мировым сообществом и отдельными странами рассматривается потенциал участия женщин в экономике, в частности, в международном предпринимательстве: на протяжение последних 25 лет большинство стран, межгосударственных объединений, международных организаций, особенно экономических, активизировали взаимодействие как с представителями бизнеса, так и между собой в целях содействия развитию женского предпринимательства, а особенно его интернационализации. Например, Международная финансовая корпорация и Международный центр реализуют на постоянной основе меры содействия интернационализации женского предпринимательства; в рамках БРИКС инициирован Женский деловой альянс и проводится Международный форум женского предпринимательства; Канадская служба комиссара по торговле реализует программу «Женщины-предприниматели в международной торговле».

Участие женщин в международном предпринимательстве актуально и для Республики Беларусь. Женское предпринимательство находит отражение в Национальной стратегии устойчивого развития Республики Беларусь до 2035 г. (НСУР-2035), Стратегии развития малого и среднего предпринимательства «Беларусь – страна успешного предпринимательства» на период до 2030 г., Государственной программе «Малое и среднее предпринимательство в Республике Беларусь» на 2021–2025 гг., Национальном плане действий по обеспечению гендерного равенства в Республике Беларусь на 2021–2025 гг. В частности, в НСУР-2035 отмечена необходимость равноценного развития человеческого капитала женщин и мужчин, в том числе за счет создания благоприятной среды для развития женского предпринимательства [1]. Вме-

сте с этим очевидна и открывающаяся возможность для нашей страны с точки зрения использования возможностей межгосударственного сотрудничества в рамках таких объединений, как Союзное государство, ЕАЭС, БРИКС, ШОС для развития международного женского предпринимательства. Это, в свою очередь, непосредственно затрагивает ключевые приоритеты развития Республики Беларусь, в частности, вопросы стимулирования экспорта.

Вопросы международного женского предпринимательства нашли отражение в работах таких авторов, как Д. Гарсия-Куэведо, М.М. Азим, В. Раттен, К. Таджедини, Дж. Морейра, М. Актер, Б.Л. Бастиан, С. Суй, И. Осгуд, Д. Мачадо, Г. Ангадвита, Р.Ю. Мулаинти. Основной фокус исследований международного женского предпринимательства сосредоточен на взаимосвязи интернационализации женского предпринимательства и экономического развития, экспортоориентированности женщин-предпринимателей, препятствиях и поддержке интернационализации женского предпринимательства. Вместе с этим в научной литературе не представлены направления развития поддержки интернационализации женского предпринимательства, что ограничивает понимание динамики современных процессов международного женского предпринимательства и не позволяет сформировать комплексное представление о его актуальном состоянии.

В этой связи особую значимость приобретает выявление основных глобальных тенденций в поддержке интернационализации женского предпринимательства с целью раскрытия современного состояния международного женского предпринимательства и определения перспективных направлений для повышения эффективности реализации политики активизации предпринимательской инициативы в Республике Беларусь.

Основная часть. В настоящее время глобальная экономика и международные экономические отношения создают благоприятные условия для развития международного женского предпринимательства. Глобализация и развитие международных экономических отношений открывают для женщин-предпринимателей доступ к международным рынкам и сетям партнеров, что способствует их профессиональному росту и экономическому развитию. Накопленный опыт международного сотрудничества позволяет международным, региональным, страновым организациям, ассоциациям и органам управления взаимодействовать между собой для создания условий, способствующих интернационализации женского предпринимательства, с целью развития глобальной экономики и обеспечения социальной справедливости.

Вместе с этим сохраняющиеся гендерное неравенство в глобальном масштабе негативно влияет на международное женское предпринимательство. При осуществлении предпринимательской деятельности, в том числе на международных рынках, женщины сталкиваются со специфическими барьерами. Это обусловило активизацию мирового сообщества в направлении реализации мер по устранению данных барьеров для женщин-предпринимателей, что находит отражение в росте как количества участников поддержки интернационализации женского предпринимательства, так и в расширении спектра реализуемых ими мер в отношение женщин-предпринимателей.

Поддержка интернационализации женского предпринимательства представляет собой меры информационного, образовательного, сетевого, финансового и семейного характера, реализуемые международными организациями и ассоциациями, в том числе, экономическими, региональными, национальными организациями, ассоциациями и органами управления в партнерстве с транснациональными корпорациями, международными банками в направление содействия женщинам-предпринимателям в реализации их бизнеса на международных рынках.

Проведенное исследование позволило выделить основные тенденции в поддержке интернационализации женского предпринимательства, к которым отнесены следующие: гендерно-ориентированная торговая политика; глобализация и регионализация поддержки; усиление связей между субъектами поддержки; экономический вектор поддержки; комплексный подход к поддержке; дифференциация поддержки; виртуализация поддержки; стратегический подход к поддержке (таблица 1).

Таблица 1 – Основные глобальные тенденции в поддержке интернационализации женского предпринимательств

Название	Характеристика
Гендерно-ориентированная торговая политика	Все чаще международные и региональные торговые соглашения (двухсторонние и многосторонние) включают положения о гендерном равенстве с целью устранения барьеров и ограничений, которые затрагивают женщин-предпринимателей. Это позволяет сформировать благоприятные возможности для интернационализации женского предпринимательства посредством расширения участия женщин-предпринимателей в международной торговле.
Глобализация и регионализация поддержки	В глобальном масштабе наблюдается активизация деятельности международных, наднациональных, страновых организаций, ассоциаций и органов управления в направление реализации мер поддержки интернационализации женского предпринимательства. Субъектами поддержки интернационализации женского предпринимательства становится все большее число организаций, особенно международных экономических.
Усиление связей между субъектами поддержки	Субъекты поддержки интернационализации женского предпринимательства находятся в постоянном взаимодействии, подразумевающем использование совместных усилий по реализации специальных мер, направленных на формирование благоприятной среды для женщин-предпринимателей на международных рынках. Международные, наднациональные, страновые организации, ассоциации и органы управления реализуют совместные инициативы в области поддержки интернационализации женского предпринимательства, что формирует ее многоуровневый характер. Помимо этого, они привлекают к поддержке другие заинтересованные стороны, в частности, международные компании и банки.
Усиление экономического вектора поддержки	В глобальном масштабе наблюдается переход от социального к экономическому контексту в вопросах обоснования необходимости поддержки участия женщин в предпринимательстве, в том числе, и в вопросах интернационализации их бизнеса. В настоящее время поддержка интернационализации женского предпринимательства нацелена на повышение вклада женщин в глобальное экономическое развитие. Это обусловлено ростом исследований в проблемном поле женского предпринимательства и полученными научными выводами об экономической целесообразности достижения гендерного равенства в предпринимательстве.
Дифференциация поддержки	Проявляется в переходе от общей поддержки предпринимательства к гендерно ориентированной, в том числе, в области интернационализации предпринимательства. Субъекты поддержки признают негативное влияние гендерного неравенства на возможности женщин-предпринимателей на международных ранках и реализуют специальные меры поддержки интернационализации их бизнеса.
Комплексный подход к поддержке	Субъекты поддержки интернационализации женского предпринимательства всех уровней реализуют меры, нацеленные на нивелирование гендерно обусловленных барьеров в таких областях их проявления, как информация, образование, финансы, сети. В большинстве своем субъекты поддержки реализуют меры, охватывающие все области проявления гендерно обусловленных барьеров.
Стратегический подход к поддержке	Международные организации, наднациональные и национальные организации, ассоциации и органы управления реализуют меры поддержки на основе долгосрочных целей, задач, планов, разрабатывают стратегии в отношение женщин-предпринимателей и потенциальных женщин-предпринимателей.
Виртуализация поддержки	Субъекты поддержки активно используют возможности современной цифровизации, внедряя в свою деятельность в области поддержки интернационализации женского предпринимательства ИКТ. Все международные организации и ассоциации, наднациональные и национальные организации, ассоциации и органы управления имеют интернет-сайты и/или онлайн-сервисы (чат-боты, онлайн-помощники и пр.), позволяющие в режиме реального времени получить необходимую информацию женщинам-предпринимателям.

Рассмотрим эти тенденции.

1. Гендерно-ориентированная торговая политика. После принятия в 1995 г. ключевого глобального документа по вопросам гендерного равенства – Пекинской декларации и Плат-

формы действий – многие страны последовали высказанным рекомендациям в части: «стремиться обеспечить, чтобы национальная политика, связанная с международными и региональными торговыми соглашениями, не оказывала негативного влияния на новые и традиционные виды экономической деятельности женщин», а также «использовать анализ гендерного воздействия при разработке макро-, микроэкономической и социальной политики в целях мониторинга такого воздействия и реструктуризации политики в случаях возникновения негативного воздействия» [2]. По данным Всемирной торговой организации (ВТО) в настоящее время треть торговых соглашений (двухсторонних и многосторонних) содержат гендерные положения [3]. Более 70 % торговых соглашений Европейского союза (ЕС) содержат как минимум одно гендерное положение по сравнению с 38 % в Северной Америке, 32 % в Африке, 20 % в Южной Америке и 14 % в Азиатско-Тихоокеанском регионе [4].

2. Глобализация и регионализация поддержки. Вопросы поддержки женского предпринимательства, в целом, и его интернационализации, в частности, перестают быть сугубо национальными и распространяются в глобальном масштабе. Об этом свидетельствует тот факт, что в поддержку интернационализации женского предпринимательства включаются все больше организаций и объединений различного уровня: международные организации и ассоциации (ООН, Международная организация труда (МОТ), Международная федерация женщин-предпринимателей и женщин-профессионалов, Организацией женщин в международной торговле), в том числе, экономические (Всемирная торговая организация (ВТО), Международный торговый центр (МТЦ), Международная финансовая корпорация (МФК)), региональные объединения (БРИКС), наднациональные организации и органы управления (Европейский банк реконструкции и развития (ЕБРР), Европейская комиссия), страновые организации, ассоциации и органы управления (Канадская служба комиссара по торговле, Национальное Агентство женских стартапов в Германии, Управление женского бизнеса США и др.) [5].

В настоящее время можно говорить и о *регионализации поддержки* интернационализации женского предпринимательства. Для различных регионов и межгосударственных объединений характерен процесс создания и развития условий для выхода бизнеса женщин-предпринимателей на международные рынки (например, инициативы в данном направлении реализуются в рамках БРИКС, ЕС, АСЕАН, в Северной и Латинской Америке).

3. Усиление связей между субъектами поддержки. Субъекты поддержки реализуют свою деятельность в рамках интернационализации женского предпринимательства не изолированно друг от друга, а находятся в постоянном взаимодействии. В подтверждение чего свидетельствуют следующие факты: а) во-первых, субъекты поддержки интернационализации женского предпринимательства реализуют совместные инициативы и проекты, причем, с каждым годом их количество увеличивается (например, «ООН-женщины» сотрудничает с Женским форумом в рамках реализации программы «Daring Circle Women4Business», МТЦ и МФК сотрудничают с национальными органами управления и международными неправительственными организациями, в частности, с Международной федерацией женщин-предпринимателей и женщин-профессионалов, Организацией женщин в международной торговле и др.); б) во-вторых, в процесс поддержки интернационализации женского предпринимательства вовлекается все большее количество таких субъектов мировой экономики, как международные компании (Uniliver, Coca-Cola, Microsoft, Mastercard, DHL, Exxon Mobile, Export-Import Bank of the U.S.P&G, BNP Paribas, Johnson & Johnson, L'Oréal, IBM, HP, Mersedes-Benz, Oracle, American Express, IBM, KPMG, Hyundai, Toyota и др.) и международные банки, которые выступают корпоративными партнерами в реализации мер поддержки интернационализации женского предпринимательства [6].

4. Усиление экономического вектора поддержки. Первоначально субъекты поддержки интернационализации женского предпринимательства лишь обозначали экономическую роль выхода женщин-предпринимателей на международные рынки, связывая свою деятельность в большей мере с решением гендерных проблем. В настоящее время субъекты, реализующие меры поддержки интернационализации женского предпринимательства, фактически руководствуются экономическими интересами, что находит отражение в их закреплении в руководящих документах. Так, одним из руководящих принципов подразделения ООН «ООН-женщины» является расширение экономических прав и возможностей женщин. В руководя-

щих документах отмечено, что расширение прав и возможностей женщин способствует процветанию экономики, повышению производительности и роста [7]. В Программе развития женского предпринимательства МОТ отмечено, что предпринимательство может быть эффективным средством расширения прав и возможностей женщин, создания рабочих мест и содействия достижению более широких целей в области развития [8]. Ведущая в мире платформа для представления мнений и голосов женщин по социальным и экономическим вопросам – «Женский форум» – обозначает, что женское предпринимательство является ключевым инструментом к расширению экономических возможностей и к экономическому росту [9]. МФК признает, что женщины играют решающую роль в мировой экономике как предприниматели [10]. МТЦ отмечает важную роль расширения экономических прав и возможностей женщин в глобальном масштабе [11]. В миссии Организации женщин в международной торговле отмечена важная роль выхода женщин-предпринимателей на международные рынки в процессе обеспечения развития и сокращения бедности [12].

5. Дифференциация поддержки. По мере развития поддержки интернационализации женского предпринимательства реализуемые меры в отношение женщин-предпринимателей приобрели специальный характер: субъекты поддержки интернационализации женского предпринимательства реализуют меры, направленные на женщин-предпринимателей, дифференцируя их по гендерному признаку. Организующим принципом деятельности субъектов поддержки в рамках интернационализации женского предпринимательства выступает признание ими негативного влияния гендерного неравенства как общественного явления на женщин-предпринимателей. Как следствие, основу дифференциации поддержки интернационализации женского предпринимательства формирует реализация специальных мер по снижению гендерно обусловленных барьеров в предпринимательстве.

Специальные меры в отношении женщин-предпринимателей на международных рынках реализуют такие международные организации, как ООН, МОТ, ВТО, МТЦ, ЕБРР, МФК, Организации женщин в международной торговле, Женщины-предприниматели на международном рынке. Например, Организации женщин в международной торговле, созданная в 1989 г., представляет собой глобальную международную организацию, подразделения которой расположены в Северной и Южной Америке, Западной Европе и Африке. Они предоставляет доступ своим членам к программам и ресурсам в целях продвижения женщин-предпринимателей на международных рынках; организуют торговые миссии в целях оказания помощи предпринимателям в освоении новых рынков сбыта. ЕБРР реализует программу «Женщины в бизнесе» в 20 странах мира. В рамках этой программы ЕБРР работает с предприятиями малого и среднего бизнеса, возглавляемыми женщинами, предоставляя доступ к финансированию и консультации по вопросам ведения бизнеса.

6. Комплексный подход к поддержке. Субъекты поддержки интернационализации женского предпринимательства, реализуя в отношение женщин-предпринимателей специальные меры, охватывают ими все области проявления гендерно обусловленных барьеров (информация, образование, финансы, сети). При этом следует отметить, что комплексный подход в поддержке интернационализации женского предпринимательства характерен для субъектов всех уровней.

Например, в рамках программы МТЦ «Женщины и торговля» функционирует платформа She Trades, которая предоставляет женщинам-предпринимателям не только сетевые возможности, но и позволяет освоить новые бизнес-навыки с помощью широкого спектра бесплатных электронных учебных материалов (виртуальное учебное пространство, онлайн-курсы, интерактивные веб-семинары). Аналогичные возможности предоставляет Организация женщин в международной торговле. ЕБРР в рамках реализации программы «Женщины в бизнесе», нацеленной на предоставление доступа к финансированию предприятиям малого и среднего бизнеса, возглавляемыми женщинами, также осуществляет консультации по вопросам ведения бизнеса. Деятельность Женского делового альянса БРИКС охватывает вопросы развития бизнес-навыков женщин-предпринимателей, расширение женских бизнес-сетей, углубление B2B-сотрудничества между женщинами-предпринимателями, включение женского бизнеса в глобальные цепочки создания стоимости.

7. Стратегический подход к поддержке интернационализации женского предпринимательства включает в себя целенаправленные действия и инициативы долгосрочного характера, направленные на создание условий, способствующих развитию бизнеса женщин-предпринимателей на международных рынках. Поддержка интернационализации женского предпринимательства отражает сложившиеся к настоящему времени взгляды на содержание понятия «стратегия», которые охватывают такие элементы, как приоритеты, цели, планы, задачи, меры и закрепляются в соответствующих документах субъектов поддержки.

Обобщение мирового опыта поддержки интернационализации женского предпринимательства позволяет говорить о том, что: а) приоритетом поддержки выступает повышение вклада женщин в устойчивое социально-экономическое развитие; б) целями – сокращение гендерного разрыва в предпринимательстве и создание благоприятной среды для интернационализации женского предпринимательства; в) задачами – повышение осведомленности о деятельности женщин-предпринимателей, развитие предпринимательских навыков женщин-предпринимателей; формирование бизнес-сетей для женщин-предпринимателей; облегчение доступа к финансам для женщин-предпринимателей; обеспечение баланса между работой и семьей для женщин-предпринимателей.

8. Виртуализация поддержки. Поддержка интернационализации женского предпринимательства осуществляется при активном использовании современных информационных технологий. Все субъекты поддержки имеют открытые информационные ресурсы (веб-сайты), позволяющие в режиме реального времени обеспечивать доступ женщинам-предпринимателям к своей ресурсной базе. На веб-сайтах размещается актуальная информация о таких мероприятиях, как торговые ярмарки и миссии, рабочие совещания и семинары, ссылки на наставничество и учебные курсы для женщин-предпринимателей, а также собраны исследования в области женского предпринимательства. Субъекты поддержки внедряют и новые цифровые инструменты взаимодействия с женщинами-предпринимателями (чат-боты, онлайн-помощники и пр.).

Помимо этого создаются специализированные веб-порталы. Так, в ЕС в 2016 г. был создан онлайн-портал WEgate, где аккумулирована вся информация о поддержке женского предпринимательства как в страна-членах, так и за рамками союза. В США для улучшения доступа женщин-предпринимателей к ресурсам, необходимым для развития бизнеса, Национальный совет деловых женщин создал поисковый репозиторий «Grow Her Business».

Вывод. Поддержка интернационализации женского предпринимательства входит в число приоритетов международных организаций, региональных объединений, отдельных стран. Реализуемые меры в отношение женщин-предпринимателей направлены на преодоление препятствий, с которыми они сталкиваются при осуществлении бизнеса на международных рынках. Обобщение мирового опыта позволило выявить основные глобальные тенденции в поддержке интернационализации женского предпринимательства, среди которых гендерно-ориентированная торговая политика; глобализация и регионализация поддержки; усиление связей между субъектами поддержки; экономический вектор поддержки; комплексный подход к поддержке; дифференциация поддержки; стратегический подход к поддержке; виртуализация поддержки.

Республика Беларусь выступает активной участницей международных экономических отношений, что открывает возможности для использования потенциала международного женского предпринимательства в устойчивом развитии национальной экономики. Выявленные тенденции в поддержке интернационализации женского предпринимательства имеют практический интерес с точки зрения реализации стратегических приоритетов страны, затрагивающих вопросы создания благоприятной среды для женского предпринимательства и развития внешней торговли.

Литература

1. Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2035 года // Официальный портал М-ва экон. Респ. Беларусь. – URL : https://economy.gov.by/uploads/files/Natsionalnaja-strategija-ustojchivogo-razvitija-Respubliki-Belarus-na-period-do-2035-goda.pdf (дата обращения : 10.09.2025).

2. Beijing Declaration (1995) // Beijing declaration and platform for action fourth world conference on women. Paragraph 112. – URL : https://www.un.org/womenwatch/daw/beijing/pdf/BDPfA%20E.pdf (date of access : 10.09.2025).

3. Kuhlmann, K. Gender mainstreaming in trade agreements: ‘A Potemkin Façade’? / K. Kuhlmann, A. Bahri. – URL : https://scholarship.law.georgetown.edu/facpub/2511 (date of access : 05.09.2025).

4. Bahri, A. Gender mainstreaming in free trade agreements : a regional analysis and good practice examples gender, social inclusion and trade knowledge product series / A. Bahri. – URL : https://wtochairs.org/sites/default/files/7.%20Gender%20mainstreaming%20in%20 FTAs_final%20%286%29.pdf (date of access : 05.09.2025).

5. Юрова, Н. В. Международное женское предпринимательство: теоретические основы / Н. В. Юрова, А. В. Орлова // Вестник Донецкого нац. ун-та. – 2024. – №. 3. – С. 144–158.

6. Орлова, А. В. Женское предпринимательство в зарубежных странах : генезис и основные тренды / А. В. Орлова ; под науч. ред. Б. В. Сорвирова. – Минск : Право и экономика, 2021. – 258 с.

7. About UN-women // UnWomen. – URL : https://www.unwomen.org/en/about-us/about-un-women (date of access : 12.09.2025).

8. Womens entrepreneurship development programme // Ilo. – URL : https://www.ilo.org/about-ilo/organizational-structure-international-labour-office/ilo-department-sustainable-enterprises-productivity-and-just-transition/womens-entrepreneurship-development-programme (date of access : 05.09.2025).

9. WomenEntrepreneurs4Good // Womens-forum. – URL : https://www.womens-forum.com/content/womenentrepreneurs4good (date of access : 12.09.2025).

10. Inclusive supply chains // IFC. – URL : https://www.ifc.org/en/what-we-do/sector-expertise/gender/inclusive-supply-chains (date of access : 15.09.2025).

11. International trade centre. Inclusive trade : SheTrades initiative // International Trade Centre. – URL : https://intracen.org/our-work/ projects/inclusive-trade-shetrades-initiative (date of access : 12.09.2025).

12. OWIT’s mission // OWIT. – URL : https://owit.org/owits-mission/ (date of access : 12.09.2025).

Гомельский государственный
университет имени Франциска Скорины

Поступила в редакцию 07.10.2025

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 2 (155), 2026

УДК 330.34 EDN: YRDNYF

Высокие технологии в современном мире: значение и актуальные тенденции развития

А.В. Соколов, Т.Ю. Гораева

В статье анализируются теоретические подходы к идентификации высоких технологий, подчеркивается роль высоких технологий в обеспечении устойчивого экономического роста и повышении конкурентоспособности на макроуровне, а также приводятся некоторые сравнительные показатели, отражающие значение высоких технологий в формировании экономик стран мира; определяются основные тренды в области дальнейшего глобального технологического развития.
Ключевые слова: высокие технологии, высокотехнологичный сектор, наукоемкость, наукоемкие услуги.

The article analyzes theoretical approaches to the identification of high technologies, emphasizes the role of high technologies in ensuring sustainable economic growth and enhancing competitiveness at the macro level, and presents some comparative indicators reflecting the significance of high technologies in shaping the economies of countries worldwide. The main trends in further global technological development are also identified.
Keywords: high technologies, high-tech sector, knowledge intensity, knowledge-intensive services.

Введение. Современный этап развития мировой экономики характеризуется возрастающей ролью высоких технологий как одного из ключевых драйверов экономического роста. Ведущие государства последовательно наращивают инвестиции в инновационные направления – искусственный интеллект, биотехнологии, робототехнику, что позволяет им формировать новые стандарты технологического развития и укреплять позиции на глобальном рынке. Для Республики Беларусь вопросы формирования и развития высокотехнологичного сектора также являются актуальными, а пристальное внимание к этому вопросу со стороны государства лишь подчеркивает их особую значимость и находит отражение в ряде государственных программ и документов.

Основная часть. При рассмотрении сектора высоких технологий первостепенно возникает вопрос дефиниции и исследования природы самого понятия «высокие технологии». На сегодняшний день словосочетание высокие технологии приобрело довольно расхожий характер и применяется повсеместно, не будучи стесненным рамками конкретных экономических отраслей или сфер деятельности. В том числе в повседневной жизнедеятельности мы регулярно сталкиваемся с продуктами того, что принято обозначать как высокие технологии, будь то электромобили, голосовые помощники на базе ИИ, высокотехнологичные импланты, альтернативные источники энергии (солнечные батареи), облачные хранилища данных, криптообменники и многое другое. Все перечисленное является результатом инновационных решений, основанных на передовых научных достижениях и современных технологиях. Но на этом этапе возникает вопрос идентификации «высоких технологий». Когда и за счет чего технология переходит в разряд «высокой» и является ли фактор времени, определяющий новизну, основным критерием для данной категории? Если это так, то какие временные границы нормируют актуальность «высокой» технологии, прежде чем она утрачивает это значение и становится просто технологией?

Обратимся подробнее к генезису и определению понятия «высокие технологии». Сам термин «высокие технологии» является производным от английского high technology (high tech, hi-tech) и впервые стал использоваться со второй половины XX в. В частности, в 1958 г. в статье издания «The New York Times» встречается упоминание высоких технологий в контексте атомной энергетики [1].

В одном из ведущих толковых словарей, американском Merriam-Webster's Collegiate Dictionary дается следующие определение «высокая технология – научная технология, включающая производство или применение передовых или сложных устройств, особенно в областях электроники и вычислительной техники» [2]. Оксфордский английский словарь дает еще более широкое определение: «высокая технология – наиболее современные методы и механизмы, особенно электронные» [3]. В Республике Беларусь среди нормативных документов можно встретить сле-

дующее определение «Высокие технологии – система производственных и иных операций, методов и процессов, в результате которых создаются сложнотехнические наукоемкие изделия либо продукция, требующие использования научного знания при проектировании и производстве» [4].

В научной литературе к понятию «высокие технологии» обращались многие авторы, среди прочих отметим взгляды нескольких ученых наиболее полно, на наш взгляд, раскрывающих данное понятие. Так Л.И. Абалкин говорит, что высокая технология есть «условное обозначение наукоемкой универсальной, многофункциональной, многоцелевой технологии, имеющей широкую сферу применения, способной вызвать цепную реакцию нововведений, обеспечивающей более оптимальное по сравнению с предшествующими технологиями соотношение затрат и результатов и оказывающей позитивное воздействие на социальную сферу» [5]. Е.А. Жукова понимает под высокими технологиями «условное обозначение наукоемких, многофункциональных, многоцелевых технологий, способных вызвать цепную реакцию нововведений и инициирующих процессы самоорганизации социокультурных систем» [6]. А.В. Мартыненко отмечает, что высокие технологии есть «важнейшие современные технологии, содержащиеся в научных разработках и в уникальных технологических процессах, оборудовании, приборах и материалах, обладающие высокой степенью наукоемкости» [7]. В. П. Старжинский идентифицирует высокие технологии как «совокупность средств, способов и методов решения практических проблем, которые направлены на удовлетворение потребностей людей, становятся приоритетом развития человечества, содержат большую долю интеллектуального ресурса, меняют социальную сферу и человека, основываются на информационных технологиях» [8]. Е.Б. Салихова подчеркивает, что высокие технологии – это «систематизированные передовые знания, направленные на выпуск принципиально новых продуктов (технологических процессов), производство (использование) или реализация которых позволяет повысить конкурентоспособность и получить высокую добавленную стоимость» [9].

Отметим, что вопрос идентификации высоких технологий напрямую связан не только с уровнем научной новизны или технической сложности, но и с их универсальностью, многофункциональностью и способностью вызывать качественные сдвиги в производстве и обществе. Как видно из анализа определений, высокая технология – это не просто новая технология, а такая, которая обеспечивает принципиально новые возможности, оптимизирует соотношение затрат и результатов, а также становится катализатором дальнейших инноваций.

Фактор времени, определяющий новизну, действительно играет важную роль в определении технологии как «высокой». Однако он не является единственным и абсолютным критерием. Технология считается «высокой» до тех пор, пока она сохраняет статус передовой, наукоёмкой, сложной для массового воспроизводства и способной оказывать значительное влияние на развитие отрасли или общества в целом. А временные границы актуальности высокой технологии зависят от темпов научно-технического прогресса: как только технология становится широко распространённой, теряет уникальность и перестаёт быть драйвером инноваций, она утрачивает статус «высокой».

Таким образом, «высокая технология» выступает динамической категорией, определяемой не только временем, но и степенью научной новизны, уровнем наукоёмкости, влиянием на экономику и общество, а также способностью инициировать новые инновационные процессы. Временные рамки её актуальности размыты и зависят от скорости общего технологического развития, и по мере своего существования и применения технология переходит в разряд «базовых», уступая место новым «высоким» технологиям.

На сегодняшний день темпы развития сектора высоких технологий очевидно превышают темпы формирования теоретико-методологической базы для его определения и учета. Кроме того, при анализе и учете влияния высоких технологий на экономические микро- и макропоказатели существенным затруднением выступает значительная инфильтрация сектора высоких технологий в прочие секторы экономики. Компьютеризация и цифровизация, выступившие в последние десятилетние основными драйверами развития высоких технологий, фактически создали принципиально новые области человеческой деятельности, которые требуют дальнейшего изучения. Речь о таких направлениях как MedTech, EdTech, FinTech и т. д. Привычные области деятельности, вступая в симбиоз с результатами технологического развития, предлагают принципиально новые возможности для человека и в тоже время ставят перед ним новые вопросы с точки зрения их категоризации и прогнозирования дальнейшего развития.

В настоящее время при идентификации и анализе высокотехнологичного сектора применяют три подхода: секторальный (the sectoral approach), продуктовый (the product approach) и патентный (patents) [10], [11]. Кроме того, некоторыми специалистами выделяется также субъектный подход [12], [13], [14], который базируется на расчете ряда показателей идентификации высокотехнологичных предприятий: оценка уровня технологичности предприятия, уровень квалификации работников и т. д. Самым популярным является секторальный подход, который используют для классификации уровня технологичности как отраслей промышленности, так и сферы услуг. Он широко применяется в международной статистике и базируется на многолетнем практическом и научном опыте. В основе отнесения той или иной отрасли производства к высокотехнологичной лежит показатель отношения затрат на НИОКР к добавленной стоимости, для сферы услуг критерием выступает показатель доли лиц с высшим образованием. Согласно данному подходу осуществляется разделение отраслей промышленности и сферы услуг по уровню технологичности. Основным существенным минусом секторального подхода является сложность сопоставления показателей на макроуровне, поскольку в зависимости от страны в один и тот же блок могут входить различные виды деятельности, принятые в рамках конкретной страны. Также секторальный подход, в силу своей масштабности, является довольно категоричным, не позволяющим принимать во внимание все нюансы касательно отдельно рассматриваемого вида деятельности.

В Республике Беларусь классификация уровней технологичности промышленных видов экономической деятельности и классификация уровней наукоемкости видов экономической деятельности в сфере услуг гармонизирована с классификацией, разработанной Организацией экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) и Евростатом, и разработана на ее основе [15].

К отраслям промышленности высокого технологичного уровня в Республике Беларусь относят (в кодах Nace Rev.2) [15]:

1. высокотехнологичные:

– производство фармацевтических препаратов (21),

– производство компьютеров, электронной и оптической техники (26),

– производство летательных аппаратов, включая космические (30.3);

2. среднетехнологичные высокого уровня:

– производство химикатов и химических продуктов (20),

– производство оружия и боеприпасов (25.4),

– производство электрооборудования (27),

– производство машин и оборудования (28),

– производство транспортных средств и оборудования (29–30 (искл. 30.1 и 30.3)),

– производство медицинских и стоматологических инструментов и материалов (32.5).

К наукоемким высокотехнологичным услугам в Республике Беларусь относят (в кодах Nace Rev.2) [15]:

– услуги в области производства кинофильмов, видео- и телепрограмм (59),

– деятельность по созданию программ. Радио- и телевещание (60),

– телекоммуникации (61),

– компьютерное программирование, консультационные услуги и другие сопутствующие (62),

– информационное обслуживание (63),

– научные исследования и разработки (72).

Развитие высоких технологий играет важную роль в обеспечении устойчивого экономического роста и повышении конкурентоспособности национальных экономик. Современные информационные системы, передовые производственные процессы и инновационные решения становятся важнейшими факторами, определяющими успех страны на международной арене. Инновационная активность, выражающаяся в инвестициях в научные исследования и разработки (R&D), количестве патентов и научных публикаций, формирует основу для долгосрочного роста валового внутреннего продукта (ВВП). На рисунке 1 приведена диаграмма, отображающая первые десять стран мира с наиболее высокой долей высокотехнологичного производства и среднетехнологичного производства высокого уровня в валовом внутреннем продукте (ВВП). В диаграмме также приведен данный показатель для Республики Беларусь. В общем списке по итогу на 2021 г. Беларусь занимала 35 строчку среди стран мира.

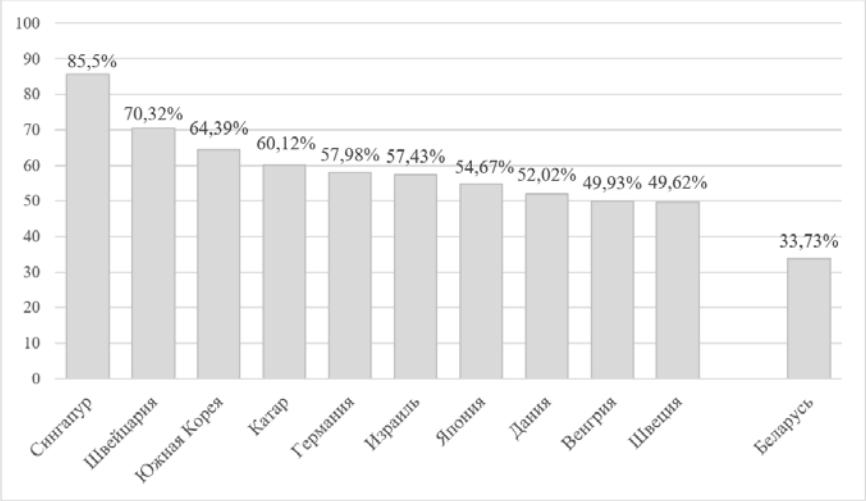

Рисунок 1 – Доля высокотехнологичного и среднетехнологичного высокого уровня производства в валовом внутреннем продукте (ВВП) по странам, 2021

Примечание: источник: собственная разработка на основе [16].

Как видно из рисунка 1 для стран с развитой экономической системой характерно наличие высокой доли высокотехнологичного производства в составе ВВП. Кроме того, некоторые исследования [17] указывают на существующую прямо пропорциональную связь между уровнем наукоемкости ВВП и величиной ВВП на душу населения. Чем выше показатель наукоемкости ВВП, тем соответственно выше ВВП на душу населения. Лидерами данного рейтинга выступают США, Швеция, Австрия, Дания.

Страны с развитой технологической инфраструктурой и обладающие высокими технологиями достигают более высоких темпов экономического роста благодаря экспорту имеющихся технологий [18]. Другими словами, экономический рост зависит от способности этих стран внедрять инновации и развивать технологии, а также от их потенциала экспортировать эти технологические инновации. На рисунке 2 представлены страны-крупнейшие экспортеры высокотехнологичных товаров (млрд долларов США).

В Республике Беларусь общий объем экспорта высокотехнологичных товаров составил 12,72 млрд долл. США, по результатам на 2021 г. При этом экспорт товаров высокого технологичного уровня ориентирован, в основном, на российский рынок, на него пришлось 46,4 % от общего объёма [16].

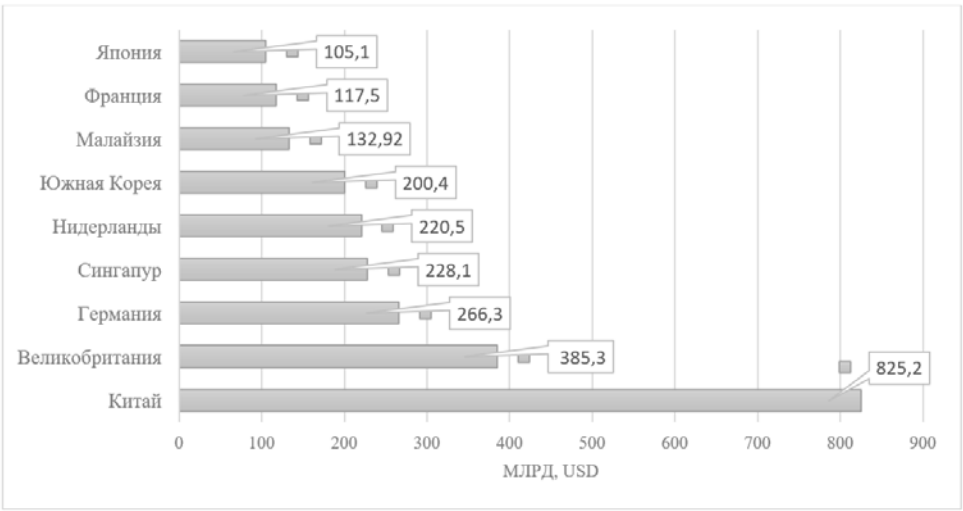

Рисунок 2 – Страны – крупнейшие экспортеры высокотехнологичных товаров (млрд. долларов США), 2024

Примечание: источник: собственная разработка на основе [19].

Развитию высоких технологий уделяется значительное внимание во всем мире, что выражается, в частности, в активном инвестировании в них как со стороны государства, так и со стороны бизнеса. Глобальные расходы на научные исследования и разработки (НИОКР) в ведущих технологических компаниях и отраслях ежегодно растут: например, в индустрии полупроводников средний темп роста затрат на исследования составляет около 5,5 % в год. Инвестиции в такие сферы, как искусственный интеллект, облачные технологии и кибербезопасность достигают десятков миллиардов долларов, что свидетельствует о стратегической важности развития высоких технологий для экономики и общества.

Главная причина такого внимания заключается в том, что развитие высоких технологий обеспечивает странам и компаниям конкурентные преимущества, способствует экономическому росту, повышает производительность труда и открывает новые рынки. Кроме того, инвестиции в передовые технологии создают перспективы для сверхвысокой доходности и устойчивого развития в долгосрочной перспективе. В таблице 1 приведен список стран мира в соответствии с последними наиболее крупными инвестициями (2024–2025 гг.) государственного сектора в развитие высоких технологий.

Таблица 1 – Размер инвестиций государственного сектора в высокие технологии по странам, 2024–2025 гг.

№	Страна	ВВП (трлн, $)	Инвестиции в технологии (млрд, $)	Важнейшее направление инвестирования
1	США	29	102	ИИ, разработка ПО, биотехнологии, аэрокосмическая промышленность
2	Германия	4,7	56	автомобильные технологии, промышленное оборудование, возобновляемые источники энергии, разработка ПО
3	Италия	2,2	55	робототехника, промышленное оборудование, автомобилестроение
4	Китай	18	52	ИИ, телекоммуникации, электронная коммерция, электроника
5	Япония	4	35	робототехника, автомобильные технологии, электроника, полупроводники
6	Великобритания	3,4	26	ФинТех, ИИ, МедТех, кибербезопасность
7	Франция	4	11	аэрокосмическая промышленность, ИИ, биоэнергетика
8	Канада	2,2	11	ИИ, квантовые вычисления, разработка ПО
9	Тайвань	0,76	6	полупроводники, электроника, вычислительное оборудование
10	Израиль	0,53	2,5	кибербезопасность, МедТех, сельскохозяйственные технологии, разработка ПО

Примечание: источник: собственная разработка на основе [20].

Основными областями технологического развития, исходя из указанных инвестиций, в мире являются искусственный интеллект (ИИ), робототехника, биотехнологии, электроника и аэрокосмическая промышленность.

Заключение. Понятие «высокие технологии» сформировалось на стыке научной мысли и практических потребностей общества, отражая динамику развития технического прогресса. Будучи изначально связанным с самыми передовыми отраслями экономического развития, термин «высокие технологии» и впоследствии также стал ассоциироваться с самыми современными, сложными и наукоемкими решениями, особенно в области электроники и вычислительной техники. Практически все исследователи при рассмотрении категории высоких технологий отмечают их динамическую природу и делают акцент на актуальности, сложности и способности данной группы технологий инициировать цепные инновационные процессы, а также влиять на общество в целом. На сегодняшний день высокие технологии играют важную роль в обеспечении экономического роста стран, напрямую участвуют в улучшении экономических макропоказателей, привлекая все больше инвестиций.

В Республике Беларусь в последние годы уделяется повышенное внимание поддержке и развитию сектора высоких технологий. Однако несмотря на имеющиеся успехи, в первую очередь в области IT-сектора, сохраняются и определенные вызовы, связанные с ограниченностью экспортных рынков, зависимостью от отдельных внешнеэкономических партнеров, уровнем развития внутренних инвестиционных программ. Принимая во внимание существующие глобальные тренды в области высоких технологий, а также очевидные перспективы данного сектора, вопрос дальнейшего теоретического и практического развития отдельных направлений в области высоких технологий для страны остается несомненным.

Литература

1. Atomic power for Europe // The New York Times. – 1958. – February 4. – P. 17.

2. High technology. – URL : https://www.merriam-webster.com/dictionary/high%20technology (date of access : 23.05.2025).

3. High technology. – URL : https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/high-technology?q=high+technology (date of access : 23.05.2025).

4. О реализации Закона Республики Беларусь от 6 января 2022 г. № 152-З «Об изменении Закона Республики Беларусь “О государственной инновационной политике и инновационной деятельности в Республике Беларусь”» : постановление Совета Министров Республики Беларусь от 1 июля 2022 г. № 435 // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения : 23.05.2025).

5. Экономическая энциклопедия / гл. ред. Л. И. Абалкин [и др.]. – М. : Экономика, 1999. – С. 97.

6. Жукова, Е. А. Высокие технологии: между наукой и чудом / Е. А. Жукова // Вестник Томского гос. пед. ун-та. – 2012. – № 5 (120). – С. 221.

7. Мартыненко, А. В. Высокие технологии и высшее образование / А. В. Мартыненко // Знание. Понимание. Умение. – 2006. – № 1. – С. 64.

8. Старжинский, В. П. Методология науки и инновационная деятельность : пособие для аспирантов, магистрантов и соискателей ученой степени кандидата наук технических и экономических специальностей / В. П. Старжинский, В. В. Цепкало. – М. : ИНФРА-М, 2013. – С. 32.

9. Салихова, Е. Б. Дефиниции высоких технологий или субъективный объективизм / Е. Б. Салихова // Инновации. – 2007. – № 8 (106). – С. 90.

10. High-technology and knowledge-intensive sectors. – URL : https://ec.europa.eu/eurostat/cache/metadata/en/htec_esms.htm (date of access : 22.05.2025).

11. Gorayeva, T. High-tech sector development in an economy in the context of digital transformation of the society / T. Gorayeva // EU’s Connectivity in Times of Eurasian Dynamics. – Potsdam, 2020. – P. 251–264.

12. Гораева, Т. Ю. Высокотехнологичный сектор экономики : состояние, тенденции, механизмы формирования и развития : монография / Т. Ю Гораева. – Гродно : ЮрСаПринт, 2020. – 250 с.

13. Гораева, Т. Ю. Генезис понятия «высокие технологии» и его роль в современной экономике / Т. Ю. Гораева // Экономическая серия вестника ЕНУ им. Л.Н. Гумилева. – 2021. – № 1. – С. 53–63.

14. Гораева, Т. Ю. Значение высоких технологий в развитии экономической системы / Т. Ю. Гораева // Тенденции экономического развития в XXI веке : матер. III Междунар. науч. конф., Минск, 1 марта 2021 г. – Минск : БГУ, 2021. – С. 609–612.

15. Методика по оценке уровня технологичности и наукоемкости экспорта товаров и услуг. – URL : https://gknt.gov.by/upload/pdf/2022/Методика_2022.pdf (дата обращения : 25.05.2025).

16. Высокотехнологичный и наукоемкий сектор национальной экономики : состояние и перспективы развития / под ред. С. В. Шлычкова. – Минск : ГУ «БелИСА», 2022. – 52 с.

17. Total manufacturing value added from high-tech. – URL : https://ourworldindata.org/grapher/total-manufacturing-value-added-from-high-tech (date of access : 28.05.2025).

18. Kabaklarlı, E. The determinants of high-technology exports : A panel data approach for selected OECD countries / E. Kabaklarlı, M. Duran, Y. Üçler // DIEM. – 2017. – Vol. 3, № 1. – P. 888–900.

19. High-tech exports. – URL : https://www.wipo.int/en/web/global-innovation-index/w/blogs/2025/high-tech-export-2025 (date of access : 29.05.2025).

20. The most technologically advanced countries. – URL : https://www.techopedia.com/most-technologically-advanced-countries (date of access : 30.05.2025).

Белорусский государственный университет

Поступила в редакцию 02.09.2025

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 2 (155), 2026

УДК 339.137.2:339.564:338.45:637.1 EDN: ZLGRCH

Оценка конкурентоспособности молочной продукции Республики Беларусь на внешних рынках

С.В. Соркин

В статье с помощью SWOT-анализа и пятифакторной модели М. Портера проведена оценка конкурентоспособности молочной продукции Республики Беларусь на внешних рынках. Выявлены сильные и слабые стороны, перспективные возможности и потенциальные угрозы, а также обоснована наиболее подходящая конкурентная стратегия. Дополнительно определены конкурентные преимущества ведущих экспортноориентированных предприятий молочной промышленности Беларуси и проведена оценка результативности и эффективности их внешнеэкономической деятельности.
Ключевые слова: конкурентоспособность, молочная продукция, внешняя торговля, Республика Беларусь, конкурентная стратегия, продовольственная безопасность, внешнеэкономическая деятельность.

The article uses SWOT analysis and M. Porter's five-factor model to evaluate the competitiveness of dairy products of the Republic of Belarus in foreign markets. Strengths and weaknesses, promising opportunities and potential threats have been identified, and the most appropriate competitive strategy has been substantiated. Additionally, the competitive advantages of the leading export-oriented enterprises of the dairy industry of Belarus have been identified and the productivity and efficiency of their foreign economic activities have been assessed.
Keywords: competitiveness, dairy products, foreign trade, Republic of Belarus, competitive strategy, food security, foreign economic activity.

Введение. В современных условиях глобализации и усиления конкуренции на мировых рынках ключевое значение для успешного осуществления ВЭД и завоевания новых рынков сбыта играет определение конкурентной стратегии и выявление конкурентных преимуществ. Данная проблематика видится особенно актуальной и значимой для Республики Беларусь, в отношении которой применяются меры санкционного давления, вынуждающие ее активизировать свои усилия по переориентации текущих торговых потоков и поиску новых рынков сбыта своей продукции.

В рамках данной статьи с помощью SWOT-анализа и пятифакторной модели М. Портера проведена оценка конкурентоспособности молочной продукции Беларуси на внешних рынках и определена наиболее подходящая конкурентная стратегия. Кроме того, выявлены конкурентные преимущества и проведена оценка эффективности ВЭД крупнейших экспортноориентированных предприятий молочной промышленности Республики Беларусь.

Основная часть. С целью оценки конкурентоспособности отрасли молочной промышленности Беларуси на внешних рынках была использована модифицированная версия SWOT-анализа с использованием матрицы анализа факторов внутренней (Internal Factor Analysis Summary) и внешней (External Factor Analysis Summary) среды [1]. Результаты анализа представлены в таблицах 1 и 2.

Таблица 1 – Анализ факторов влияния внутренней среды на внешнюю торговлю молочной продукцией в Республике Беларусь

Внутренние факторы	Весовой коэффициент	Оценка	Взвешенная оценка
Сильные стороны			
Устойчивый рост натуральных и стоимостных объемов экспорта всех видов молочной продукции	0,2	5	1
Широкая собственная сеть фирменных магазинов и товаропроводящих сетей наиболее крупных экспортеров за рубежом	0,05	4	0,2
Положительное внешнеторговое сальдо, что объясняется полной самообеспеченностью молочными продуктами	0,15	5	0,75
Наличие большого числа известных брендов	0,05	3	0,15
Высокий уровень лояльности потребителей на зарубежных рынках	0,05	3	0,15
Слабые стороны			
Высокая себестоимость экспортной продукции	0,15	3	0,45

Окончание таблицы 1

Низкий уровень географической диверсификации	0,20	3	0,6
Низкий удельный вес экологичной продукции	0,05	3	0,15
Неполное соответствие санитарным и гигиеническим требованиям ЕС	0,05	3	0,15
Нахождение вне ВТО	0,05	3	0,15
Итог	**1,0**		**3,75**

Источник: собственная разработка на основе [1].

Таблица 2 – Анализ факторов влияния внешней среды на внешнюю торговлю молочной продукцией в Республике Беларусь

Внешние факторы	Весовой коэффициент	Оценка	Взвешенная оценка
Возможности			
Вступление Беларуси в ВТО	0,05	2	0,1
Увеличение объемов экспортных поставок цельномолочной продукции и йогуртов на рынок стран Европейского союза	0,1	3	0,3
Создание за рубежом разветвленной товарно-сбытовой инфраструктуры	0,1	3	0,3
Повышение объемов внешней торговли молочной продукцией в рамках ЕАЭС	0,05	5	0,25
Увеличение объемов экспорта в страны Юго-Восточной Азии и Северной Африки	0,2	4	0,8
Угрозы			
Снижение мирового спроса на молочную продукцию из-за роста популярности товаров-заменителей	0,05	5	0,25
Снижение экспорта молочной продукции на рынок Европейского союза из-за несоответствия техническим регламентам	0,1	3	0,3
Ценовая неконкурентоспособность экспорта на перспективных рынках сбыта стран Юго-Восточной Азии и Северной Африки	0,15	4	0,6
Огромная экспортная зависимость от российского рынка сбыта	0,2	3	0,6
Итог	**1,0**		**3,5**

Источник: собственная разработка на основе [1].

Так, результаты проведенной оценки конкурентоспособности отрасли молочной промышленности Беларуси на внешних рынках позволили обосновать следующие выводы:

– сильными сторонами белорусской молочной промышленности и внешней торговли молочной продукцией являются устойчивый рост натуральных и стоимостных объемов экспорта всех видов молочной продукции и положительное внешнеторговое сальдо, в то время как самая большая слабость – низкий уровень географической диверсификации внешней торговли;

– наиболее перспективной возможностью является увеличение объемов экспорта в страны Юго-Восточной Азии и Северной Африки, а наиболее существенная угроза – ценовая неконкурентоспособность на данных рынках и сильная экспортная зависимость от России.

Определение наиболее подходящей конкурентной стратегии развития отрасли молочной промышленности Беларуси и возможных путей ее улучшения в целях укрепления позиций на действующих экспортных рынках и завоевания новых позиций на зарубежных рынках было проведено на основе пятифакторной модели М. Портера. Данная модель включает в себя конкурентный анализ по следующим критериям: угроза появления новых игроков, угроза появления заменителей, рыночная власть поставщиков, рыночная власть покупателей, уровень внутриотраслевой конкуренции [2].

Проведенный анализ показал, что для отрасли молочной промышленности Беларуси характерны низкий уровень угрозы со стороны товаров-заменителей, высокий уровень внутриотраслевой конкуренции, средний уровень угрозы входа новых игроков и ухода клиентов, низкий уровень влияния поставщиков. На основе полученных результатов обоснован вывод о том, что наиболее приемлемой конкурентной стратегией во внешней торговле молочной продукцией в Республике Беларусь является стратегия дифференциации, которая предполагает создание и экспорт уникального товара или услуги, совершенствование обычного стан-

дартизированного товара с целью продажи его на зарубежных рынках по более высокой цене и получение более высокой нормы прибыли. Выбор данной конкурентной стратегии объясняется наличием в Беларуси достаточно большого количества предприятий-экспортеров различных видов молочной продукции (около 10), высоким уровнем внутриотраслевой конкуренции и растущей тенденцией экологизации производства и потребления молочных продуктов. Кроме того, учитывая стабильно положительное внешнеторговое сальдо во внешней торговле молочной продукцией, полную самообеспеченность и наличие торговых излишков по данной товарной группе, видится целесообразным определить стратегию развития отрасли – обеспечение продовольственной безопасности на уровне региональной и мировой экономики.

Положительным фактором, способствующим применению стратегии дифференциации и обеспечению продовольственной безопасности, является то, что крупнейшие экспортноориентированные предприятия молочной промышленности Беларуси характеризуются высокими показателями эффективности внешнеэкономической деятельности. Об этом свидетельствуют результаты исследования эффективности экспортно-импортных операций трех крупнейших предприятий-лидеров молочной промышленности Республики Беларусь по их объёму за 2020–2024 гг. – ОАО «Савушкин продукт», ОАО «Бабушкина крынка», ОАО «Молочный мир».

Основными конкурентными преимуществами и факторами выбора данных предприятий являются:

1) широкий ассортимент экспортируемой продукции:

– ОАО «Савушкин продукт» экспортирует йогурты, масло, молоко, кефир, простоквашу, ряженку, сметану, сыры плавленые и твердые, творог и творожные десерты, молоко сухое [3];

– основными экспортными товарами ОАО «Бабушкина крынка» являются молоко и молочные напитки, молочные продукты для детского питания, кефир, ряженка, сметана, творог и творожные изделия, сырки глазированные, йогурты питьевые, сыры твердые, мягкие, плавленые, мороженое, масло, сухие молочные продукты [4];

– ОАО «Молочный мир» специализируется на производстве и экспорте молока, кефира и кисломолочных продуктов, сметаны, творога и творожных десертов, мороженого, масла, йогуртов, сыров твердых, полутвердых, рассольных, плавленых, сырков глазированных [5];

2) высокий удельный вес экспорта в объёме выпускаемой продукции и широкая география поставок:

– продукция ОАО «Савушкин продукт» экспортируется в более 20-ти стран мира. Среди них Россия, Казахстан, Азербайджан, Узбекистан, Украина, ОАЭ, Иордания, Сингапур, Южная Корея, Израиль и страны ЕС;

– рынками сбыта продукции ОАО «Бабушкина крынка» являются около 20 стран. Среди них Китай, Индия, Судан, ОАЭ, Турция, а также страны СНГ;

– ОАО «Молочный мир» экспортирует продукцию в 28 стран: Китай, Саудовская Аравия, Турция, Вьетнам, Сингапур и страны СНГ;

3) высокий уровень качества продукции, подтверждаемый международными сертификатами:

– ОАО «Савушкин продукт» имеет международные сертификаты FSSC 22000, Халяль, Кошер, ISO 45001, СТБ ISO9001-96;

– ОАО «Бабушкина Крынка» имеет международные сертификаты Халяль, FSSC 22000, СТБ ISO 22000-2020; СТБ ISO9001-2015;

– ОАО «Молочный мир» имеет международные сертификаты СТБ ISO 9001-2015, HACCP, FSSC 22000, Халяль, СТБ ISO14001.

Для оценки эффективности ВЭД выбранных предприятий была использована достаточно распространенная методика, предполагающая расчет трех блоков показателей: первый блок показателей характеризует начальный экономический результат; второй блок показателей характеризует экономический эффект (конечный результат в абсолютном исчислении); третий блок позволяет оценить экономическую эффективность (конечный результат в относительных величинах) [6]. Выбор данной методики обусловлен тем фактом, что в качестве исходных статистических данных для расчетов с большой долей точности и корректности могут послужить данные бухгалтерских балансов и отчётов о прибылях и убытках исследуемых предприятий, которые есть в открытом доступе.

Основными показателями первого блока являются коэффициент экспорта, доля экспорта в стоимости произведенной продукции и коэффициент корреляции динамики экспорта и производства продукции (характеризует соотношение темпов изменения экспорта и производства). Второй блок показателей включает расчет прибыли от экспорта продукции, коэффициента прибыли (характеризует динамику прибыли, полученной от экспорта продукции на внешних рынках) и долю прибыли от экспорта в общей прибыли предприятия. Результаты расчётов первого и второго блока показателей представлены в таблице 3.

Таблица 3 – Экономические результаты и показатели экономического эффекта экспортной деятельности ОАО «Молочный мир», ОАО «Савушкин продукт» и ОАО «Бабушкина крынка»

ОАО «Савушкин продукт»					
	2020	2021	2022	2023	2024
Объем пр-ва, тыс. руб.	1950821	2263377	3164859	3301705	3905301
Экспорт продукции, тыс. руб.	1170492,6	1195171,5	1740672,5	1881971,9	2265074,6
Доля экспорта в стоимости произведённой продукции, %	60	52	55	57	58
Коэффициент экспорта	1	1,02	1,46	1,08	1,20
Коэффициент корреляции	1	0,88	1,04	1,04	1,02
Прибыль от экспорта, тыс. руб.	333489,9	266730,7	495160,1	168459,0	272018,3
Доля прибыли от экспорта в валовой прибыли, %	78	56	55	22	25
ОАО «Бабушкина крынка»					
Объем пр-ва, тыс. руб.	613057	698149	842724	774840	952757
Экспорт продукции, тыс. руб.	416878,76	460778,34	573052,32	464904	533543,9
Доля экспорта в стоимости произведённой продукции, %	68	66	68	60	56
Коэффициент экспорта	1	1,11	1,24	0,81	1,15
Коэффициент корреляции	1	1,14	1,21	0,92	1,23
Прибыль от экспорта, тыс. руб.	24269,16	81580,64	106651,22	-6867,6	40699,7
Доля прибыли от экспорта в валовой прибыли, %	68	66	68	–	29
ОАО «Молочный мир»					
Объем пр-ва, тыс. руб.	603559	691436	932357	942475	1139375
Экспорт продукции, тыс. руб.	398348,94	470176,48	661973,47	612608,8	683625
Доля экспорта в стоимости произведённой продукции, %	66	68	71	65	60
Коэффициент экспорта	1	1,18	1,41	0,93	1,12
Коэффициент корреляции	1	1,03	1,04	0,92	0,92
Прибыль от экспорта, тыс. руб.	51431,14	69022,08	134184,27	61110,3	108067,8
Доля прибыли от экспорта в валовой прибыли, %	66	68	71	44	46

Источник: расчеты автора на основе [3]–[5].

Из данных таблицы 3 следует, что во все три предприятия имеют ярко выраженную экспортную направленность, о чем свидетельствуют высокие значения доли экспорта в стоимости произведенной продукции. Кроме того, наблюдается рост стоимостных объемов экспорта в динамике, о чем свидетельствуют значения коэффициента экспорта больше единицы (за исключением 2023 г. у ОАО «Молочный мир» и ОАО «Бабушкина Крынка»). Коэффициенты корреляции динамики экспорта и производства продукции близки к единице во всех исследуемых годах, что говорит о примерно равномерных темпах роста объемов производства и экспорта продукции. Наиболее проблемным для экспортной деятельности исследуемых предприятий можно назвать 2023 г., по итогам которого два из трех исследуемых предприятия (ОАО «Молочный мир» и ОАО «Бабушкина Крынка») имели значения коэффициентов экспорта и корреляции меньше единицы.

Наиболее важным и содержательным является третий этап расчетов, который позволяет оценить экономическую эффективность ВЭД, то есть конечный результат в относительных величинах путем расчета рентабельности экспортных затрат, характеризующую уровень

прибыли с рубля затрат на производство экспортной продукции и рентабельности экспортных продаж, характеризующую уровень прибыли, получаемой с рубля продаж экспортной продукции, а также расчет коэффициента эффективности экспортной деятельности, который представляет собой соотношение экспортной выручки и затрат на экспорт (таблица 4).

Таблица 4 – Результаты расчетов показателей экономической эффективности ВЭД ОАО «Савушкин продукт», ОАО «Бабушкина крынка» и ОАО «Молочный мир» в 2020–2024 гг.

ОАО «Савушкин продукт»					
	2020	2021	2022	2023	2024
Экспорт продукции, тыс. руб.	1170492,6	1195171,5	1740672,5	1881971,9	2265074,6
Затраты на экспорт, тыс. руб.	837002,7	928440,8	1245512,4	1713512,9	1993056,3
Прибыль от экспорта, тыс. руб.	333489,9	266730,7	495160,1	168459,0	272018,3
Рентабельность экспортных затрат, %	40	29	40	10	14
Рентабельность экспортных продаж, %	28	22	28	9	12
Коэффициент эффективности экспортной деятельности	1,40	1,29	1,40	1,10	1,14
ОАО «Бабушкина крынка»					
Экспорт продукции, тыс. руб.	416878,76	460778,34	573052,32	464904	533543,9
Затраты на экспорт, тыс. руб.	392609,6	379197,7	466401,1	471771,6	492844,2
Прибыль от экспорта, тыс. руб.	24269,16	81580,64	106651,22	-6867,6	40699,7
Рентабельность экспортных затрат, %	6	22	23	-1	8
Рентабельность экспортных продаж, %	6	18	19	-1	8
Коэффициент эффективности экспортной деятельности	1,06	1,22	1,23	0,99	1,08
ОАО «Молочный мир»					
Экспорт продукции, тыс. руб.	398348,94	470176,48	661973,47	612608,8	683625
Затраты на экспорт, тыс. руб.	346917,8	401154,4	527789,2	551498,5	575557,2
Прибыль от экспорта, тыс. руб.	51431,14	69022,08	134184,27	61110,3	108067,8
Рентабельность экспортных затрат, %	15	17	25	11	19
Рентабельность экспортных продаж, %	13	15	20	10	16
Коэффициент эффективности экспортной деятельности	1,15	1,17	1,25	1,11	1,19

Источник: расчеты автора на основе [3]–[5].

Результаты расчетов экономической эффективности ВЭД ОАО «Савушкин продукт», ОАО «Бабушкина крынка» и ОАО «Молочный мир» за период 2020–2024 гг. позволили обосновать следующие выводы:

– за исследуемый период не наблюдается резкого роста затрат на осуществление экспортной деятельности и снижения показателей рентабельности, что свидетельствует о практически полном отсутствии негативного эффекта от введения санкций;

– лидером по показателю прибыли от осуществления экспортной деятельности является ОАО «Савушкин продукт»;

– экспортная деятельность продолжает оставаться важным фактором формирования общей прибыли всех трех исследуемых предприятий, несмотря на значительное снижение доли прибыли от экспорта в общей прибыли;

– самые высокие показатели рентабельности наблюдаются у ОАО «Молочный мир», что свидетельствует о самом эффективном использовании ресурсов и высокой окупаемости расходов на реализацию экспортной продукции среди исследуемых предприятий;

– коэффициент эффективности экспортной деятельности у всех трех предприятий выше единицы, что говорит о превышении экспортной выручки над экспортными затратами и позволяет оценить экспортную деятельность как эффективную.

Заключение. Таким образом, проведенная оценка конкурентоспособности молочной продукции Республики Беларусь на внешних рынках позволила:

1) на основе проведенного SWOT-анализа выявить сильные и слабые стороны во внешней торговле молочной продукцией, а также определить перспективные возможности и потенциальные угрозы;

2) на основе пятифакторной модели М. Портера доказать, что наиболее приемлемой конкурентной стратегией во внешней торговле молочной продукцией в Республике Беларусь является стратегия дифференциации;

3) выявить конкурентные преимущества ведущих субъектов молочной промышленности Беларуси;

4) оценить результативность внешнеэкономической деятельности крупнейших экспортноориентированных предприятий молочной промышленности Беларуси и обосновать вывод об эффективности их экспортной деятельности.

Литература

1. Wheelen, T. L. Strategic management and business policy. Toward global sustainability / T. L. Wheelen, J. D. Hunger. – 13th edition. – Pearson, 2012. – 913 p.

2. Портер, М. Международная конкуренция : конкурентные преимущества стран / М. Портер. – М. : Альпина Паблишер, 2016. – 740 с.

3. ОАО «Савушкин продукт». – URL : https://ru.savushkin.com/ (дата обращения : 04.01.2026).

4. ОАО «Бабушкина крынка». – URL : https://babushkina.by/ (дата обращения : 04.01.2026).

5. ОАО «Молочный мир». – URL : https://milk.by/ (дата обращения : 04.01.2026).

6. Соркин, С. Л. Эффективность внешнеэкономической деятельности : понятие, измерение и оценка : моногр. / С. Л. Соркин. – Гродно : ГрГУ, 2011. – 130 с.

Белорусский государственный университет

Поступила в редакцию 05.01.2026

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 2 (155), 2026

Краткие сообщения

УДК 37.014:7.067:316.733(510) EDN: VOCVCO

Educational integration of Huizhou culture in arts and design: a model of connecting tradition and innovation

ZHANG YAN, E.E. KOSHMAN

This article explores pedagogical strategies for integrating Huizhou culture, its cultural identity, and innovation in student learning. It explores the unique base of traditional knowledge that can be used for innovation in art and design education. It identifies regional art forms that not only serve as sources of inspiration but also as essential tools for developing design methodology, emphasizing narrative, symbolism, and materiality. Drawing on Huizhou's rich architectural and visual traditions, it explores how these cultural elements can drive innovation while preserving cultural heritage in contemporary design practice.
Keywords: culture, Huizhou culture, educational integration, art, design, tradition, innovation, aesthetics, cultural heritage, regional identity.

В статье раскрываются педагогические стратегии интеграции культуры Хуэйчжоу, а также ее культурная идентичность и инновации в обучении студентов. Рассматривается уникальная база традиционных знаний, которые могут быть использованы для инноваций в образовательной области искусства и дизайна. Обосновываются региональные формы искусства, которые не только служат источниками вдохновения, но и важнейшими инструментами для разработки методологии дизайна и подчеркивают повествование, символизм и материальность. Опираясь на богатые архитектурные и визуальные традиции Хуэйчжоу, исследуется как эти культурные элементы могут стимулировать инновации, сохраняя при этом культурное наследие в современной практике дизайна.
Ключевые слова: культура, культура Хуэйчжоу, образовательная интеграция, искусство, дизайн, традиции, инновации, эстетика, культурное наследие, региональная идентичность.

Today it is becoming obvious that in the conditions of a multinational state, the most important stabilizing factor is national culture. It is the subject of interethnic communication, since each nation has an inalienable right to preserve and develop its national culture, on the one hand, as the main factor of its identity, on the other, as an organic part of universal culture, taking into account the preservation of balance between nations.

Objectively, this is the reality that should be considered as one of the most pressing problems of modern pedagogy, the system of upbringing and education. What should educational policy be at the federal and regional levels in these conditions? What areas of the education system are a priority today? The answer to these and many other questions implies a thorough revision of pedagogical orientation, the formulation, promotion and implementation of fundamentally new pedagogical principles.

This largely explains why educational policy at all levels is currently undergoing a significant renewal. In such a process, the principles on which the national-regional educational system is formed as a basic element of the federal educational space are of great importance. One of the effective means of solving this problem is the educational and upbringing potential of national cultures that carry values, traditions and orientations. Therefore, education as a social institution called upon to identify and realize this pedagogical potential has a special role in this complex and undoubtedly promising process.

The problem of forming the values of national culture as the most important component of the personality of students is inextricably linked with the formation of national self-awareness, which is the subject of research by psychologists (L.S. Vygotsky, I.S. Kon, A.N. Leontiev, R.A. Maksimov, V.S. Merlin, V.V. Stolin, I.N. Chesnokova and others), ethnographers (A.G. Agayev, Yu.V. Bromley, L.M. Drobizheva, V.I. Kozlov, G.V. Starovoytova, G.V. Shelepov and others), philosophers (A.I. Arnoldov, S.N. Artanovsky, E.A. Baller, N.A. Berdyaev, I.A. Ilyin, L.E. Kertman, N.O. Lossky,

E.S. Markaryan, E.V. Sokolov, V.S. Soloviev and others), in their works the values are hierarchized national culture and revealed the patterns of influence of national cultures on socio-cultural, political and economic processes in society.

But the process of forming the values of national culture as a cultural component of the personality of students requires a deep and comprehensive study of it not only from psychological and ethnocultural, but also from pedagogical positions; identifying the corresponding patterns and their subsequent use in the educational process.

At present, conceptual ideas of the theory of integration of general and professional, regional, national and religious education are substantiated from the position of a systems approach (V.S. Bezrukova, M.I. Makhmutov, R.Z. Bogoutdinova, E.P. Zhirkov, V.M. Filippov and others). A certain contribution to the theory of integration of culture and education was made by foreign researchers (V.A. Malinovsky, F. Merrill, V. Okon, A. Tanase and others).

Teacher K.D. Ushinsky highly valued the role of folk traditions and customs in the educational and upbringing activities of the school, and was one of the first Russian teachers to approach the problem of forming the values of national culture as a personal component of students. Such scholars as V.F. Afanasyev, G.N. Volkov, A.E. Izmailov, Z.G. Nigmatov, R.A. Nizamov, Ya.I. Khanbikov and others assign an important role in its formation to folk pedagogy. Research on folk pedagogy, conducted on a large source material, gives an idea of the multifaceted process of forming the values of national culture. Various aspects of humanistic, moral, and aesthetic education by means of culture are considered in the works of Yu.P. Azarov, Sh.A. Amonashvili, L.A. Volovich, R.A. Valeeva, B.T. Likhachev, G.V. Mukhametzyanova, T.V. Shurtakova and others.

The intersection of global design trends with regional cultural heritage has attracted scholarly attention in recent years, particularly as institutions in non-Western contexts seek to preserve cultural identity while simultaneously meeting international market demands. In this light, Huizhou culture, as a representative of traditional Han Chinese aesthetics, offers a compelling argument for exploring the integration of local cultural resources into art and design education. We explored the potential of Huizhou cultural heritage to inform and enrich art and design educational practices, as well as the pathway to innovation rooted in tradition. In doing so, our study makes a significant contribution to regional cultures that affirm their relevance in the globalized landscape of design education. The theoretical framework of the study was based on the concept of critical regionalism, which argues that the integration of local cultural elements into design practice can resist the homogenizing effects of global cultural flows [1]. This approach emphasizes the importance of context-specific knowledge and encourages the use of regional motifs, aesthetics, and materials to create designs that resonate within their cultural environment. In line with this framework, this study positions Huizhou culture as a valuable pedagogical resource that can enhance the design curriculum in higher education.

In the context of Chinese design education, where modernity often clashes with deeply rooted traditions, there is a need to balance global competitiveness with local relevance. The infusion of Huizhou architectural styles, visual motifs, and symbolic language into design education serves as a critical case to address this issue. From this perspective, Huizhou culture is not just a repository of aesthetic forms, but also an evolving cultural system capable of informing contemporary design.

Huizhou's artistic and architectural heritage, in particular its intricate carvings, ancestral halls, and residential structures, represent a rich source of pedagogical material. The Four Huizhou Carvings (carvings of brick, wood, stone and bamboo) and distinctive Huizhou calligraphy are symbols of a cultural tradition that has long valued craftsmanship and aesthetic refinement. In art and design education, these elements provide a foundation for developing both technical skills and a deeper understanding of cultural symbolism. Recent research has shown that regional art forms not only serve as sources of inspiration, but also as essential tools for developing design methodologies that emphasize narrative, symbolism, and materiality [2]. This is particularly true in Huizhou, where visual motifs such as dragons, phoenixes, and plum blossoms symbolize cultural values such as prosperity, sustainability, and harmony. Deeply rooted in local traditions, these motifs offer students a foundation for creating designs that resonate with both local and global audiences.

Successfully integrating Huizhou culture into art and design education requires the development of specific pedagogical strategies that meet the goals of cultivating creativity, cultural awareness, and technical proficiency. A project-based learning model in which students are tasked with developing

contemporary solutions based on traditional Huizhou motifs can effectively bridge the gap between theory and practice [3]. This approach encourages students to engage with cultural heritage not as a static history, but as a dynamic resource for innovation. For example, traditional Huizhou residential architecture, characterized by intricate woodwork and symbolic ornamentation, can inspire students to explore sustainable architectural designs that incorporate these elements into contemporary housing projects. Likewise, the use of Huizhou calligraphy in branding and graphic design projects allows students to develop a visual language that is both aesthetically appealing and culturally resonant [4].

Research in educational theory shows that students who engage with culturally relevant content demonstrate higher levels of motivation, creativity, and critical thinking. In the case of Huizhou culture, students who are familiar with the region's heritage are more likely to find personal meaning in their design projects, which can lead to a deeper exploration of both traditional and contemporary design practices. Not only does this interaction foster a sense of cultural pride, it also encourages students to develop projects that reflect their unique cultural context.

By incorporating Huizhou cultural elements into the curriculum, educators can develop a design ethos that emphasizes both local relevance and global adaptability. This approach is consistent with recent calls for educational innovations that integrate cultural sustainability with economic viability. Additionally, students trained in this way are better prepared to navigate the complexities of a global design marketplace where there is growing demand for culturally informed and contextually relevant design solutions.

In a global design economy that often privileges Western design paradigms, the inclusion of Huizhou culture in educational practices represents a form of cultural resistance and creative differentiation [5]. The distinctiveness of Huizhou's aesthetic traditions gives Chinese designers a competitive advantage in an increasingly saturated global marketplace. By incorporating traditional design motifs and principles into contemporary applications such as sustainable architecture, digital media, and consumer goods, graduates of such programs can carve out a niche for themselves as culturally informed innovators.

Moreover, this approach is in line with global trends towards sustainability and cultural heritage preservation, as seen in the work of scholars such as Papanek, who advocate for socially responsible and environmentally sustainable design practices. Huizhou culture, with its emphasis on craftsmanship, resourcefulness, and harmony with nature, provides fertile ground for the development of such practices in contemporary design education.

Thus, Educational Integration of Huizhou Culture in Art and Design represents a unique opportunity to bridge tradition and innovation. Drawing on critical regionalism and educational theories that emphasize cultural relevance, this approach fosters creativity, cultural identity, and technical skills. In doing so, it not only preserves cultural heritage but also equips students with the tools to navigate and innovate in the global design industry. As such, Huizhou's education model can serve as a model for other regions seeking to balance global competitiveness with cultural sustainability.

Reference

1. Banks, J. A. Cultural diversity and education : foundations, curriculum, and teaching / J. A. Banks // New York : Routledge, 2015. – 378 p.

2. Biggs, J. Teaching for quality in university learning / J. Biggs, K. Tan. – Maidenhead, UK : Open University Press, 2021. – 143 p.

3. Frampton, K. Towards a critical regionalism : Six points of the architecture of resistance / K. Frampton // Anti-aesthetics : Essays on Postmodern Culture. – 1983. – Vol. 16, № 3. – P. 35–46.

4. Kagan, S. Art and sustainability : Linking models for a culture of complexity / S. Kagan // Bielefeld, Germany : Transcript Verlag, 2021. – 368 p.

5. Papanek, V. Design for the real world : Human ecology and social change / V. Papanek // London, UK : Thames & Hudson, 2019. – 240 p.

[1]Мозырский государственный педагогический
университет имени И.П. Шамякина

[2]Гомельский государственный
университет имени Франциска Скорины

Поступила в редакцию 04.11.2025

Ответственный секретарь: *О.Г. Шляхтова*. Корректоры: *Е.Н. Федорова, И.А. Хорсун*

Подписано в печать 02.04.2026. Формат 60 × 84 1/8. Бумага офсетная.
Ризография. Усл. печ. л. 20,69. Уч.-изд. л. 18,02. Тираж 20 экз. Заказ № 187.
Цена свободная

Издатель и полиграфическое исполнение:
учреждение образования
«Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины».
Специальное разрешение (лицензия) № 02330 / 450 от 18.12.2013 г.
Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий в качестве:
издателя печатных изданий № 1/87 от 18.11.2013 г.;
распространителя печатных изданий № 3/1452 от 17.04.2017 г.
Ул. Советская, 104, 246028, Гомель.